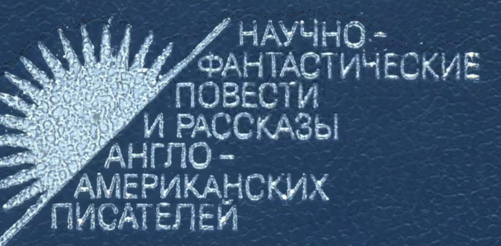

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

Политехника

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ленинград
"ПОЛИТЕХНИКА"
1991

ББК 84.7США
К57

Художник В. И. Коломейцев

Когда время сошло с ума / Сост. М. С. Нахмансон. –
К57 Л.: Политехника, 1991. – 415 с.: ил. (Научно-фантастические повести и рассказы англо-американских писателей).
ISBN 5-7325-0141-Х

Эту книгу представляют пять имен, пять патриархов современной американской научной фантастики. Их писательская судьба сложилась по-разному, неодинаково распределив между ними высшие регалии официального признания. Но время сравняло всех: все они являются Великими Мастерами, которых читатели удостоили высшего, гроссмейстерского балла.

Книга открывает многотомную серию англо-американской фантастики, намеченную к изданию издательством „Политехника".

К $\frac{4703040100-024}{045(01)-91}$ Без объявл. ББК 84.7США

ISBN 5-7325-0141-Х

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как правило, наибольшей популярностью у читателей зарубежной фантастики пользуются большие сборники, составленные целиком из произведений одного автора. Такой сборник обычно включает два-три романа или повести, а также ряд рассказов; иногда он состоит только из крупных произведений. За последнее десятилетие благодаря усилиям в основном издательства „Мир" отечественные читатели получили авторские сборники Саймака, Азимова, Бредбери; особенно повезло Станиславу Лему: его романы и циклы рассказов неоднократно издавались как в малой серии ЗФ „Мир", так и отдельными большими сборниками.

Сборник, составленный из произведений разных писателей, является полярной противоположностью авторскому. Он включает два-три десятка рассказов, которые либо следуют „общим списком", либо более или менее удачно рассортированы по разделам типа „путешествия во времени", „приключения в космосе", „люди и роботы" и т. д. Подобный сборник способен только разжечь аппетит читателя, особенно если он среди знакомых и полузнакомых имен встречает превосходный рассказ совершенно неведомого ему автора.

Конечно, с точки зрения знатоков и ценителей научной фантастики, наилучшим вариантом является собрание сочинений. Однако трудно предсказать, когда наши полки украсит двадцатитомник Айзека Азимова или хотя бы трехтомник „Избранного" Роберта Шекли; до той поры читателям придется довольствоваться сборниками — авторскими, тематическими или совершенно случайными подборками произведений.

Из сделанного выше сопоставления родилась идея настоящего издания, которое является своего рода промежуточной формой между сборником и собранием сочинений. Поскольку издание задумано как многотомное, в предисловии к первой книге уместно сообщить читателю, на каких принципах оно будет базироваться.

Во-первых, каждый том „Научно-фантастических повестей и рассказов англо-американских писателей" будет состоять из двух — шести разделов, в каждый из которых включаются произведения только одного автора. Эти разделы, если угодно, можно рассматривать как отдельные „мини-тома". Фактически, они и являются такими „мини-томами", так как будут составляться по материалам многочисленных брошюр и журналов, печатающих зарубежную фантастику. Например, данный том объединяет ряд выпусков „Соляриса", „Оверлайда" и других серийных брошюр, которые начали издаваться в Ленинграде с 1990 года.

Во-вторых, каждый раздел может включать либо один крупный роман, повесть, либо несколько небольших повестей и рассказов. Вполне возможно, что некоторые тома „НФ повестей и рассказов" будут похожи на книги-дублеты кишиневской серии „Икар" Азимов – Уэллс и Гаррисон – Шекли, т.е. будут состоять из крупных произведений двух авторов.

В-третьих, в „НФ повестях и рассказах" предполагается публиковать новые переводы произведений – как правило, вторые издания тех вещей, которые впервые вышли в свет в виде брошюр либо опубликованы в труднодоступных и малотиражных изданиях. Можем обещать читателям, что в этом отношении данные сборники будут существенно отличаться от упоминавшейся выше серии "Икар", которая базируется в основном на малой серии ЗФ „Мир", „Библиотека современной фантастики" и „Библиотека приключений".

В-четвертых, „НФ повести и рассказы" будут знакомить читателей как с произведениями известных в нашей стране авторов – Азимова, Хайнлайна, Андерсона, Саймака, Шекли и др. – так и с именами, которые мало известны любителям фантастики – это Филип Дик, Гордон Диксон, Харлан Эллисон, „Док" Смит, Роджер Желязны. При этом не исключены многократные обращения к творчеству одного и того же писателя; спустя два-три года для некоторых из них может быть составлено миниатюрное „собрание сочинений" из нескольких „мини-томов."

Наконец, в-пятых, что самое главное, все перечисленные выше принципы могут быть нарушены, если того потребуют интересы читателей, ибо составители и переводчики данного издания – тоже любители фантастики и намерены решительно действовать в ваших, уважаемые читатели, интересах. Это означает, что некоторые тома „НФ повестей и рассказов" могут содержать произведения одного автора либо оригинальные тематические подборки рассказов, а также прочие приятные неожиданности.

Закончив с кратким изложением принципов, положенных в основу новой многотомной серии ленинградского издательства „Политехника", обратимся к содержанию настоящего сборника.

Первое и наиболее крупное произведение сборника – повесть Дирка Уили и Фредерика Арнольда Каммера-младшего „Когда время сошло с ума" – вышла в свет в 1950 году. Хотя сюжет повести довольно традиционен для „темпоральной" фантастики, читатель, безусловно, оценит ее динамизм и занимательность. Что касается ее авторов, то их имена (совершенно неизвестные отечественным читателям) являются литературной мистификацией. Дирк Уили – псевдоним Д. Х. Докуайлера, но крайне сомнительно, что он имеет какое-либо отношение к данному произведению. Возможно, что Д. Х. Докуайлер – тоже псевдоним, под которым скрываются два автора – Фредерик Пол и Сирил Корнблат. Нельзя также утверждать, что в природе существует лицо, украшенное звучным именем Фредерик Арнольд Каммер-младший. Как считают зарубежные специалисты, повесть „Когда время сошло с ума" принадлежит перу Фредерика Пола, причем весьма вероятно, что для ее создания ему

не понадобился соавтор. Если это предположение верно, то Ф. Пол, большой любитель мистификаций, в данном случае не только обзавелся сразу двумя псевдонимами, но и позаимствовал один из них у своего коллеги Докуайлера (возможно, тоже мифической личности).

На русский язык переведен один из наиболее удачных романов Ф. Пола „Операция и Венера" („Торговцы Космосом", 1953 г.), написанный в соавторстве с Сирилом Корнблатом. Опубликовано также около десяти его рассказов; наиболее известные из них – „Туннель под миром", „Я – это другое дело". Поэтому представляется интересным перевод любого произведения Пола, расширяющий наши представления о творчестве этого известного американского писателя-фантаста.

Следующий автор сборника – Клиффорд Саймак – один из самых любимых нашими читателями американских фантастов. На русском языке выходили его романы „Город", „Заповедник гоблинов", „Все живое", „Пересадочная станция", Что может быть проще времени", „Почти как люди", „Кольцо вокруг солнца", „Принцип оборотня", ряд повестей и рассказов (в том числе наиболее известные „Детский сад", „Куш", „Прелесть", „Поколение, достигшее цели", „Необъятный двор", „Кимон", „Денежное дерево"). Можно надеяться, что в ближайшем времени будут опубликованы такие его крупные произведения, как „Мир – кладбище", „Проект „Папа", „Братство талисмана", „Зачарованное паломничество", „Кукла судьбы", „Планета Шекспира".

Саймак – единственный американский писатель-фантаст, творчество которого достаточно полно представлено в переводах на русский язык. Основанием для подобного утверждения помимо большого числа переведенных романов является и то, что среди них содержатся три лучших, три вершины творчества Саймака: „Город", „Пересадочная станция" и „Заповедник гоблинов". Если обратиться к Айзеку Азимову, произведения которого тоже интенсивно переводились на русский язык, то все же нельзя считать, что он нам известен с такой же полнотой, как и Саймак. Данное заключение относительно Азимова можно будет сделать только после выхода на русском языке его романов из сериала „Основание".

Небольшие повести „Упасть замертво" (1956 г.) и „Без собственной жизни" (1959 г.) написаны в типичной для Саймака „пасторальной" манере и полны мягкого юмора. Жизнеутверждающее начало вообще очень характерно для произведений Саймака, причем его не следует относить к традиционному „хэппи энду", принятому в коммерческой приключенческой литературе. Такова творческая манера Саймака; например, вряд ли можно считать, что повесть „Упасть замертво" кончается благополучно, однако ощущение трагедийности событий при ее чтении отсутствует.

Следует отметить, что вещи Саймака непросто переводить на русский язык – естественно, если речь идет о переводе, сохраняющем своеобразную манеру письма автора. Кроме того, Саймак – великий изобретатель новых, необычных и фантастических слов,

к которым нелегко подобрать полноценные русские эквиваленты. Так, необычные существа из повести „Без собственной жизни" названы у Саймака „хафлингами", т.е., дословно, „половинниками". Из текста повести можно понять, что, очевидно, наилучшим русским эквивалентом было бы слово „нежить"; однако в нашем языке это понятие уже „занято" и прочно ассоциируется с русалками, лешими и домовыми, к которым хафлинги не имеют никакого отношения. Поэтому в данном случае использовано другое наименование загадочных хафлингов – „граничники", т.е. существа, живущие на границе между мирами. Этот термин, возможно, более удачен, чем слово „тени", использованное в польском переводе повести.

Наиболее подробно – тремя повестями – в сборнике представлен, пожалуй, Альфред Элтон Ван Вогт. Для отечественных любителей фантастики этот писатель долгое время являлся, так сказать, „знакомым незнакомцем". Было хорошо известно, что Ван Вогт – один из крупнейших и прославленных писателей-фантастов США. Однако вещи его, кроме превосходного рассказа „Чудовище" („Искатель", 1965 г., №2) и еще пяти-шести рассказов, опубликованных в семидесятых-восьмидесятых годах, практически не переводились на русский язык и наши читатели долгое время не могли получить непосредственного впечатления о творчестве Ван Вогта. Издание в 1989 г. (за счет переводчика М. Гилинского) первого крупного произведения Ван Вогта – романа „Мир нуль-А" – стало событием. Трудно сказать, когда читатели смогут познакомиться с основными произведениями Ван Вогта (а их у него около полусотни), поэтому хотя бы перечислим их: трилогия „Мир нуль-А", „Игроки Нуль-А", „Нуль-А-три"; дилогия „Оружейники" и „Оружейные лавки Ишера"; дилогия „Атомные боги" и „Волшебник Линна"; отдельные романы – „Слэн", „Путешествие Космической Гончей", „Человек с тысячью лиц", „Крылатые люди", „Вопрос будущего", "Бесконечная война", „Миссия к звездам".

Ван Вогт является великим выдумщиком и специалистом по разработке необычных, парадоксальных сюжетов. Довольно часто он „обкатывал" новый сюжет в рассказе или небольшой повести, а затем разворачивал его в роман. Именно такая метаморфоза произошла в свое время с тремя повестями, представленными в настоящем сборнике. Повесть „Черный хищник" (другой вариант названия – „Черный убийца", 1939 г.) послужила основой для романа о приключениях экипажа корабля „Космическая Гончая". Повесть „Потеряно: пятьдесят солнц" (1952 г.) впоследствии развернута Ван Вогтом в роман „Миссия к звездам". А „Варвар" (1947 г.) был переработан в дилогию „Атомные боги" и „Волшебник Линна". Таким образом, читатели имеют, по крайней мере, теоретическую возможность встретиться с героями всех трех произведений и познакомиться с их приключениями более подробно.

Ван Вогта трудно переводить на русский язык, во-первых, потому, что еще не выработалась традиция его перевода (как в случае Саймака, Азимова, Шекли, Кларка), и, во-вторых, в силу специфической особенности его прозы. Весьма часто он пишет

в динамическом стиле газетного репортажа, краткими рублеными фразами, опуская описания окружающей обстановки, характеристику действующих лиц, не вдаваясь в какие-либо разъяснения по поводу социальной и технической специфики среды, в которой обитают герои. Его герои действуют – и действия их со временем дадут читателю всю необходимую информацию, разъяснят непонятные термины и ситуации, раскроют загадки... но, возможно, не до конца. Кое-что Ван Вогт словно приберегает для себя, памятуя, что рассказ может перерасти в роман, а роман может потребовать продолжения.

В силу указанных выше особенностей, переводчика, работающего с текстом Ван Вогта, снедает искушение „дописать" его, заполнить лакуны собственными пояснениями и изложить вещь на русском языке „гладко". Но это уже будет не Ван Вогт; подобный вольный пересказ неизбежно покажется вялым по сравнению с оригинальным текстом. К сожалению, подобная попытка переложить текст Ван Вогта на русский язык своими словами уже осуществлена – имеется в виду повесть „Ультиматум" („Потеряно: пятьдесят солнц"), вышедшая в 1990 г. в сборнике с аналогичным названием.

Естественно, первый сборник новой серии зарубежной НФ нельзя считать укомплектованным, если в нем будут отсутствовать произведения Айзека Азимова. Отечественные читатели уже достаточно хорошо знакомы с фантастическими мирами, созданными воображением Азимова, и могут легко заметить те зияющие пустоты, которые не дают возможности составить полного представления о его творчестве (одна из них – сериал „Основание" – уже упоминалась выше). Так, вполне закономерен вопрос, насколько полно переведен на русский язык огромный цикл рассказов Азимова о роботах? Существует ли их систематика? Все ли рассказы посвящены позитронным роботам?

В 1983 г. в издательстве „Графтон Букз" вышел наиболее полный сборник рассказов Азимова о роботах, около семисот страниц текста – более тридцати произведений. Из них на русском языке не публиковалось более половины, причем подавляющая часть этих рассказов создана после 1973 г. и пока недоступна для перевода. Однако все же имеется возможность несколько дополнить сборник ЗФ „Три закона роботехники". В книге „Графтон Букз" рассказы систематизированы по следующим разделам:

1. Нечеловекоподобные роботы – три рассказа, из которых один – „Когда-нибудь" (1956 г.) – включен в настоящий сборник, два рассказа на русский не переводились.

2. Стационарные роботы (компьютеры) – три рассказа, написанных в 1975–1977 гг., не переводились.

3. Металлические роботы – семь рассказов, три из которых уже переведены на русский („Робот ЭЛ-76 попадает не туда", „Непреднамеренная победа" и „Робби"), а четвертый – „Сторонник сегрегации" (1967 г.) – включен в настоящий сборник.

4. Человекоподобные роботы — три рассказа, один из которых переведен на русский („Зеркальное отражение").

5. Позитронные роботы, серия о Пауэлле и Доноване — четыре рассказа, переведены все.

6. Позитронные роботы, серия о Сьюзен Кэлвин — десять рассказов, из которых шесть переведены на русский („Лжец", „Раб корректуры", „Как потерялся робот", „Выход из положения", „Улики", „Женская интуиция", а два — „Лэнни" (1957 г.) и „Риск" (1955 г.) — включены в настоящий сборник.

7. Кульминация — последний раздел, в который включены два рассказа 1974 и 1976 г., на русский не переводились.

Таким образом, раздел сборника с перечисленными выше рассказами существенно дополняет наши представления об азимовских роботах; в частности, в цикле о Сьюзен Кэлвин теперь переведены все доступные на сегодняшний день произведения. Можно с уверенностью предсказать, что в последующих сборниках „НФ повестей и рассказов" читатель еще не раз встретится с „микротомами" Айзека Азимова.

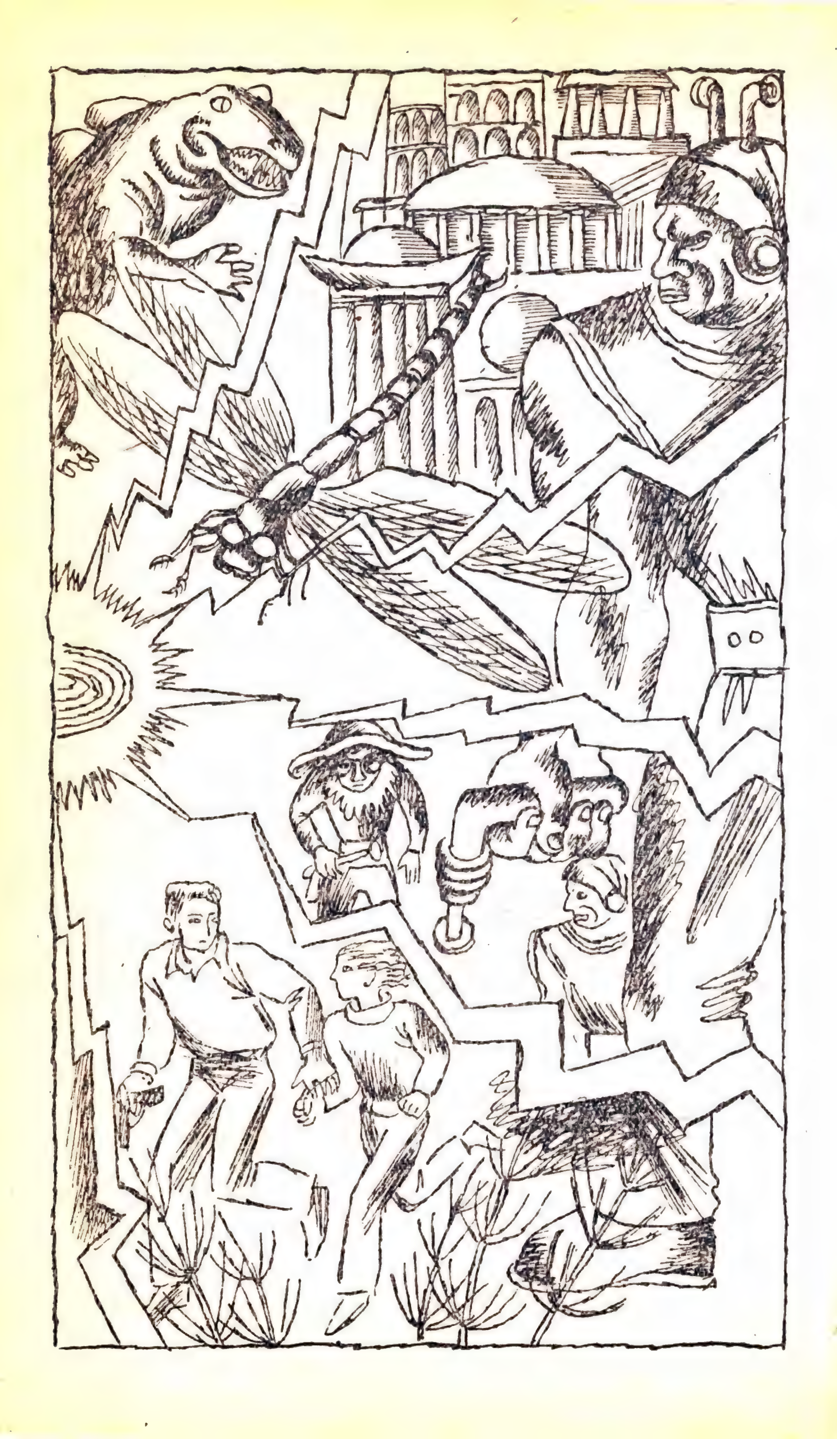
Книга завершается разделом, включающим четыре рассказа Мюррея Лейнстера — писателя, столь же именитого и столь же малоизвестного советским читателям, как и Ван Вогт. Его перу принадлежат сотни рассказов и десятки романов, одно перечисление которых значительно бы увеличило объем данного предисловия; поэтому укажем только названия двух наиболее известных циклов его произведений: „Медицинская служба" и „Колониальное Управление". К последнему циклу принадлежат два его великолепных рассказа, публиковавшиеся на русском — „Исследовательский отряд" и „Критическая разница". Всего же переведено семь-восемь его рассказов, разбросанных по различным сборникам и журналам. С выходом в свет первого тома „НФ повестей и рассказов" можно смело утверждать, что отечественным любителям фантастики доступно более десятка произведений Лейнстера. Конечно это — очень скромная цифра, поэтому к Лейнстеру придется вернуться еще не один раз. Включенные в сборник рассказы написаны в 1945–1955 гг.

Итак, пять имен, пять патриархов современной американской НФ. Старших из них — Лейнстера (1896–1975 гг.) и Саймака (1904–1988 гг.) — уже нет с нами; младшие — Ван Вогт (1912 г.), Пол (1919 г.) и Азимов (1920 г.) — несмотря на преклонный возраст — продолжают работать. Их писательская судьба сложилась по-разному, неодинаково распределив между ними высшие регалии официального признания. Произведения Саймака и Азимова неоднократно отмечались премиями „Хьюго" и „Небьюла", не был обойден и Фредерик Пол. Лейнстер только один раз получил „Хьюго" — в 1956 г. за рассказ „Исследовательский отряд"; Ван Вогт не был награжден ни разу. Однако время сравняло всех; все они являются Великими Мастерами, которых читатели удостоили высшего, гроссмейстерского балла.

Михаил Нахмансон

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Дирк
УИЛИ,
Фредерик
А. КАММЕР-младший

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

БЛИЗНЕЦ ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ

– Я очень долго искал тебя, – произнес незнакомец.

Уэбб Хилдрет, закрыв за собой дверь, шагнул к креслу, опустился в него, настороженно глядя на человека, прячущегося в полумраке. Уэбб потянулся было к выключателю, но незнакомец взмахом руки остановил его, попросив:

– Не надо яркого света.

– Как вы сюда попали? – поинтересовался Уэбб.

– По крайней мере, не через дверь, – ответил незнакомец и сделал забавный жест указательным пальцем, словно пожал плечами. – Это устройство... называется „замок"? Так вот, замок для меня не преграда. Я просто очутился здесь. Ты отсутствовал. Я ждал.

Хилдрет растерянно потер подбородок. Хоть он и был раза в два крупнее, чем этот человек в нелепой одежде, его не покидало беспокойство. Он ежедневно по нескольку раз входил в свою квартиру, но впервые за дверью прятался некто, да еще одетый, как завсегдатай бермудского пляжа: атласные шорты, безрукавка и все остальное, как принято. Хилдрет с сожалением вспомнил, что трофейный люгер спрятан в спальне...

– Меня зовут Рон Дайнин.

– Я не знаком с человеком по имени Рон Дайнин, – отчеканил Уэбб Хилдрет. – Что вам нужно?

Дайнин улыбнулся, повторив забавное движение пальцем.

– Просто очень хотел встретиться с тобой.

– О'кей. Вот он – я. Что дальше?

– Разреши присесть? – вежливо попросил Рон Дайнин, вздохнув и оглядев комнату. – Я очень устал.

– Присесть? Ради бога. Вот кресло-качалка, у стены – табурет, – ответил Уэбб, постепенно осваиваясь в необычной ситуации. Он даже достал трубку и набил ее крепким дешевым табаком.

Дайнин кивнул и взобрался на табурет. Уэбб, наблюдая за незваным гостем, только теперь понял, что тот мал ростом.

– Именно таким я тебя и представлял, – сказал Дайнин и по-отечески улыбнулся Хилдрету.

– Меня? – переспросил Уэбб.

– Ну, конечно, тебя, – ответил Дайнин, продолжая радостно улыбаться, – странная одежда, грубоватая речь. Но главное – сходство. Оно куда сильнее, чем можно было надеяться.

– Послушайте! – возмутился Уэбб. – Во-первых, эта странная одежда обошлась мне в шестьдесят долларов. Во-вторых, о каком сходстве вы так настойчиво твердите?

– Ты все еще не заметил? – удивился Дайнин. – Ты плохо видишь в темноте, да? – Он задумался. – Ладно, можешь включить свет. Только, прошу, ненадолго.

Щелкнув выключателем, Уэбб взглянул на Рона Дайнина: глаза гостя были плотно зажмурены.

– Ну, и что за сходство? – настойчиво произнес Уэбб. – Все, что я вижу, эт . . . – он запнулся, изумленно вперившись в Рона Дайнина. – Боже милостивый! – воскликнул Хилдрет. – Да ведь мы похожи, как две капли воды!

– Свет . . . – взмолился Рон, прикрывая зажмуренные глаза ладонями, – свет . . .

Уэбб тут же выполнил просьбу, Дайнин вздохнул с облегчением:

– Жуткое ощущение, – пояснил он. – На таком свету я не был больше года, а тогда . . . тогда я был почти здоров.

– Вы хотите сказать, что свет вам противопоказан?

– Да, – ответил Дайнин. – У вас, кажется, это называют нокталопией – светобоязнью. У нас для этой болезни нет названия, просто – Недуг.

– Рассказывайте! – потребовал Уэбб. – Я должен знать все: от и до. Самое главное – почему вы так похожи на меня?

– Тебе не понять, – Рон Дайнин покачал головой, – пока.

– Ну, ладно, – нахмурился Уэбб. – Тогда скажите, откуда вы прибыли?

– Не „откуда", – улыбнулся Рон, – а из „когда". Ты находишься в Тысяча Девятьсот Сорок Девятом. А я прибыл из Три Тысячи Пятьдесят Четвертого. Возможная ошибка – плюс-минус год или два. Дело в том, что во время Великой Войны мы сбились с летоисчисления, поэтому . . .

– Черт с ним, с вашим летоисчислением, – грубо оборвал Уэбб.

– Конечно! Ведь я прибыл из года Три Тысячи Пять-

десят Четвертого. Да, в это трудно поверить, но это чистая правда. После того как мной овладел Недут, меня обязаны были подвергнуть эвтаназии. Но я не хотел умирать, я украл Хрони и . . . очутился здесь, у тебя. Я мечтал повидаться с тобой с тех пор, как узнал о твоем существовании.

– Надеюсь, вы не шутите? – воскликнул Хилдрет. – Хотя, какие тут могут быть шутки. Что такое Хрони?

– Машина, на которой я прибыл. Она в соседней комнате.

– Извините, – сказал Уэбб, резко срываясь с места, но в дверном проеме замер, как вкопанный: посреди его кухни возвышалась семифутовая „луковица", слабо светящаяся в полумраке.

– Машина времени? – спросил Уэбб, не решаясь переступить порог. Настоящая действующая машина времени?

– Да, – ответил Рон. – Мы называем ее Хрони.

Уэбб с искренним удивлением рассматривал устройство, которое в его крохотной, но хорошо знакомой кухне застыло огромной и столь же чужеродной луковицей-грушей, выращенной из таинственного опалесцирующего материала. Хилдрет тревожно воскликнул:

– Нужно убрать ее отсюда! Здание старое, а это штуковина, должно быть, весит с полтонны!

– О, нет! – возразил Дайнин и проскользнул в дверь мимо Уэбба. Он остановился около машины, поднял руку, положил ладонь на выступ в корпусе и легко опустил Хрони на пол.

Уэбб вытаращил глаза:

– Она плавает, – растерянно констатировал он, и спросил: – Это твердый гелий?

Теперь уже Дайнин с удивлением уставился на Уэбба.

– Так ты, выходит, знаешь о Хрони? Да, в нем есть твердый гелий. Из него сделаны катушки, чтобы уменьшить сопротивление. А легкий он из-за антигравитации.

– Антигравитация?

– Само собой, – в голосе Дайнина появились менторские нотки, – какая-то часть массы Хрони остается нескомпенсированной. Иначе, как его удерживать в поле земного тяготения при перемещениях во времени? Но, с другой стороны, нужно учитывать возможность ошибок при локализации в пространстве. Поэтому машина должна обладать максимальной маневренностью, чтобы не получить повреждения при столкновении с Землей. Это, в свою очередь, предполагает . . .

– Хватит, хватит! – взмолился Уэбб. – Я все равно не понимаю, о чем идет речь.

Дайнин опять пожал плечами по-своему – с помощью пальца.

– Хорошо, но я должен кое-что объяснить. Я – беглец, и прибыл к тебе за помощью.

– Беглец?

– Я не пригоден к дальнейшей жизни там, – сказал Дайнин после некоторого раздумья. – По крайней мере, так гласит закон моего времени. Кодекс предусматривает умерщвление тех, кто подвержен Недугу. Я всегда был неприспособлен к жизни. С самого детства меня от многого, – Дайнин говорил, тщательно подбирая слова, – оберегали. От работы, которая мне нравилась, от женитьбы, от всего, что я ХОТЕЛ делать. Я даже воспитывался в специальном заведении, – он взглянул на Хилдрета. – Понимаешь, Уэбб, я был своего рода живым анахронизмом. Во всяком случае, я больше похож на человека именно двадцатого столетия. Вот почему, сбежав, я направился сюда – к вам.

Уэбб постучал по молочно-белому грушевидному корпусу: раздался хрустально-чистый вибрирующий звук.

– В этой штуковине? – Хилдрет покачал головой. – Неужели в твоем времени не нашлось места, где можно укрыться? В какой-нибудь другой стране?

– В моем времени осталось только одно государство, Уэбб, – Дайнин рассмеялся. – Оно включает в себя весь мир. Иначе и быть не могло после Всеобщей войны – не было другого способа спасти планету. У нас одно правительство и оно правит миром. Меня найдут, где бы я ни прятался. Поэтому я вынужден был покинуть свое время. Я украл Хрони и отправился к тебе. Потому что ты – мой близнец.

– Двойник? – уточнил Уэбб Хилдрет. – Ты, наверное, имеешь в виду, что я твой пра-пра-прадедушка или что-то в этом роде?

– Нет. Двойниками являются наши разумы. Хотя и тела обладают определенными сходствами. Но это естественно, раз мы так похожи друг на друга. Я обследовал множество времен и обнаружил твой разум – двойник моего собственного. И направился к тебе. Не думаю, что они последуют за мной. В противном случае. . . – лицо Дайнина при этих словах стало серым и утомленным, – в противном случае, – повторил он, – я принес тебе гибель!

Хилдрет закашлялся и только тогда вспомнил, что его трубка давно потухла. Он зажег спичку, но тут же задул огонек: Дайнин вздрогнул, как от резкой боли, и отшатнулся.

– Какую еще гибель? – спросил Уэбб.

– Я уже сказал: я был приговорен к смертной казни, – ответил Дайнин. – А из-за того, что мы так похожи, из-за того, что строение наших разумов почти идентично, они заодно убьют и тебя. Конечно, я принял меры предосторожности, – торопливо добавил он и указал на машину времени. – Я включил интерференционное поле, оно затрудняет локализацию. Но обнаружить мой Хрони все-таки можно.

– Хватит объяснений, – произнес Уэбб и устало тряхнул головой. Подойдя к машине, он заглянул внутрь сквозь круглое отверстие и увидел уютную маленькую кабину, места в которой хватало как раз на двух человек ростом с Дайнина. Перед светящимся экраном располагались два кресла, обитые материалом, напоминающим кожу. На широких подлокотниках находилось множество кнопок и рычажков. Над экраном тревожно мигала красная лампочка.

– Эта лампочка что-то означает? – спросил Хилдрет.

Рон Дайнин подошел к машине, заглянул внутрь и застонал, как от боли.

– Это сканеры! – воскликнул Дайнин. – Они ищут нас, используя другой Хрони!

В кабине неожиданно раздался металлический звон, а на подлокотниках кресел одновременно замигало несколько разноцветных лампочек.

Дайнин чертыхнулся вполголоса.

– Назад, Уэбб! – скомандовал он. – Так и есть! Они пытаются сбить настройку вибратора!

Он обхватил Хилдрета за талию и потащил в сторону от машины с неожиданной для такого тощего на вид человека силой. Уэбб попятился, отступая в соседнюю комнату. И тут же бело-голубая вспышка наполнила кабину Хрони.

– Сгорел! – простонал Дайнин. – Они сожгли интерференционный вибратор! Теперь их не остановить!

– Пистолет... в спальне, – растерянно произнес Уэбб. – Я сейчас принесу его.

– Пистолет!? – истерично рассмеялся Дайнин. – Он не поможет! Лучше посмотри, Уэбб, во-он туда! – он указал пальцем в угол комнаты: по штукатурке побежали

трещины, образовав пролом в стене. Пролом наполнился густым сизым туманом, сквозь который мелькали сполохи света, разноцветные лучи. . . Туман сгущался все плотнее, приобретая некую форму, пока не вылепил из себя огромных размеров конструкцию: часть ее находилась в комнате Уэбба, часть – за проломом, в соседней квартире. Конструкция имела форму параллелепипеда высотой не менее десяти футов; по ее молочно-белой, как и у Хрони, светящейся поверхности змейками струились нити разноцветного пламени. В передней части корпуса образовалось отверстие: из него в комнату шагнули два существа, внешне напоминающие горилл-альбиносов. На их запястьях болтались жезлы.

– Усмирители! – в отчаянии крикнул Дайнин. Уэбб на мгновение растерялся, но лишь на мгновение.

– Держись, Рон! – воскликнул Уэбб, бросаясь в спальню. Для раздумий времени не оставалось, но пока он шарил в тумбочке, вытаскивая трофейный люгер, двое гориллоподобных набросились на оцепеневшего от страха Дайнина, повалили на пол и принялись обматывать его странными лентами, голубовато мерцающими в полумраке. Хилдрет следил за ними из спальни краем глаза. Но, как оказалось, за ним тоже наблюдали: вдруг он услышал электрическое потрескивание – на него стремительно летел светящийся шарик величиной с грецкий орех. Он взорвался в нескольких сантиметрах от одежды Уэбба, свалив его с ног электрическим разрядом. Какое-то время Хилдрет пролежал на полу оглушенный, ослепленный и неспособный двигаться. Выпавший из рук люгер валялся рядом. Два Усмирителя, кружащие над Дайнином, обернулись к нему с возгласами удивления. Уэбб оттянул затвор и дослал патрон в казенник люгера в тот самый момент, когда из машины вылетел второй шарик. Он быстро приближался к Хилдрету, но на полпути свернул и разрядился на металлический торшер.

Уэбб выругался и, перевернувшись на левый бок, выстрелил в отверстие: из машины донесся дикий вопль смертельно раненого существа. Крик смешался с металлическим скрежетом, а поверхность машины вновь окутали разноцветные сполохи, отверстие наполнилось резкой вспышкой, и. . . машина исчезла.

Но двое в черной форме остались. Уэбб вскочил и бросился на ближайшего, изо всех сил ударив его рукояткой пистолета в переносицу. Удар свалил гриллоподобного на пол, выведя его из игры, но и Уэбб выронил пистолет. Безоружный, он остался один на один со вторым горилло-

подобным. Рот противника скривился в садистской усмешке, он медленно поднял свой жезл и нацелил его прямо в живот Уэббу. На конце жезла угрожающе сверкнула линза, образовав очередной огненный шарик! Уэбб шарахнулся в сторону, уворачиваясь от заряда – сгустка электричества. Одновременно с выстрелом он ударил ребром ладони по сгибу локтя гриллоподобного, а еще через секунду Хилдрет, обхватив запястье врага, вывернул ему руку за спину и резко вверх, но она не сломалась, хотя гориллоподобный вскрикнул неожиданно тонким голосом и выронил жезл. Уэбб продолжал выкручивать руку, ожидая, что вот-вот послышится хруст, но противник оказался гибким, как резиновая кукла. Он легко вывернулся и потянулся к лицу Уэбба кривыми пальцами, но, не дотянувшись до глаз, расцарапал щеку. Рассвирепев, Уэбб стал наносить мощные расчетливые удары по массивной туше. Здоровяк с ревом отшатнулся. Продолжать схватку, соблюдая правила рукопашного боя, было немыслимо. Соперник Уэбба драться не умел, но и сдаваться, судя по всему, не собирался. Удары Хилдрета неизменно попадали в цель, но и противник с яростью молотил его по ребрам и все время норовил добраться пальцами до глаз. Уэбб начал задыхаться: сказывалось превосходство гориллоподобного в весе.

Пропустив сокрушительный удар в область сердца, Уэбб отлетел к стене, теряя сознание от боли. Тьма застилала глаза, но он не упускал из поля зрения грубое бесформенное лицо, не выражавшее никаких эмоций. И тут гориллоподобный допустил грубейшую ошибку, слишком близко подойдя к Уэббу, который, собрав остатки сил, пнул противника носком ботинка. Удар пришелся прямо в солнечное сплетение: согнувшись пополам, гориллоподобный издал протяжный булькающий звук и замертво рухнул на пол. Уэбб медленно поднялся, цепляясь за стену, и для верности пнул поверженного противника чуть ниже уха, чтобы тот провалялся без сознания как можно дольше.

Несколько раз глубоко вздохнув, он огляделся: люгер и оба жезла Усмирителей валялись на полу. Уэбб поднял оружие и, все еще пошатываясь, позвал Рона.

Дайнин тихо откликнулся: он лежал цел и невредим, но спеленутый так, что не мог пошевелить даже пальцем. Блестящие ленты, напоминающие металлические, не имели узлов; Уэбб осмотрел их внимательно, задумался.

– Потерпи, Рон, – выдавил он сквозь распухшие губы.

Войдя в кухню, Уэбб обогнул грушевидный корпус тревожно сигналящего Хрони и через минуту вернулся

к Рону, сжимая в руке массивные ножницы для резки металла. Но он не успел подсунуть их под ленты, стягивающие Рона, – с улицы донесся звук полицейской сирены. Заскрипели тормоза – под самыми окнами.

Глаза Рона расширились от страха:

– Это ваши . . . Усмирители? – напряженно спросил он.

– Да, – кивнул Уэбб. – Только мы называем их копами.

Приладив ножницы, он навалился на них всем телом. Металлические ленты хрустнули с электрическим треском, Рон зашевелил руками, разминая затекшие мышцы.

Ступеньки лестницы отчетливо заскрипели под тяжестью кованых сапог. Уэбб торопливо запихнул ножницы в карман.

– Хрони в состоянии взять двоих? – спросил он.

Рон кивнул, ожидая, что Уэбб займется путами на его ногах. Но Хилдрет, взвалив Рона на плечо, решительно произнес:

– В таком случае пора сматываться отсюда. Через минуту эти парни выломают дверь.

Хрони по-прежнему возвышался в центре кухни. Дайнин, лежа на плече Уэбба, дотянулся до корпуса машины, прижал к ней ладонь, и в боковой ее части появилось отверстие, достаточно широкое, чтобы внутрь мог забраться человек. Запихивая в отверстие Рона, Уэбб услышал, как полицейские переговариваются на лестничной площадке перед его квартирой. Тут же входная дверь слетела с петель, и в комнату ворвались копы в синих мундирах. Заползая в отверстие, он увидел их склонившимися над неподвижными телами Усмирителей. А потом – отверстие затянулось . . .

В ГЛУБЬ ВРЕМЕНИ

Шум и крики полицейских стихли, и небольшую кабину Хрони наполнила гнетущая тишина. Уэбб осторожно прикоснулся к внутренней обшивке, пытаясь нащупать зазор между люком и корпусом машины.

– Что ж, – через некоторое время сказал он. – Пора отправляться в путь.

Рон, не отрывая взгляда от экрана, сказал:

– Мы в безопасности. Они никогда не смогуть проникнуть внутрь Хрони. Лучше помоги высвободить мне ноги.

Уэбб вынул из кармана ножницы, недобрым словом помянув про себя тесноту кабины. Громко отдуваясь, он просунул ножницы под ленты, стягивающие лодыжки Рона,

и резко нажал – послышался характерный треск, посыпались искры.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Уэбб, поднимаясь. – Все в порядке. Включай свою машину!

Рон кивнул, пальцы его стремительно забегали по кнопкам на подлокотниках кресла. Сигнал тревоги отключился вместе с красными лампочками, а на центральном экране возник ярко-зеленый круг.

– Мы отправляемся в прошлое, – сказал он. – И чем дальше мы углубимся, тем труднее нас будет найти.

Опустившись в мягкое кресло рядом с креслом Рона, Уэбб попытался расслабиться, но измученные мышцы отозвались болью. Ощупав лицо, он с радостью убедился, что кости целы. „А впрочем, не впервой попадать в драки, – хмыкнул Уэбб. – Зато в машине времени сидеть не приходилось!"

Возбуждение разливалось по телу, тонизируя тем сильнее, чем плотнее он обживался в затемненной кабине Хрони.

Рон аккуратно вдавил ногой какую-то педаль – машина слабо завибрировала. Дайнин сжал тонкими пальцами рычаг, похожий на вопросительный знак, двинул вперед – вибрация сменилась сильной, но ровной тряской. Над центральным экраном располагался большой циферблат, похожий на спидометр, цифры на нем стремительно менялись. Затем Уэбб вернул взгляд на экран: на его матовой поверхности мелькали призрачные видения – силуэты зданий, которые то раскачивались из стороны в сторону, то вытягивались вверх, то расплющивались. Наконец экран опустел и это, наверное, означало, что они забрались далеко в прошлое, когда зданий не было и в помине. Уэбба отвлекли вспышки на втором экране, появлявшиеся в виде беспорядочно пульсирующих точек, а затем свечение как бы уходило вглубь, превращаясь в извилистую линию с утолщением в центре. Линия какое-то время дрожала на экране, но потом вновь рассыпалась на мерцающие точки. Каждому появлению линии на экране сопутствовал негромкий мелодичный звон.

– Что это? – спросил Уэбб, коснувшись плеча Рона.

Рон хмуро взглянул на дрожащую линию.

– Это те, кто охотятся на нас. Свечение детектора показывает, что другая машина времени пытается синхронизироваться с нами. А звонок срабатывает каждый раз, когда они оказываются рядом. – На лице его было написано отчаяние. – Они пытаются догнать нас во времени, пони-

маешь? Когда им удастся это, они обстреляют нас электрическими зарядами, чтобы вывести из строя механизм нашего Хрони. Как в тот раз, когда им удалось сжечь интерференционный вибратор. После этого наш Хрони остановится, и они отправят каждого из нас обратно в свое время, как животных, сбежавших из зоопарка.

Очередная линия, возникшая на экране, превратилась не просто в утолщение. Уэбб рассмотрел в нем расплывчатое изображение массивной машины Усмирителей, которое заполнило весь экран. Хрони качнулся так, что Уэбба отбросило к стенке кабины.

Преследователи проскочили совсем рядом.

– Уэбб, – донесся до Хилдрета голос Рона. – Как ты там?

– Вроде бы все в порядке, – отозвался Уэбб. – По крайней мере, так мне кажется.

– Тогда держись! Я хочу попробовать оторваться от них. Правда, это довольно опасно, но. . . – он вдруг рассмеялся, – но попасть им в руки опасно не менее.

Уэбб не заметил, какой маневр предпринял Рон, но поведение машины изменилось. Пол кабины ушел из-под ног, стремительно сдвинулся, как палуба глиссера, несущегося по волнам.

– Это собьет их с толку, – тихо усмехнулся Рон. – Мы начали двигаться скачкообразно. . . Конечно, могут полететь катушки, ведь я соединил провода напрямую. . . только, какое это имеет теперь значение?

Уэбб молчал. Ему многократно доводилось выслушивать подобные заверения буквально за миг до того, как начиналась вражеская артподготовка. Поэтому он целенаправленно изучил выступы на корпусе Хрони и вцепился в скобу, ожидая, что же произойдет дальше. Приближение беды он чувствовал подсознательно, и она надвигалась с ревом и грохотом огненного взрыва.

Машина преследователей, выпрыгнув из пустоты, оставила на экране след своей траектории. Кабину осветила очередная вспышка, и снова пол ушел из-под ног. . . Затем вспышки начали следовать одна за другой, молниями рассекая тесноту кабины. Хрони бросало из стороны в сторону, и. . . очередной заряд попал точно в них. Хрони бешено закрутился на месте, а из механизмов машины донесся пронзительный визг, как будто спятил звуковой генератор.

Все приборы моментально вышли из строя. Сверхпрочные стенки Хрони заходили ходуном, и корпус машины времени лопнул с треском рвущегося паруса. Входное от-

верстие распахнулось – Рон с Уэббом стали игрушками бушевавших снаружи слепых сил. Антигравитационное поле Хрони нейтрализовалось, и люди, словно апельсиновые косточки, выскользнувшие из пальцев гиганта, вылетели сквозь отверстие люка, направленное вверх. Их подбросило на добрую дюжину футов и швырнуло о землю.

От удара Уэбб потерял сознание.

Придя в себя, он затряс головой, разгоняя туман, и осмотрелся: неподалеку от него плясала какая-то фигура, освещенная солнцем. Покружившись на месте, она зашаталась и со стоном повалилась на землю.

Уэбб приподнялся на локте. В нескольких ярдах от него, накренившись, стоял Хрони. Края входного отверстия были искорежены, а корпус, обгоревший и почерневший, больше не светился. Воздух вокруг корпуса дрожал легкой дымкой: видимо, Хрони не израсходовал весь запас энергии.

– Уэбб!.. – долетел до Хилдрета голос Рона, наполненный болью.

Уэбб неуверенно поднялся. Оказалось, что их выбросило на лесную поляну, окруженную высокими деревьями. Ветер шумел в кронах, воздух был свеж и прохладен. Однако небо затягивалось тучами с пугающей быстротой.

Рон Дайнин лежал в траве, лицом вниз, зажимая глаза обеими ладонями, прячась от нестерпимого дневного света. Уэбб опустился на колени рядом с ним. Трава вокруг Рона была забрызгана кровью.

– Давай я тебе помогу, – ласково произнес Уэбб.

– Нет. Этому телу уже не поможешь, – ответил Дайнин с дрожью в голосе. – Оно полностью искалечено.

– Нет! – воскликнул Уэбб.

– Да! Поверь мне! – остановил его Дайнин и застонал от боли. – Но я не сожалею о нем. Недуг... он все равно убил бы меня через шесть месяцев... Это тело бесполезно. – Плечи Рона напряглись от непомерного усилия и он, перекатившись на бок, оперся спиной о пенек, конвульсивно закашлялся, все так же зажимая ладонями глаза.

– Я должен сказать тебе, Уэбб, кое-что важное, – проговорил он с трудом. – Помнишь, я упомянул о нашем сходстве? Мы похожи не только внешне, Уэбб. Близнецами являются наши разумы. Строение твоего мозга является точной копией моего. Мы церебральные близнецы. Я отыскал тебя потому, что очень нуждался в тебе. Теперь я могу все объяснить...

– Рон, пожалуйста, помолчи сейчас. Тебе нужен отдых. А как только ты наберешься сил...

– Нет, я уже никогда не наберусь сил. Послушай, Уэбб, Хрони еще работает, хотя и вышел из-под контроля. Он излучает интерференционное поле на полную мощность. Я не знаю, к чему это приведет, у меня нет большого опыта... Но я уверен, что на некоторое время мы избавлены от Усмирителей. По крайней мере, на время, достаточное, чтобы ты успел сделать то, о чем я тебя попрошу.

– Сделать?

– Да, Уэбб, – простонал Рон, глубоко вздохнул, но вскоре продолжил: – В моем времени меня называли „чувствительным”. Эта способность... Благодаря ей я нашел мозг, аналогичный моему, твой мозг... Мое тело умирает... Но если ты поможешь мне, я не погибну окончательно... Если впустишь меня...

– Впущу тебя? Ты имеешь в виду... – произнес Уэбб.

– Да, если впустишь меня в свой мозг. Наши разумы не просто похожи, они совершенно идентичны... Их сходство... – Дайнин говорил сбивчиво, торопясь объяснить. – Нет, к сожалению, в вашем языке не существует термина, определяющего это сходство. Но такое сходство означает, что я могу переселиться в твой мозг, если, конечно, ты впустишь меня... Понимаешь, в твоем мозгу способны сосуществовать два разума, два сознания одновременно... и они со временем сольются в единое целое. Твое сознание впитает мое, и ты станешь обладателем моих знаний и опыта. Конечно, слияние займет длительное время. Мозгу необходимо время, чтобы приспособиться к двум разумам, двум сознаниям, чтобы создать новые нервные связи. Но, в конце концов, это произойдет...

– Ты хочешь, чтобы я впустил тебя с свой мозг? – озадаченно пробормотал Уэбб.

– Да, Уэбб, пожалуйста. Но я смогу сделать это только с твоего согласия. И... я обещаю, что тело по-прежнему останется твоим. Ты не утратишь своей личности, своей – как она у вас называется? – духовности. Зато приобретешь часть моей.

Хилдрет кивнул, с состраданием глядя на измученного умирающего человека, и коснулся плеча Дайнина.

– Что нужно делать? – спросил он.

– Спасибо, Уэбб, – сказал Дайнин и закашлялся. По его пальцам, прижатым ко лбу, струйками потек пот. Немного успокоившись, он с усилием произнес:

– Тебе необходим какой-нибудь предмет, чтобы на нем сфокусировать взгляд. У тебя есть что-нибудь блестящее? Металлическая пряжка или нож?

– Лупа подойдет?

– Вполне, – голос Рона задрожал. – Всмотрись в нее, Уэбб. Найди сверкающую точку и сосредоточься на ней. Думай о ней. Думай о сверкающей точке.

Уэбб повертел лупу в руке, ловя отражение прячущегося солнца. В его ушах звучал слабый голос Дайнина, повторяющий: „Думай о свете, Уэбб. Думай о том, что вокруг не осталось ничего, кроме света. Только эта искорка света . . . "

Склонив голову набок, Уэбб поймал-таки солнечный блик – рука дрогнула, лучик подмигнул, но Уэбб продолжал смотреть. Голос Дайнина перешел в шепот, а потом стал почти не слышен . . . Уэбб не видел больше ни лупы, ни леса, ни умирающего рядом с ним человека, ничего . . . Лишь нарастающий шум ветра в листве деревьев, который постепенно усилился до рева бури, и понес его, как осенний листик, прочь из окружающего мира, в пустоту вселенской бездны.

Бестелесное „я" Уэбба сжалось в бездонной черноте: затерянное, удивленное, испуганное. Дружелюбный голос Рона, донесшийся прямо из пустоты, вернул Уэбба к жизни.

– Все в порядке, Уэбб! – воскликнул Дайнин.

– Где . . . где ты . . . мы? – судорожно спросил Хилдрет, озираясь.

В ответ – беззвучный смех. Как и предыдущий возглас, он не доносился из окружающего пространства, а возникал непосредственно в мозгу Уэбба.

– Мы здесь, – ответил Рон, его голос изменился, став серьезным и сильным. – Ты пытаешься поймать мысль, Уэбб, но это невозможно. Мое сердце, – произнес он, – перестало биться. Я должен поторапливаться. Я перехожу в тебя, Уэбб. Ты что-то почувствуешь при этом, но не противься: процедура перехода безопасна. К тому же, даю слово, ты не скоро обнаружишь мое присутствие. Но не забывай: я буду находиться в тебе. Итак, ты готов, Уэбб?

Хилдрет дал мысленное согласие, и его тут же наполнило ощущение приятного тепла, растекающегося по всему телу, возникло незнакомое прежде чувство двойственности, как будто два человека одновременно смотрятся в зеркало . . . Он беззвучно застонал от болезненного стремительного расширения собственного „я", разлетевшегося на отдельные атомы в самые дальние уголки Галактики . . . Уэбб ощутил первозданный холод космического пространства и, набирая скорость, полетел вниз, вниз, вниз . . .

Очнувшись, он открыл глаза и осмотрелся. Ничего не изменилось. Ветер по-прежнему шумел в кронах деревьев, по-прежнему гнал по небу облака... У его ног лежал Рон...

Рон Дайнин был мертв.

Уэбб тяжело поднялся. Вздохнув, он коснулся худого угловатого тела и побрел прочь.

Друзья и прежде умирали на его глазах, когда они продвигались от Нормандии к Рейну. Жизнь продолжалась только для живых...

Он устало взглянул на почерневший обожженный корпус Хрони. Марево над ним все уплотнялось, образуя мерцающее ядро. Уэбб не знал, чем вызвано его появление. Он даже не удивился: за два последних часа он столкнулся с таким количеством необъяснимых фактов, что еще один роли не играл.

Едва волоча ноги, он направился к машине; если Хрони не безвозвратно поврежден Усмирителями – он сможет доставить его домой. Порыв ураганного ветра налетел на Уэбба, швырнул в лицо гроздья холодных колючих капель, вызвав ощущение, будто он направляется в самый центр шторма. Уэбб, пригнувшись до земли, не мог сдвинуться с места. Мешал не только ветер: антигравитационная установка Хрони, вновь заработавшая, создавала поле, не подпуская его к машине. Хилдрет минуту-другую пытался тупо и безуспешно бороться с антигравитацией, но потом в его действиях возобладал здравый смысл: он остановился и сел на траву.

Хилдрет досадливо вздохнул: есть ли на свете силы, способные помочь ему преодолеть невидимый барьер? Наверное, есть, но они неизвестны ему – Уэббу Хилдрету.

Для того чтобы воспользоваться Хрони, его нужно, перво-наперво, вернуть на завод, отремонтировать и получить обратно, перебросив через бездну столетий.

Уэбб сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, долго и молча. За всю историю человечества никто не был более одинок, чем он. Лес, обступивший поляну, не имел ничего общего с Нью-Йорком, хотя Рон уверял, что Хрони движется лишь во времени, а не в пространстве. Но если Уэбба не окружают многочисленные небоскребы Нью-Йорка, то это однозначно свидетельствует, что он находится в эпохе, предшествовавшей их строительству.

Раздраженно обернувшись на Хрони, красующийся на расстоянии вытянутой руки, Уэбб вздохнул; Хрони так же недостижим для него, как самая далекая звезда. Вот если

отключить силовое поле... Нет, даже это его не спасет. Он методично прокручивал в уме все воспоминания, связанные с машиной времени: во-первых, ему не попасть внутрь Хрони; во-вторых, даже пробравшись в кабину, он не знает, как им управлять. И, в-третьих, если произойдет чудо и осуществятся первые два пункта, ему не вернуть к жизни искалеченные приборы и механизмы Хрони. Это – несомненно, как и то, что Уэббу Хилдрету легко выпутаться из этой передряги не удастся.

Ба! Он совсем забыл об Усмирителях! Рон говорил, что местонахождение машины определить... а еще он говорил, что таинственное силовое поле вокруг Хрони, если выйдет из-под контроля, представляет опасность... Что имел в виду Рон? Уэбб даже не догадывался, но предвидел – перспектива не из приятных.

Тягостные мысли о собственном будущем сменились воспоминаниями о смерти Рона Дайнина. Сон это был или явь: действительно ли имел место невероятный факт – слияние двух разумов?

Уэбб мысленно обратился к Рону:

„Рон! – взмолился Уэбб. – Рон! Если ты слышишь меня – отзовись!”

Но ответа не последовало...

Уэбб смутно припоминал наставления Рона, его слова, что никаких следов присутствия постороннего разума Хилдрет не заметит. По крайней мере, в первое время... Так и оказалось – одинокий человек по имени Уэбб сидел в незнакомом ему лесу, где только ветер гулял в кронах деревьев.

Одинокий? Нет! Уэбб ошибался: среди деревьев он различил неясные силуэты смуглых человеческих фигур, подбирающихся к поляне.

Уэбб закричал так громко, что заглушил шум ветра. Приветственно подняв над головой руки, он пошел навстречу людям, прячущимся за деревьями.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Из леса раздался ответный крик, и на поляну вышел меднокожий человек, остановившись на некотором расстоянии от Уэбба. Чуть позже его примеру последовали остальные туземцы, все – в заплатанных штанах до колен, с дротиками и короткими тяжелыми луками. С гортанными возгласами они приблизились к Уэббу и с нескрываемым интересом, как дети, принялись на него глазеть.

– Индейцы! – изумился Хилдрет. – Боже правый!

Впрочем, подумал он, все логично: в прошлом Америку населяли индейцы, а он, Уэбб, попал именно в прошлое. По крайней мере, с облегчением отметил он, его не занесло в эпоху неандертальцев или динозавров.

Меднокожий вождь подошел вплотную к Уэббу, окатив его потоком непонятных звуков.

Уэбб покачал головой, пожал плечами и спросил:

– Никто из вас не говорит по-английски?

Толпа ответила дружным ворчанием. Один из индейцев указал остальным на лицо Уэбба, покрытое двухдневной щетиной. Индейцы дружно загалдели, без признаков враждебности окружили его, стали ощупывать одежду, прикасаться пальцами к светлой коже и щетине Уэбба. Их наивные восторженные действия доказывали, что в радиусе многих сотен миль от этой поляны не было ни одного белого человека. Возможно, Уэбб Хилдрет стал первым бледнолицым, посетившим североамериканский континент. Роль первооткрывателя не обрадовала его, наоборот, с каждой минутой он все сильнее осознавал, в какую глубокую пучину времени забросила его судьба... И все же, в его нынешнем положении даже такая компания весьма кстати. Поэтому он решил представиться, используя язык жестов: подав знак вождю, он похлопал себя по груди, а затем как можно более выразительно махнул рукой в сторону мерцающего Хрони.

В ответ толпа завыла, отчего волосы на голове Уэбба встали дыбом.

„Боже мой, – подумал он, – что я наделал?"

Но оказалось, что не он явился причиной завываний. На поляну набежала тень. Он взглянул вверх вслед за индейцами и увидел... Над прогалиной, отливая серебристым металлом, кружил планер, почти срезая верхушки деревьев. Во время очередного поворота резкий порыв ветра задрал одно из крыльев вверх. Аппарат заплясал в воздухе, пилот отчаянно пытался выровнять его, но было поздно: потеряв высоту, планер врезался в деревья с подветренной стороны поляны.

Уэбб и так находился в угнетенном состоянии, а теперь его смятение удвоилось. Не успел он определиться во времени и убедиться, что это – Америка доколумбовой эпохи, как тут же появляется сверкающий летательный аппарат – доказательство технологической цивилизации – и сводит все его выводы на нет. От неожиданности проис-

шедшего он остолбенел и вытаращил глаза, наблюдая за катастрофой. Индейцы продолжали с воем разбегаться во все стороны.

К моменту, когда его ноги вновь обрели способность двигаться, последний из индейцев уже исчез в темных лесных зарослях. Мгновение спустя Уэбб, дико вскрикнув, на плохо повинующихся ногах побежал к планеру. Преодолев половину пути до места крушения, он услышал характерный свист, пронесшийся над головой, и за его спиной раздался взрыв. Машинально оценив и сопоставив звук с памятной минометной атакой в Сен-Ло, Уэбб профессионально подогнул колени, плашмя падая на землю, и постарался вжаться в нее как можно плотнее.

– Вот так встреча! – раздосадованно протянул он, вытаскивая из кармана люгер. Свист над его головой повторился, как и последующий взрыв. „Спокойно, Хилдрет, – прошептал он себе, – не попади под выстрел и постарайся взять этого парня живым".

Тяжело дыша, он осторожно полз сквозь густую траву, вскоре оказавшись в укрытии – под разлапистыми ветвями деревьев. Пригибаясь, он подкрался ближе... Остальное было делом техники – молниеносный бросок, и он прислонился спиной к искореженному корпусу планера, держа пистолет наготове.

– Брось оружие! – рявкнул Уэбб. – Выбрось и выходи с поднятыми руками!

Ответом послужило упорное молчание.

– Ну как знаешь! – выкрикнул Уэбб, нажимая на курок. Пуля насквозь пробила тонкую металлическую обшивку. – А ну-ка, выходи! – повторил он.

После непродолжительной паузы Уэбб расслышал короткое проклятие, и на землю, возле его ног, упал длинноствольный пистолет. Потом из-под обломков показалась голова и плечи пилота планера, Хилдрет осторожно приблизился к нему. Человек выбрался и стоял, сгорбившись, но когда повернулся к Уэббу лицом... Хилдрет от удивления разве что не подпрыгнул:

– Так ты девица! Да еще из тех, которые готовы пришить первого встречного! – воскликнул он. – По-английски говоришь?

Ее односложный ответ был уныл и тих, но понятен.

– Красноречиво! – усмехнулся Уэбб и добавил: – Обьясни мне, бога ради, с чего это тебе вздумалось палить в меня из своего „Бака Роджерса"?

Девушка уставилась на него, не поняв вопроса.

– А почему бы и нет? Ты ведь не из нашей шайки! И я бы шлепнула тебя, не будь там внутри все так искорежено – даже двигаться трудно, не то что целиться.

Хилдрет, заткнув пистолет за пояс, подошел к девушке вплотную. Она напряженно застыла на месте. Уэбб заговорил, стараясь наладить мирные отношения:

– Я не сделаю тебе ничего плохого. Наоборот, я так же, как и ты, дьявольски нуждаюсь в помощи . . . ого!

Она бросилась на него – в руке блеснуло лезвие ножа. Он ловко увернулся, перехватил и вывернул ей руку, повалив девушку на землю. Нож выпал из разжатых пальцев, и Уэбб придавил его ногой.

– Советую вести себя прилично! – рявкнул Уэбб. – Не то будет хуже. Захоти я расправиться с тобой, то сделал бы это без всяких разговоров.

Она молча поднялась с земли.

– А теперь послушай внимательно, – спокойно продолжал Уэбб. – Мне необходима помощь. Тебе, судя по всему, тоже. Поэтому не дергайся, а нормально объясни, почему ты должна убивать меня только из-за того, что я не из твоей шайки?

Девушка посмотрела на него с любопытством:

– Странный ты какой-то. Уж если не собираешься прикончить меня, то давай спрячемся от дождя.

Уэбб кивнул и распихал оружие по карманам: его арсенал, состоящий из двух жезлов и люгера, пополнился ножом и пистолетом.

– Заберемся в планер, – предложил он и первым полез в смятую кабину. Потом протянул руку девушке; свободного места под обломками планера практически не осталось, но устроились они достаточно удобно.

– Порядок! – улыбнулся Уэбб. – Теперь можно и поговорить.

Девушка безразлично пожала плечами, растирая ушибленную при падении руку. Вздохнув, она сказала:

– Я из банды Бруклинцев, мы обосновались за рекой . . . – девушка задумалась, – возможно, я одна уцелела. На нас устроили налет ребята из банды Врата Ада, но я успела смыться оттуда . . . не думаю, что это удалось еще кому-нибудь. С нашей шайкой покончено, как и со мной, видимо . . . Между прочим, меня зовут Мэг, хотя ни тебе , ни мне от этого не легче. Человек вне своей шайки на девять десятых мертвец.

Уэбб, порывшись в кармане, вытащил пачку сигарет и предложил Мэг. Она неуверенно взяла одну и стала удивленно рассматривать.

– Что это?

– Сигарета, – ответил Уэбб, – неужели не знаешь?

Он закурил, жадно затянулся и протянул зажженную сигарету девушке: она, скопировав его действия, неумело затянулась, тут же закашлялась, да так сильно, что едва не задохнулась. Лицо ее покраснело, из глаз потекли слезы. Отдышавшись, она испуганно отодвинулась от Уэбба, насколько позволила теснота кабины, подозрительно наблюдая за его действиями, особенно после того как он поднял упавшую сигарету и с нескрываемым удовольствием продолжал курить.

– Мне больше не хочется, – хрипло предупредила она. – Да, кстати, из какой ты банды? Что-то я раньше никогда не слышала о таких штуковинах. И пушки, как твоя, ни у кого не видела. Ты и впрямь странный какой-то!

– Разве так важно, откуда я, а, Мэг? – Уэбб печально усмехнулся.– Даже если я скажу, ты все равно не поверишь. Хотя я готов ответить на твой вопрос, если и ты скажешь, из какого ты года.

– Как это – из какого?! Из две тысячи двести пятидесятого, из какого же еще! – фыркнула Мэг.

Уэбб тяжело вздохнул:

– А вот я всего два часа назад находился в тысяча девятьсот сорок девятом. . . Неужели у вас в две тысячи двести пятидесятом еще водятся индейцы? Если судить по их внешнему виду, они относятся примерно к девятисотому году до нашей эры, плюс-минус пара сотен лет. Интересно, имеют ли они хоть какое-нибудь представление о летоисчислении?

Мэг неопределенно пожала плечами. Уэбб, бросив окурок, спросил:

– Ты можешь с уверенностью сказать, что эти места похожи на твои родные?

В это время останки корпуса планера заскрипели и угрожающе покачнулись. Мэг и Уэбб торопливо выбрались наружу, снова оказавшись под дождем.

Небо налилось свинцом, мощный раскат грома опустился на землю.

– Оглянись вокруг, Мэг, – повторил Уэбб. Вода текла с него ручьем. – Тебе знакомо это место?

– Нет! – девушка испуганно схватила его за руку. – Я пролетала над Старым Нью-Йорком, направляясь к долине Уолл-Стрит – а потом как-то сразу подо мной оказался лес. Но к западу отсюда находится город. Я успела

заметить его перед катастрофой, что тоже очень странно. Настоящий город! Такой, какими выглядели города перед большой Войной: с домами, вздымающимися к самым облакам и ничуть не разрушенными! Я никогда не видела ничего подобного, хотя прекрасно знаю весь район Нью-Йорка.

– Город? – Уэбб грубо схватил ее за плечи. – Мы немедленно идем туда! Возможно, там нам помогут. Скорее всего это Нью-Йорк.

Мэг высвободилась и отступила на шаг.

– Они убьют меня! Я знаю, что рано или поздно этого не миновать, но лезть самой прямо в петлю – благодарю покорно!

– Нет, нет, Мэг, они не станут убивать тебя, – рассмеялся Уэбб, его настроение значительно улучшилось. – Говорю тебе, что этому не бывать! Пошли вместе, а по пути я расскажу тебе, как живут у нас в Двадцатом веке.

Они стояли под прикрытием деревьев, пока ливень не поутих, и когда он превратился в мелкий моросящий дождик, они двинулись на запад. Уэбб шел впереди, Мэг устало плелась следом. Он изредка оборачивался, подбадривая девушку, и она, несмотря на усталость, неизменно улыбалась в ответ. Какая удача, подумал Уэбб, что рядом с ним оказалась, волею судьбы, эта девушка – сильная и мужественная. И одновременно привлекательная... Жаль, что нам не довелось встретиться раньше, при иных обстоятельствах. Тогда бы мы смогли легко и непринужденно поболтать... Задумавшись, Уэбб едва не рухнул с обрыва. Мэг, догнав его, встала рядом.

– Ну и как это тебе? – спросил он, кивком обозначив вопрос.

В шаге от них начинался обрыв, или разлом, явно вызванный недавним землетрясением. Совсем свежий, будто выкопанный ковшом огромного экскаватора. Земляная стена гигантской траншеи была влажной от дождя. Два толстенных дуба, росших на самом краю обрыва накренились, их длинные корни, как плети, болтались в воздухе.

За обрывом, плохо различимые за пеленой мелкого дождя, лежали непроходимые болота; над ними клубился пар.

– Выглядит так, словно болота только что здесь появились, – заметил Уэбб. – Интересно знать, откуда?

– Наверное, это ты притащил их с собой, – сказала Мэг. – Раньше я ничего подобного не видела.

Боже, ну и вонь . . . – Уэбб с отвращением скривился. Снизу поднимался смрад от гниющих растений. – Знаешь, – сказал он медленно, припоминая лекции, – если наш профессор геологии был прав, то именно так Земля выглядела в доисторические времена. Задолго до появления человека и млекопитающих . . .

– Что ты имеешь в виду? – спросила Мэг.

– Даже не хочется об этом думать, не то что говорить . . . – устало произнес Уэбб, но тут же, спохватившись, уточнил: – Во всяком случае, независимо от того, старое это болото или новое, оно преграждает нам путь. – Он внимательно посмотрел налево, потом направо и нахмурился. – Обрыву не видно конца-краю. Что скажешь, Мэг? Будем обходить болото или попробуем пересечь его?

– Не знаю, Уэбб, – сказала Мэг. – Нет никаких ориентиров . . . Боюсь, мы заблудимся. Стоит только сбиться с дороги в город . . .

– С дороги? – удивленно фыркнул Уэбб. – Что-то не верится, что в этой навозной яме можно заблудиться. – Он показал на болото: – Попробуем обойти его. В противном случае никто не помешает нам двинуть напрямик!

Уверенность, с которой он это произнес, убедила Мэг и она без колебаний согласилась.

– Хорошо, Уэбб, – сказала она.

К северу местность повышалась, и они пошли в том направлении. Справа стоял лес, слева лежали болота и трясины. Дождь почти прекратился, но воздух оставался тяжелым и влажным из-за болотных испарений.

Ну и болотище! Уэбб никогда в жизни не видел ничего подобного. Камень, который он бросил в трясину, пробил однообразно-зеленую ряску на поверхности, на мгновение открыв мертвенно-черную воду. Среди молчаливых деревьев, папоротника и неподвижной воды ничто не двигалось.

Именно деревья, растущие прямо на бесконечной трясине, навели Уэбба на раздумья. Он прищурился, рассматривая массивные стволы, достигавшие в высоту сотни футов и оканчивающиеся ажурными кронами. Потом перевел взгляд на гигантские пальмы с пучками длинных травянистых листьев на верхушке. Поверхность стволов покрывали чешуйки, отличающиеся от обычной древесной коры, а длинные узкие листья группировались пучками на концах веток.

А папоротники! Настоящие древовидные монстры! На фоне гигантских деревьев они напоминали карликов, хотя достигали в высоту не менее шестидесяти футов.

Уэбб покачал головой. Может это болото и американское, мрачно подумал он, но уж во всяком случае не из двадцатого столетия. Оно старше, по меньшей мере, на несколько миллионов лет. Скорее всего, это болото палеозоя, таинственным образом переброшенное на пятьдесят миллионов лет в будущее!

– Держись подальше от края, – предупредил Уэбб, повернувшись к девушке. – Черт его знает, какая тут глубина. Если свалишься, то выбраться едва ли удастся.

– За меня не беспокойся, – уверенно сказала Мэг и улыбнулась. Но в следующую секунду глаза ее расширились от ужаса и она закричала: – Уэбб! Сзади!

От деревьев, издавая, пронзительное жужжание, на них летело кошмарного вида существо с веретенообразным туловищем и крыльями, каждое фута по четыре. Оно стремительно приближалось, жужжание все страшнее напоминало рокот работающего двигателя бронемашины. А само существо – жутких размеров стрекозу. Над солнечными прудами в окрестностях Нью-Йорка Уэббу раньше не приходилось видеть стрекоз, способных запросто убить человека.

Хилдрет потянулся за люгером, но чудовище уже было в нескольких метрах от него. Мэг ничком бросилась на землю, монстр пролетел над самой ее головой, а Уэбб, чудом увернувшись, подхватил с земли увесистый сук. Гигантская стрекоза пролетела мимо, открыв пасть с мощными челюстями и множеством острых зубов. Челюсти лязгнули, к счастью, впустую, схватив лишь влажный воздух. Скрежет зубов и клацанье челюстей как бы говорили, что этот промах – всего лишь разминка перед обедом. Зависнув в воздухе, стрекоза развернулась на месте и с жужжанием ринулась обратно, нацелившись на лежащую девушку. Уэбб бросился на помощь Мэг, вращая дубиной над головой и крича, как индеец. Чудовище, изменив курс, свернуло в сторону, и Уэбб перехватил сук в правую руку. Гигантская стрекоза повторила атаку. Уэбб размахнулся и отчаянно ударил, попав в брюхо летящей твари. Стрекоза боком завалилась в кусты, злобно стрекоча и молотя крыльями. Уэбб подскочил к ней и, вложив в удар все силы, размозжил ей голову. Жужжание прекратилось, но крылья чудовища еще продолжали подергиваться.

Уэбб в изнеможении оперся на дубину: лес перед его глазами поплыл... Услышав за спиной шорох, он резко обернулся.

– Мэг!.. – с облегчением вздохнул он, подошел к девушке и помог подняться с земли. – Ты в порядке?

Она исподлобья взглянула на него и принялась отряхиваться.

– В общем-то да, – сказала она. – Если не считать того, что чуть не померла со страху. С таким же успехом ты мог бы задушить ее голыми руками, а не размахивать своей дурацкой дубиной.

– Я, видно, просто забыл о пистолете, – рассмеялся Уэбб. – Но все-таки прикончил ее!

– Хорошо, что я не подвернулась тебе под руку! – улыбнулась Мэг. – Кстати, у этой твари могут быть родственники. Так что, если не боишься, отдай мой пистолет. С ним я чувствую себя намного спокойнее.

– Ну, конечно, почему бы и нет, – без колебаний ответил Уэбб и расплылся в улыбке. – Вот только отдышусь.

Он удобно устроился, привалившись к стволу поваленного дерева, а Мэг оседлала валун, поросший мхом.

Вытащив из кармана небольшой реактивный пистолет, он внимательно изучил его: не принимая в расчет слишком длинный ствол, он был сработан изящно и безупречно, как часовой механизм. Даже магазин с патронами размером не превышал фаланги пальца.

– Уэбб... – позвала Мэг. Голос ее натянулся, как струна.

Хидрет задрал голову и увидел в небе то, что не предполагал увидеть, хотя приготовился к любым неожиданностям. Над их головами, с грохотом сотни курьерских поездов, рассекая горы серых туч и водопады дождя, летел бескрылый – ревущий и свистящий – остроконечный предмет, за которым тянулся хвост пламени. Ракетный корабль! И двигался он по направлению к городу!

ГОРОД ЖИВОГО УЖАСА

Уэбб долго стоял и смотрел в хмурое небо, забыв обо всем, даже о девушке. Не обращая внимания на дождь, льющийся на его запрокинутое лицо, он прошептал:

– Какой корабль! О боже, какой корабль!

На таком корабле, – подумал он, – можно долететь до Луны. Возможно, люди будущего так и делают...

Когда холод подобрался к самым костям, Уэбб, стуча зубами, повернулся к Мэг, но ее не было.

– Мэг, где ты? – негромко позвал он. Кусты раздвинулись, из-за них появилась насквозь промокшая девушка.

— Зачем ты залезла туда? — спросил Уэбб.

— Ракета. . . — сказала Мэг, напряжение в ее голосе все объясняло. Уэбб прищурился, продолжая сжимать в руках ее пистолет, растерянно протянул его девушке.

— Спрячь, — сказал он и спросил: — Почему ты боишься ракет?

Мэг молча взяла пистолет и сунула в небольшую кобуру.

— До сегодняшнего дня я видела ракеты всего два раза, — сказала она. — Старики в нашей шайке рассказывали, что эти ракеты — последние на свете. Первая прилетала, когда я была еще совсем маленькой. Тогда почти всю шайку перебили, уцелевшие попрятались в лесу, а ракета улетела. Еще через несколько лет прилетела вторая ракета. Была бомбежка, обстрел. Но экипаж, как мне показалось, не умел управлять ею, и мы подбили ее. С тех пор я больше не видела ракет.

— Ракета, которую мы видели сейчас, не боевая, — сказал Уэбб.

— Какая же еще? — недоверчиво спросила Мэг. — Люди из той ракеты, которую мы подбили, вернее те, кто остался жив после ее падения, говорили не по-нашему. Но они были настоящими воинами. В этом мы убедились: нам пришлось перебить их всех до единого. Сражались они насмерть.

— Во всяком случае, — сказал Уэбб, — эта ракета направлялась в город. Возможно, ребята, летевшие в ней, носят такую же форму, как и те, которые бомбили вас. Возможно, что и говорят они непонятно. Но все равно, они представители единственной цивилизации, которая нам известна. Так что, придется идти прежним путем. Если что меня и настораживает. . . — эта ракета не относится ни к моему, ни к твоему времени. Несомненно, что индейцы ее построить тоже не могли! — Уэбб вздохнул. — Какой из всего этого следует вывод?

Мэг пожала плечами.

— А вывод следует вот какой, — сказал Уэбб. — Сдается мне, что-то непонятное произошло со временем. Что именно — я сказать не могу, но нарушение совершенно очевидно. Мы столкнулись уже с четырьмя разными эпохами, вернее, пятью, — если приплюсовать страшилище, которое десять минут назад накинулось на нас, да еще эти забавные деревца.

— Что-то я не понимаю, о чем идет речь, — сказала Мэг.

— Ты слово в слово повторила мой недавний ответ Рону Дайнину, — усмехнулся Уэбб. — Я считал бессмысли-

цей то, что он втолковывал мне, а тебе не меньшей бессмыслицей кажутся мои нынешние рассуждения... – Хилдрет задумался. – Рон тогда еще сказал, что с машиной времени связаны своеобразные эффекты. То ли излучения какого-то поля, то ли еще... что-то похожее... Кажется...

Мэг доверчиво посмотрела на Хилдрета, уверенная, что он обязательно во всем разберется, найдет ответ.

– Нет, не помню, – сказал Уэбб, встряхивая головой. – Я думаю, мы выясним это в городе. Ты готова идти?

Девушка восприняла его предложение без оптимизма, но промолчала. Вынув пистолет, она проверила, заряжен ли он, и сунула обратно в кобуру. Подозрительно косясь на болото, из которого налетело на них давешнее чудище, она двинулась вслед за Уэббом, осторожно продвигающимся по краю обрыва.

К тому времени, как они обогнули влажное палеозойское болото, уже стемнело. Теперь их отделяла от города только гряда невысоких пологих холмов. Взобравшись на один из них, они увидели город, расстилавшийся в долине, и прячущийся в наступивших сумерках. В свете молний, рассекавших туман, который навис над городом, Уэбб рассмотрел очертания колонн, возносившихся к небу, зданий, достигавших в высоту не менее мили и соединенных меж собой тонкой паутиной переходов. Таких городов Уэббу Хилдрету в жизни своей видеть не приходилось. Это был город из иного мира или из сказочного сна. Не отрывая взгляда от волшебных строений, Мэг опустилась на землю. Она устало откинула со лба волосы, намокшие от дождя и прилипшие к щекам тонкими прядями.

– Ты думаешь, нам смогут помочь, Уэбб? – спросила она.

– Стоит рискнуть, – ответил он. – Если б еще знать, к кому обратиться. – Он провел ладонью по небритому подбородку и брезгливо посмотрел на налипшую грязь. – Нам не мешает умыться, прежде чем лезть с вопросами к местным жителям. Уверен, они нам помогут. Кто, кроме ангелов, способен построить такой город?

Приведя себя в порядок, они начали медленно спускаться с холма, спотыкаясь на каждом шагу. Дождь прекратился, но тучи надежно закрывали луну.

Минут через десять они наткнулись на дорогу необычной вогнутой формы, как будто широкую трубу разрезали по длине на две равные половины и вдавили их в землю. Прямой, как стрела, путь этот вел в город, нигде не сворачивая и не разветвляясь.

Они быстро шли по ровному пружинящему покрытию, готовые в случае опасности броситься под защиту деревьев, росших по обочине. Уэбб с удивлением размышлял о назначении дороги и о том, какой транспорт мог по ней двигаться.

В течение всего пути они не услышали ни единого звука, кроме отдаленного щебета ночной птицы. И вошли в город неожиданно для себя: громады высотных зданий окружили их. Одноэтажных предместий, к которым Уэбб привык в своем времени, здесь не было. Город был мрачен, как могила. И так же тих.

Темные махины зданий, различимые только потому, что были темнее окружающей ночи, возвышались вокруг. В зловещей тьме они казались бесформенными и уходящими в самые небеса. Каблуки Уэбба застучали по мостовой, а отчетливый звук его шагов эхом отражался от стен. Он остановился, прошептал: „Мэг. . . " Девушка прижалась к Уэббу, и он почувствовал, что она дрожит.

– Иди рядом, – сказал он. – Держись за меня и не отставай, а то как бы чего не случилось.

– Хорошо, – прошептала она. – Уэбб!

– Что?

– Мне кажется, что за нами кто-то крадется.

Он прислушался: тишина, если не считать неясных отдаленных шорохов.

– Нет, – сказал он, уловив эхо ее вздоха.

– Наверное, показалось, – сказала она, но прижалась к нему еще плотнее. Они прошли уже с четверть мили, ничего не видя и не слыша. Уэбб Хилдрет чувствовал, как внутри нарастает напряжение. И тут же услышал звук – кто-то приближался. Или что-то. Оно двигалось, забавно посапывая. В руке Уэбба мгновенно оказался люгер. Прижавшись к стене, он нащупал другой рукой каменное углубление и шагнул в нишу, втащив за собой девушку. Внутри ниши было абсолютно темно. Пыхтение, став громче и отчетливее, проследовало мимо них. Уэбб разглядел горбатые очертания крупной черепахообразной туши, быстро продвигающейся по улице. Вполне возможно, это была машина, но Уэбб сомневался, что машина может издавать этакое гнусавое пыхтение. Уэбб хмыкнул в темноте и повернулся к девушке.

Но она исчезла. . .

– Мэг? – негромко позвал он, вытягивая руку. – Мэг! – от приступа дикого ужаса перехватило дыхание, он лихорадочно принялся искать девушку, натыкаясь только на холодные шершавые стены.

На улице раздались неясные звуки, но Уэбб не обратил на них внимания.

– Мэг! – орал он в полный голос и молотил кулаками по стене, надеясь, что под его ударами распахнется потайная дверь, поглотившая девушку. Когда приступ бешенства прошел, он повернулся лицом к улице. Звуки приблизились и оказались хорошо различимыми голосами – негромкими, опасливыми, но понятными.

– Эй, справа – дверь, кто-то там есть!

– Да, один. Посвети-ка на него. Если не горожанин – стреляй!

Уэбб не стал ждать выстрела. Ощутив прикосновение тепла, он удивился, но, вспомнив об инфракрасных прицелах, с которыми столкнулся на войне в своем времени, решил действовать. Почувствовав, как тепло медленно движется по его лицу и рукам, поспешил выбраться из ниши. За его спиной послышался изумленный вопль. Уэбб стремглав понесся по улице. Хлопок электрического разряда пронзил темноту и ударил в стену рядом с ним. Из дыры в стене проступили раскаленные куски арматуры, расплавленный металл брызгами ошпарил тело Уэбба.

Тьма снова сомкнулась вокруг, еще более непроницаемая после мгновенной вспышки света, которая высветила боковой проход. Уэбб метнулся туда. Наклонив голову, сжавшись в ожидании следующего выстрела, возможно смертельного, он побежал вверх по бесконечному спиральному подъему. С обеих сторон его теснили каменные стены, а Уэбб все бежал и бежал. Ноги от усталости налились свинцом, но подъем все продолжался. Голоса преследователей раздавались совсем близко, от их выстрелов его защищали повороты каменных стен... Когда дорога вывела его на ровное, открытое пространство, он упал от неожиданности, но тут же вскочил и бросился бежать.

На этот раз удача покинула его... За спиной раздались крики, очередной разряд ударил рядом с ним. Он покачнулся от взрывной волны, капля расплавленного камня вонзилась в ногу, и Уэбб повалился на землю.

Мостовая расступилась под ним, он начал лихорадочно шарить руками, ища за что бы ухватиться. Какую-то долю секунды слабеющие пальцы держали его...

– Какого дьявола! – подумал Уэбб Хилдрет, а потом пальцы разжались и он полетел в черную бездну.

Уэбб лежал под куполом зловеще-багрового неба. Ему мучительно хотелось пить. Тело жгло огнем, а сознание

колыхалось на волнах кроваво-красного тумана. С пылающих небес к нему протянулся кривой уродливый палец, изучающе потыкал в грудь, а писклявый голос посоветовал:

– Пошарь-ка в карманах, Тэм. Не бойся, он мертвее мертвецкого.

Бредовые видения Уэбба лопнули мыльным пузырем. Застонав, он открыл глаза. Над ним, разинув рот, склонился гном. Удивление, отчетливо читавшееся на его лице, скрывало глупость его жадных маленьких глаз.

– Воды! – прохрипел Уэбб.

Гном отшатнулся.

– Да он живехонек, Кроннер, – обвиняюще, дрожащим голосом промолвил гном.

Сморщенное лицо второго тролля мелькнуло перед затуманенным взором Уэбба. Еще одна пара глаз вперилась в него.

– Дак ты навроде живехонький? – подозрительно спросил второй.

– Пожалуйста, воды, – прошептал Уэбб. – Помогите мне.

– От уж нет! – скрипуче заголосили гномы и в страхе отшатнулись. – Ты, видать, трог. Ты нам сделаешь нехорошо, – и они умчались с мышиным шуршанием.

Уэбб тяжело откашлялся. Цвет неба был невыносим. Зато солнце виделось наяву. Уэбб обратил внимание, что лежит под трехметровым обрывом, и безуспешно попытался прикинуть, сколько времени он здесь провалялся.

Он огляделся в поисках двух маленьких оборванцев, но их уже и след простыл. Возможно, они ему приснились. . . Он беспомощно поскреб землю пальцами и понял, что лежит на прохладной траве.

Глаза слипались, возвращался сон, но тут он услышал уже знакомые шаги: тролли. А с ними шел еще кто-то, ступающий мощнее и увереннее. На лицо Уэбба упала тень. Он повернул голову.

В поле его зрения попали ноги в форменных ботинках. Мягкий, но невыразительный голос произнес:

– Ты довольно живуч, а, трог?

Уэбб оторвал взгляд от ботинок и посмотрел вверх: над ним возвышался человек в военной форме, подпоясанный ремнем, на котором болталась фляжка. Уэбб впился в него глазами, облизнул губы.

– Воды! – хрипло попросил он.

Издалека донеслись визгливые голоса троллей.

– Он уже просил воды, – наперебой запищали они, обращаясь к человеку в форме. – Когда мы прихватили его, он тоже просил воды, вот как сейчас.

– Хочет пить,– сказал высокий и рассмеялся. Опустившись на колени возле Уэбба, он приподнял ему голову и поднес фляжку к губам. Вода была тепловатая, но вкусная. Уэбб жадно пил до тех пор, пока человек не сказал: – Полегче, полегче, трог! Так ты убьешь себя. Оставь это дело нам!

Тролли визгливо захихикали в знак одобрения.

– Это уж точно, солдатик, мы уж об этом позаботимся.

– Мы, значит, позаботимся? – негромко произнес высокий. – Ах, вы крысы кладбищенские, пожиратели падали! А ну, валите отсюда, пока не напустил на вас этого трога!

Тролли в ужасе зачирикали что-то невразумительное и, как по мановению ока, с шуршанием исчезли. Высокий снова рассмеялся.

– Вот сброд! Ну ничего, когда-нибудь, в один прекрасный день, мы очистим от них город.

Тяжело вздохнув, Уэбб оторвался от фляжки.

– Спасибо, – сказал он. – А ты кто, солдат?

– Можно сказать и так. – Человек пожал плечами. – Вообще-то, я – искоренитель. Занимаюсь тем, что искореняю трогов, Трог!

– Я не трог, – запростестовал Уэбб – я даже не знаю, что такое трог!

Человек промолчал, но по выражению его лица нельзя было понять, что он думает о признании Хилдрета.

Уэбб медленно опустил голову на траву.

– Посмотри, пожалуйста, что у меня с ногой. Если она, конечно, еще есть. Мне не подняться.

– Не волнуйся, с твоими ногами все в порядке. Впрочем наличие или отсутствие ног роли не играет. После того как мы убьем тебя, они тебе больше не понадобятся. А вообще-то, – дружелюбно сказал он, окинув взглядом Уэбба, – у тебя дырка в бедре. Наверное, придется вызвать машину. Ты как, сможешь продержаться без меня пару минут?

Уэбб кивнул. Он соображал с трудом: тело ныло, а в ушах стоял невыносимый шум. От боли напряглись даже мышцы живота. Он не мог глубоко вдохнуть, поэтому решил, что кроме раны в бедре у него сломано несколько ребер. Чтобы убедиться в этом, он решил поднять руку.

Правая отказывалась слушаться. Тогда он оставил ее в покое и сосредоточился на левой. Пошевелив пальцами, Уэбб положил ее на грудь. Каким бы медленным ни было это движение, человек в форме отскочил в сторону. Его рука молниеносно выхватила из-за широкого пояса пистолет с раструбом на конце ствола.

– Лежать! – приказал он. Дружелюбие в его голосе исчезло.

– Я не собираюсь делать ничего плохого, дружище, – замер Хилдрет. – Ты хотел вызвать скорую, – раздраженно напомнил он.

Расслабившись, солдат с улыбкой ответил:

– Спокойно, трог, спокойно! Скорая уже в пути.

Уэбб отвернулся. Троги, гномы, тролли, – мрачно перечислял он.

Перед глазами зеленела трава, чуть дальше из земли торчали кривые деревца. За деревьями, блестя под лучами утреннего солнца, высились шпили городских зданий, в воздухе застыло волшебное кружево подвесных переходов.

Где и когда он видел все это? Прошлым вечером, здесь же. Неужели с момента, как они с Мэг добрались до города, прошло всего несколько часов?

Уэбб, погрузившись в боль, совершенно забыл о девушке. Но теперь он все вспомнил... Ее имя сорвалось с его губ совершенно непроизвольно. Поразмыслив, он решил, что спрашивать о ней у солдата по меньшей мере неосмотрительно. Ведь он искоренитель трогов! Если Мэг жива и ее не схватили, то лучшая помощь с его стороны – молчание.

„Трог”, – вспомнил он.

– Кстати, что такое трог? – спросил Уэбб, взглянув на солдата.

Тот усмехнулся, скривив тонкий рот.

– Разыгрываешь, а, трог? Ну, что ж, давай, давай. Все равно, хоть ты и говоришь, что не трог, ты должен знать, кто такие троги. Пожалуй, скажем так: либо ты – горожанин и живешь в городе, либо ты – трог и ютишься в какой-нибудь вонючей пещере. Ты не горожанин. Следовательно, ты – трог. А с трогами у нас разговор короткий. Просто и понятно.

– Не очень, – проворчал Уэбб. – Так как насчет машины?

– Потерпи, трог, – ласково произнес солдат. – Сейчас тебе подадут катафалк.

Прийдя в себя, Уэбб осознал, что совершенно здоров. В первый момент, отказываясь верить своим ощущениям, он чуть было не впал в истерику. Умирающего, его привезли сюда и положили на белый стол, освещенный сотнями ламп. Он потерял сознание – на мгновение, не более того, – и очнулся... совершенно здоровым человеком. Боль ушла, словно и не было ее никогда. А рука, его правая сломанная рука, сейчас свободно сгибалась! Глубокая рана, выжженная в бедре расплавленным камнем, затянулась розовым шрамом молодой кожи. И, что самое удивительное, он был побрит и причесан.

К столу подошла угрюмая некрасивая женщина.

– С тобой все в порядке, – сказала она. – Поднимайся и следуй за посыльным. Он знает, куда тебя проводить.

Коренастый солдат шагал рядом с Уэббом, едва придерживая рукой болтавшееся на груди оружие. Уэбб случайно кашлянул, и быстрота, с которой его страж вскинул и направил дуло в грудь Хилдрета, говорила лучше всяких слов, чем может кончиться попытка к бегству. Они молча спускались по бесконечным наклонным коридорам, то и дело минуя боковые ответвления, ведущие в неизвестность.

Остановившись перед одной из дверей, солдат пропустил Уэбба в ярко освещенную комнату. Незнакомые люди атлетического телосложения, прервав разговор, повернулись и посмотрели на вошедших. Комнату наполнял истинно военный дух.

– Оборонный Центр, – кратко пояснил проводник, подтверждая догадку Уэбба, и подвел его к одному из столов, за которым сидела девушка в военной форме. – Трог, – лаконично доложил посыльный. Уэбб, памятуя о том, что они все время спускались в подземелья города, посмотрел на потолок. Давления квинтильонов тонн горной породы почему-то не ощущалось.

Девушка кивнула и, не отрывая глаз от исписанного листа, отрывисто произнесла:

– Входите! Капитан Оркатт давно ждет.

Солдат провел его в следующую комнату – дикий гибрид офиса и лаборатории. Коренастый человек в зеленом халате, причесанный под выпускника Гейдельбергского университета, подошел к ним, заложив руки за спину. Чуть поодаль стоял военный – тот самый, которого тролли привели к Уэббу.

После незначительной паузы высокий спросил:

– Ну как, Оркатт?

– Все нормально, это действительно трог. Посадите его в кресло, Симонс.

Симонс небрежно взмахнул рукой.

– Садись, – сказал он и пихнул Уэбба к указанному креслу. Сиденье оказалось мягким, как облака, на которых восседают ангелы. К Уэббу приблизился высокий и направил ему в глаза узенький пучок света из конического прибора. Уэбб зажмурился было от неожиданности, но затем широко раскрыл глаза. „Черт с ними", – подумал он.

Ему измерили пульс, давление и прикрепили к вискам, ладоням и под язык металлические датчики размером с десятицентовую монету.

Симонс отступил назад и с беспокойством в голосе спросил:

– Тебе удобно?

Уэбб кивнул и ехидно заметил:

– Что-то непохоже, что вас это очень тревожит.

– Агрессивная реакция, Симонс. Обратите внимание. Я бы даже сказал – нормальная, – вполголоса произнес Оркатт.

– Если вообще на свете бывают нормальные троги, – согласился Симонс.

– А теперь, трог, откинься назад. Не бойся, это тебе не повредит, – и он подкатил к креслу Уэбба стойку, к которой крепились два ряда рефлекторов на шарнирах. Он нажал кнопку, и рефлекторы начали вращаться, причем каждый последующий вращался в противоположном направлении. Миллиарды бликов проносились перед глазами Уэбба. Рефлекторы вращались все быстрее. Уэбб никак не мог оторвать взгляд от их сверкания. Сознания он не терял ни на миг, но был словно загипнотизирован. Он не мог даже пошевелиться. Он видел, как человек в мундире и человек в зеленом халате двигались по комнате взад и вперед, то попадая, то исчезая из его поля зрения; он чувствовал легкие покалывания в местах прикрепления электродов, вызывающие во рту привкус меди. Он слышал приглушенные и пронзительные звуки. Но пошевелиться так и не мог . . .

Уэбб с усилием отвел глаза от замедлявших вращение рефлекторов: ему казалось, что он провел в кресле несколько столетий. Голова чудовищно гудела, но боль быстро исчезла. Он улыбнулся своим мучителям.

– Ну, убедились, что никакой я не трог? – спросил он.

Симонс рассмеялся.

– Нет, в самом деле, – Уэбб начал тревожиться. – Что вы там обнаружили?

– Только то, в чем были убеждены, трог, – развел руками Оркатт.

– Но-но! – взревел Уэбб. – Если это заключение выдала ваша дурацкая машина, то она неисправна!

– Типичное поведение для трога, – заметил Симонс. – Только они могут приписывать враждебную предубежденность неодушевленному предмету.

Оркатт кивнул.

– Выслушайте меня! – взмолился Уэбб. – Я вовсе не трог! Я – человек из двадцатого века!

– О, да, – подтвердил Оркатт, протянул руку и выключил машину. – И это труднее всего понять. Ты не обманывал нас, по крайней мере, когда говорил о двадцатом веке. Следы лжи отсутствовали на экране ментографа. Что лишний раз доказывает, как плохо мы знаем прошлое. Мне бы никогда не пришло в голову, что уже в те времена существовали троги – я всегда считал, что они расплодились после Мировой Катастрофы.

– Послушайте, пора выкладывать карты на стол, – грубо сказал Уэбб. – Мне лучше знать – трог я или не трог. Предоставьте мне возможность и я непременно докажу это!

– Трог, мои слова покажутся странными, но ты мне нравишься, – с неожиданной теплотой в голосе воскликнул Симонс. – Ты настоящий боец! Но, видишь ли, у нас на руках неопровержимые доказательства, так что тебе не стоит рыпаться. Вот, взгляни сам.

Он развернул на столе перед Уэббом несколько энцефалограмм – записей электрической активности мозга.

– Вот эти сняты с твоего мозга, – снисходительно пояснил он. – Это – энцефалограмма трога. А здесь, – он указал на третью ленту, прикрепленную к стене, – энцефалограмма нормального человеческого мозга. Посмотри, они выглядят более чем убедительно.

Уэбб нервно сглотнул. То, что говорил Симонс – невероятно! Записи деятельности нормального человеческого мозга выглядели плавными синусоидами. Записи мозга трога – прерывистыми ломаными линиями, чередующимися с пиками. Ошибиться или перепутать было невозможно – кривые Уэбба совпадали с кривыми трога.

– Но . . . – начал он.

Оркатт жестом остановил его, поднялся, и, обращаясь к Симонсу, сказал:

– Я голоден. Пойдем-ка посмотрим, что нам приготовили на обед. А на него не обращай внимания. – Он брезгливо сморщился, заметив, что Симонс растерянно глядит на Уэбба. – Никуда он не денется. Пусть им лучше займется Деталь. – Симонс с явной неохотой двинулся к дверям вслед за Оркаттом.

Когда капитан вышел из комнаты, Симонс торопливо повернулся к Уэббу:

– Мне очень жаль, – сказал он. – Но я ничем не могу помочь, – и протянул ему руку.

Уэбб машинально пожал ее, отметив, что Симонс слегка кивнул ему на прощание, как бы в знак уважения, и быстро вышел. Дверь захлопнулась, оборвав на полуслове фразу Оркатта о том, что в этом году город испытывает трудности с продовольствием.

В бессильной злобе Уэбб смачно выругался и сел прямо. Оставалось только догадываться, что из себя представляет Деталь. В любом случае, ничего хорошего Уэбба не ждет. Вспомнив о Мэг, он содрогнулся, ведь он обещал ей, что люди из города не убьют ее... но выходило наоборот.

Из-за двери донесся грубый возглас. Уэбб машинально огляделся в поисках оружия, но опомнился: если что и спасет его, то уж наверняка не мышцы. Он достал измятую пачку сигарет – сигарет оставалось совсем немного – и непринужденно закурил.

Тут же дверь распахнулась. В проеме появился высокий человек в зеленом военном мундире. На его лицо наползло раздражение, когда он, осмотревшись, понял, что Уэбба оставили в комнате без охраны.

– Неосторожно, – пробурчал он. – Крайне неосторожно! Если у трога мозги на месте, он непременно попытается сбежать!

– Я не трог, – машинально ответил Уэбб, вздохнул и поднялся.

– Заткнись, трог, – военный шагнул в комнату, освобождая дверной проем. В коридоре Уэбба поджидала группа хорошо вооруженных солдат. – Следуй за особым подразделением, – приказал он. – И не пытайся сопротивляться. В Оборонном Центре бессмысленно поднимать шум.

Уэбб напоследок затянулся и старательно раздавил ногой окурок.

– Поганая троговская привычка, – скривился солдат. – Правда, раньше я не замечал у них этой привычки, хоть

и повидал на своем веку немало трогов. Все равно – поганая троговская привычка!

– Троги так не делают, – заметил Уэбб. – Впрочем, это все пустяки. Итак, куда мы направляемся?

– Пошли, пошли, – рассмеялся солдат, подталкивая Уэбба к дверям. Подразделение образовало вокруг него каре и они двинулись в путь.

Насколько Уэбб разобрался, трогами называли полуразумных существ, обитавших в подземных пещерах. Если так, то почему, во имя всех смертных грехов, энфалотесты оказались неверными? *„Я НЕ ТРОГ"* – убеждал он сам себя. Но тут же застонал: его кривые были идентичны кривым трога. Он раздраженно топал по пружинящему покрытию пола. Дверь, перед которой они остановились ожидая, наконец распахнулась, и охрана, подталкивая Уэбба, ввалилась внутрь. Дверь за их спинами закрылась, и пол неожиданно ушел из-под ног... Уэбб судорожно схватил воздух ртом: ему показалось, что желудок подпрыгнул до самого горла. Впервые Уэбб оказался в скоростном лифте, приходящемся родным братом свободному падению. Охранникам, казалось, все было нипочем. Один из солдат толкнул соседа в бок, кивнув на Уэбба.

– Трог, – сказал он и ухмыльнулся.

Лифт остановился, охрана вышла. Подошел часовой с длинноствольным ружьем и внимательно всех осмотрел.

– Документы, – потребовал он.

Командир подразделения недоуменно поднял брови.

– Документы? – переспросил он. – Да ведь мы простонапросто ведем этого трога в яму, чтобы привести приговор в исполнение. По-моему, для этого не требуется никаких документов.

– А вот теперь требуется, – часовой сплюнул. – Вся эта зона в карантине. Приказ Оборонного Центра!

– Ах, вот оно что... – неприязненно процедил командир.

– Послушай, служивый, я приказываю тебе! Отойди спокойно в сторонку и дай нам пройти! А не то лишишься нашивок!

– Уж не твоими ли заботами? – сощурился часовой, поглаживая ружье. – Заворачивайте-ка назад, и точка!

– Ты же прекрасно знаешь, что я этого так не оставлю! Все будет доложено начальству! – Глаза командира сузились.

– Докладывай, докладывай, будь ты проклят! Теперь это – зона Хрони. Сегодня утром Оборонный Центр реквизировал ее.

Командир готов был взорваться, но тут вмешался Уэбб.

– Вы сказали – Хрони? – спросил он. – Это не машина ли . . .

Реакция охранников оказалась непредсказуема: не успел он и глазом моргнуть, как оружие часового уперлось ему в грудь. Командир отшатнулся, судорожно доставая пистолет. Еще через мгновение Уэбб стоял под прицелом десятка стволов, направленных на него. Воцарилось напряженное молчание. Часовой первым нарушил его.

– А я-то думал, что это трог, – взревел он.

Командир с тревогой в голосе подтвердил:

– Так оно и есть. Дьявольщина какая-то. – Он грозно взглянул на Уэбба. – Что ты знаешь о Хрони, трог? – рявкнул он.

Уэбб попытался улыбнуться.

– Не так уж много, – примирительным тоном произнес он. – Я просто хотел узнать, что означает это слово, вот и все.

– Врет, – сказал один из охранников. Командир кивнул. Сурово посмотрев на Уэбба, он сказал:

– Считай, что ты добился отсрочки казни, трог! Теперь я не пристрелю тебя до тех пор, пока Оборонный Центр не допросит тебя как следует. Если даже троги пронюхали о Хрони, то чего вы не знаете? Отвечай!

Уэбб молчал. Эти люди из будущего с их идиотскими заблуждениями в отношении трогов вселяли в него чувство ужаса.

– Послушайте, – неуверенно начал он, но командир оборвал его.

– Нет, – сказал он, прищурив глаза, принимая решение.

– Нет, – повторил он. – Мы не поведем тебя обратно в Оборонный Центр. В конце концов, ты был передан в мое распоряжение. Я сам найду способ развязать тебе язык. И обещаю, что мой способ и вполовину не будет так приятен, как гипноскоп Центра!

Уэбб печально вздохнул, и его снова повели по коридору. Позади, в дальнем пролете возникло алое свечение, которого раньше не было. Уэбб заинтересовался и начал оглядываться. Один из охранников, обратив на него внимание, тоже обернулся, издав тревожный крик, разорвавший тишину.

– Проникновение трогов! – надрывно завопил он. – Сигнал опасности. Тревога! Троги вновь проникли в город!

Положение Уэбба, как новоиспеченного трога, было удручающим, но теперь оно заметно ухудшилось.

– Приглядывай за ним, – приказал командир. – Возможно, троги напали, чтобы освободить его. При малейшем подозрительном движении – стреляй!

Все подразделение бросилось в направлении сигнала тревоги и скрылось за дверью, где появилось алое свечение. Оставшись под охраной одного из солдат, Уэбб чувствовал себя на редкость неуютно: указательный палец его стража так и плясал на спусковом крючке. Уэбб начал молиться про себя.

Дверь лифта позади них распахнулась, в коридор выбежали солдаты, рванувшись на звуки битвы.

Охранник, схватив Уэбба за рукав, оттащил его к стене, иначе оба они оказались бы под массивными колесами устройства, похожего на пушку, которое, пыхтя, волокли за собой трое солдат.

Из-за двери, над которой горел тревожный сигнал, доносились звуки перестрелки. Кричали люди, глухо ухали взрывы, тонко звенели лучевые ружья. Солдат, охранявший Уэбба, пробормотал проклятие и взглянул на своего поднадзорного.

– Троги! – сквозь зубы прошипел он. – Подлые отродья, способные нападать только со спины! Грязные землеройки, выползающие из болот, чтобы нанести удар исподтишка! Вонючие, гнусные... – Он продолжал ругаться, но Уэббу было не до него. Звуки сражения явственно приближались. Из-за двери выплескивались оранжевые вспышки, и Уэбб прикинул, что станет делать, если стычка переместится в коридор. „Странное сражение, – подумал он. – Сражение в глубочайших подземельях гигантского города!” Очевидно, троги, обитавшие под землей в тоннелях и пещерах, устраивали подкопы, через которые и совершали набеги.

Звуки сражения определенно приближались. Нападающие постепенно теснили защитников города.

Уэбб поежился. Двери лифта позади него в очередной раз распахнулись, и из них выкатился еще один отряд вооруженных людей. Лица защитников города были напряжены, и они с ходу бросились в бой. Уэбб посмотрел им вслед.

– Презренные троги! – снова раздалось над самым ухом. Уэбб невольно отпрянул и вопросительно посмотрел

на охранника. Тот, дико скрежеща зубами, ухитрялся в то же время изрыгать потоки проклятий. Горящие глаза его налились кровью. – Трогово отродье! – прокричал он. – Сдается мне, что они полезли в драку, чтобы освободить именно тебя! Если так, я сожгу тебя не сходя с этого места!

– Совсем нет, – примирительно сказал Уэбб, беспомощно сжавшись под взглядом, излучавшим беспредельную ненависть.

Лицо охранника перекосилось от злобы, и Уэбб печенкой почуял, что из дула вот-вот вылетит электрический заряд.

– Ну ты! – воскликнул охранник, передумав стрелять. – Слушай! Я отправляюсь помочь своим в этой стычке, ну а ты, если попытаешься удрать, сделать отсюда хоть шаг, – берегись! Я оторву твою поганую башку, когда вернусь!

– Н-н-н-но... – заикаясь произнес Уэбб, больше он ничего не мог вымолвить. Охранник с маниакальной ненавистью схватил Уэбба за плечо и подтащил к одной из многочисленных дверей коридора, пинком распахнул ее и втолкнул внутрь. Уэбб остановился на пороге скупо освещенной комнаты.

– Советую не высовываться, – пригрозил охранник и напоследок так сильно ткнул Уэбба кулаком, что тот завертелся волчком и с разгона врезался в переплетения металлических конструкций в центре комнаты. Он ударился головой об изгиб труб, из глаз посыпались искры. Оглушенный, он все же отметил стук захлопнутой двери.

Уэбб приподнялся на локте, ошалело потряс головой. За его спиной послышалось торопливое шуршание, он обернулся и увидел маленького человечка с длинной седой бородой, приближающегося к нему.

– Ты повредил Хрони! – воскликнул человек. – Кто ты такой и по какому праву влетаешь ко мне, как булыжник, брошенный рукой идиота?

ХРОНИ! Слово вернуло Уэбба к жизни, разогнало туман в голове. Хилдрет вперился в установку. Она напоминала яйцеобразную капсулу, в которой он путешествовал с Роном Дайнином, не больше, чем паровой автомобиль Стенли похож на современное такси, но бесспорно и эта конструкция вполне могла оказаться машиной времени.

Голова еще кружилась, легкая тошнота подступала к горлу. Уэбб, покачиваясь, уставился на изогнутые

катушки из серебристой проволоки, на ряды ламп, частично разбившихся при ударе о машину. Неожиданно все переменилось. Вернее, окружающий мир не стал иным, иными стали его мысли, окрасившись другими цветами. Из беспорядочной груды приборов и устройств его мозг начал составлять цельную картину машины. Он понял назначение отдельных узлов и их взаимосвязь. Он знал теперь, не догадываясь, откуда мог это узнать, что на поле времени действует искривленный статис, создаваемый катушками...

Далекий незнакомый голос теребил его, но он не разбирал слов.

– Отвечай! – голос раздался совсем рядом, и Уэбб, находясь в полуобморочном оцепенении, взглянул на седобородого.

– Отвечай! – повторил человек. – Кто ты такой?

Уэбб открыл было рот, чтобы произнести: „Меня зовут...", но вовремя спохватился, поймав себя на том, что губы его вместе с голосовыми связками, отбросив привычное – „Уэбб Хилдрет", без запинки шепчут словосочетание „Рон Дайнин". Сжав челюсти, он промолчал.

Человек не стал ждать ответа. Подойдя ближе, он застонал, увидев повреждения в машине. В глазах забегали огоньки ненависти, он сжал кулаки в бессильной злобе.

– Ах ты, безмозглая деревенщина! – воскликнул он. – Ну погоди, стоит только Оборонному Центру узнать об этом! Здесь ремонта на целый месяц! Хвала Всевышнему, что я успел вынуть контроллер для настройки, а то бы и за год не управиться!

Уэбб, испытывая странное внутреннее сопротивление, не сводил глаз с машины, заметив нечто такое, что раньше не бросилось ему в глаза. Даже не пытаясь понять, откуда могло возникнуть в нем это удивительное знание, он отметил, что в грубой конструкции Хрони отсутствует самая важная часть. Тогда он стал осматривать комнату, не реагируя на вопли недовольства бородатого человечка, и... на одной из полок, тянувшихся вдоль стен, он заметил плоский предмет, переливающийся всеми цветами радуги. Ноги сами понесли Уэбба к полке, человечек бросился следом, ругаясь и брызгая слюной:

– Эй ты! Стой! Что ты делаешь?

Уэбб оттолкнул его, дотянулся до предмета и взял его в руки. Человечек попытался выхватить его у Уэбба, но силы были неравны.

Старикашка отпрянул, тяжело дыша, и с криком бросился к двери.

– Помогите! – завопил он, ныряя в самую гущу боя, развернувшегося в коридоре. – Помогите мне! Караул! Грабят наш Хрони!

Но с таким же успехом он мог бы говорить шепотом. На него не обратили внимания. Уэбб подождал, пока человечек не скроется за дверью, вышел следом и, оказавшись в коридоре, направился в противоположную сторону. У лифта, возле которого он вскоре оказался, Уэбб остановился, все еще находясь во власти странного паралича, овладевшего им и заставлявшего делать то, что он вовсе не собирался. В противоположном конце коридора защитники города бились врукопашную с численно превосходившим их противником. Все новые и новые волны нападающих вливались в коридор. Вторжение низкорослых агрессоров напоминало морской прилив. Из гущи битвы вынырнул солдат, бегом направляясь к Уэббу и к лифту.

– Их слишком много, – сказал он, запыхавшись, с трудом дрожащей рукой нажимая кнопку вызова кабины, что оказалось совершенно бессмысленным действием. Как только он прикоснулся к кнопке, сигнальный звонок над дверью лифта звякнул и дверь открылась. Солдат заглянул внутрь и отшатнулся.

– Еще троги! – взвыл он. – Мы окружены!

Он попытался вскинуть оружие, но противники оказались значительно проворнее. Из кабины одновременно ударило около дюжины лучей, которые пересеклись на солдате. Он повалился, не успев издать ни звука. Уэбб, едва не тронувшись умом от растерянности и страха, зачем-то потянулся за оружием, лежащим рядом с телом солдата. Но это ему не удалось. Удар дубиной по темечку вызвал в его голове настоящий звездопад, а вспышка сверхновой погрузила во тьму . . .

– Прибейте его и точка! – сказал кто-то над ухом Уэбба необычайно тонким голосом. – Это же надземник! Прибить – и весь сказ!

Уэбб застонал. Люди, жаждавшие его крови, заполнили собой все свободное пространство. Он с трудом открыл глаза, чтобы взглянуть, как выглядят его новые враги, но безуспешно. Уэбб дико таращился, но темнота – полная и непроницаемая – по-прежнему окружала его.

– Я ослеп! – закричал он. – Что вы сделали, дьяволы?!

Почти у самого его уха раздался возглас удивления:

– Он заговорил. Что значит „ослеп"?

– Обычная болтовня наземников, – произнес другой, более низкий и более отдаленный голос. – Давайте проголосуем. Я за то, чтобы его прикончить.

Уэбб выругался и попытался подняться на ноги.

– Послушайте, – начал было он, но так и не смог произнести ни слова. Стоило ему пошевелиться, как со всех сторон из темноты на него навалились мягкие маленькие тела, облепили его, прижали к земле. Изумленный Уэбб попытался сопротивляться. Но их оказалось слишком много, к тому же в темноте он был беспомощен, но готов был поклясться, что его противникам темнота не мешала. Их движения отличались точностью и уверенностью: очевидно, они могли видеть в темноте, или... Уэбб отчаянно заморгал и с облегчением вздохнул, различив смутные силуэты вокруг. То ли тьма рассеивалась, то ли свет откуда-то начал проникать... Уфф! Слава богу, он не ослеп. Одна из таинственных темных фигур отпустила его и поднялась на ноги, впрочем, не переставая следить за Уэббом.

– Дайте ему вздохнуть, – приказала она. – Больше он не будет вырываться.

– Вы совершенно правы, – согласился Уэбб. – Не буду. Но что все это значит? Кто вы такие?

Над его ухом раздался знакомый голос:

– Он опять залепетал! Так что – убить его или отвести к боссу?

– Ты говоришь как надземник, – огрызнулся Уэбб. – Кто ты?

– Мы – троги, – объявила фигура, стоявшая поодаль. – Смиг утверждает, что ты тоже трог, поэтому мы не прикончили тебя сразу, как нашли.

– Да трог он, трог, – уверенно произнес другой голос. – Разве вы не видите? Надземники держали его под замком, а мы освободили. Конечно, если хотите, можете его прикончить. Мне-то все едино. Но он точно трог!

– Заткнись, Смиг! – сказал еще кто-то. – Ты и так уже подкузьмил нам. Ведь это ты следил за надземниками и утверждал, что они совершенно не готовы к нападению. Это из-за тебя мы заблудились на обратном пути. Так что лучше заткнись!

– Но мы не заблудились! – возмутился Смиг. – Мы...

– Заткнись! Эй, ты! – последние два слова предназначались Уэббу. – Скажи-ка нам, ты трог или надземник?

Уэбб стряхнул с руки несколько скользких, как черви, маленьких тварей и сел. Зрение возвращалось к нему, детали различались с большим трудом. Он насчитал вокруг

себя с полдюжины трогов. Все они были вооружены и теснились в длинном узком туннеле, в дальнем конце которого пробивался свет. Если сражение, место которого они покинули, еще продолжалось, то сейчас они далеко от его центра – звуков стрельбы или криков не доносилось.

Он прочистил горло.

– Э... надземники утверждали, что я – трог, – медленно сказал он, стараясь выиграть время. – Вот все, что мне известно. Хотя всего пару часов назад я понятия не имел, что означает это слово.

– Слышали? – завопил Смиг. – Он – трог! Так сказали надземники!

– Цыц! – рявкнул властный голос. – Мы-то слышали, а ты? Он же заявил, что понятия не имеет о трогах! Какой же он тогда трог?

– Они имели в виду, что я больше похож на трога, чем на надземника. – Уэбб кашлянул. – В действительности, я – не трог и не надземник. – Я человек из прошлого!

– А я-то думал, что он трог, – разочарованно произнес Смиг. – Может, все-таки лучше пришить его?

– Послушайте, поспешно заговорил Уэбб. – Кем бы я ни был, трогом или нет, я могу быть вам полезен. Я знаю, над чем работают надземники, ведь я только что из города. Вы слышали, например, что они конструируют Хрони?

Тишина. В конце концов предводитель недоуменно переспросил:

– Что?

– Хрони, – повторил Уэбб. – Вы разве не знаете? Нет? Это машина, на которой можно путешествовать во времени. Надземники собираются использовать ее в борьбе против вас!

Опять тишина. Но на этот раз Уэбб заметил, что Смиг и предводитель перешептываются, после чего предводитель с отвращением воскликнул:

– Ну и дурак же ты, Смиг! Кабы я все время слушал тебя, так давно бы спятил. Сначала ты кричал, что не надо его убивать, потом ты же вопил, что надо его прикончить, а теперь заявляешь, что, мол, давайте отпустим его!

– Дак он же не в своем уме, – возразил Смиг. – Он сказал „путешествие во времени”.

– Какая разница, что он сказал! Отведем его к боссу, а там видно будет, ты понял, Смиг?

– Тогда нечего все валить на меня, – возмущенно ответил Смиг.

Предводитель ткнул Уэбба под ребра.

– Вставай, – сказал он. – Пойдем к боссу. Он сам с тобой разберется.

Уэбб устало поднялся, с умилением вспоминая, как славно ему жилось в двадцатом веке, где никто не шпынял его как бродягу и не гонял взад-вперед. По крайней мере, до тех пор, пока Рон Дайнин не ворвался в его тихую квартиру и не притащил за собой ораву Усмирителей. Бедняга Рон Дайнин, подумал он. Судя по всему, его отчаянная попытка продлить себе жизнь, переселившись в мозг Уэбба, провалилась.

Или не провалилась? Не мог ли разум Дайнина быть той внутренней силой, завладевшей его телом в комнате, где человечек собирал Хрони? Возможно, именно Рон осмотрел грубую машину глазами Уэбба и разобрался в принципе ее действия, а потом заставил подойти к пестрому предмету на полке и забрать его.

Вспомнив о загадочном предмете, Уэбб пошарил в кармане. Что-то тяжелое и плоское, теплое и пульсирующее лежало там. . . Он не решился вытащить предмет и внимательно рассмотреть, пока его окружали враждебно настроенные троги, но с облегчением вздохнул – контроллер, как называл предмет бородатый старикашка, находился у него, Уэбба.

Мозг Хилдрета отказывался воспринимать тот факт, что с момента появления Рона Дайнина в его маленькой квартирке прошло не более суток – если, конечно, не учитывать столетий, пролегших между основными событиями. А их, за неполные три десятка часов, произошло невероятно много: сначала – Усмирители, потом – сумасшедший полет сквозь время, теперь – город и троги. . . и Мэг... Особенно Мэг. Уэбб почувствовал, как кольнуло сердце. Конечно, она диковата и необузданна, но что же тогда заставляло сердце Уэбба при воспоминании о ней биться сильнее и трепетнее? Интересно, куда она подевалась? Увидит ли он ее еще когда-нибудь?

Уэбб, подгоняемый низкорослыми трогами, пригнулся и нырнул в узкую темную горловину туннеля, в направлении отдаленного пятна света. По мере приближения пятна, троги начали негромко перешептываться. Недовольный предводитель остановился и сердито спросил:

– В чем дело, Смиг? Ты, кажется, повел нас другим путем?

– Надеюсь, все в порядке, – с сомнением ответил он, его голос тревожно задрожал. – В жизни не видел столько света, но могу поклясться, мы шли в правильном направлении.

– Хорошо, если это так! – в голосе предводителя прозвучала угроза.

Троги разом заверещали, но предводитель резко осадил их.

– Заткните пасти! – грубо прикрикнул он. – Приказываю надеть защитные очки. Пройдем немного вперед, а там разберемся.

Было достаточно светло, чтобы Уэбб увидел, как троги повытаскивали большие темные очки, быстро натянули их и построились в боевом порядке. Неуклюжие косолапые фигурки с большими темными пятнами вместо глаз уже не напоминали вооруженный отряд: Уэбба сопровождала стая подземных медведей, смеха ради обряженных в человеческую одежду.

С каждым шагом свет становился все ярче и ярче. Среди трогов стали раздаваться возгласы изумления. Но когда они подобрались к выходу из туннеля, шепот и возгласы стихли, троги замолчали, охваченные ужасом.

– Вот так да! – рассвирепел предводитель. – Ладно, Смиг, мы с тобой рассчитаемся.

Смиг съежился от страха, и Уэббу, наблюдавшему за происходившим со стороны, стало жалко маленького гнома. Теперь, при ярком солнечном свете, тролли выглядели отнюдь не смертельными врагами, а маленькими эльфами, перепуганными до смерти. Ведь туннель, по которому они сотни раз возвращались в центральную пещеру, теперь обрывался в пустоту. Тролли не верили своим глазам. Подойдя к самому краю, Уэбб отметил, что пол туннеля несколько выступает вперед под открытое небо, а обрыв высотой футов в тридцать переходит в безжизненную пустыню, раскалившуюся под лучами древнего багрового солнца.

ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Предводитель трогов повернул на Смига непроницаемые темные очки-глаза, и тот съежился еще сильнее. Предводитель какое-то время молча смотрел на него, потом дал знак остальным. Пятеро трогов окружили его, оставив Уэбба и Смига в устье туннеля.

Между трогами разгорелся оживленный спор. И хотя Уэбб прекрасно видел, как они запальчиво жестикулируют, то и дело показывая на Смига, ни единого слова он так и не расслышал.

– Что происходит? – спросил Уэбб.

Смиг, тыльной стороной ладони смахнув пот со своего бледного лба, характерного для обитателя пещер, повернулся к Хилдрегу и, дрожа нижней челюстью, сказал:

– Ты веришь в ад, надземник? Сейчас нас туда и отправят!

– Вот как? – выдавил Уэбб и сглотнул. – Значит, твои ребята решили нас прикончить?

Смиг мрачно кивнул.

– Они бы сделали это и раньше, да только не знают, как отобрать у меня оружие. Они не станут дальше таскать за собой и тебя, а на меня все ужасно злы. Так что, можешь не сомневаться, нам не долго осталось. . . – Смиг засопел и поскреб свой морщинистый живот там, где он виднелся сквозь разорванную одежду. – Значит, прощай надземник, – сказал он.

Уэбб снова сглотнул: события раскручивались слишком быстро и в направлении, противоположном его желаниям.

Он посмотрел на Смига, отрешенно уставился на бескрайний пустынный ландшафт, потом – на спорящих трогов, и принял окончательное решение. Сделав несколько шагов к краю туннеля, он остановился, позвав одиноко стоящего Смига. Тот нехотя подошел к Уэббу и встал боком.

– Смиг, хочешь остаться в живых?

– Заткнись, надземник, – мрачно отозвался трог, отворачиваясь. – Дела и так хуже некуда.

– Но я спрашиваю не из любопытства. Взгляни, обрыв, конечно, крутой, но не отвесный. Если удастся спуститься, мы спасены.

Смиг с ужасом обернулся.

– Туда, на солнце? – воскликнул он. – Но оно убьет меня. Ведь я трог!

– Ну, как знаешь, – равнодушно произнес Уэбб и спросил: – Что сделают с тобой твои товарищи, если останешься здесь?

Трог посмотрел на него сквозь темные очки; Уэбб шагнул навстречу гному и мягко, но резко толкнул его. Потеряв равновесие, трог взвизгнул и, скользя, покатился по склону.

Уэбб, проследив его путь и убедившись что трог благополучно приземлился у подножия обрыва, обернулся к предводителю. Троги, заметив исчезновение Смига, закричали и бросились к Уэббу. Тогда и он прыгнул вниз по склону, цепляясь руками и ногами, чтобы немного затормозить движение. Обрыв был почти отвесным. Его наклон составлял не более пятнадцати градусов, но этого

хватило, чтобы смягчить падение. Уэбб почувствовал, как острые камни царапают тело, но, приземлившись, тут же вскочил и побежал.

– Скорее! – крикнул он Смигу. – Нам нужно где-нибудь укрыться!

Трог поднялся с земли и бросился вслед за ним.

Уэбб запомнил, что устье туннеля наползает на склон, далеко выступая вперед. Стоит им пробежать каких-нибудь двадцать ярдов, и они окажутся за изгибом склона вне досягаемости оружия трогов – если троги не опередят их.

В тот же момент в десяти футах от Уэбба в землю ударил луч, взметнув фонтан раскаленного песка и камней. Уэбб пригнулся еще ниже и побежал зигзагами. Еще один луч ударил в место, где он находился секундой раньше, позади него послышался крик. Уэбб, обогнув утес, оказался в безопасном месте. Тут же рядом с ним на землю повалился Смиг. Дрожащей рукой он держался за плечо, лицо искажала гримаса боли.

– Они попали в тебя, Смиг? – взволнованно спросил Уэбб.

Тролль разразился потоком неразборчивых проклятий.

– Они!? В меня? Как бы не так! Вот, сверху упал булыжник и чуть не пришиб... А этим умникам не попасть и в стенку прямо перед собой.

– Булыжник? – Уэбб озадаченно посмотрел вверх. От изумления он потерял дар речи: с вершины скалы на них смотрела Мэг, сжимая в руке пистолет. Она была удивлена не меньше,чем Уэбб, но все же:

– Уэбб, миленький, – взвизгнула она, – откуда ты взялся?

Хилдрет облегченно вздохнул.

– Спускайся вниз! – крикнул он. Его приглашение оказалось совершенно излишним: скользя и перепрыгивая с камня на камень, Мэг уже спешила к нему.

Она буквально летела и приземлилась рядом с ним – Уэббу пришлось подхватить ее на руки, чтобы она не упала, – без лишних слов прижалась к нему, а их губы слились в поцелуе...

Уэбб отпустил ее нескоро и нехотя, осторожно поставив на землю. Мэг, отступив на шаг, по-хозяйски оглядела его.

– Слава богу, что ты нашелся, Уэбб, – голос ее звучал удивительно нежно. – Я просто счастлива!

– Я тоже, – сознался Уэбб, покашливая, – но где, где все это время ты пропадала?

– Вообще-то, я искала тебя, – улыбнулась Мэг. – С момента, как мне удалось сбежать от трогов, этих грязных, подлых, презренных отродий. . .

– Стоп! – рявкнул Уэбб и спокойно добавил: – Познакомьтесь: Мэг – это Смиг, Смиг – это Мэг.

– Привет, – сказал Смиг. – Я – трог, надземница, – гордо произнес он. Мэг выразительно посмотрела на него.

– Это точно, – наконец сказала она. – Мне уже приходилось встречать трогов. Шестеро ваших напали на меня сзади и утащили, придушив петлей так, что я даже пикнуть не могла, еле дышала. Не знаю, что они о себе воображали, да только я перехитрила их, на секунду освободившись от веревки. Спасибо этой штуке, – она похлопала по кобуре, глядя на трога. – Если надумаешь что возразить, я в любой момент согласна разобраться с тобой, – вызывающе сказала она. – Я из бруклинцев, самой крутой банды на реке.

– Смиг не собирается тебе возражать, – поспешил вмешаться Уэбб. – Он на нашей стороне. Лучше расскажи, что случилось с тобой после похищения?

Выражение лица Мэг, как в калейдоскопе, мгновенно изменилось.

– Я искала тебя, Уэбб, – ласково произнесла она. – Я обшарила весь этот поганый город, но когда там стало слишком жарко, я отправилась на поиски своего планера. Зачем? Не знаю, но что мне еще оставалось. . . Даже если бы я нашла его, как починить-то?

– Стало слишком жарко? Ты имеешь в виду, что за тобой охотились горожане? – прервал ее Уэбб.

– Горожане! – презрительно сказала она. – Нет, гориллы-альбиносы в черных атласных шортах. Когда они появились, я решила смыться. Последнее, что я видела, это то, как горожане пыхтели, отбиваясь от трогов снизу и от горилл сверху – выстрелы, лучи и еще черт знает что. Игра стала для меня слишком грубой.

– Гориллы в атласных шортах, – задумчиво повторил Уэбб, прислушиваясь к ее словам, как к чему-то до боли знакомому, и тут воспоминание бомбой взорвалось в нем!

– Боже милостивый! – воскликнул он. – Да ведь это Усмирители!

– Вот-вот, именно так они себя и называли, – равнодушно подтвердила Мэг. – И усмиряли они, должна тебе сказать, просто здорово.

Уэбб напрягся. Усмирители где-то рядом, а это значит – опасность следует за ними по пятам.

Рон Дайнин предупреждал, что они не оставят его в покое, а продолжат преследование, неся с собой смерть. Так и случилось.

Уэбб подумал о горожанах, смятых атакой усмирителей и вздохнул. Очевидно, убийцы из будущего намеревались перебить тысячи ни в чем не повинных людей из этого времени – целый город или цивилизацию – только ради того, чтобы схватить Рона Дайнина. Или – тревожная мысль – может они охотятся вовсе не за Дайнином? Не могло ли случиться так, что, обманутые сходством строения мозга Уэбба и Дайнина, они напали на след самого Уэбба?

Уэбб судорожно сглотнул, сообразив, что Мэг все еще рассказывает:

– . . .но ближе подойти не смогли, им пришлось оставить машину за пределами турбулентной зоны и остальную часть пути до Хрони пройти пешком, – она остановилась и удивленно подняла брови, следя за выражением лица Уэбба. – В чем дело, Уэбб? – тревожно спросила она.

Он небрежно махнул рукой.

– Так что там насчет Хрони?

– Я сказала, – повторила Мэг, – что эти самые Усмирители разыскивают какой-то Хрони. Им нужен парень, пилот машины. Они не сомневаются, что он скрывается где-то в городе. – Она рассмеялась. – Честно говоря, я очень рада, что это не я! Уж очень они настойчивые клиенты. Гораздо настойчивее, чем даже старина Хеллгейтс.

– Им нужен Хрони? – прищурился Уэбб. – Интересно! А турбулентная зона, о которой ты упомянула, – не знаешь, что это такое?

– Понятия не имею.

– Я, к сожалению, тоже. Но сдается мне, на нее замкнуто множество фактов. И то болото, что мы видели, и индейцы, и город, и ты. Все эти факты не связаны друг с другом, но они связаны с Хрони – машиной времени, вышедшей из-под контроля. Да, так оно и есть!

Уэбб выпрямился.

– Если Хрони нужен им, то мне он еще нужнее. И мы должны, Мэг, добраться до него раньше Усмирителей. Игра пойдет не на жизнь, а на смерть, и мы обыграем их, если сумеем опередить. Ты сможешь найти дорогу к своему планеру?

– Конечно, – сказала она. – Правда, все так перемешалось. Например, откуда взялась эта пустыня? Но планер я найду.

– А я знаю дорогу от твоего планера до Хрони. Пошли, Мэг!

– И я с вами! – взвыл Смиг. – Не бросай меня, надземник!

Уэбб улыбнулся ему и сказал:

– Что ты, Смиг! У меня и в мыслях такого не было! Пошли!

Пока они двигались по пустыне, багровое солнце неподвижно висело в небе. Мэг остановилась и, прикрыв глаза ладонью, взглянула вверх, на солнце.

– Оно не движется, Уэбб? Отчего так?

Уэбб поднял брови.

– Я и сам удивляюсь, – ответил он. – Я. . . у меня появилась гипотеза, немного сумасшедшая, но, если осмотреться, мир, который окружает нас сейчас, нормальным тоже никак не назовешь.

– Что за теория?

– Ты имеешь какое-нибудь понятие об астрономии, Мэг? – спросил Уэбб.

– Не больше того, до чего дошла своим умом. Мы, бруклинцы, не очень-то занимаемся такими вещами.

– Но ты должна знать, что Земля вращается вокруг своей оси. Конечно, если верить астрономам, земные приливы когда-нибудь затормозят это вращение. И тогда Земля будет обращена к Солнцу каким-нибудь одним полушарием, как Луна, обращенная к Земле всегда одной и той же стороной. Из этого всего следует – по крайней мере, человек на поверхности Земли может тогда подумать – что Солнце перестало восходить и заходить.

– Ты говоришь об этом Солнце? – спросила Мэг.

Уэбб кивнул.

– Именно. Торможение потребует времени. Много времени. Не пару сотен или пару тысяч лет, а миллионы. – Он внимательно наблюдал за ее реакцией. – Я думаю, пустыня попала сюда из далекого будущего, – медленно добавил он. – Не знаю, каков ее возраст, но внешний вид заставляет меня предположить, что она удалена от нас в будущем, как тот палеозойский лес – в прошлом.

– Но я не была в машине времени! – запротестовала Мэг.

– Какая разница! Хрони, который украл Рон, вышел из-под контроля – и произошло нечто непредсказуемое. Я думаю, энергия, которую он использует, стала растекаться во всех направлениях, как ударная волна при

взрыве. Небольшие фрагменты различных эпох захвачены в ловушку энергией машины времени и притянуты к ней. Машина все еще действует, но очень нестабильно, притягивая разные сегменты. Хотел бы я знать, что с нами произойдет, если сегмент, в котором мы сейчас находимся, вырвется из-под влияния Хрони.

– Надземник, не надо так говорить, – нервно произнес Смиг. – Что значит вырвется из-под влияния?

Уэбб нахмурился.

– Пустыня. Ее здесь раньше не было, – пояснил он. – Мне кажется, что вчера вечером здесь лежало болото и росли папоротники. Для тебя, Смиг, в этом месте оборвался туннель, и ты оказался в другом времени, хотя твоя родная пещера наверняка где-нибудь поблизости. Поблизости в пространственном смысле, но во времени она в миллионах, а может и в сотнях миллионов лет от нас. Предположим, что пока мы стоим на этом песке, машина выключится. Пустыня окажется очень стара – и солнце тоже. Оно намного крупнее того, к которому мы привыкли, но холоднее. Это гаснущее солнце. Я думаю, пустыня выхвачена из дня, предшествующего концу света. И если она освободится от влияния Хрони, мы, скорее всего, станем пленниками далекого-далекого будущего.

Мэг, растерянно моргая, взглянула на Уэбба, потом – на окружающую ее пустыню.

– Не понимаю, – сказала она.

Уэбб недовольно скривился, открыл рот для объяснений, но Мэг прервала его.

– Уэбб, – воскликнула она, – я ничего не хочу понимать. Лучше посмотри, что стало с горой, к которой мы направлялись!

Впереди, милях в пяти от них, находилась остроконечная гора, служившая прекрасным ориентиром. Теперь она исчезла. Вместо нее им открылась далекая линия горизонта, искаженная колышущимися волнами горячего воздуха.

– Половина пустыни исчезла, – в ужасе завопил Смиг. – Что случилось?

– Произошел еще один сдвиг во времени, – сквозь зубы процедил Уэбб. – Часть сегмента вернулась в свое время. А оставшаяся часть в любой момент может последовать за ней!

– Смотрите, – Мэг указала в сторону далекого горизонта: багровое марево рассеялось, и они увидели, как по пустыне движется таинственный сероватый вал, высотой не превышающий двух дюймов.

– Что это? – воскликнула Мэг.

– Не знаю, – растерянно прошептал Уэбб.

Дымка растворилась окончательно и стало видно, как вал меняется в размере – растет прямо на глазах. Гребень его побелел, во все стороны летела седая пена.

– Вода! – во все горло закричал Смиг. – Это приливная вода!

Уэбб выругался.

– Ты совершенно прав, трог! Бежим! Если возьмем левее, туда, где по словам Мэг находится планер, успеем добраться до возвышенности. Хотя там тоже может оказаться слишком низко. Но здесь, на песке, здесь мы наверняка утонем.

И они побежали что было сил. Впереди несся Уэбб, за ним летела Мэг, замыкал гонку трог, короткие кривые ножки которого были плохо приспособлены для бега.

До места соприкосновения двух эпох, где начиналась возвышенность, оставалось примерно с четверть мили, но Уэббу показалось, что бежать им предстоит целую вечность. Хотя они мчались, как угорелые, приливная волна настигала: две мили разделяли их, потом миля, потом шум воды нарастал с катастрофической быстротой, подминая под себя сушь пустыни, как гигантское стадо диких зверей. Уэбб обернулся через плечо, рискуя упасть и прикинул, что если им повезет, они успеют добежать до холма.

– Быстрее! – заорал он, и Мэг, молча кивнув, начала вырываться вперед.

Горячий воздух обжигал легкие Уэбба, каждый удар сердца взрывался в ушах подобно бомбе. Силы ежесекундно покидали Уэбба, он споткнулся о песчаный бугорок и чуть было не упал, но... чудом выпрямившись, продолжил бег.

Послышался резкий электрический щелчок, и вершина бугорка, о который он споткнулся, вспыхнула ярким пламенем. Уэбб, испуганно вскрикнув от неожиданности, метнулся вправо.

Группа черных точек ползла вверх по изрезанному склону. Одна из них, маленькая фигурка, стоявшая на вершине каменного уступа, целилась в Уэбба и его товарищей, направив в их сторону толстую, похожую на жезл трубку, вызвав у Уэбба неприятное воспоминание. На конце жезла что-то сверкнуло и сквозь раскаленный воздух пустыни к нему двинулась огненная точка, несущая смерть.

– Усмирители! – закричал Уэбб. – Берегись!

– Точно! Это они! – взвизгнула Мэг. – Те самые бледные дьяволы, которых я видела в городе.

Она бросилась на песок: над самой ее головой пронесся электрический заряд, разорвавшийся в ста футах поодаль. Мэг мгновенно вскочила и побежала еще быстрее, то выписывая зигзаги, то припадая к земле. Трое беглецов теряли драгоценное время, уклоняясь от выстрелов, а неистовый вал воды накатывался следом. Они достигли возвышенности, когда пенящаяся стена накрыла их. Коротышка трог чуть не захлебнулся в соленой морской воде, но Уэбб успел вцепиться рукой в его одежду.

Приливная волна разбилась об уступ, взметнув вверх фонтаны пены и брызг. Ослепленные и едва дышащие, измученные люди навзничь повалились на опушке соснового бора. Но их отдых длился всего несколько мгновений.

– О'кэй! – выдохнул Уэбб и перевернулся на спину. – Надо подняться и бежать дальше. Усмирители не видят нас на этом холме, но прекрасно знают, где мы должны находиться. Так что они скоро будут здесь.

– Брось меня, надземник! – жалобно застонал Смиг. – Дай мне спокойно умереть. Мои очки перепачканы и я не вижу дальше кончика собственного носа. Я полумертв от усталости и испуга. Оставь меня здесь!

Мэг улыбнулась человечку.

– Ты пока еще жив, трог – сказала она. – Знаешь, что, закрой глаза и дай мне твои очки. Я протру их. А потом . . . будет лучше, если мы согласимся с предложением Уэбба.

Хилдрет встал и огляделся: сосновый лес. Высокие стволы с разлапистыми ветвями не давали ни малейшего намека на возраст сегмента, в который они попали, и на то, обитают в этой эпохе люди или нет.

– Мэг, ты уверена, что сможешь привести нас к планеру? – нахмурившись, спросил он.

Мэг, дыхнув на стекла очков трога, протерла их носовым платком так, что они заблестели.

– Конечно, – ответила она. – Если только твои знакомые не помешают нам. Сдается мне, они движутся в том же направлении. – Она вернула очки Смигу, лицо трога сморщилось в гримасе бесплодных попыток защитить глаза от света. Смиг поспешно натянул очки на голову.

– Ох, – сказал он и улыбнулся. – Старая добрая тьма!

– Ну, ты доволен? Тогда пошли! – скомандовал Уэбб. – В эту сторону? – спросил он Мэг, и девушка утвердительно

кивнула. Они побежали рысцой между деревьями, стараясь не шуметь. Через несколько сотен ярдов Мэг схватила Уэбба за локоть, останавливая. Хилдрет оглянулся: на том месте, куда их выбросило волнами, стояли Усмирители, едва различимые за деревьями. Огромные гориллоподобные ищейки оглядывались по сторонам, вынюхивая следы беглецов.

– Сейчас заметят, – чуть слышно прошептала Мэг.

Уэбб кивнул и нахмурился. Дав знак девушке и трогу лечь на землю, он пригнулся за порослью молодых сосенок, внимательно наблюдая за Усмирителями. Через минуту он получил ответ на вопрос, не дававший ему покоя.

– Направляются сюда, – прошептал он, вернувшись к товарищам, – Нам их не обогнать. Эти мальчики состоят из сплошных мышц. Придется драться!

– Я так и знал! Надо было остаться в туннеле, – застонал Смиг.

– Заткнись, Смиг, ты еще жив и у тебя сохранилось ружье.

Трог мрачно кивнул.

– А ты, Мэг, как насчет твоего пистолета? Вот и отлично! Вряд ли два оставшихся патрона люгера нас спасут, но постараться извлечь из них максимум пользы необходимо. Устроим засаду. Смиг залезай на дерево. Мэг, спрячься в кустах и постарайся перво-наперво убрать Усмирителя, замыкающего колонну. Мне совсем не хочется получить „подарок" из твоей хлопушки. Целься на расстоянии десяти футов от нас, не ближе. А я заберусь вон в те кусты. Стреляю первым, поняли?

Мэг молча кивнула и заняла свое место. Трог с сомнением посмотрел на Уэбба, но, обернувшись через плечо на приближавшихся Усмирителей, беспрекословно взобрался на дерево. Уэбб подождал с полминуты, затем выглянул из-за кустов: Усмирители приближались очень быстро, мрачно и молчаливо. Они лишь внешне напоминали грубые копии живых существ, а в действительности являлись боевыми механизмами. Уэбб, распластавшись на земле, направил люгер на дерево, из-за которого через мгновение должен появиться первый Усмиритель.

Вот он! Уэбб прицелился в широкую грудь и уже начал было нажимать курок, но . . . заколебался. Подсознание громко запротестовало: „Нет!" И он никак не мог побороть в себе внутренний голос. Усмирители не люди, играющие по правилам. Они не станут требовать соблюдения тех же правил от Уэбба. Усмирители – звери, не заслуживающие ничего лучшего, чем быть

пристреленными из засады. И все же Уэбб никак не мог спустить курок.

Послышался легкий шорох: с дерева упала сосновая шишка. Первый Усмиритель удивленно взглянул вверх и засек Смига, сидевшего на ветке. „Ага . . .", – облегченно вздохнул Уэбб, и, пока Усмиритель поднимал оружие, он аккуратно прострелил ему сердце, а мгновение спустя выпустил вторую и последнюю пулю в Усмирителя, показавшегося из-за ствола. Сверху донесся звук, напоминающий визг: вступил в действие излучатель Смига. Уэбб заметил, как сверкающий луч вонзился в темный силуэт за деревьями. Усмиритель, в которого Уэбб выпустил вторую пулю, был всего лишь ранен. Пуля попала ему в плечо, но не остановила трехсотфунтовую гору мускулов: Усмирителю требовалось что-нибудь более солидное, чем несколько граммов свинца в медной оболочке. С воплем ярости гигант бросился к Уэббу, на ходу прицеливаясь жезлом. Уэбб вскочил и запустил бесполезным люгером в Усмирителя. Тяжелый пистолет с хрустом ударил в лицо врага, ломая лобные кости. Усмиритель зашатался, Уэбб быстро нанес ему еще один резкий удар, повалив на землю.

Но гигант продолжал сопротивляться: одна из толстенных ножищ взметнулась вверх и со страшной силой ударила Уэбба в висок. Перед глазами закрутились звезды и кометы. Лес заплясал, но Уэбб удержался на ногах усилием воли и принялся наносить лежащему противнику удары. Гигант изловчился, зацепил Уэбба и повалил его на себя, сжал в объятиях. Уэббу показалось, что он попал в жерло действующего вулкана, потом почувствовал, что летит по воздуху – Усмиритель, отшвырнув его в сторону, поднялся на ноги. Не помня себя от ярости, Уэбб метнулся к врагу, и обхватив горло противника руками, сжал его мертвой хваткой. Жестоких ударов, которые каменным градом обрушились на его тело, Уэбб уже не воспринимал: тьма втянула его в себя вместе с болью.

Уэбб очнулся . . . Мэг тормошила его.

– Разожми руки, глупый! – умоляла она. – Он уже минут пять, как мертв!

Уэбб приоткрыл один глаз. Он лежал на спине, придавленный сверху огромной тушей Усмирителя, и когда Уэбб отпустил его шею, голова врага безвольно свесилась на сторону.

Мэг опустилась на колени рядом с ним.

– Ну и характер! – потрясенно произнесла она. Уэбб с удивлением заметил, что она плачет. – Сначала он приказывает не стрелять вблизи от него, а потом схватывается

врукопашную с самым здоровенным из этих бугаев. Почему ты не оставил его на попечение Смигу? Он бы позаботился о нем не хуже тебя.

Уэбб, спихнув с себя тело мертвого Усмирителя, ощупал свое собственное: ни одна кость не была сломана, что явилось невероятным, но очень радостным открытием.

– Смиг? – переспросил он. – Да у него самого работы было невпроворот. Чтобы перебить всех этих мальчиков, вам со Смигом требовалось не меньше дня!

Мэг удивленно посмотрела на Хилдрета.

– Что значит – всех? – недоумевающе спросила она. – Всего-то четверых. Одного убрал Смиг, еще одного – я, а с двумя оставшимися ты расправился самостоятельно.

– Четверо?.. – не веря своим ушам переспросил Уэбб. – Тогда почему... – и запнулся: земля дрогнула под его ногами.

Уэбб пошатнулся, схватился за Мэг, которая сама едва удерживала равновесие.

– Спокойно, девочка, – сказал он.

– Что это было? – спросила она.

– Понятия не имею, может быть, землетрясение, – предположил Уэбб и оглянулся. – Нет, это не землетрясение! – воскликнул он, поднимая руку, показывая в направлении пустыни, по которой они совсем недавно бежали. – Смотрите!

Над вершинами сосен поднималась огромная белая туча, быстро увеличиваясь в размерах; она стремительно превратилась в настоящую гору, но поднималась все выше, выше, выше, заполняя собой небо. На высоте не менее пяти тысяч футов ее вершина начала расползаться, раскрывшись, подобно гигантскому зонтику, и на ее поверхности вспыхнуло искусственное солнце.

– Может, буря? – предположила Мэг.

Уэбб покачал головой.

– Хуже, гораздо хуже, – с трудом вымолвил он. – Произошел очередной сдвиг во времени. То, что мы видим – настоящий атомный взрыв.

От изумления Мэг приоткрыла рот.

– Дрянная штука, – сказала она. – Старый главарь бруклинцев иногда рассказывал нам об атомных бомбах. И мне не хочется иметь с ними ничего общего... Уэбб, тебе не кажется, что сдвиги слишком участились?

– Несомненно. И, если я не ошибаюсь, случайными их не назовешь. По-моему, в том отряде было не менее дюжины Усмирителей, а точнее – штук пятнадцать-двадцать. Это следует учесть.

Уэбб устало потер лоб. События чередовались и наслаивались одно на другое; он испытывал легкое чувство отчужденности, как будто все происходящее с ним было далеким и нереальным.

Он с трудом заставил себя продолжить мысль:

– Я думаю, что остальные Усмирители направились прямо к Хрони. Они постараются остановить его, ведь он мешает работе их аппаратуры времени. Но для этого им придется повозиться.

– Повозиться? – повторила Мэг. – А что же будет с нами?

– В том-то и дело, – кивнул Уэбб. – Я пока не уверен, однако мне кажется, что сегменты времени будут перемешиваться, пока продолжается работа над Хрони. Но когда его возьмут под контроль, сегменты вернутся каждый в свое собственное время, как бы оно ни было удалено. Это место не так плохо, но представьте себе, что мы навсегда останемся в золотистом лесу или пустыне?

– Перестань! – воскликнула Мэг. – Я не желаю слышать об этом. Что нам делать?

– Что делать? – мрачно отозвался Уэбб. – Нам необходимо отыскать Хрони. И чем скорее, тем лучше.

В небе, где вздымался атомный гриб, появилось множество темных точек. Они загадочно вились, выделывая сложные фигуры, пока, наконец, одна из них не понеслась к земле, оставляя за собой хвост темного дыма и пламени. Тогда Уэбб догадался, что наблюдает воздушный бой над городом, подвергнувшимся атомной бомбардировке. . . Но тут же и самолеты, и атомный гриб исчезли. Их место заняло прозрачное синее чистое небо. Мозг Уэбба отказывался понять увиденное.

– Один бог знает, что это такое, – прошептал он. – По-моему там очень холодно.

– А вон там, кажется, очень жарко, – перебила его Мэг, указывая вправо. Уэбб обернулся и увидел, что небо обрело медный оттенок и затянуто клубами вьющегося дыма.

– Лесной пожар?

– Может быть, пожар, но вернее сказать – ад, – кратко ответил Уэбб. – Разницы для нас никакой. Не стоит терять времени понапрасну, пошли, затем, остановившись, сказал: – Слышите? – и громко повторил: – Слышите?! – в чем не было никакой необходимости. Рев, похожий на грохот локомотива, раздался совсем рядом, исполненный первобытной ярости, разрывая барабанные перепонки. Гигантское существо неслось напролом через лес по направлению к ним. Рев повторился. Сквозь гущу стволов

Уэбб различил, что на них надвигается нечто циклопических размеров, ужасающей наружности, а высотой не менее восьмидесяти метров. Существо издало рык слепой ярости еще раз и Уэбб охнул, разглядев огромную красную пасть, окаймленную несоразмерно большими зубами.

„ТИРАНОЗАВР” – всплыло из глубин памяти Хилдрета. Смиг в ужасе вскрикнул и застыл как вкопанный.

– Молчать! – зашипел на него Уэбб, хотя никто, даже Мэг, не произнес ни слова. – Может, он не заметит нас, – но надежда на это умерла, едва родившись.

Рука Мэг инстинктивно метнулась к поясу и вытянулась с пистолетом наготове. Голова гигантского ящера, стоило ему уловить движение людей, повернулась и впилась в них крохотными, полными бешенства зелеными глазками, едва заметными за гигантской пастью. Взревев, набирая скорость, рептилия бросилась на них.

Мощный пистолет Мэг дважды рявкнул и два разрыва ухнули где-то среди ветвей в нескольких ярдах от головы чудовища. Смиг стоял, оцепенев, беспомощно сжимая свое оружие. Уэбб лихорадочно манипулировал жезлом, который снял с мертвого Усмирителя. Он вертел луковицеобразную рукоятку, проклиная себя за то, что не удосужился раньше изучить оружие. Неожиданно для Уэбба с конца жезла сорвался электрический заряд, понесся к чудовищу и ударил его в бедро. Тиранозавра отбросило на стволы деревьев. Его задние лапы распрямились, а короткими передними он беспорядочно замахал в воздухе. Раздался вопль, как будто тысяча сирен сошла с ума. Уэбб, сообразив, как работает жезл, застыл на месте, чтобы выпустить в гигантскую ящерицу еще один заряд, затем крикнул: „Бежим!”

Неизвестно, сколько выстрелов требовалось, чтобы убить эдакую махину. Уэбб смутно припоминал лекцию профессора палеонтологии о том, что динозавры могли жить и сражаться даже после того, как лишались головы или сердца. На проверку этой теории не оставалось времени.

Друзья бросились к прогалине и на краю ее остановились, держа оружие наготове; они слышали, как в смертельной агонии тиранозавр крушит стволы вокруг себя. Гигантские сосны качались, как былинки на ветру, а рев раздавался, как от стаи львов в Колизее Нерона.

– Бедная тварь! – вздохнула Мэг. – Я понимаю, конечно, что хорошего нам от него ждать не приходилось, но все равно зрелище мучительное . . .

Уэбб, соглашаясь, кивнул. Смиг удивленно посмотрел на него.

– В чем дело, надземник? – спросил он. – Ты переживаешь из-за той гадины, что ли? Уж больно вы, надземники, все мягкосердечные!

Он скорчил презрительную гримасу и отвернулся. Тут же глаза его вспыхнули удивлением, а худая рука метнулась к излучателю на поясе. Уэбб услышал звук шагов со спины, и в тот же миг увидел извивающуюся ленту бледно-голубого пламени, метнувшуюся к нему. Уэбб зарычал от изумления и гнева: в лесу сотни полян, на которых можно расположиться, но черт дернул выбрать именно ту, на которой Усмирители ремонтировали Хрони! Он обернулся, чтобы встретить опасность лицом к лицу – но . . . слишком поздно!

С полдюжины чудовищ в искаженном человеческом обличье мчались к ним с жезлами наготове, и в лапе у каждого вилась скользкая голубоватая веревка, как та, которой они связали Рона Дайнина в квартире Уэбба. Веревка Усмирителя уже готова была обвить Уэбба – он пригнулся, но недостаточно проворно. Конец веревки облепил его руку, вызвав ощущение прикосновения сухого льда. Лента стремительно обвилась вокруг тела, особенно сильно стянув запястья, когда он попытался дотянуться до жезла. Вторая опутала его, третья . . .

Вскоре он был спеленут ими как мумия, и, покачнувшись, упал на землю. Падая, он зацепил плечом Смига и заметил, что Мэг смотрит на него, спеленутая точно так же.

ВОССОЕДИНЕННОЕ ВРЕМЯ

Беспомощный Уэбб лежал на холмике неподалеку от Хрони. Где-то рядом, как он догадывался, находились Мэг и Смиг, но пошевелиться и увидеть их он не мог. А вместо ответа на его зов послышалось завывание ветра.

Усмирители не обращали на него внимания. Словно гигантские марионетки, ведомые невидимой рукой, они суетились вокруг сияющего корпуса Хрони, устанавливая загадочные механизмы и фокусируя их на корпусе машины. Они работали уже около часа и солнце почти зашло, подсвечивая в небе перистые облака. Временные сдвиги все ускорялись и ускорялись. С бугорка плененному Уэббу были видны небеса всех цветов и оттенков – тропические небеса, небеса, переполненные жужжащими аппаратами, и небеса, не знавшие даже птичьего крыла. Один раз,

на мгновение, возникло небо, в котором висела низкая багровая рыхлая луна и – душераздирающий момент – на фоне далекого горизонта появились верхушки гигантских зданий – не иначе небоскребы его родного Нью-Йорка!

Границей, которую не пересекали сдвиги времени, являлась опушка леса. Очевидно, энергия, излучаемая Хрони, вызывала изменения лишь на незначительном удалении от него. Но Уэбб отметил, что граница эта постепенно приближалась к Хрони.

На фоне редко растущих сосен он видел фантастические сцены: гигантские башни из черного льда; сверкающие экипажи, несущиеся по роскошным автострадам; безжизненные песчаные равнины; гигантские океанские волны, но с каждым разом картины возникали все ближе и ближе.

– Ты должен торопиться, Уэбб!

Голос прозвучал где-то рядом с ним: Уэбб насторожился. Голос принадлежал ни Усмирителю, ни Мэг, ни Смигу, но . . . Неужели это . . .

– Рон, – хрипло пробормотал Хилдрет, – *РОН!*

– Точно так, Уэбб! Только чуточку тише. Говори без слов.

Уэбб сжал губы и беззвучно произнес:

– Так значит я был прав, чувствуя, что ты зовешь меня?

– Конечно, Уэбб. Я же говорил тебе, что поселюсь в твоем мозгу. Но связаться с тобой очень трудно. Это напоминает, ну . . . как учиться управлять ракетой. Ты попадаешь в пилотскую кабину: все приборы на месте, ракета готова к полету, и ты начинаешь учиться ею управлять. И я учился. Мне иногда удавалось прорываться наружу, однажды я даже сумел захватить власть над твоим телом, когда мне пришлось . . .

– Это не тогда ли в городе, когда я утащил эту штуку?

– Именно. И еще несколько раз. Я . . . – голос на мгновение прервался. – Я, отчасти, ответственен за то, что ты поцеловал девушку тогда, в пустыне. Наверное, ты сделал бы это и сам. А теперь, Уэбб, слушай, время дорого: Усмирители скоро возьмут Хрони под контроль. Если им удастся это, для нас все потеряно. Как только Хрони перестанет им мешать, они свяжутся со своим временем и тогда у нас не останется шансов победить. Но они глупы, хотя и владеют такой мощной наукой. Пока они предоставлены сами себе, пока ими не руководит разум, оставшийся за миллионы лет отсюда, у нас остается шанс.

Кратковременный прилив надежды наполнил Уэбба. Он попробовал разрушить его логикой рассуждений.

– Рон, – в отчаянии сказал он. – Ты не знаешь всего! Я связан так, что бессилен выбраться из этих пут. Я не могу пошевелить ни одним суставом. Но даже если я освобожусь – их восемь, а я один. И они вооружены.

– Оружие не имеет значения. Даже если тебе удастся убить Усмирителя, это не поможет. Пока их тела существуют, их можно проследить во времени.

– Тогда что же делать?

– Доверься мне, Уэбб, – высокопарно произнес голос. – Я намерен временно овладеть твоим телом. Только, будь любезен, не сопротивляйся моим действиям.

Уэбб расслабился и почувствовал, как в его мозгу распространяется страшное онемение: сквозь отверстие в черепе ему „заливали" густую сладкую жидкость – она успокаивала, делая его безвольным, но не усыпляя. Фаланги его пальцев начали машинально сгибаться, шевелиться. Самостоятельно, без какого-либо участия с его стороны шевельнулись пальцы ног, один за другим, по порядку. Затем мышцы ног поочередно напряглись и расслабились – Рон Дайнин прикидывал возможность управления телом Уэбба. Голос Рона стал гораздо отчетливее. Как бы невзначай он сообщил:

– Кстати, Уэбб, ты не понял самого главного – твои путы живые. Да, да, я говорю о веревках, стягивающих твое тело. Примитивная форма электрической жизни с одним закрепленным рефлексом – обвиваться вокруг всего, что оказывает сопротивление. Если бы тебе удалось полностью расслабиться и остаться в таком состоянии несколько минут, то они постепенно отпустили бы тебя.

Потрясенный Уэбб заметил с нескрываемым удивлением, что путы, стягивающие его руки и ноги, мало-помалу ослабевают. Покалывания в конечностях подтвердили, что кровь снова стала нормально циркулировать в них. А хватка пут все ослабевала.

– Конечно, неимоверно трудно расслабиться полностью – продолжал голос. – Будь это мое собственное тело, я вряд ли смог бы расслабиться должным образом. Но с чужим телом все обстоит проще. Когда веревки окончательно отпустят тебя, Уэбб, тогда ты запросто, но осторожно снимешь их с себя – осторожно, предупреждаю, и ты – свободен!

Глаза Уэбба округлились при виде его собственной руки, которая медленно приподнялась и коснулась холодных колец, обвившихся вокруг тела. Она мягко сняла их и отшвырнула в сторону.

– Боже милостивый! – пылко произнес Уэбб.

К ужасу своему он ощутил, как ноги приподнимают его над землей, прыжком выпрямляют тело, и вот он уже бежит сломя голову к Хрони и копошащимся рядом с ним Усмирителям. Он услышал, как глотка его извергает набор ничего не значащих фраз, которые, возможно, и были тем ломаным английским, на котором изъяснялись Усмирители. Он почувствовал, что его тело нагибается, руки набирают пригоршни камней и начинают швырять их в остолбеневших Усмирителей, а затем понял, что бежит со всех ног по направлению к опушке леса.

Двигался он не слишком уверенно, иногда спотыкаясь, очевидно, Рон еще не мог свободно управлять чужим телом.

За спиной послышался топот преследователей, в дерево сбоку от него ударил электрический заряд. Но он не решился повернуть голову и посмотреть, что происходит на поляне.

Через мгновение он оказался под прикрытием деревьев и стремительно удирал во все лопатки. За одним из стволов тело его все же приостановилось на секунду, оглянулось и прислушалось. Все восемь Усмирителей мчались по пятам беглеца, на их зверских лицах застыло комическое выражение удивления. Тело его повернулось и вновь бросилось бежать, а в голове он услышал спокойный голос Рона Дайнина:

– Они приближаются, Уэбб. Хотя и не очень быстро. Теперь слушай внимательно!

Уэбб, осознающий, что его бегущее тело продирается сквозь кусты, видящий, как над головой разрывается фейерверк электрических разрядов, слабо попытался вырваться из пугающего транса, в котором Рон удерживал его. Но не смог, а вернее сказать, не осмелился как следует напрячь силы. Он понимал, что теперь все зависело только от Рона.

– Я готов, – сказал Уэбб.

– Прекрасно! В данный момент зоны пульсируют и сменяются очень быстро. Постоянный замкнутый цикл, я долго присматривался к нему и, кажется, решил задачку. К сожалению, я не могу управлять твоим телом с нужной скоростью. Поэтому я возвращаю тело под твой контроль.

– Спасибо, конечно, но что мне делать? – спросил Уэбб, продолжая бег и беспомощно наблюдая, как мимо проносятся деревья и кусты.

– Ты должен приблизиться к району меняющихся зон. Беги, не останавливаясь. Заскакивай в соседний сегмент, но не оставайся в нем более полминуты, а лучше – несколько секунд. Опиши широкий круг, так, чтобы пересечь несколько сегментов, и возвращайся к Хрони. Понял?

– Да, но . . .

– Для спора нет времени! Край первого сегмента прямо по ходу. Небольшой круг вправо, и помни – торопись выскочить из него! Ну, ладно, получай свое тело!

В голове Уэбба что-то дрогнуло – и тело его снова ожило. Ветки, за которыми он наблюдал раньше с интересом стороннего наблюдателя, вдруг обрели силу и немилосердно хлестали его по лицу. Продираясь сквозь заросли, он рассекал их колючую хватку, чувствуя, что легкие охвачены огнем от длительного бега. Тяжело дыша, Уэбб рискнул оглянуться: Усмирители неслись за ним, убрав в кобуры жезлы. Теперь они быстро нагоняли его . . . Уэбб с размаху налетел на толстенную сосну, встряхнул головой, приходя в себя, и обогнул ствол . . . И воткнулся в мир непроницаемой стигийской ночи. Воздух был необычайно холоден, да под ногами у него теперь хлюпало что-то мягкое и студнеобразное, не похожее на подстилку соснового бора. Холодная, густая тьма скрыла настигающих его Усмирителей. Он свернул вправо и прибавил ходу. Впереди возникло слабо мерцающее свечение. Уэбб выскочил на каменный холм, споткнулся и упал. С усилием поднявшись с теплых от солнца камней, он помчался, спотыкаясь о неровности каменистого склона, скользя и пошатываясь. Над головой его нависло голубое небо, усыпанное звездами, большими и яркими. Звезды казались такими близкими, что захотелось набрать полную горсть. Но на сбор звезд не было времени, потому что впереди снова показался лес . . . Однако не тот, в котором началось преследование. Уэбб, вбежав в него, сразу же по самые лодыжки погрузился в теплую жидкую грязь. Он запутался в стеблях длинных тонких растений, а лес вокруг него наполнился странными звуками. Каждый мускул его тела протестовал против непосильной физической нагрузки, легкие жгло расплавленным металлом, но он продолжал продираться сквозь чащу . . .

И тут в его голове зазвучал тихий голос, дрожа от едва сдерживаемого нетерпения:

– А теперь, Уэбб, бери вправо и беги обратно в сторону Хрони. Торопись!

Уэбб застонал и, выругавшись, с трудом последовал приказу Рона. Казалось, он долгие столетия продирается сквозь лианы и теплую жижу. Наконец он почувствовал под ногами твердую землю соснового бора и вылетел на поляну, где стоял Хрони во всем своем светящемся великолепии, окруженный кольцом механизмов, брошен-

ных Усмирителями. Он зацепился за корень и растянулся во весь рост, не испытывая ни малейшего желания подняться.

Голос успокаивающе произнес:

– Все в порядке, Уэбб! Мы выиграли! Взгляни!

Хватая воздух широко раскрытым ртом, Уэбб поднял голову и взглянул на Хрони. Приборы, окружавшие его, гудели и вибрировали, наращивая мощность. Яркость окраски Хрони постепенно менялась: бледное перламутровое свечение густело, превращаясь в ярко-алое, потом вспыхнуло и с грохотом пропало – корпус стал совершенно темным.

Корректирующие силы аппаратуры Усмирителей взяли под контроль вырвавшуюся на свободу энергию Хрони.

С пробуждающейся в сердце надеждой Уэбб отметил, что лес по ту сторону Хрони тих и дружелюбен. Толстые сосны молча стояли под серебристым лунным светом. Призрачные видения иных эпох исчезли. А небо, куда ни брось взгляд, стало привычным ясным небом, как никогда родным, усыпанным звездами, с облачками вместо призрачных башен и незнакомых летательных аппаратов.

Треснувшая ткань времени вновь слилась в единое целое.

– Но где же они? – спросил Уэбб.

– Кто? Усмирители? – иронично спросил Рон. – Они теперь разбросаны по всем эпохам, их разделяют миллионы лет. У тебя нет причин для беспокойства, Уэбб! С ними покончено, особенно если учесть, что некоторые из этих эпох не слишком дружественны и гостеприимны.

Уэбб поднялся на ноги и глубоко вздохнул. Луна высветила две фигуры, лежавшие спеленутыми на земле: Мэг и Смиг. Уэбб поспешил к ним. Голос Рона продолжал звучать в его мозгу.

– Мы не могли победить их в схватке, где требовалась сила. Поэтому, Уэбб, нам пришлось перехитрить их. Если бы они не последовали за тобой или за мной или за нами, мы потерпели бы поражение. Но они все-таки побежали следом. А вот и девушка!

– Мэг! – Уэбб наклонился над ней и воскликнул со страхом в голосе: – Мэг! Что с тобой?

– Они парализованы, Уэбб, – ответил ему спокойный голос Рона. – Но паралич быстро пройдет, если ты дашь мне свою руку!

Уэбб молча согласился, рука его занемела, потом, послушная чужой воле, вытянулась, пальцы прижались к шее девушки. Ловко найдя точку, где нервные оконча-

ния выходили под кожу, они принялись массировать это место.

Мэг пошевелилась и вздохнула.

– Она придет в себя через минуту, – произнес голос Рона. – Усмирители решили убрать их с дороги. Думаю, они собирались оставить их здесь умирать. Естественно, у тебя на их счет совсем другие планы!

– Могу поклясться, что это так, – сказал Уэбб и повернулся к хрупкому тельцу Смига.

– А как быть с ним? – спросил он.

– Дай еще раз твою руку. – И пока пальцы нащупывали нужное место на худой шее Смига, голос Рона произнес:

– Знаешь, Смиг особенно интересен мне. Его народ – предок моего народа. В войне между горожанами и трогами победили в конце концов троги. Человечество моего времени произошло от них. Когда горожане обследовали тебя в лаборатории, я понял, что они совершенно правы, назвав тебя трогом. Ведь мое сознание неотделимо присутствовало в твоем. А мой мозг – это мозг трога, пусть более развитый.

– Минутку, – прервал его Уэбб. – Я хотел спросить тебя об одной вещи, Рон. Ты мне очень симпатичен, и я не хочу обидеть тебя... Но мне надо знать, собираешься ли ты все время находиться в моем сознании?

Наступило молчание, затем вновь зазвучал голос Рона, спокойный и дружелюбный.

– Я понимаю о чем ты думаешь, Уэбб, – сказал он. – Но... не надо бояться, я погружусь в глубь твоего мозга, где не буду ни видеть, ни слышать, ни чувствовать – пока ты сам не позовешь меня, – только в этом случае я вернусь. У тебя есть контроллер, который я украл в городе. Ты должен заменить им вышедший из строя контроллер машины времени. Ты справишься с этим. И тогда, Уэбб, время в твоем распоряжении, с управлением Хрони ты разберешься.

Мэг беспокойно зашевелилась, как будто просыпаясь после глубокого сна.

Уэбб придвинулся к ней и обнял.

– Всего хорошего, Рон, – сказал он. – Ты понимаешь меня, не так ли?

Ответа не последовало, но в глубине сознания прозвучал тихий сдавленный смех.

Уэбб улыбнулся и громко сказал вслух:

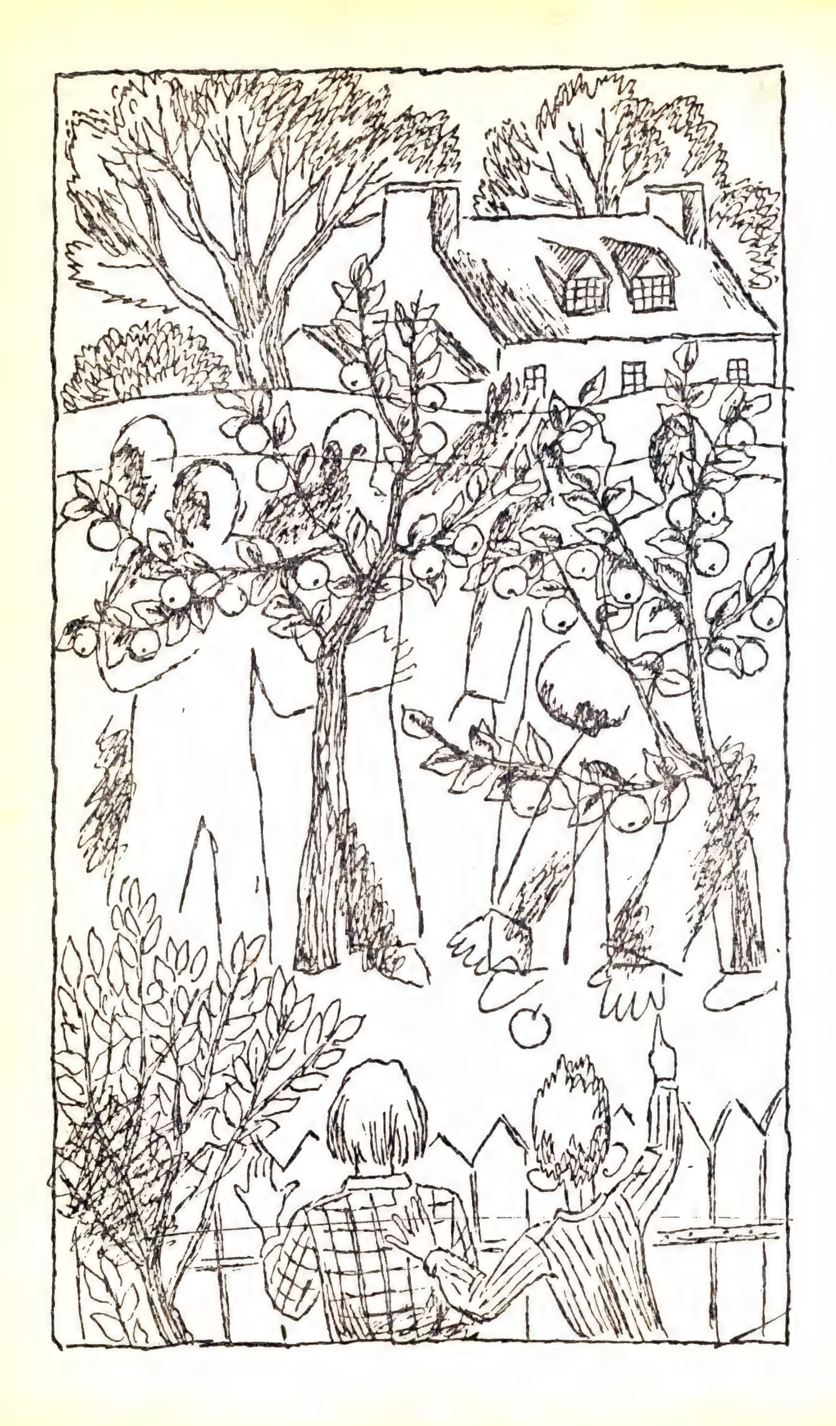
– Просто я хочу быть уверенным, что когда целую Мэг, это именно моя идея.

Кто-то в последний раз хихикнул, тихо и очень далеко.

А потом наступила тишина.

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Клиффорд
Д. САЙМАК

БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Мама с папой ссорились. Не то, чтобы очень всерьез, но шумели они изрядно. Их перебранка длится уже несколько недель.

— Не можем мы вот так сразу бросить все и уехать! — громко сказала мама. — Так дела не делаются. Надо подумать хорошенько, прежде чем срываться с места, где провел всю свою жизнь.

— Я уже думал! — еще громче ответил папа. — Много думал! С того дня, как инопланетяне начали путаться под ногами. Вчера еще одно семейство приехало и поселилось в доме, где раньше жили Пирсы.

— Откуда ты знаешь, что на какой-то Фермерской планете нам будет лучше? — спросила мама. — А если окажется еще хуже?

— Хуже, чем здесь просто не бывает! Если бы нам хоть в чем-то везло! Честно скажу, мое терпение вот-вот лопнет!

Ей богу, папа ни вот настолько не преувеличивал, говоря о нашем невезении. Помидоры в этом году не уродились, сдохли две коровы, медведь не только сожрал весь мед, но и разломал ульи . . . Вдобавок испортился трактор и его ремонт встал нам в семьдесят восемь долларов и девяносто центов.

— Каждому в чем-то не везет, — упрямилась мама.

— Каждому, только не Энди Картеру! — взвился папа. — Как это получается — непонятно, только ему все нипочем, за что бы он ни взялся, по-моему, если Энди даже в лужу шлепнется, поднимется из нее, усыпанный алмазами.

— Ну я не знаю . . . — мама пожала плечами, — еды нам хватает, голыми не ходим и крыша над головой имеется. Может, в наше-то время не стоит ждать от жизни большего.

— Почему не стоит? — ответил папа. — Человек не может довольствоваться только тем, чтобы сводить концы с концами. Я ночами не сплю, голову ломаю, что бы такое сотворить да как бы нам жизнь улучшить. Чего только не придумывал — ничего не вышло. Даже с адаптированным марсианским горохом. Посадил его на песчаном участке, не почва — золото. Прямо-таки специально насыпана для марсианского гороха . . . Ну и как, выросло хоть что-нибудь?

– Нет, – ответила мама, – насколько я помню, нет.

– А на следующий год Энди Картер посадил тот же самый горох на том же самом месте, только за забором. Так он унести не мог свой урожай!

Это уж точно. Да и что касается фермерской сноровки – разве может Энди сравниться с папой? Только за что бы папа не брался, ничего не получалось. Но стоит Энди повторить вслед за папой – все выходит как нельзя лучше.

Впрочем, это касается не только нас, но и всех наших соседей. Все в прогаре, один Энди в выигрыше.

– Запомни, – повторил папа, – еще одна неудача, и я бросаю это дело. Попытаемся начать все сначала на какой-нибудь из Фермерских планет . . .

Дальше можно было не слушать.

Я незаметно выскользнул за дверь и, шагая по дороге, с сожалением подумал, что когда-нибудь он действительно решит эмигрировать, как многие наши старые соседи.

Может, переселиться на новое место не так и плохо, но, когда я прикидывал, что для этого придется покинуть Землю, мне становилось не по себе. Все эти планеты страшно далеко, и неизвестно, хватит ли у нас сил вернуться, если там не понравится? Кроме того, здесь все мои друзья. Конечно, они инопланетяне, только мне с ними очень интересно.

От этой мысли я даже слегка вздрогнул, впервые ясно представив, что все мои друзья – инопланетяне. Мне с ними так здорово, что я никогда не задумывался, кто они.

Мне казалось немного странным, когда папа с мамой говорили, что скоро на Земле народу станет меньше – ведь все покинутые хозяйства по соседству покупали инопланетяне. У них просто выбора нет – все внешние колонии Земли для них закрыты.

Я как раз проходил мимо фермы Картеров и углядел, что в саду деревья буквально ломятся под тяжестью плодов. Я подумал, что надо будет сюда заглянуть, когда они дозреют. Конечно, в таких делах следует осторожничать, потому что Энди Картер – человек очень противный, а садовник его, Оззи Бернс – и того хуже. Помню, Энди однажды нас накрыл, когда мы забрались к нему за дынями, и я, удирая, запутался в колючей проволоке. Энди меня тогда поколотил, на что, собственно, имел право, но чтобы идти к папе и требовать с него за эту пару дынь семь долларов . . . Папа заплатил, а потом выпорол меня почище, чем Энди.

Выпорол и сказал, что Энди не сосед, а сплошное расстройство. Правильно сказал.

Я дошел до дома, где раньше жили Адамсы, и увидел во дворе Чистюлю. Он висел в воздухе и подбрасывал старый баскетбольный мяч. Мы зовем его Чистюлей, потому что не можем выговорить настоящего его имени. Некоторых инопланетян очень странно зовут.

Чистюля был нарядным, как обычно. Он всегда нарядный, потому что, когда играет вместе с нами, не пачкает одежду. Мама меня ругает, почему и я не могу быть таким же чистым и опрятным. А я ей отвечаю, что чистым легко оставаться тому, кто висит в воздухе, а не ходит по земле. Ведь если Чистюля хочет швырнуть в вас комком грязи, ему не нужно даже руки пачкать.

В это воскресенье на нем была голубая рубашка, вроде как шелковая, и красные штаны – похоже, бархатные, а светлые волосы он перевязал зеленой лентой, которая развевалась на ветру. На первый взгляд, Чистюля немножко напоминал девчонку, но не советую ему об этом говорить, он вам не простит. Я в этом убедился на собственной шкуре в первый же день, как мы познакомились. Он вывалял меня в грязи и даже пальцем ко мне не притронулся. Сидел себе по-турецки в воздухе, футах в трех от земли, со сладенькой улыбочкой на противной роже, а светло-желтые волосы развевались по ветру . . . Хуже всего было то, что я ничего не мог с ним сделать в ответ.

Но это было давно очень, а теперь мы хорошие друзья.

Мы поиграли в мяч, но нам скоро надоело. А потом из дома вышел папа Чистюли, сказал, что рад меня видеть, и спросил, как дела у родителей и хорошо ли работает после ремонта трактор. Отвечал я ему очень вежливо, потому что, честно говоря, немножко его побаивался.

Дело в том, что он малость чудной – не внешне, а потому, как ведет хозяйство. И хотя он не похож на фермера, с хозяйством отлично управляется. Папа Чистюли никогда не пользуется плугом, просто сидит в воздухе, скрестив ноги, и плывет над полем туда, потом обратно, а на том месте, над которым он проплыл, земля становится мелкой, как пудра. Вот так и работает. На его поле нет даже сорняков, потому что ему достаточно проплыть над грядкой – и сорняки уже лежат в борозде, вырванные с корнями.

Можете представить, что он сделает с любым из нас, если поймает во время хулиганства, поэтому мы стараемся быть вежливыми и осторожными, когда он поблизости.

Так что я ему рассказал и о нашем тракторе, и об ульях. А потом спросил, как у него дела с машиной времени, но папа Чистюли в ответ лишь грустно покачал головой.

– Даже и не знаю, что происходит, Стив, – сказал он, – я опускаю в нее разные предметы и они исчезают, но потом не могу их найти, хотя и должен бы. Может, я слишком далеко перемещаю предметы во времени?

Думаю, он бы рассказал мне еще про свою машину, но тут нам помешали.

Пока мы разговаривали с папой Чистюли, их пес загнал кота на клен. Обычное дело, если поблизости нет Чистюли. При нем все идет шиворот-навыворот. Значит, Чистюля дотянулся до дерева – не руками, конечно, а мысленно, поймал кота, свернул его в клубок так, что тот пошевелиться не мог, и опустил на землю. Придерживая пса, который бился и вырывался, он сунул ему под нос кота и одновременно освободил обоих животных.

Раздался такой вопль, какого я не слыхал. Кот молниеносно взлетел не дерево, едва не содрав с него кору. А пес, не успев вовремя затормозить, на полном ходу врезался носом в ствол.

Кот в это время уже орал на самой вершине, будто его резали, а пес обалдело носился вокруг дерева.

Папа Чистюли молча посмотрел на сына. Он ничего не сделал, даже слова не сказал, но Чистюля побледнел и как будто съежился.

– Сколько раз повторять, чтобы ты оставил этих животных в покое, – наконец сказал он. – Ты видел, чтобы Стив или Мохнатик над ними издевались?

– Не видел, – пробормотал Чистюля.

– Идите, – сказал папа Чистюли, – и займитесь своими делами.

Ну, значит, пошли мы, то есть я плелся по дороге, поднимая пыль, а Чистюля плыл по воздуху рядом. Мы двинулись к Мохнатику, которого застали перед домом. Он сидел и ждал, уверенный, что рано или поздно кто-нибудь из нас пройдет мимо. На плече у него чирикала пара воробьев, рядом с ним скакал кролик, а из кармана выглядывала белочка, поблескивая глазами-бусинками.

Мы с Мохнатиком уселись под деревом, а Чистюля устроился возле нас – он тоже почти сидел, то есть висел дюймах в трех над землей. Мы соображали, куда отправиться, но ничего путного в голову не шло, так что мы просто сидели и болтали, кидали камешки, жевали травинки, а зверьки Мохнатика бегали вокруг нас, ничуть не боясь. Они немного сторонятся Чистюлю, а ко мне, если рядом Мохнатик, подходят без опаски.

Меня вовсе не удивляет, что зверьки любят Мохнатика: он и сам весь покрыт гладкой блестящей шерсткой, и на

нем только такие маленькие трусики. Если его отпустить без этих трусиков, его могут по ошибке подстрелить.

Значит, мы соображали, чем бы заняться, и тут я вспомнил, что папа говорил о какой-то новой семье, которая поселилась у Пирсов. Мы решили пойти туда и узнать, а нет ли у них детей?

Оказалось, что они привезли с собой мальчика нашего возраста. Этот мальчишка был немножко угловатый, невысокого роста, с большими круглыми глазами, но мне он сразу понравился.

Он сказал нам, как его зовут, но его имя оказалось еще труднее, чем имена Мохнатика и Чистюли, так что мы немного посовещались и решили называть его Малыш. Это имя очень ему подходило.

Потом Малыш позвал своих родственников и по очереди всех их представил. Мы познакомились с его папой, мамой, с маленьким братишкой и с младшей сестрой, похожей на него самого. Потом его родственники вернулись в дом, только папа Малыша присел с нами поболтать и сказал, что не слишком уверен в своих земледельческих способностях: по профессии он вовсе не фермер, а оптик. Папа Малыша объяснил нам, что оптик – это тот, кто вырезает и шлифует линзы. Но у его профессии нет перспектив на их родной планете. И еще добавил, что очень доволен, перебравшись на Землю, и постарается быть нам хорошим соседом и много всякой ерунды в таком же роде.

В общем, мы дождались, когда он замолчит, и смылись. Нет ничего хуже, если взрослый пристанет и его приходится сидеть и слушать.

Мы решили показать Малышу окрестности и посвятить его в наши дела. Перво-наперво мы отправились в Черную Долину, но шли медленно, потому что нам все время докучал кто-нибудь из любимцев Мохнатика. Вскоре мы напоминали бродячий зоопарк: кролики, белки, черепахи и еще какие-то зверьки.

Я, конечно, люблю Мохнатика, и мне с ним интересно, однако должен признаться, что он усложняет мою жизнь. До того как он здесь появился, я частенько ловил рыбу и охотился, а теперь не могу выстрелить в белку или поймать карася без того, чтобы не подумать – а вдруг это один из друзей Мохнатика.

Вскоре мы дошли до ручья, где находилась наша ящерица, мы откапывали ее все лето, с небольшими, правда, результатами, но не теряли надежды, что в один прекрасный день извлечем ее на поверхность. Вы, конечно, понимаете,

что я говорю не о живой ящерице, а об окаменевшей миллион лет назад в том месте, где ручей протекает через слоистую известняковую плиту; ящерица застряла как раз между двумя такими слоями. Мы уже откопали четыре или пять футов ее хвоста и вгрызались все глубже, но нам становилось все труднее и все больше камня приходилось отбивать.

Чистюля поднялся в воздух над известняковым выступом, застыл неподвижно, сосредоточился, а потом ударил изо всех своих мысленных сил – конечно, так, чтобы не повредить ящерицу. Он постарался на славу и отбил крупный кусок плиты. Пока Чистюля отдыхал, мы втроем собирали и оттаскивали камни.

Но один камень мы не смогли сдвинуть с места.

– Ударь по нему еще раз, – сказал я Чистюле, – он разлетится на кусочки, и мы их вытащим.

– Я его отбил, а вы уж сами думайте, что с ним теперь делать, – ответил он.

Спорить с ним было бесполезно. Мы втроем ухватились за эту глыбину, но она даже не дрогнула. А этот нахал сидел себе, ни о чем не беспокоясь, и только забавлялся, наблюдая, как мы надрываемся.

– Поищите какой-нибудь лом, – посоветовал он. – С ломом, наверное, справитесь.

Мне Чистюля уже порядком надоел, и чтобы хоть на минутку от него отдохнуть, я согласился, сказав, что пойду за ломом. А этот новенький, Малыш, решил идти со мной. Мы выбрались обратно на дорогу и направились ко мне. Мы не торопились. Ничего с Чистюлей не сделается, если он подождет.

Мы шли с Малышом по дороге и болтали. Он рассказывал мне о своей родной планете, а я рассказывал ему о Земле. Я чувствовал, что мы быстро подружимся.

Когда мы проходили мимо сада Картеров, Малыш внезапно остановился посреди дороги и напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь. Поскольку я шел сзади, то врезался в него, но он даже не пошевелился, хотя я крепко в него впилился. Его глаза блестели и весь он был так возбужден, что аж дрожал.

– Что случилось? – спросил я.

Малыш пристально разглядывал что-то в саду. Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел.

Вдруг он резко повернулся, перепрыгнул через забор на другой стороне дороги и помчался по полю напротив сада Картера. Я побежал следом, догнал Малыша у самой границы леса, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Что случилось? — крикнул я. — Куда ты так летишь?

— Домой, за ружьем!

— За ружьем? А зачем тебе ружье?

— Там же их полно! Надо всех уничтожить!

Тут он, кажется, сообразил, что я ничего не понимаю.

— Хочешь сказать, что не видел?

Я кивнул и растерянно пробормотал:

— Там же никого не было . . .

— Да нет, их там много! — сказал он. — Только ты их, наверное, не видишь. Как и взрослые, которые теряют умение видеть . . .

Такого мне еще никто и никогда не говорил. Я сунул ему кулак под нос, и тогда он принялся тараторить, объясняя:

— Они видны только детям. И приносят несчастье. Нельзя, чтобы они спокойно жили рядом, иначе не миновать неприятностей . . .

Так сразу поверить я не мог, понять — тем более. Впрочем, видя, что вытворяют Чистюля с Мохнатиком, я давно перестал удивляться и утверждать, будто на свете есть что-то невозможное.

Немного подумав, я согласился, что Малыш может быть и прав. Отчасти. Нас давно уже преследовали всякие неприятности, а ведь никогда так не бывает, чтобы людям все время не везло — если только кто-нибудь специально не мешает им нормально жить.

Да и не только нам. Всем, буквально всем соседям не везло, за исключением Энди Картера. Видно, Энди слишком плохой человек, даже для того, чтобы его преследовали неудачи.

— Ладно, — сказал я, пошли за твоим ружьем.

Я прикидывал, как же выглядит это потрясное ружье, из которого можно стрелять по цели, которой не видно?

Мы добежали до его дома так быстро, что сами не поверили. Папа Малыша сидел под деревом. Малыш подошел к нему и начал что-то говорить, но я ничего не понимал.

Папа немного послушал его, а потом сказал:

— Ты должен говорить на здешнем языке, иначе это очень невежливо с твоей стороны. Если хочешь стать хорошим гражданином этой большой и прекрасной планеты, ты должен пользоваться ее языком, перенимать ее обычаи и стараться жить так, как живут ее обитатели.

Одно могу сказать: папа Малыша умел выбирать слова!

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — правда, что эти невидимки приносят несчастье?

– Правда, – ответил папа Малыша. – На нашей планете они здорово нам досаждали.

– Папа, – спросил Малыш, – можно взять ружье?

– Не торопись, – ответил его папа. – Все надо тщательно проверить. Там, у нас, ситуация была ясной. Но здесь могут существовать другие обычаи. Не исключено, что человек, которому они принадлежат, станет возражать против их уничтожения.

– Но разве они – чья-то собственность? – возразил я. – Как можно владеть тем, чего даже не видно?

– Я имел в виду владельца фермы, где они появились.

– Энди Картера? Но ведь он о них не знает.

– Не имеет значения, – ответил папа Малыша. – Мне кажется, что тут возникает серьезная этическая проблема. На нашей планете этих созданий все ненавидели. Но здесь может оказаться иначе. Видишь ли, тому, кого они себе выберут хозяином, они очень полезны.

– То есть Энди они приносят удачу? – спросил я. – А мне казалось, вы говорили, что с ними одни неприятности.

– Да, они приносят несчастье всем, кроме хозяина. У них такое правило: счастье для одного – несчастье для остальных. Потому на нашей планете никто и не позволял им у себя поселяться.

– Значит, вы думаете, что они выбрали себе Энди и поэтому ему везет?

– Ты абсолютно прав, – сказал папа Малыша. – Ты прекрасно уловил суть дела.

– Так почему бы прямо сейчас не пойти и не истребить их всех?

– А этот мистер Картер не будет иметь ничего против?

– Ну ничего хорошего от него ждать не приходится. Он нас наверняка прогонит раньше, чем мы завершим дело наполовину. Но ведь потом можно тайком вернуться и . . .

– Исключено, – возмутился папа Малыша.

Папа Малыша прямо-таки терпеть не мог нечестных поступков. Он, наверное, умер бы от стыда, если б его засекли за хулиганством.

– Так нельзя, – сказал он. – Это будет в высшей степени неэтично. Как ты думаешь, Стив, знай Картер, что они у него на ферме, он захотел бы с ними расстаться?

– Я уверен, что нет. Он только о себе и думает.

Папа Малыша тяжело вздохнул и встал.

– Стив, твой отец сейчас дома?

– Наверняка.

– Пойдем, поговорим с ним. Он здесь родился, он честный человек и посоветует нам, как поступить.

– Скажите, пожалуйста, – спросил я, – а как вы их называете?

– У них есть название, но его не перевести на ваш язык. Понимаешь, оно связано с тем, что они не находятся ни здесь, ни там, а как бы на границе, между . . . Да, можно назвать их Граничниками.

– По-моему, хорошее обьяснение, и слово . . .

– Да, – подтвердил папа Малыша, – давай их так называть.

Мой папа обалдел почище моего, когда узнал о них, но чем дольше он слушал папу Малыша и чем сильнее задумывался, тем больше убеждался, что его не обманывают.

– Наверное, вы правы, – наконец сказал он. – Ведь за что ни возьмешься, ничего не выходит. Признаться, злость меня разбирает, когда я вижу, что мне ничего не удается, а этому Картеру везет во всем.

– Меня очень беспокоит, – сказал папа Малыша, – что мы обнаружили Граничников на вашей планете. У нас их много, да и на соседних планетах, но я никогда не думал, что они забрались так далеко.

– Одно непонятно, – сказал мой папа, раскуривая трубку и присаживаясь, – почему мы их не видим, если они здесь, рядом.

– Существует вполне научное объяснение, но его, к сожалению, нельзя выразить на вашем языке. Они живут как бы в иной фазе, хотя и это не совсем правильно. Взгляд ребенка проницателен, ум распахнут, поэтому может увидеть нечто, буквально капельку, сверх действительности. Вот почему Граничников видят только дети. Я в детстве тоже их видел и даже уничтожил немало. Должен вам сказать, что на нашей планете поиски и постоянное истребление Граничников входят в обязанности детей.

– А ты их видел? – папа повернулся ко мне.

– Нет, папа, не видел.

– И вы тоже не видели? – спросил он у папы Малыша.

– Я утратил возможность видеть Граничников много лет назад. Что касается вашего мальчика, то, возможно, только дети некоторых рас . . .

– Но это значит, что Граничники нас видят? Иначе как они могут приносить счастье или несчастье?

– Несомненно, нас они видят. Это бесспорный факт, ведь ученые нашей планеты с давних пор исследуют этих существ.

– Еще один вопрос: как они выбирают себе хозяев? И что они с этого имеют?

– Это окончательно не выяснено, – ответил папа Малыша. – Но на этот счет имеется много гипотез и одна из них гласит, что собственной жизни у Граничников нет, и, чтобы существовать, они должны иметь постоянный образец. С него они копируют и внешность, и чувства, напоминая паразитов.

Тут папа остановил его. Он уже изрядно запутался и ему необходимо было поразмышлять вслух.

– Не думаю, – сказал папа, – что они делают это за так. Должна существовать конкретная причина, как, впрочем, в любой работе. Все делается по определенному плану, все имеет свою цель. И если внимательно приглядеться – плохих дел вообще не существует. Может, несчастья, которые приносят Граничники, частицы большого и важного плана? Может, они помогают нам воспитывать характер?

Честное слово, я впервые слышал, чтобы папа так рассуждал, да еще сидя с папой Малыша.

– Я тоже пытался объяснить их существование, но не думал о том, что вы сейчас сказали.

– А может Граничники – кочевые племена, которые просто перебираются с места на место? Поживут себе немного, а потом отправляются дальше?

Папа Малыша грустно покачал головой.

– К сожалению, этого почти никогда не происходит.

– Очень давно, когда я был маленьким, – сказал папа, – мы с мамой, то есть с твоей бабушкой, Стив, поехали в город. Хорошо помню, как я стоял перед огромной витриной, полной игрушек, зная, что никогда мне их не купят, а так хотелось получить хоть одну. Может, они тоже стоят за огромным стеклом и смотрят на нас, на что-то надеясь?

– Очень образное сравнение, – с явным восхищением сказал папа Малыша.

– Что касается меня, – продолжал мой папа, – то ваше слово для меня свято, и я ни в коем случае не хочу усомниться в том, что вы нам рассказали . . .

– Но вы сомневаетесь, и я вас за это не осуждаю. Наверное, вы поверите, когда Стив подтвердит, что видел их?

– Пожалуй так, – подумав, ответил папа.

– До того как мы переселились на Землю, я работал в оптической промышленности. Вероятно, мне удастся подобрать и отшлифовать линзы, чтобы он мог увидеть Граничников. Я ничего не гарантирую, но игра стоит свеч. Он еще в том возрасте, когда дети видят сверх действительности. Возможно, его зрение требует лишь небольшой коррекции.

– Если вам удастся помочь ему, и Стив увидит Граничников, я поверю без малейших сомнений.

– Сейчас же принимаюсь за дело, – пообещал папа Малыша.

Папа долго смотрел, как Малыш и его папа идут по дороге, а потом покачал головой.

– Некоторые инопланетяне проповедуют странные теории. Приходится все время быть настороже, чтобы не дать себя провести.

– Но они говорят правду! – воскликнул я.

Папа молча сидел и думал, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся маленькие колесики и шестеренки.

– Чем дольше все это взвешиваю, тем правдоподобней оно выглядит. Когда-то счастье и несчастье были поделены поровну, по справедливости. Потом, допустим, появилось нечто, безразлично что, и отдало все счастье одному человеку. Значит, всем прочим и нам тоже осталось одно несчастье.

К сожалению, мои колесики крутились медленнее папиных, и чем дольше я его слушал, тем меньше понимал.

– Предположим, – продолжал он, – проблема сводится к обычному состязанию. Что для одного человека везение – то для другого неудача. Скажем, все хотят иметь интересную книгу. Для того кто ее достанет – это победа, для других – поражение. Как с тем медведем: для того, чей улей остался цел – это счастье, удача, а для того, чей разрушен – сплошные расстройства. Опять же, сломался трактор . . .

Папа долго мог так говорить, но не думаю, что он сам во все это верил. Мы оба понимали, что за словами стоит что-то более существенное.

Чистюля и Мохнатик здорово рассердились на меня за то, что я не принес лом. Они заявили, что я их попросту надул, но я ответил, что совсем нет и, чтобы они поверили, рассказал, что случилось. Может, следовало держать язык за зубами, но, в конце концов, это не имело значения. Во всяком случае, мы сразу же помирились, и вообще стало очень весело. Те двое стали подшучивать над Малышом насчет Граничников, но он никак не реагировал, и его оставили в покое.

Каникулы мы провели просто здорово. Сначала была ящерица, а потом появилась семья скунсов: они влюбились в Мохнатика и следовали за ним по пятам. В один из дней Чистюля увел у Энди из сарая все машины. Энди носился по ферме и с ума сходил от злости. Все бы хорошо, только ни нас, ни наших соседей не оставляли неудачи. Ну а когда рухнул наш сеновал, отец прямо заявил, что папа Малыша

был прав. Мама едва удержала его, а то он собрался идти к Энди Картеру и всыпать ему как следует.

На день рождения родители подарили мне телебиовизор, чего я, признаться, не ожидал. Я давно о нем мечтал, но ведь это дорогая штука, а после трактора и сеновала лишних денег совсем не было.

Вы, конечно, знаете, что такое телебиовизор. Он вроде телевизора, но гораздо лучше. По телевизору можно только смотреть передачу, телебиовизор позволяет переживать ее вместе с героями. Надеваешь на голову шлем, выбираешь нужную программу, включаешь визор и приемник и переживаешь то, что видишь.

Он не требует особого воображения – все уже готово для вас: действие, звук, запах и даже ощущения, например, когда до тебя дотрагиваются.

Мне подарили детский телебиовизор, и он принимал только детские программы. Но мне их вполне хватало, чтоб еще переживать всю эту ерунду для взрослых!

Я все утро просидел с телебиовизором. Сначала посмотрел программу, которая называлась „Покоряем иные миры" – о земной исследовательской экспедиции, высадившейся на далекой планете, потом про охоту в джунглях, а в конце „Робин Гуда", и он мне больше всего понравился.

Я был страшно доволен своим телебиовизором и решил похвастаться перед ребятами, поэтому пошел к Чистюле. Но я не успел ему ничего сказать. Не дойдя до калитки, я увидел, как по воздуху плывет Чистюля, а рядом с ним несчастный замученный кот, над которым Чистюля все время издевался. Кот не мог даже пошевелиться, я только видел его расширенные от ужаса глаза.

– Эй, Чистюля! – крикнул я.

Он приложил палец к губам, делая мне знак молчать, а другим пальцем поманил к себе. Я перепрыгнул через забор, а Чистюля опустился на землю.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Он ушел и забыл запереть на замок сарай, – шепнул он.

– Кто ушел?

– Мой папа. Понимаешь? Он забыл запереть старый сарай.

– Но ведь там . . .

– Вот именно. В нем он содержит машину времени.

– Чистюля! Ты что, собираешься сунуть туда кота?

– Почему бы и нет? Папа никогда не опускал в нее ничего живого. Посмотрим, что получится.

Мне его идея не понравилась, но уж очень хотелось посмотреть машину времени. Интересно узнать, как она выглядит. Ведь папа Чистюли ее никому не показывал.

– Что, – спросил Чистюля, – трусишь?

– Нет, но как же кот?

– Тоже мне! Подумаешь, кот . . .

Действительно, это был всего лишь кот. Я двинулся за Чистюлей, и мы проскользнули в сарай, прикрыв за собой дверь. В центре сарая стояла машина времени. Она не выглядела как-то особенно: обычная воронка, хоть и большая, а в одном, самом широком месте, обмотанная множеством проволочек. К специальному колесу крепился примитивный пульт управления, который с помощью разноцветных проводов соединялся с воронкой. Высотой машина доставала мне до груди, поэтому я снял телебиовизор и положил на ее край, чтобы заглянуть внутрь. В это время Чистюля включил питание, и я отскочил как ошпаренный, потому что в самом деле от неожиданности испугался.

Постояв чуток, я вернулся, чтобы заглянуть еще раз. Внутри воронки крутился водоворот из сметаны: густой, жирный, блестящий и . . . живой! В нем виднелась жизнь! И так потянуло меня броситься туда вниз головой, что пришлось изо всех сил держаться за край воронки, чтобы этого не сделать. Кто знает, может я в конце концов и прыгнул бы, но кот у Чистюли неожиданно высвободился. Не знаю, как ему удалось, ведь он был свернут в клубок и буквально застегнут на пуговицу. Может, Чистюля зазевался, но я думаю, кот пронюхал, что его ожидало. Так или иначе, он висел над воронкой машины, а Чистюля приготовился его туда сбросить. Вот тогда-то коту удалось вывернуться и он заорал, распушив хвост и загребая лапами воздух, чтобы не упасть в водоворот. В последний момент, уже падая, он ухитрился как-то извернуться и когтями одной лапы зацепиться за край воронки, а другой – за мой телебиовизор. Я вскрикнул и потянулся, чтобы спасти аппарат, но было поздно: он упал в белую кашу и тут же исчез. А кот, взобравшись по столбу, сидел на одной из перекладин, громко мяукая.

Тут открылась дверь и появился папа Чистюли. Я подумал, что теперь уж мне здорово влетит, но он молча смотрел то на Чистюлю, то на меня, а потом сказал:

– Стив, выйди, пожалуйста.

Я выскочил за дверь так быстро, как только мог, но через плечо еще раз оглянулся – Чистюля побледнел и задрожал. Я знал, что его ожидает наказание и, хотя он его

вполне заслужил, мне стало Чистюлю жалко. Но даже останься я – чем бы ему это помогло? Так что я был доволен одним тем, что вышел сухим из воды. Но потом понял, что о везении говорить рано.

Не знаю, наверное с перепугу, но я пошел прямо домой и рассказал папе всю правду. Папа снял ремень и задал мне перцу. Мне показалось, делал он это без особой охоты, потому что и ему надоели проделки инопланетян.

Несколько дней я сидел дома. Ведь если куда пойти, придется проходить мимо дома Чистюли, а мне не хотелось с ним встречаться, по крайней мере сейчас.

Скучно было очень и я готов был расплакаться, но тут пришел Малыш со своим папой и принес очки.

– Не знаю, подойдут или нет, – сказал папа Малыша. – Я шлифовал их на глазок.

Очки ничем не отличались от обычных, только стекла были исчерчены прерывистыми линиями, разбегающимися во все стороны. Я надел очки – они оказались чуть великоваты, но с носа не падали. Я огляделся: двор был таким же, как и всегда . . . только чуть-чуть странным. Понимаете, стоял отличный августовский день, светило солнце, но когда я надел очки, то вокруг как-будто потемнело и стало холодно. И еще меня охватило непонятное чувство, от которого я весь передернулся. Да, свет был какой-то странный, но это чувство, что я нигде не нахожусь . . . Плохое оно было или нет – я не смог бы объяснить, спроси меня кто-нибудь.

– Ну, что видно, сынок? – спросил папа.

– Все стало каким-то непривычным.

– Покажи-ка мне. – Он снял с меня очки и надел их сам.

– Ничего особенного не вижу, – сказал он. – Только все вокруг перекрашено.

– Я же вам говорил, – сказал папа Малыша, – видеть иначе могут только дети. Мы с вами слишком прочно вросли в действительность.

Папа снял очки, покрутил в руках.

– Видел Граничников? – спросил он.

Я покачал головой.

– Здесь их нет, – объяснил Малыш.

– Чтобы увидеть Граничников, – добавил папа Малыша, – надо идти к Картеру.

– Ну так кого же мы ждем? – спросил папа.

И мы вчетвером отправились к Картерам.

В доме никого не было. Странно, ведь всегда кто-то оставался – или сам Картер, или его жена, или садовник Оззи Бернс – даже когда они уезжали в город или куда еще.

Мы стояли на дороге, а Малыш внимательно высматривал, но не заметил Граничников ни в саду, ни в поле. Папа нетерпеливо покашлял. Я знал, о чем он думает — о том, что инопланетяне сыграли над ним шутку. Но в этот момент Малыш очень взволнованно сказал, что видит Граничников на краю пастбища — там, где начинались леса Черной Долины и где стоит сарай Энди.

— Дайте своему мальчику очки, — сказал папа Малыша, — чтобы и он мог посмотреть.

Папа протянул их мне. Сначала я не различал даже знакомых деталей, но скоро привык к очкам, и в самом деле, увидел на дальнем краю пастбища движущиеся фигуры, похожие на людей, но очень странные, напоминающие клочки дыма. Я подумал даже, что если дунуть как следует, то они растворятся.

— Видишь что-нибудь? — спросил папа.

Я ответил, что вижу, а он, задумавшись, потер подбородок так сильно, что у него аж щетина заскрипела под пальцами.

— Никого поблизости не видно, так что мы можем туда спокойно подойти, — сказал он. — Пусть Стив к ним как следует присмотрится.

— Вы считаете, что мы не нарушим порядка? — озабоченно спросил папа Малыша. — Наши действия не посчитают неэтичными?

— Вообще-то, посчитают — ответил папа, — но если быстро управиться, Энди о них даже не узнает.

Так что мы перелезли через забор и лесом подобрались к месту, где видели Граничников. Шли мы медленно, продираясь сквозь заросли ежевики, тяжелые от черных блестящих ягод, и как можно тише, но вдруг Малыш толкнул меня в бок и торопливо шепнул:

— Смотри, вот они.

Я нацелил очки и увидел . . .

На окраине луга, за лесом, стояло гумно Энди — просто крыша на столбах, под которой он хранил сено, не поместившееся на сеновале. Гумно было старое, полуразвалившееся. Энди стоял на крыше и перебирал какие-то доски, а по лестнице, ее придерживала миссис Картер, карабкался Оззи Бернс с охапкой досок на плече. Энди присел и протянул руки, принимая доски. Вот почему их дом оказался заперт: они втроем занимались починкой крыши!

Вокруг них крутилось штук двадцать Граничников. Часть болталась около Энди на крыше, пара-тройка стояла рядом с Оззи на ступеньках, а остальные помогали миссис

Картер поддерживать лестницу. Они суетились вокруг, и каждый до отвращения напоминал Энди. Какого-то четкого сходства не было. Но каждая из бестелесных фигур, буквально каждая, была приземиста и похожа на бульдога, как Энди. И даже походка их напоминала его раскачивающуюся походку, и проглядывала в ней подлая натура Энди.

Лестница косо стояла на неровном месте, поэтому ее надо было держать.

Пока я на них смотрел, Оззи Бернс уже передал Энди доски, а сам поднялся на крышу. Конечно же миссис Картер отвернулась от лестницы, потому что Оззи уже ничего не грозило.

Энди присел на корточки, раскладывая доски, потом выпрямился, посмотрел в сторону леса и увидел нас.

– Что вы там делаете? – рявкнул он и тут же полез вниз по лестнице. Он сделал два шага, когда началось самое удивительное. Постараюсь рассказать помедленнее и поподробнее.

Для меня все выглядело так, будто одна лестница превратилась в две. Первая продолжала стоять, крепко опираясь на крышу, а вторая начала съезжать вместе с Энди по краю крыши. Я хотел крикнуть, предостеречь его, правда, не знаю зачем. Ведь если б он упал и свернул себе шею, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Но только я собрался крикнуть, двое Граничников бросились к гумну и . . . вторая лестница исчезла. Вот она поползла по крыше вместе с вцепившимся в нее вторым Энди, который уже трясся от страха, и вдруг из двух опять получилась одна лестница и один Энди.

Я стоял, дрожа, не сомневаясь, что видел все не понарошку, но сам, если бы мне рассказали, ни за что бы в подобное не поверил. Постояв еще немного, я понял, что углядел одновременно два варианта событий: вариант, в котором лестница должна была упасть, и вариант, в котором она не упала, потому что Граничники ее удержали. Теперь я своими глазами убедился, как работает счастье Энди. Вернее, как отваживается несчастье. Впрочем, как не говори, Энди всегда в выигрыше. Вот и сейчас он был уже на последней ступеньке лестницы, а вокруг него Граничники: одни подпрыгивали, другие прямо-таки падали сверху, и будь они людьми, они и костей бы не собрали после таких падений.

Папа вышел из леса на луг, я следом за ним. Мы знали, в какую историю ввязываемся, но мы не из трусливых. Сзади шли испуганные Малыш и его папа. Энди двинулся

нам навстречу и, как видно, отнюдь не с мирными намерениями. А вокруг него толпились Граничники, нелепо размахивая руками, как и их хозяин.

– Энди, – примирительно начал папа, – будем благоразумны . . .

Должен заметить, что слова эти дались ему с большим трудом. Ведь папа ненавидел Энди Картера как не знаю что и имел на то уйму оснований. В течение всех последних лет Энди оставался самым мерзким соседом, какого только можно себе представить.

– Это кто тут говорит о благоразумии! – заорал Энди на папу. – Ты? А я слышал, что ты рассказываешь байки, что, мол, все твои неудачи из-за меня. Я тебе прямо скажу: невезение тут ни при чем. Самая обычная бездарность: ты просто ни на что не годен. А если ты вообразил, что своей болтовней что-нибудь изменишь, то глубоко ошибаешься. Не иначе как наслушался разных глупостей от инопланетян. Будь это в моей власти, я бы выгнал их всех с Земли.

Папа быстро шагнул вперед, и я решил, что Энди сейчас получит свое, но папа Малыша успел подскочить и схватить за руку моего папу.

– Нет! – крикнул он. – Не бейте его! Лучше уйдем отсюда.

Папа стоял, раздумывая, кому из них врезать первому.

– Ты никогда мне не нравился, – продолжал Энди. – С первой минуты, как я тебя увидел, я понял, что ты бездельник. Так оно и есть. Да разве порядочный человек станет водиться с инопланетянами. Впрочем, ты ничем не лучше их. А теперь убирайся и чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Папа вырвал руку, так что папа Малыша аж завертелся, и замахнулся. Я увидел, как голова Энди медленно наклоняется и опускается на плечо. На мгновение показалось даже, что у него появилась вторая голова. Я понял, что снова вижу „предотвращение" несчастного случая, но теперь это был не тот случай.

На сей раз Граничники не успели уберечь Энди от опасности, ведь они имели дело не с медленно сползающей лестницей. Раздался звук, будто морозным утром ударили по полену обухом топора. Голова Энди дернулась, он потерял равновесие и повалился на спину. Над ним тут же склонились Граничники, причем с такими глупыми физиономиями, каких я еще никогда ни у кого не видел. Теперь их можно было брать голыми руками. Папа повернулся, взял меня за рукав, потянул и сказал:

– Пойдем, Стив. Нам здесь нечего больше делать. – Тихо так сказал, но спокойно и с ноткой гордости. – Бог свидетель, – пояснил он, пока мы не спеша шли, даже не оглядываясь, – что я крепился все пятнадцать лет, с того дня как увидел его.

Я вспомнил о Малыше и папе Малыша, но их и след простыл. Но папе я не напомнил, чувствуя, что дружеских чувств он к ним сейчас не питает.

Впрочем, я напрасно за них беспокоился – они ждали нас у дороги, запыхавшиеся и исцарапанные, видимо, усиленно продирались сквозь заросли.

– Рад, – сказал папа Малыша, – что у вас все в порядке.

– Не о чем тут говорить, – холодно отрезал папа и даже не остановился, крепко сжав мою руку. Мне пришлось идти следом.

Дома мы сразу прошли на кухню напиться воды.

– Стив, очки у тебя? – спросил папа.

Я вытащил их из кармана и отдал ему, а он положил их на полочку над раковиной.

– Пусть лежат здесь, – строго сказал он, – и чтобы ты их больше вообще не надевал! Понял?

– Да, папа, – ответил я.

Честно говоря, я надеялся, что он как следует разозлится. Я боялся, что после всего случившегося он вернется к разговору об одной из Фермерских планет, а раз не сердится, только молчит, то уже принял окончательное решение переселяться. Но он даже словом не обмолвился о ссоре с Энди, как и о Фермерских планетах. Он молчал и продолжал злиться, но, я думаю, на Малыша и его папу.

Я долго размышлял над тем, что увидел на лугу у Энди. И чем упорнее размышлял, тем сильнее убеждался, что раскрыл секрет Граничников. Я вспоминал лестницу и два разных события, происходивших одновременно. Выходило, что я заглянул в будущее, то есть увидел, как лестница будет падать. Но она не упала, так как Граничники, зная, что произойдет, удержали ее и вернули на место. Из этого следовало, что Граничники видят дальше во времени и предотвращают события, которые могут произойти.

Вот, значит, на чем основано везение Энди и наше невезение: Граничники предвидели плохие события и предотвращали их. Но не всегда. Ведь папа врезал Энди, а им не удалось его уберечь, хотя они и пытались. Из этого я сделал вывод, что им тоже везет не всегда, и сразу как-то легче стало. И еще я подумал, что им достаточно увидеть, что нас ожидает удача и они тут же перевернут все с ног

на голову. Предположим, они живут немного в будущем, секунды на две вперед, и их отделяет от нас только разница во времени.

Меня озадачивал другой вопрос: почему я видел два момента одновременно? Ясное дело, ни Малыш, ни его родственники не наделены такой способностью, иначе рассказали бы о Граничниках подробнее, ведь их изучали на планете Малыша многие годы, но, как я понял, так и не выяснили, как они действуют.

Возможно, папа Малыша, делая очки, отшлифовал линзы лучше, чем хотел. Он мог добавить им какие-то свойства или что-то еще с ними сделать, сам того не зная. А может быть, человеческое зрение отличается от их зрения, но соединившись с их оптикой, получилось нечто неожиданное.

Я постоянно думал об этом, но крутился на одном и том же месте.

Несколько дней я сидел дома, чтобы не встречаться с Малышом, поддерживая честь семьи, и поэтому не видел жуткого скандала между Чистюлей и Мохнатиком.

Дело в том, что Мохнатик не мог и дальше смотреть, как Чистюля мучает несчастного кота и решил проучить Чистюлю. Мохнатик поймал скунса, постриг и покрасил его так, что скунс ничем не отличался от кота. Потом забрался к Чистюле и незаметно поменял животных. Но скунс не хотел оставаться у Чистюли, потому что жил у Мохнатика, причем хотел как можно скорее вернуться домой. Поэтому дал деру. Как раз в этот момент Чистюля выглянул в окно и увидел, что скунс протискивается под калитку. Решив, что кот собрался от него сбежать, он поймал зверя, свернул в клубок и подбросил вверх, чтобы проучить. Скунс взлетел высоко в воздух, а приземлился прямо на голову Чистюле, который парил на высоте двух футов! Скунс, ничего не соображая от страха, вцепился в Чистюлю когтями и использовал весь свой арсенал защитных средств. Впервые в жизни Чистюля грохнулся о землю и испачкался, как другие ребята.

Я дал бы миллион долларов, чтобы это увидеть.

И только через неделю после того, как Чистюлю кое-как привели в порядок, рядом с ним снова можно было сидеть, не зажимая носа.

Папа Чистюли помчался выяснять отношения с папой Мохнатика и они так классно поскандалили, что все хохотали неделю.

Таким вот образом остался я без приятелей. С Малышом мы еще не помирились, а чтобы играть с Чистюлей или Мохнатиком – я не был настолько глуп. Я знал, что их

ссора еще не кончилась, и не стал вмешиваться, чтобы не занимать чьей-то стороны.

Признаться, было очень обидно: каникулы заканчивались, а тут и поиграть не с кем, и телебиовизора нет. Дни улетали один за другим, а я жалел каждую минуту.

В один прекрасный день приехал шериф.

Мы с папой работали во дворе и пытались наладить сноповязалку. Папа давно грозился купить новую, но после всех наших невезух покупать было не на что.

– Добрый день, Генри, – поздоровался шериф.

Папа кивнул в ответ.

– Слышал, у тебя недоразумения с соседями.

– Можно и так назвать, – ответил папа. – Просто я недавно дал одному из них в морду, вот и все.

– На его собственной ферме, так?

Папа оставил в покое сноповязалку и, сидя на корточках, посмотрел на шерифа.

– Это Энди пожаловался?

– Он заезжал ко мне и рассказал, что новая семья инопланетян наболтала тебе какую-то чушь, о каких-то тварях, которые всем приносят беды и которых он, якобы, держит при себе.

– Надеюсь, ты выбил из его головы эту чушь?

– Я человек мирный, – сказал шериф, – и мне не доставляет удовольствия наблюдать, как соседи ссорятся. Я ответил ему, что для начала поговорю с тобой.

– Давай, – кивнул папа, – говори.

– Послушай, Генри, ты и сам знаешь, что вся эта болтовня о существах, приносящих беды, – ерунда. Меня удивляет другое, как ты мог на это клюнуть.

Папа медленно поднялся, лицо его перекосилось от злости, и я даже подумал, что он сейчас стукнет и шерифа. Честно говоря, я здорово испугался, потому что шерифа бить нельзя.

Я так и не узнал, что он собирался сделать, может только пару слов сказать.

На своем старом грузовичке подкатил папа Мохнатика. Он хотел остановиться за машиной шерифа, но не рассчитал и врезался в нее так сильно, что та проехала юзом футов шесть.

Шериф бросился за калитку.

– Черт побери! – закричал он. – Тут у вас даже машину оставить опасно.

Мы оба побежали за ним. Я – потому что назревала драка, а папа – так мне показалось – чтобы в случае чего помочь

папе Мохнатика. Но самое удивительное, папа Мохнатика, вместо того чтобы сидеть в кабине тихо и ждать шерифа, выскочил на дорогу и помчался навстречу нам.

– Мне сказали, что вас можно найти здесь, – выпалил он, тяжело дыша.

– Вот вы и нашли, – рявкнул шериф, чуть не лопаясь от злости. – А теперь . . .

– Мой мальчик пропал! – сообщил папа Мохнатика.– Он не пришел домой ночевать!

Шериф мигом успокоился, взял его за плечо и сказал:

– Не волнуйтесь, лучше подробно расскажите, что произошло.

– Он ушел из дома вчера рано утром и не вернулся к обеду. Мы не беспокоились: он часто исчезает на целый день, у него в лесу много друзей . . .

– И ночевать он тоже не пришел?

Папа Мохнатика кивнул.

– Когда стемнело, мы забеспокоились. Я отправился его искать, но безрезультатно. Он как в воду канул. Я решил, что он проведет ночь в лесу, надеялся, что он явится утром – ничего подобного.

– Положитесь на меня, – сказал шериф. – Мы поднимем на ноги всю округу и организуем поиск. Мы найдем его, обязательно найдем! – Он повернулся ко мне: – Ты знаешь этого мальчика? Ты дружишь с ним?

– Конечно, – ответил я.

– Тогда проведи нас по всем местам, где вы играли. Для начала осмотрим их.

– Я обзвоню соседей, чтобы собрались здесь, – сказал папа и пошел к дому.

Не прошло и часа, как набежало человек сто. Шериф разделил их на группы, в каждой назначил старшего и дал задания, где искать.

Меня шериф взял в свою группу, и мы отправились в Черную Долину. Я показал им ящерицу, потом место, где мы начали копать пещеру, и место на реке, где Мохнатик подружился с огромной форелью, и все остальные места. Мы обнаружили старые следы Мохнатика и ни одного свежего, хотя прошли вверх по ручью до запруды, где он впадает в реку. Когда мы возвращались, уже стемнело, а я страшно устал.

Неожиданно мне в голову пришла ужасная мысль. Я старался ее отогнать, но так и не смог. Весь остаток пути я размышлял – может ли поместиться в воронку машины времени такой парень, как Мохнатик?

Мама накормила меня ужином и отправила спать, но потом зашла поцеловать, чего давно не делала. Она считает, что я уже достаточно взрослый, но сегодня вечером почему-то зашла.

Потом она спустилась вниз, а я лежал и прислушивался к голосам мужчин во дворе. Большинство еще продолжали поиски. Я понимал, что должен быть с ними, но вместе с тем знал, что мама не пустит, и в глубине души был рад. Я буквально падал с ног от усталости, а вечером в лесу к тому же страшно.

Наверное, в любую другую ночь я бы сразу заснул, но сейчас у меня перед глазами все время стояла воронка этой машины. Я пытался представить, что будет, когда кто-нибудь расскажет шерифу о ссоре между Чистюлей и Мохнатиком. А если ему уже рассказали, то шериф наверняка прямо сейчас заглядывает в воронку, ведь не дурак же он.

Потом я подумал, а не рассказать ли мне все самому? . . .

Наверное, я заснул, но когда проснулся, мне показалось, что я вообще не спал. Было еще темно, а сквозь окно лился пугающий красноватый свет. Я сел в кровати, и у меня волосы встали дыбом. В первое мгновение я решил, что горит наш сеновал или сарай, но потом сообразил, что пожар где-то дальше. Я вскочил и подбежал к окну. Горело что-то большое и совсем недалеко.

Похоже, что горело у Картеров, хотя я сразу смекнул, что это невозможно, потому как несчастья могли случиться с кем угодно, только не с Энди. Разве что он застрахован.

Я спустился по лестнице босиком и увидел, что мама стоит у открытой двери и смотрит на пожар.

– Что случилось, мама? – спросил я.

– Это сеновал Картеров. Они звонили соседям, просили помощи, но никого нет, все ищут Мохнатика.

Мы стояли и смотрели на пожар, пока он почти не угас, и тогда мама снова отправила меня в постель.

Я залез под одеяло и стал переваривать новую порцию впечатлений. Я думал, как странно: месяцами ничего не происходит, а тут так сразу, да и с сеновалом Энди тоже не все чисто. Энди был самым удачливым человеком во всей округе, и вдруг без всякого предупреждения на него свалилось такое несчастье. Я спросил себя, а не покинули ли его Граничники и если да, то почему? Может он просто надоел им?

Когда я снова проснулся, было ясное утро. Я быстро оделся и спустился узнать новости о Мохнатике.

Но мама ответила, что мужчины до сих пор его ищут. Она приготовила мне завтрак, заставила все съесть и запретила уходить далеко или присоединяться к группам, направляющимся в лес. Она сказала, что это опасно, потому что в лесу полно медведей. Мне стало смешно, ведь мама никогда не пугала меня медведями.

Но она взяла с меня честное слово. Пообещав ей, что далеко не уйду, я со всех ног помчался к Картерам посмотреть на остатки сеновала и с кем-нибудь поговорить. Собственно, оставался только Малыш.

У Картеров смотреть было не на что. Черные, обугленные головешки местами еще тлели. Я стоял на дороге, когда Энди вышел из дома. Он остановился и зыркнул на меня так, что я смылся быстро как только мог. Я проскочил мимо дома Чистюли, смотря себе под ноги, надеясь, что не встречу его. Мне не хотелось иметь с ним ничего общего, не то что разговаривать.

Я добежал до дома Малыша, и его мама сказала, что Малыш болен, но не заразно, и я могу зайти его навестить. Малыш лежал в постели и очень обрадовался моему приходу. Я спросил, как он себя чувствует, и он ответил, что уже лучше. Он заставил меня поклястся, что я не расскажу его маме, а потом прошептал мне на ухо, что объелся зеленых яблок из сада Картера.

О том, что случилось с Мохнатиком, он слышал, и я рассказал ему о своих подозрениях.

Малыш долго лежал и молчал, пока торжественно не заявил:

– Стив, я давно хотел тебе сказать: это не машина времени.

– Не машина времени? Откуда ты знаешь?

– Я видел предметы, которые папа Чистюли туда опускал. Они не пропадают. Они там так и лежат.

– Ты видел . . . – тут до меня дошло. – Значит, они там же, где и Граничники?

– Именно это я и хотел сказать, – заговорщически ответил Малыш.

Сидя на краю кровати, я пытался переварить его открытие, но вопросов в голове становилось все больше, столько, что разобраться в них я не мог.

– Малыш, – спросил я, – а где оно, то место? Ну, место, где находятся Граничники?

– Не знаю. Где-то недалеко, совсем рядом. Почти в нашем мире, но не совсем.

И тут я вспомнил, что говорил папа две недели назад.

– Значит, их мир и наш разделены чем-то вроде стекла?

– Да, вроде бы.

– А если Мохнатик там, что они с ним сделают?

– Не знаю, – вздрогнул Малыш.

– Как он там себя чувствует? Может ли он дышать?

– Наверное, может, – сказал Малыш. – Они ведь тоже дышат.

Я встал и пошел к двери, но на полпути остановился и спросил:

– Скажи, чем занимаются Граничники, что им здесь нужно?

– Никто не знает точно. Говорят, что они вынуждены находиться рядом с другими живыми существами, чтобы жить самим. У них нет своей собственной жизни. Они ищут себе чужую жизнь, чтобы унаследовать ее, но и это не совсем так.

– Им нужен какой-то образец, – сказал я, вспомнив, что говорил папа Малыша.

– Можно и так сказать, – ответил Малыш.

Я подумал о том, какая скучная жизнь у Граничников, имеющих в качестве образца Энди Картера. Но, возможно, я ошибался; ведь когда я их видел, они были счастливы, крутились себе на крыше, и каждый из них выглядел, как Энди. Ну а как еще можно выглядеть, когда живешь рядом с ним?

Я направился к двери.

– Куда ты, Стив? – спросил Малыш.

– Искать Мохнатика.

– Я с тобой.

– Нет. Тебе надо лежать.

Я побежал домой, размышляя о том, что Граничники не имеют собственной жизни, что им нужен образец, все равно какой.

Если встречается человек с хорошей интересной жизнью, им везет. И человеку, которого они выбрали, везет во всем – ведь они хорошие помощники. Я подумал, скольким людям хорошо живется благодаря Граничникам. И какой бы это был для них удар, если бы они вдруг узнали, что стали великими, богатыми или знаменитыми благодаря чужим усилиям и способностям, благодаря неким существам – Граничникам.

Я пошел на кухню, к раковине.

– Это ты, Стив? – крикнула мама из комнаты.

– Да, я хочу пить.

– Где ты был?

– Тут, недалеко.

– Только никуда не убегай, – еще раз предупредила мама.

– Нет, мам, не убегу.

Я влез на стул, достал очки, которые папа положил на полку, предупредив, чтобы я их больше не трогал, и сунул в карман.

Услышав мамины шаги, я тихо выскользнул за дверь. Очки я надел только возле изгороди Картеров. Я шел по дороге вдоль забора, внимательно всматриваясь, когда, наконец, заметил в закутке сада группу Граничников. Они ссорились из-за чего-то, явно меня не замечая, пока я не подобрался совсем близко. Тогда они повернулись и я сообразил, что они разговаривают меж собой, показывая на меня. На голове одного из них был мой телебиовизор, сдвинутый на лоб.

Значит, Малыш действительно видел предметы, которые папа Чистюли опускал в свою машину.

Поначалу Граничники, кажется, не догадываясь, что я их вижу, стали спокойно приближаться. Я почувствовал, как волосы у меня встают дыбом. С большей охотой я бы повернулся и удрал. Но тут же вспомнил, что они не могут мне ничего сделать и перестал их бояться.

Они видели, что я без оружия, а может даже и не знали о ружье папы Малыша. Они вертелись вокруг меня совсем как стая ворон. Те тоже смело приближаются к безоружному, но держатся подальше от человека с ружьем в руках.

Я заметил, что Граничники шевелят губами, показывая на мой телебиовизор. Но, конечно, не слышал ни слова. Я не обращал внимания на их жесты, рассматривал их и думал, что с ними случилось? Может, я встретил другую стайку, чем на лугу у Энди, или они здорово изменились? Они еще напоминали Энди, но больше – кого-то другого и очень знакомого.

Наконец, я заметил, как многозначительно они показывают на мой телебиовизор, а потом на свои головы, и догадался, что каждый просит телебиовизор для себя.

Я не знал, что им отвечать, но тут они расступились: кто-то сзади толкнул их, и . . . я оказался лицом к лицу с Мохнатиком. Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не шевелясь. А потом он шагнул вперед, и я шагнул, так что мы едва не столкнулись носами. Я испугался, что сейчас пройду сквозь него. Интересно, что бы тогда случилось? Наверное, ничего особенного.

– Ну как ты? Все в порядке? – спросил я, надеясь, что даже если он не услышит, хоть прочитает по моим губам то,

что я ему говорю, но он покачал головой. Я спросил еще раз медленнее, выговаривая слова как можно четче. Но он вновь покачал головой. Мне пришла в голову другая идея. Я принялся выводить пальцем на невидимом стекле, которое нас разделяло.

ЧТО С ТОБОЙ? Я писал медленно, потому что ему приходилось читать задом наперед. Он не понял, я написал еще раз, и тут-то он сообразил в чем дело.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, – ответил он и медленно дописал: – ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА!

Я стоял и смотрел на него и это было ужасно, потому что он находился там, а я не знал, как его оттуда вытащить. Видимо, он прочитал мои мысли, потому что подбородок у него затрясся, и я впервые увидел Мохнатика плачущим. А ведь он не плакал даже при раскопках ящерицы, когда тяжелый камень упал ему на ногу.

Я догадался, как это должно быть страшно: сидеть там и все видеть, но самому оставаться невидимым. Может он даже вертелся среди тех, кто его искал, в надежде, что его случайно заметят. Или, еще хуже, шел рядом со своим папой, а папа даже не догадывался. Наверное, он ходил домой и смотрел на свою семью, что было просто ужасно, ведь они не знали о его присутствии. И уж, надо думать, он искал Малыша, который мог его увидеть, но Малыш лежал дома больной.

У меня вдруг появилась одна идея. Сначала я подумал, что ничего из нее не выйдет, но чем дольше я вдумывался, тем хитроумнее мне казался мой план.

Я написал Мохнатику: ВСТРЕТИМСЯ У ЧИСТЮЛИ.

Сунул очки в карман и помчался домой. Я пробрался в дом через сад, боясь, что мама меня заметит и больше уже не отпустит. Потом пролез в сарай, достал длинную веревку и, отыскав ножовку по металлу, вынул полотно. Все это я захватил с собой, направившись к Чистюле. Их сарай стоял за сеновалом, так что из дома меня не видели, а, впрочем, дома никого не было. Я знал, что папа Чистюли, а может и сам Чистюля, ищут Мохнатика вместе со всеми, ведь они могут подняться в воздух над местами, куда никому не забраться.

Положив на землю веревку и пилку, я надел очки и у самых дверей сарая увидел Мохнатика. С ним было несколько Граничников, в том числе и тот, с моим телебиовизором на голове. А вокруг сарая, как предполагал Малыш, валялись тарелки, кружки, деревяшки и много всякого другого хлама, который папа Чистюли опускал в машину времени.

Я еще раз посмотрел на Граничников и понял, что в них изменилось: они напоминали Мохнатика. Потому-то и сгорел сеновал Картеров: Граничники теперь следовали за Мохнатиком и перестали защищать Энди. Ясное дело, им интереснее с настоящим живым существом, которое среди них, чем с неуклюжим Энди, на которого приходится смотреть через стекло.

Я снял очки, сунул в карман и принялся за работу. Перепилить дужку замка оказалось не очень легко. Сталь была дьявольски твердая, а пилка тупая. Я боялся, что она сломается, прежде чем я закончу, и злился на себя за то, что не взял хотя бы пары запасных.

Я страшно шумел, потому что забыл захватить масло, но меня никто не засек.

Перепилив, я открыл дверь и вошел в сарай, где стояла машина времени. Я спрятал веревку и подошел к пульту, чтобы разобраться в нем, и легко включил машину. В воронке забулькала белая пена. Я достал веревку, надел очки и страшно испугался. Сарай стоял на небольшом склоне, пол приподнимался на три-четыре фута над землей, поэтому мне показалось, что я вишу в воздухе.

У меня возникло такое ощущение, что я вот-вот упаду. Конечно, я знал, что мне ничего не грозит, ведь я стоял на невидимом, но настоящем полу. Знать-то я знал, но меня не покидало неприятное, похожее на сон ощущение, что сейчас я шлепнусь.

И, что самое ужасное, подо мной стоял Мохнатик – его голова находилась на уровне моих ботинок. Он очень хотел выбраться и знаками показывал мне, чтобы я поскорее вытащил его.

Я очень осторожно опустил веревку в воронку и сразу почувствовал, как ее тянет и всасывает в себя белый водоворот. Я посмотрел вниз и увидел, что веревка свисает над местом, где стоит Мохнатик. Он подпрыгнул, схватился за нее, и я сразу почувствовал его немалый вес.

Мохнатик был примерно моего роста, может чуть пониже, и я прикинул, что тянуть мне придется изо всех сил. Я намотал веревку на руку, чтобы она не выскользнула, и потянул, но веревка даже с места не сдвинулась, будто ее привязали к дому. Я присел и пригляделся к подставке машины. Удивительно, но веревка доходила до самого конца горловины воронки, потом прерывалась на фут или два, и снова продолжалась. За этот нижний ее кусок и держался Мохнатик. Выглядело это очень странно, ведь веревка должна опускаться в мир Граничников одной непрерывной линией, но она по пути куда-то сворачивала.

Вот почему я не мог его вытащить. Вот почему можно сбросить в машину времени любой предмет, но обратно достать уже нельзя.

Я смотрел на Мохнатика, а он на меня. Вид у него был настолько жалкий, что до меня дошло: он все видит и все понимает.

И тут заскрипела дверь сарая. Я вскочил, не выпуская веревки из рук. В дверях стоял папа Чистюли. Он был очень сердит, что меня не удивило.

– Стив, – сказал он, – с трудом сдерживаясь. – Я, кажется, говорил тебе, чтобы ты сюда не входил.

– Да, – воскликнул я, – но там Мохнатик.

– Мохнатик?! – переспросил он, а потом понизил голос. – Ты, кажется, не соображаешь, что говоришь! Каким образом он мог туда попасть?

– Не знаю, – ответил я, хотя знал и мог бы ему рассказать, только очень растерялся.

– На тебе очки, которые сделал папа Малыша? Ты видишь Мохнатика?

– Вижу, – кивнул я, – как на ладони. И отпустил веревку, чтобы снять очки. Веревка молниеносно скользнула в воронку.

– Стив, – сказал мне папа Чистюли, – скажи, пожалуйста, правду: ты не выдумываешь? Не шутишь?

Он странно побледнел, и я знал, о чем он думает: если Мохнатик угодил в машину, то виноват прежде всего он.

– Чтоб мне провалиться, – ответил я.

Видимо этой клятвы оказалось достаточно, так как он выключил машину и вышел. Я за ним.

– Подожди меня здесь, – сказал он. – Я сейчас вернусь.

Он стремительно взмыл над лесом, и я тут же потерял его из виду.

Я сел, опершись спиной о стену сарая, а настроение у меня было ужасное. Я знал, что должен надеть очки, но специально не вынимал их из кармана, потому что не представлял себе, как посмотрю Мохнатику в глаза.

Я боялся, что все потеряно: ни я, ни кто другой на свете не спасет Мохнатика. Он пропал для нас навсегда. И даже хуже, чем пропал.

Сидя так, я выдумывал разные страшные наказания, которые обязательно применю к Чистюле. Я не сомневался, что это он, открыв сарай, скрутил Мохнатика, словно кота, и бросил в воронку машины.

Его разозлила история со скунсом, перекрашенным в кота, и я, как только узнал о ней, не сомневался, что он не отстанет от Мохнатика, пока не сведет с ним счеты.

Пока я размышлял, появился папа Чистюли, а с ним запыхавшийся Чистюля, шериф, папа Малыша и другие соседи. Шериф подошел прямо ко мне, схватил за плечо и сильно встряхнул.

– Что означает весь этот бред? – рявкнул он. – Предупреждаю, парень: эта история для тебя плохо кончится, если окажется, что ты над нами смеешься.

Я попытался вырваться, но он меня не отпускал. Тогда к нему подошел мой папа и толкнул в грудь так, что шериф отлетел в сторону.

– Не трогай мальчика, – спокойно сказал папа.

– Но ты, кажется, сам не веришь в эту галиматью? – выпалил шериф.

– Представь себе, сейчас верю каждому слову. Мой сын не станет врать!

Бывает, папа ругается, а то и ремень возьмет да всыплет как следует, но в критической ситуации на его помощь можно рассчитывать.

– Должен тебе напомнить, Генри, – сказал шериф, – про твою стычку с Энди Картером. Едва удалось переубедить не подавать дело в суд.

– Энди Картер . . . – сказал папа значительно спокойнее, чем можно было ожидать. – Это тот тип, что живет недалеко от нас. Кто-нибудь видел его в последнее время?

Он оглянулся по сторонам, но все молчали.

– В последний раз я говорил с Энди по телефону, – сказал папа, – когда просил его помочь нам. Он ответил, что у него работы невпроворот, чтобы еще заниматься поисками пропавшего щенка какого-то там инопланетянина. И добавил, что им же лучше будет, если они отправятся ко всем чертям.

Папа посмотрел на собравшихся, но ему никто не возразил. Думаю, с папиной стороны было не очень вежливо говорить такие вещи в присутствии папы Мохнатика и папы Малыша, и других инопланетян. Но, святая правда, Энди говорил все это вслух и только папа имел смелость пересказать им прямо в глаза.

Тут кто-то начал говорить, а вернее все сразу, так что я не разобрал, чей это был голос.

– А я вам говорю, ребята, что по справедливости все вышло с сеновалом Картера.

Шериф нахмурился:

– Если узнаю, что кто-то из вас в этом замешан, то я . . .

– Ничего ты не сделаешь, – сказал папа и повернулся ко мне. – Стив, что ты хотел сказать? Обещаю, что все тебя выслушают и никто не станет перебивать.

Сказав это, он внимательно посмотрел на шерифа.

– Минутку, – попросил папа Малыша, – я хочу подчеркнуть одну важную деталь. Я знаю, что этот мальчик видит Граничников, ведь я сам сделал ему специальные очки. И, может быть, это нескромно с моей стороны, но хочу вас заверить, что я квалифицированный оптик.

– Спасибо, – сказал папа. – Ну, а теперь, Стив, говори.

Но, едва я успел раскрыть рот, из-за сеновала появился Малыш со своим ружьем. Во всяком случае, я не сомневался, что это за ружье, хотя оно и не было похоже на обычное охотничье. Обычная палка, блестевшая на солнце множеством призм и зеркалец, установленных под разными углами.

– Папа! – крикнул он. – Я узнал, что произошло, поэтому пришел с ружьем. Надеюсь, не опоздал.

Он подбежал к своему папе, который взял у него ружье и поднял так, чтобы все видели.

– Спасибо, сынок, – сказал он. – Но ружье нам не понадобится. Сегодня мы не будем стрелять.

И тут Малыш закричал:

– Он там, папа! Там Мохнатик!

Не знаю, все ли поверили, что он увидел Мохнатика. Многие наверняка сомневались, но сидели тихо, потому что не хотели спорить с моим папой. Конечно, Малыш увидел его без этих дурацких очков, но он инопланетянин, а от инопланетян всего можно ожидать.

– Ну, хорошо, – согласился шериф, – может, он и там. Но что нам в данной ситуации удастся сделать?

– Кажется, немного, – сказал мой папа, – но там его оставлять нельзя. – Он посмотрел на папу Мохнатика. – Вы не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем.

Но я отлично понял, почему он говорит так уверенно: чтобы папа Мохнатика не думал, что мы признали свое поражение. Что касается меня, то я полностью потерял надежду. Если нельзя вытащить его тем же путем, каким он туда попал, то иного способа я не видел. Ведь в мир Граничников не было двери.

– Джентльмены, – воскликнул папа Малыша, – у меня есть идея.

Мы все повернулись к нему.

– Это ружье, – сказал он, – служит для уничтожения Граничников. Оно приподнимает завесу между двумя мирами, чтобы пропустить заряд. Его можно переделать, и мне кажется . . .

– Мы не станем стрелять в мальчика, – сказал шериф, – даже если решили освободить его оттуда.

– Я не собираюсь в него стрелять, – объяснил папа Малыша. – В ружье не будет патрона, мы попробуем использовать его только для того, чтобы пробить завесу, разделяющую два мира. А я постараюсь настроить ружье так, чтобы дыра получилась как можно шире.

Он сел на землю и стал возиться с ружьем, переставляя призмы и поворачивая зеркальца.

– Есть одна существенная деталь, – сказал он, – дыра существует только одно мгновенье. Парень должен приготовиться, чтобы не прозевать и прыгнуть сразу же, как появится отверстие.

Он повернулся ко мне.

– Стив, ты можешь ему объяснить?

– Объяснить?

– Сказать ему. Знаками или губами, или еще как?

– Конечно, могу.

– Тогда начинай.

Я надел очки, огляделся и увидел Мохнатика. Прошло много времени, прежде чем он понял, что от него требуется. Нам мешали Граничники, которые все время кружили рядом и показывали то на мой телебиовизор, то на свои головы.

Минут через двадцать я сказал папе Малыша, что мы готовы. Папа протянул Малышу ружье. Все расступились, остался только Малыш с ружьем и я позади него. А там, в другом мире, стоял Мохнатик, окруженный дурацкими Граничниками, которые, судя по всему, не были знакомы с ружьем инопланетян, иначе бы они разбежались. Мохнатик побледнел, будто его поставили к стенке и собирались расстрелять.

Краем глаза я заметил Чистюлю, который как раз отплывал в сторону . . .

Но тут же все призмы и зеркальца на ружье Малыша задвигались. Вероятно, он нажал на спуск. А затем нас ослепила яркая вспышка.

На мгновение прямо напротив нас, в воздухе, открылась удивительная дыра с рваными краями. И я увидел, как Мохнатик одновременно с ее появлением прыгает сквозь нее.

И снова Мохнатик был среди нас – он как раз пытался удержаться на ногах после этого прыжка – но не один. Он выдернул за собой одного из Граничников, крепко держа его за руку, очевидно, вытащив силой, потому что физиономия у Граничника была не слишком довольной. Я сразу понял, что это тот самый, с моим телебиовизором на голове.

Мохнатик подтолкнул Граничника в мою сторону и сказал:

– Только так я мог вернуть тебе телебиовизор.

Он отпустил руку Граничника, а я быстро схватил его за другую и с удивлением обнаружил, что она осязаема. Я бы не удивился, если б моя рука прошла сквозь нее насквозь, потому что Граничник все еще выглядел туманным и бестелесным, хотя вроде загустел немного.

Папа подошел ко мне и сказал:

– Осторожно, Стив!

– Ничего страшного. Он даже не пытается убежать.

В этот момент раздался крик, я обернулся: несколько Граничников уцепились за края дыры в свой мир, удерживая их так, чтобы они не сомкнулись, а остальные лезли сквозь дыру, толкаясь и ссорясь; мне показалось, что их стало гораздо больше, чем я предполагал.

Мы стояли и смотрели, пока они не влезли все. Никто не пошевелился, да и что мы могли сделать? И они тоже стояли и глазели на нас, сбившись в кучу.

Шериф, сдвинув шляпу на самый затылок, подошел к папе, и я увидел, что он обалдел окончательно, но его ошарашенный вид доставил мне удовольствие, ведь он все еще отказывался верить в Граничников. Не знаю, может он еще надеялся, что это очередные фокусы инопланетян? Только, по-моему, не надо излишне-то и голову напрягать, чтобы понять, что у них про запас осталось много удивительного кроме этого.

– Как получилось, – подозрительно спросил он, – что у одного из них на голове телебиовизор?

Я объяснил ему, а он в ответ только глазами заморгал, но сказать ничего не смог.

И тут все заговорили одновременно, но папа Чистюли, поднявшись над нашими головами, сделал знак рукой, призывая к тишине.

– Минуточку! Прежде чем мы займемся решением серьезных вопросов, я хотел бы сказать вот что. Зная историю со скунсом, вы правильно считаете, что наша семья в значительной степени несет ответственность за происшедшее.

В устах человека это звучало бы глупо и высокопарно, но папе Чистюли как-то сошло.

– Поэтому, – сообщил он, – должен вас проинформировать, что виновник – мой сын – в течение ближайших тридцати дней будет ходить по земле. Ему нельзя подняться даже на дюйм в воздух. Если это наказание окажется недостаточным . . .

– Хватит, – прервал его папа,– парень должен получить по заслугам, но нельзя над ним издеваться.

– Простите, – начал папа Мохнатика, – если это не столь необходимо . . .

– Я не изменю своего решения, – ответил папа Чистюли. – Я просто не вижу другого способа.

– Может быть, – крикнул шериф, – кто-нибудь мне, наконец, объяснит, что все это значит?

– Слушай, шериф, – обратился к нему папа, – понимаешь ты или нет – сейчас не важно, а объяснять тебе – слишком долго. У нас есть более существенные дела. – Он слегка повернулся, чтобы встать лицом к собравшимся. – Ну так что будем делать? У нас гости. А раз эти создания приносят счастье, мы должны к ним относиться самым лучшим образом.

– Папа, – я потянул его за рукав, – я знаю, как можно привлечь их на нашу сторону. Каждый из них хочет иметь свой собственный телебиовизор.

– Это правда, – сказал Мохнатик, – все время, пока я там был, они приставали ко мне с вопросами, как и где достать телебиовизор. И все время ссорились из-за того, кто следующий будет пользоваться телебиовизором Стива.

– Вы хотите сказать, что эти существа умеют говорить? – спросил шериф слабым голосом.

– Конечно, умеют, – ответил Мохнатик. – Там, в своем мире, они способны на такое, о чем мы даже не могли догадываться!

– Если так, – с удовлетворением сказал папа, – то это не слишком высокая цена за удачу, которую они нам принесут. Сбросимся и купим нужное количество телебиовизоров. Может, удастся со скидкой . . .

– Но, если мы дадим их Граничникам, – перебил его папа Малыша, – то нам от них не будет никакой пользы. Мы перестанем быть им нужны. Свои образцы они начнут черпать из телебиовизоров.

– Что ж, – сказал папа, – если так, то мы, по крайней мере, от них избавимся. Они перестанут преследовать нас несчастьями.

– Как ни крути, ничего хорошего из этой затеи не выйдет, – заявил папа Малыша, который явно недолюбливал Граничников. – Они живут стаями. Всегда так было. И они никогда не помогали всем, только одному человеку или, в лучшем случае, одной семье. Нам не удастся поделить их так, чтобы они всем приносили пользу.

– Если послушаете меня чуток, мужики, – объявился Граничник с моим телебиовизором на голове, – то я вам все растолкую.

Должен сказать, что его голос вызвал у нас шок. Трудно было представить, что они вообще умеют говорить. А тут еще таким языком и таким тоном. Вылитый Энди Картер! Он тоже либо просто ругался, либо выражался с грубоватой язвительностью. И этот Граничник, который столько лет жил по его образцу, просто не умел говорить иначе.

Мы стояли, уставившись на Граничников, а они так усиленно кивали головами, что едва не сломали себе шеи.

Первым опомнился папа.

– Валяй, – сказал он Граничнику. – Мы тебя слушаем.

– Мы будем с вами якшаться, только чтобы по-честному. Мы будем вас оберегать от несчастий и другой фигни, но за это вы дадите нам телебиовизоры – только без трепа, ясно? По одному для каждого. И на вашем месте я не стал бы хитрить.

– Звучит вполне разумно, – сказал папа. – Ты имеешь в виду нас всех?

– Как есть всех, – ответил Граничник.

– Значит, вы разделитесь? На каждого из нас будет приходиться, по крайней мере, один из вас? И вы больше не будете жить группами?

– Я думаю, – вмешался папа Чистюли, – мы можем на них положиться. Я понял, что хотело сказать это существо. Почти та же история, что и с родом человеческим на Земле.

– А что такое случилось с родом человеческим на Земле? – с легким удивлением спросил папа.

– Исчезла потребность групповой жизни. Когда-то люди были вынуждены жить семьями или племенами, а потом появились патефон, радио, телевидение – исчезла потребность в общении. У каждого человека есть уйма развлечений дома. Ему не надо даже выходить из своей комнаты, чтобы увидеть мир. Поэтому зрелища и развлечения массового характера постепенно вымерли.

– Вы думаете, что то же самое произойдет с Граничниками, когда мы снабдим их телебиовизорами?

– Наверняка, – ответил папа Чистюли, – мы устроим, им, как я сказал, индивидуальное развлечение. И, таким образом, у них исчезнет потребность в групповой жизни.

– Клево сказано, приятель! – с энтузиазмом воскликнул Граничник. Остальные согласно закивали головами.

– Но это ничего не даст! – крикнул папа Малыша, разозлившись не на шутку. – Ведь они теперь в нашем мире, и неизвестно, смогут ли они здесь что-нибудь для нас сделать.

– Заткнись, пожалуйста, – сказал Граничник. – Конечно, здесь мы ничего не сможем для вас сделать. В вашем мире мы не сможем заглядывать вперед. А чтобы мы были вам полезны, это необходимо.

– Значит, как только мы дадим вам телебиовизоры, вы вернетесь с себе? – спросил папа.

– Еще бы! Там наш дом, и попробуйте только нас туда не пустить!

– Мы не станем вам мешать, – ответил папа. – Наоборот, даже поможем вернуться туда. Дадим вам телебиовизоры, а вы возвращайтесь и беритесь за дело.

– Мы будем работать честно, – заверил Граничник, – но нам нужно время зырить телебиовизор. Идет?

– Ладно, – согласился папа.

Я выбрался из толпы. Все как-то устроилось, а я уже был сыт по горло. Хватит с меня всяких историй.

Возле сеновала я увидел Чистюлю, медленно бредущего по земле. Он шел с большим трудом, но мне почему-то ничуть не было его жалко. Сам виноват.

На мгновение мне подумалось, а не подойти ли к нему и не наподдать за тот раз, когда он вывалял меня в грязи. Но потом я сообразил, что с моей стороны это означало – бить лежачего, ведь он и так наказан собственным папой на тридцать дней.

УПАСТЬ ЗАМЕРТВО

Всем известно, что после посадки космического корабля на девственной планете проходит не менее недели, прежде чем первый представитель местной фауны решится покинуть свое убежище и выползет осмотреться. Но на этот раз . . .

Не успели мы открыть люк и спустить трап, как стадо куставров тут же сгрудилось вокруг корабля. Они стояли, плотно прижавшись один к другому, и выглядели неправдоподобно. Казалось, они покинули рисунки карикатуриста, допившегося до белой горячки, и как часть его бреда явились к нам, размерами они превосходили коров, но явно проигрывали последним в грациозности. Глядя на куставров, можно было предположить, что форма их тел возникла в результате постоянных столкновений с каменной стеной.

Разноцветные пятна – фиолетовые, розовые, изумрудные и даже оранжевые – покрывали бугристые синие шкуры этих блаженных созданий. Оригинальная расцветка, которую не имеет ни одно уважающее себя существо. Суммарно пятна складывались в подобие шахматной доски, сшитой из лоскутов, хранившихся в сундуке старой сумасшедшей леди.

Если начистоту, не это было самым жутким . . .

Из их голов, туловищ и всех остальных частей тел тянулись вверх многочисленные побеги, создавая впечатление, что существа прячутся в зарослях молодого кустарника, вернее, что неумехи пытаются прятаться. Довершали эту картину, делая ее совершенно безумной, фрукты и овощи – или то, что могло напоминать фрукты и овощи, – росшие на побегах.

Мы спустились по трапу на зеленую лужайку перед кораблем. Несколько минут прошли в молчании: мы разглядывали куставров, они – нас, пока одно из существ не двинулось в нашу сторону. Оно остановилось в двух-трех метрах, подняло печальные глаза и упало замертво к нашим ногам.

Тут же стадо развернулось, и куставры, неуклюже топоча, поползли прочь, как будто выполнили возложенную

на них миссию, удовлетворили собственное любопытство и отправились по домам.

Джулиан Оливер, ботаник, поднял трясущуюся руку и смахнул с лысины капельки пота.

– Очередная эточтовина . . . – простонал он. – Ну почему, объясните мне, нам никогда не везет? Почему мы не можем высадиться на планете, где все ясно и просто?

– Потому что они существуют в мечтах, – ответил я. – Вспомни кустарник с Гэмал-5, который в первую половину жизни не отличим от спелого земного помидора, а во второй – переходит в ядовитый плющ, опасный для человека по категории А.

– Я помню, – печально отозвался Оливер.

Макс Вебер, биолог, осторожно приблизился к упавшему куставру и легонько пнул тушу ногой.

– Все дело в том, – неторопливо начал он, – что гэмалианский помидор – подопечный Джулиана. А эти существа . . . Как вы их обозвали? Да, куставры. Так вот, они всем стадом взгромоздятся на мою тонкую шею.

– Так уж и на твою! – запротестовал Оливер. – Что, к примеру, ты можешь сообщить нам о кустарнике на теле существа? Ничего конкретного. Вот и получается, что мне с куставрами придется повозиться не меньше твоего.

Я быстро подошел к ним, чтобы прервать спор. Вебер и Оливер не прекращают его уже в течение двадцати лет, именно столько, сколько я их знаю. Ни две дюжины планет, на которых мы работали, ни сотни парсеков не смогли изменить их взаимоотношений. Я отлично знал, что остановить спор невозможно, но в данной ситуации имело смысл отложить его на некоторое время.

– Прекратите, – вмешался я. – Через пару часов наступит ночь. Надо решать вопрос с лагерем.

– Но куставр . . . – начал было Вебер. – Мы не сможем оставить его лежать . . .

– Почему бы и нет? На планете их многие миллионы. А этот пусть лежит.

– Но ведь существо упало замертво! Ты же сам видел!

– Да, видел, но именно этот куставр был старым и больным.

– Нет. Существо находилось в расцвете сил.

– Давай перенесем беседу о физическом состоянии куставра на вечер, – подключился к разговору Альфред Кэмпер, бактериолог. – Я заинтригован не меньше твоего, но Боб прав: надо решить вопрос с лагерем.

– И еще, – добавил я, сурово поглядывая на своих товарищей, – каким бы безопасным и благополучным ни выглядел этот мир, мы обязаны строго соблюдать все пункты инструкции: ничего не рвать и не есть. Пить только ту воду, которую мы привезли с собой. И не совершать ночных прогулок в одиночку. Ни малейшего проявления беспечности.

– Но ведь на планете ничего нет, лишь бесчисленные стада куставров. Нет ни деревьев, ни холмов, ни . . . одним словом, ничего. Это не планета, а бескрайнее пастбище, – Вебер никак не мог утихомириться, а ведь он знает все правила и инструкции не хуже меня. Просто не в его характере сразу же соглашаться.

– Так что будем делать, парни? – спросил я. – Устанавливаем палатки? Или еще одна ночь на борту корабля?

Мой вопрос, как я и предполагал, попал точно в цель, и еще до захода солнца небольшой палаточный городок вырос невдалеке от корабля. Карл Парсонс, эколог, а по совместительству повар, установил разборную походную печь и не успели мы вбить последний колышек, как он громогласно провозгласил: „Ужин!”. Все бросились к столу, а я поплелся к своей палатке. Как обычно, ребята дружно засмеялись, после чего набросились на еду.

Три раза на дню, иногда и чаще, я обмениваюсь с друзьями „своеобразными комплиментами”. Никаких обид и недомолвок не возникает – они постоянно прохаживаются по поводу моей диеты, ну и я в долгу не остаюсь. Мне кажется, что прием пищи превратился в своеобразный ритуал: обмениваясь шутками и остротами, мы тем самым ликвидируем стрессовые ситуации. Недаром все двенадцать лет состав отряда не менялся.

Сев на койку, я достал свою сумку с набором диетических блюд, смешал компоненты и начал запихивать в себя липкую безвкусную массу. Тут-то меня и настиг запах жареного мяса. Подхватив сумку, я ретировался в дальний угол лагеря. Ей-богу, в такие моменты я готов отдать свою правую руку за кусок мяса, слегка недожаренного, с кровью.

От диетической пищи не умирают, но этот факт – единственное утешение. Представляете – у меня язва желудка! Если вы спросите любого знакомого медика, что это за болезнь такая, то он ответит вам, что ее давно не существует. Да, слово „язва” звучит архаично и смешно. Но мой желудок – загадка для всех врачей! Вот почему я вынужден таскать за собой по всей Галактике сумку с диетическими блюдами.

После ужина ребята подтащили тушу куставра поближе к лагерю, чтобы при свете ламп внимательно осмотреть существо. Через несколько минут досконального изучения рассеялись последние сомнения, касавшиеся удивительной растительности. Мы убедились, что побеги составляют неотъемлемую часть существа и растут из бугристых участков тела строго определенной расцветки.

Еще через несколько минут Вебер, открыв от удивления рот, обнаружил на некоторых буграх лунки, как будто для игры в гольф, но меньшего размера. Он достал перочинный нож и выковырнул из одного отверстия насекомое, очень похожее на пчелу. Мы не поверили собственным глазам; Вебер проверил еще несколько отверстий-лунок и обнаружил еще одну пчелу, мертвую, как и в первом случае.

Вебер и Оливер хотели тотчас же начать вскрытие, но нам удалось отговорить их. Мы разыграли, кому из нас дежурить первому и, конечно, короткую соломинку вытянул я.

Особой необходимости в охране лагеря не было; сигнальная система надежно защищала нас, но имелось дополнительное предписание, чтобы выставлять караул.

Я нехотя отправился на поиски ружья, а ребята, пожелав мне спокойной ночи, разошлись по палаткам. Их голоса еще долго доносились из темноты.

Первая ночь на неизведанной планете всегда проходит одинаково. Как бы вы ни устали от работы, как бы равнодушно не относились к ней – вам едва ли удастся заснуть, будь вы зеленый новичок или прокопченный космический волк.

Я сидел при свете лампы. На любой другой планете мы разожгли бы костер – языки пламени создают иллюзию родного дома, но здесь не было даже соломы, не говоря о щепочках или настоящих дровах.

Лампа стояла на столе рядом со мной, а на противоположном краю лежала туша куставра. Давно я не чувствовал себя так неуютно, хотя время моих беспокойств еще не наступило. Моя специальность – экономика сельского хозяйства; основная задача: оценить отчеты специалистов и сделать соответствующий вывод о возможности колонизации планеты.

Но сидя один на один с этим удивительным существом – куставром – я не мог отделаться от мысли, что оно спутало все мои карты. Я безуспешно пытался отвлечься, и мысли мои неизменно возвращались к его загадкам, так что я рад был увидеть рядом с собой даже Талбота Фуллертона, Четырехглазого, выплывшего из темноты.

Во время полета Фуллертон скорее напоминал тень, а не человека. Он был апатичен и безлик, и его не замечали ни я, ни мои коллеги. Но сейчас Четырехглазый выглядел взволнованным.

– Перебрал впечатлений? – спросил я.

Он рассеянно кивнул, продолжая таращиться в темноту.

– Удивительно, – сказал он. – Удивительно, если окажется, что эта планета – та самая.

– Не окажется. Ты ищешь Эльдорадо. Охотишься за сказкой. Стреляешь холостыми патронами.

– Однажды эту планету уже нашли, – упрямо продолжал Фуллертон. – Мы располагаем соответствующими записями о ней.

– Ну, конечно! Мемуары об Атлантиде и Золотых Людях. Воспоминания об Империи Пресвитера Иоанна. Отчет о Северо-Западном Проходе в истории древней Земли. Описание Семи Городов. И другие повести в том же духе.

Лицо Фуллертона вытянулось, дыхание участилось, глаза заблестели. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

– Саттер, – изумленно произнес он, – не могу понять, зачем вы все время издеваетесь надо мной. Я знаю наверняка, что где-то во Вселенной существует бессмертие. Секрет бессмертия уже найден, и Человечество обязано отыскать это место! Сегодня в распоряжении человека безграничные возможности космоса – миллионы планет. Проблема жизненного пространства полностью решена. Бессмертие, – говорю я всем, – вот следующая ступень развития Человечества!

– Прекрати! – рявкнул я. – Забудь все, что сказал!

Но уж если Четырехглазого понесло, его не остановишь никакими силами.

– Оглянитесь, – продолжал он. – Эта планета идентична Земле. Даже солнце ее находится на той же стадии эволюции звезд, что и земное Солнце. Плодородная почва, идеальный климат, обилие воды! Сколько пройдет лет, прежде чем люди заселят эту планету?

– Тысяча лет. Пять тысяч. Может, и больше.

– Правильно! Бесчисленное количество миров только того и ждет, чтобы их заселили. Но человек вынужден оставлять их в неприкосновенности по одной простой причине – он смертен. Следует еще сказать и о . . .

Я терпеливо сидел, выслушивая его бесконечные „сказать и о . . .", но все его рассуждения имели один вывод – смерть ужасна. Если бы вы только могли знать, как мне надоели все эти разговоры. Ведь каждый отряд обязан

иметь в своем составе Четырехглазого! Они все настоящие безумцы, но такого фанатика, как Фуллертон, еще не было; к тому же, этот полет был у него первым. Я попытался отключиться, поминая недобрыми словами Институт Бессмертия, присылающий нам Четырехглазых . . .

А Фуллертон все говорил и говорил. Идеализм, замешанный на настырности в поисках бессмертия, прямо-таки бурлил в нем. Впрочем, каждый Четырехглазый пытался произвести впечатление этакого Прометея, пылая неистовой уверенностью в правильности своих предположений, что человек обязан жить вечно, а бессмертие вскоре, буквально со дня на день, будет найдено. В качестве доказательства каждый из них рассказывал байку о безымянном космическом корабле, затерявшемся на безымянной планете в давно забытом году – после того, как экипаж корабля обнаружил бессмертие. Бред, конечно. И все же, благодаря стараниям Четырехглазых, правительственным субсидиям и миллиардным дарам и пожертвованиям, миф продолжает жить. Глупцы, богатые и бедные, верят рассказам о бессмертии и регулярно переводят на счет Института деньги, но тем не менее продолжают умирать с обычным постоянством. Щедрость не окупается.

– Куда это ты все время поглядываешь? – спросил я Фуллертона, надеясь охладить его пыл. – Что там – человек, животное, растение?

– Нет! – торжественно произнес он, как судья, зачитывающий приговор. – Я вижу там нечто такое, о чем не могу вам сказать!

Да будь я проклят! Что он о себе воображает?

И я продолжал подкалывать его, чтобы быстрее пролетело время моего дежурства. Фуллертон, наш Четырехглазый, оказался самым молодым и, что всего хуже, самым прилипчивым и занудным из всех Очкариков, беседовавших со мной. Он раздражал меня все сильнее: фанатики никогда не прислушиваются к мнению собеседника!

– А как ты определишь, что нашел именно то, что искал?

Он не ответил. Его сопение заставило замолчать и меня: того и гляди разрыдается.

Так мы и сидели, не возобновляя разговор. Потом он достал из кармана зубочистку, сунул в рот и начал неторопливо жевать. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует: по-моему, нет более отвратительной привычки,

чем жевать зубочистки, к тому же в самые неподходящие моменты. Думаю, он почувствовал мое тайное намерение, выплюнул изжеванную зубочистку и молча удалился.

Я оглянулся на корабль. Света лампы хватало, чтобы прочесть надпись на борту: „Кэф 7 – *ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО 286*". Этой надписи достаточно, чтобы нас узнали в любом уголке Галактики.

Известно, что Кэф 7 – экспертная сельскохозяйственная планета, так же, как Альдебаран 12 – планета, занимающаяся медицинскими исследованиями, а Капелла 9 – планета Университетов. Да что и говорить, каждая планета специализируется на исследованиях в одной, строго определенной области.

Следует добавить, что Кэф снаряжает многочисленные исследовательские экспедиции, такие, как наш отряд.

Мы разведываем новые миры, выискиваем растения и животных, пригодных для дальнейших экспериментальных исследований. Правда, до сих пор похвастаться особыми успехами мы не можем. В нашем активе лишь несколько видов трав, прижившихся на элтенианских мирах. Остальные находки не причислишь к достижениям. Да, до сих пор Фортуна упорно поворачивалась к нам спиной. Достаточно вспомнить ядовитый плющ. Работаем мы столь же упорно, как и остальные отряды, но оказывается, что от одного старания проку мало. Иногда, особенно вечерами, становится ужасно обидно: ну почему кто-то возвращается с ценнейшими находками, приносящими славу и деньги, а мы выщипываем лишь жалкую траву? А еще чаще возвращаемся и вовсе с пустыми руками.

Жизнь исследователя нелегка, иногда приходится работать в невероятно тяжелых условиях. Из таких полетов ребята возвращаются выжатые, как лимоны, если возвращаются . . .

Но сегодня, похоже, нам невероятно повезло. Тихая мирная планета, идеальный климат, ландшафт без излишеств, а главное – отсутствие враждебно настроенной живности и ядовитой растительности.

Вебер, конечно же, проспал. Появившись, он подошел к столу и выпучился на тушу куставра, будто впервые увидел существо.

– Фантастика, а не симбиоз, – сказал он, обходя вокруг стола, но не отрывая от куставра взгляда. – Мозг просто отказывается воспринимать сию зрительскую информацию. Если бы существо не лежало перед самым моим

носом, я бы сказал, что подобное невозможно. Ведь симбиоз ассоциируется с простейшими формами живых организмов.

– Ты имеешь в виду кустики на теле куставра? И пчел?

Он кивнул.

– Почему ты уверен, что это именно симбиоз?

– Не знаю, – тихо ответил Вебер и сжал кулаки так, что побелели пальцы.

Я передал ему ружье и пошел в палатку, которую делил с Кемпером. Бактериолог проснулся и заговорил со мной. Хотя, быть может, он и не спал.

– Это ты, Боб?

– Я. Все в порядке.

– Что-то не спится. Лежу и думаю, – сказал он. – Безумное местечко.

– Куставры?

– Не только они. Вся планета. Впервые сталкиваюсь с такой пустотой: ни деревьев, ни цветов. Ничего. Лишь бескрайнее море травы.

– Разве есть инструкция, запрещающая находить планеты-пастбища? – пошутил я.

– Слишком просто, – ответил он, не принимая моей шутки. – Все неестественно упрощено. Планета аккуратно прибрана и упакована. Как будто кто-то задался целью создать простую планету, отбросил все излишества, прекратил все биологические эксперименты, кроме одного – выращивание единственного вида животных и травы для их питания.

– Ты уверен? Ведь мы не знаем многих деталей. Возможно, мы не успели обнаружить остальных обитателей планеты? Да ты и сам знаешь: загадки возникают за секунды, а разгадываются годами. Согласен, единственные живые существа, которых нам удалось видеть, – куставры, но, возможно, по той простой причине, что они расплодились в невероятных количествах. Они, как высокая гора, заслонили собой все вокруг.

– А иди ты, – прошептал он и отвернулся.

Я улыбнулся: Кемпер вновь стал самим собой, тем Кемпером, которого я знал и любил, с которым мы десять лет подряд делили все радости и невзгоды.

Сразу же после завтрака загорелся ожесточенный спор.

Оливер и Вербер сказали, что вскрытие будут производить прямо на столе. Парсонс, узнав об этом, готов был вцепиться им в глотки. Я так и не понял, чего он

взъерепенился? Ведь еще до первого произнесенного им слова было ясно, что он потерпит очередное поражение. Шуми он, не шуми – вскрытия всегда проводились и всегда будут проводиться именно на этом столе. Больше не на чем.

– Я догадывался, что вы ребята не промах. Только отправляйтесь-ка искать другое место для разделки этой туши, – неистовствовал Парсонс. – Думаете, приятно сидеть за столом, на котором вы потрошите дохлятину?!

– Но, Карл! Ведь мы займем лишь край стола.

Мы-то знали, что через несколько минут весь стол, а потом и стулья, окажутся завалены кусками куставра.

– Расстелите на траве брезент! – крикнул Парсонс.

– На брезенте невозможно работать скальпелем. Попробуй сам, и ты . . .

– Убирайте со стола это чудовище, – Парсонс даже не прислушивался к ответам Оливера. – Еще сутки – и оно протухнет.

Мне надоело слушать их ругань, я отправился на корабль и начал выгрузку клеток с лабораторными животными. Эта работа не входит в мои обязанности; тем не менее, взявшись однажды за ручку клетки, я исправно повторял ее на каждой планете.

Поднявшись на корабль, я прошел в помещение, где размещались клетки. Увидев меня, крысы запищали, зартильи с Центавра заскрипели, а панкины с Поляриса подняли дикий вой, потому что панкины постоянно голодны. Накормить этих тварей невозможно, а избыток пищи приводит к перееданию и смерти.

Я подтаскивал клетки к грузовому люку и опускал их на землю с помощью веревки. Выгрузка прошла удачно: я не разбил ни одной клетки, что явилось своеобразным рекордом. Обычно одна-две клетки падают, разбиваются, а животные разбегаются, что дает Веберу лишний раз съязвить в мой адрес.

Окончив выгрузку из люка, я начал подтаскивать клетки к лагерю. Оливер и Вебер колдовали над куставром, ритмично взмахивая скальпелями.

Я ставил клетки в ряд, одна к другой, а на случай дождя принялся натягивать на них брезент. В этот момент появился Кемпер и замер возле клеток, наблюдая, как я работаю.

– Побродил вокруг лагеря, – сказал он таким тоном, что я невольно насторожился.

Какое-то время он стоял молча, молчал и я. Надо хорошо знать Кемпера и то, что к нему не следует приставать с расспросами: он постоит, подумает, а потом сам все расскажет.

– Тихое местечко, – нейтрально заметил я, активизируя процесс его раздумий.

Место и в самом деле выглядело неплохо: яркое солнце, легкий ветерок, чистый прозрачный воздух. И тишина. Абсолютная тишина. Ни единого звука.

– Унылое место, – сказал Кемпер.

– Не очень-то понятно, – произнес я, хотя ждал от него именно этих слов.

– Помнишь, что я сказал тебе ночью?

– Что планета упрощена до предела.

– Да.

Кемпер вновь застыл, наблюдая, как я мучаюсь с брезентом. После минутной паузы он все же выпалил:

– Боб, на планете нет насекомых!

– Что насеко . . .

Но он уже слышал только себя.

– Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать. Вспомни Землю, вспомни другие планеты земного типа. Ложишься в траву и тихо наблюдаешь . . . Вокруг тебя множество насекомых! Они ползают по земле, перепрыгивают со стебелька на стебелек, копошатся в цветках, жужжат в воздухе.

– А здесь?

Он отрицательно покачал головой:

– Не видел. Я осмотрел добрую дюжину мест, ложился в траву, всматривался, вслушивался, я искал их все утро, но их нет! Боб, это неправильно, неестественно. На планете нет ни одного насекомого!

Его слова вызвали дрожь в теле, тем более, что он произнес их в сильном возбуждении. Состояние Кемпера передалось и мне: чтобы как-то скрыть волнение, я продолжал расправлять складки брезента, хотя такой тщательности и не требовалось. Что касается насекомых, то я не был большим их поклонником, но их неестественное отсутствие может отрицательно сказаться на нашем бизнесе.

– Пчелы, – напомнил я.

– Какие еще пчелы?

– Пчелы из куставров.

– Я не подходил близко к стаду. Возможно, пчелы летают вокруг куставров.

– А птицы?

– О чем ты говоришь? Конечно же, не видел ни одной. Но в отношении цветов я ошибся. Лежа в траве, я разглядел крохотные невзрачные цветки.

– Чтобы пчелы не скучали.

Лицо Кемпера окаменело.

– Ты прав. Понимаешь, в чем суть? Все спланировано . . .

– Понимаю, – ответил я.

Мы молча подошли к лагерю.

Парсонс что-то стряпал, продолжая ворчать. Оливер и Вебер не обращали на него ни малейшего внимания. Как и следовало ожидать, весь стол оказался завален различными частями туши куставра, а наши патологоанатомы выглядели ошарашенными.

– Мозга нет, – сказал Вебер и посмотрел на нас с Кемпером так, будто мы его украли. – Мы не нашли мозг. Мы не нашли даже примитивной нервной системы.

– Я не способен понять, – добавил Оливер, – как живет высокоорганизованное существо, не имея мозга и нервной системы.

– Хорошенько приберите свою мясную лавку! – гневно выкрикнул Парсонс, не отходя от плиты. – Не то, парни, придется вам обедать стоя.

– Здорово он ляпнул про мясную лавку,– неожиданно согласился Вебер. – Насколько нам удалось выяснить, существо состоит не менее чем из дюжины разных видов тканей, включая рыбу и дичь. А один вид очень походит на мясо ящерицы.

– Запас мяса на все случаи жизни, – сказал Кемпер, – как в хорошем ресторане. Может быть, и мы, в конце концов, откопали свой клад?

– Если мясо съедобно, – спокойно добавил Оливер. – Если мы не отравимся, отведав по кусочку, или не покроемся шерстью.

– Постановка опытов – по твоей части, – сказал я. – Клетки я притащил, можешь использовать наших милых маленьких друзей.

Вебер печально смотрел на разделанную тушу.

– Первое вскрытие – грубый предварительный осмотр, – заявил он. – Нам необходимо еще одно существо для дальнейшей работы. Что ты на это скажешь, Кемпер?

Альфред молча кивнул, а Вебер перевел взгляд на меня:

– Как ты думаешь, вы сможете нам помочь?

– Уверен, что сможем, – бойко ответил я. – Никаких проблем.

Я оказался прав. Едва окончился обед, в лагерь приковылял одинокий куставр, остановился в шести футах от стола, печально посмотрел на нас и упал замертво.

Оливер и Вебер работали, не смыкая глаз. Несколько дней они резали и ставили опыты, ставили опыты и вновь резали. Они не могли поверить тому, что неизменно обнаруживали внутри существа. Они спорили, эмоционально размахивая скальпелями, а к вечеру впадали в отчаяние. Хорошо, что они работали на пару, иначе дело кончилось бы истерикой.

Кемпер заполнял слайдами коробку за коробкой и в оцепенении сидел у микроскопа.

Парсонс и я слонялись по лагерю. Парсонс иногда приступал к работе – брал образцы почвы, а затем пытался классифицировать собранные травы. Анализы образцов почвы давали индентичные результаты, а трав во множественном числе не существовало – повсеместно господствовал один вид.

Еще через несколько дней он начал записывать данные о погоде, провел анализ состава воздуха. Но большую часть времени Парсонс ворчал, не зная, как подступиться к составлению отчета.

А я, чтобы никому не мешать, отправился на поиски насекомых, но кроме пчел, летавших вокруг куставров, так ничего и не нашел. Я долго всматривался в голубизну неба, надеясь разглядеть одинокую птицу, но все напрасно. Два дня я пролежал на берегу ручья, уставившись в бегущие струи прозрачной воды, но не обнаружил никаких признаков живых существ. Я сплел подобие сети и установил в небольшой заводи. Через два дня я вытащил ее из воды, как и предполагал, – пустую. Ни рыбы, ни рака – ничего.

На исходе недели я готов был полностью согласиться с рассуждениями Кемпера.

Фуллертон бродил в окрестностях лагеря. Никто не обращал на него внимания. Каждый Четырехглазый пытается найти нечто такое, что недоступно простому смертному.

В этот день я отправился на „рыбалку". Я долго сидел, уставившись в воду, и, вдруг почувствовав спиной, резко повернулся: на берегу стоял Фуллертон и наблюдал, как я ковыряюсь в заводи, причем у меня сложилось впечатление, что он стоит здесь уже не один час.

– Пусто, – сказал он тоном старого учителя, знающего истину, в то время как я, дурачок, пытаюсь что-то найти в этой луже.

Но разозлился я не только из-за его слов. Из уголка рта Фуллертона вместо неизменной зубочистки торчал стебелек травы, и он неторопливо пережевывал его, как зубочистку!

– Немедленно выплюнь траву! – заорал я. – Ты, идиот, выплюнь сейчас же!

Его глаза расширились от удивления, рот искривился так, что стебелек выпал сам собой.

– Трудно постоянно контролировать себя, – промямлил он, – вы ведь знаете, это мой первый полет и . . .

– И, возможно, последний, – грубо оборвал я. – Будет время, поинтересуйся у Вебера, что случилось с одним парнем, сунувшим в рот крохотный листочек. Несомненно, сделал он это, не задумываясь, – дурная привычка и все такое. Только через минуту он был стопроцентно мертв, как будто специально спланировал самоубийство на далекой планете.

Рассказ подействовал – Фуллертон побледнел.

– Запомню, – сказал он.

Я смотрел на Четырехглазого, немного сожалея, что говорил с ним грубо. Но я не сомневался, что поступил абсолютно правильно: стоит немного расслабиться, потерять над собой контроль и . . . мгновенно человек превращается в ничто.

– Обнаружил что-то интересное? – спросил я, смягчая обстановку.

– Все время наблюдаю за куставрами, – оживился Фуллертон. – Они необычны и забавны. Но я не сразу понял, что именно вызывает удивление . . .

– Я могу перечислить сотню забавных и интересных фактов.

– Я имею в виду совсем другое, Саттер. Не пятна, не бугры, не растительность. Все стадо выглядит очень странно. И вдруг до меня дошло: в стаде нет молодняка, нет ни единого детеныша!

Конечно же, Фуллертон прав! Стоило ему сказать, и я сразу же понял. В стаде нет ни единого теленка или куставренка. Мы постоянно сталкиваемся только со взрослыми особями. Но может ли это значить, что детенышей нет вовсе? Или они нам просто не попадаются на глаза? Кстати, этот же вопрос относится и к насекомым, и к птицам, и к рыбам.

И тут, с некоторым опозданием, я ухватил нить его мысли, вывод, который он сделал из факта отсутствия детенышей. Его МЕЧТА, безумная фантазия, которую он надеялся найти, обнаружена на этой планете.

– Ты сумасшедший! . . – вымолвил я.

Он смотрел на меня с берега, сверху вниз, глаза его блестели, как у ребенка, ожидающего рождественский подарок.

– Это должно было случиться, Саттер, – сказал он. – Где-нибудь, когда-нибудь. И это случилось.

Я выбрался на берег и встал рядом с ним. Какое-то время мы стояли молча, потом до меня дошло, что я все еще держу в руке сеть. Я бросил ее в воду и долго смотрел, как она погружается на дно.

– Неопровержимых доказательств нет, – сказал я. – Развитие куставров в данном направлении – отнюдь не бессмертие, не может являться бессмертием. Наоборот, развитие на основе симбиоза – тупик. И, бога ради, не рассказывай никому о своих умозаключениях, иначе тебе не избежать насмешек на протяжении всего обратного полета.

Не знаю, что мне взбрело в голову тратить на воспитание Четырехглазого столько времени. Он упрямо продолжал смотреть на меня, но огонь триумфа постепенно погас в его глазах.

– Буду держать язык за зубами, – тихо, но настойчиво сказал я. – Никому ни слова.

– Спасибо, Саттер, – ответил он. – Я ценю ваше доброе ко мне отношение.

Но по его тону я понял, что он бы задушил меня с большей радостью.

„Выяснив" отношения, мы побрели в лагерь.

Огромные пирамиды из фарша, в который превращали куставров Оливер и Вебер, исчезли. Стол неправдоподобно блестел. Парсонс готовил ужин, радостно напевая одну из своих многочисленных песенок.

Оливер, Вебер и Кемпер расположились в креслах, потягивали ликер и тихо беседовали.

– Работа завершена? – спросил я.

Оливер вместо того чтобы утвердительно кивнуть, покачал головой. Он налил еще один стакан и протянул его Фуллертону. Четырехглазый взял без колебаний. Для него подобный шаг – огромное достижение. Мне выпить даже не предложили, знали, что все равно откажусь.

– Что же вам удалось выяснить?

– То, что нам удалось выяснить, весьма оригинально, – ответил Оливер. – Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли.

– Откладывают яйца, – повторил я его слова, – дают молоко. Значит, они воспроизводят себе подобных?

– Конечно, – уверенно ответил Вебер, – а ты думаешь иначе?

– Тогда где же детеныши?

Вебер хмыкнул.

– Возможно, молодняк содержится в специально отведенных для этого местах, которые находятся далеко отсюда.

– Или у них выработан контроль над рождаемостью, постепенно перешедший в инстинкт, – предположил Оливер. – К тому же этот инстинкт согласуется с идеальной, сбалансированной экологической ситуацией, о которой говорил Кемпер.

– Невероятно, – фыркнул Вебер.

– Невероятно?! – воскликнул Кемпер. – В десятки раз вероятнее, чем отсутствие у куставров мозга и нервной системы. И намного вероятнее, чем наличие в существах бактерий.

– Уж эти твои бактерии! – Вебер одним глотком осушил полстакана, подчеркивая тем самым свое негодование.

– Мои-мои, – Кемпер усмехнулся. – Только почему куставры буквально кишат ими? Бактерии распространены по всему организму равномерно и все они, как две капли воды, похожи одна на другую, то есть относятся к одному виду. Всем известно, что организму, в том числе человеческому, для нормальной работы, вернее, для процессов метаболизма, требуются сотни бактерий и микроорганизмов. У куставров всю работу выполняет один вид. – Он подмигнул Веберу. – Не ошибусь, если скажу, что именно наличием этих бактерий обусловлено отсутствие мозга и нервной системы – они их заменяют. Более того! Как мы видим, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

Парсонс, все время прислушивающийся к разговору, подошел к нам. В одной руке он сжимал большую вилку, которую использовал для готовки.

– Спросите меня, – заявил он, – и я скажу вам, что куставры неправильны от головы до хвоста. Подобные животные до сих пор не существовали и существовать не должны.

– Но они есть. От факта их реального существования нам уже не избавиться, – заметил Кемпер.

– Тогда скажи мне, в чем смысл этого факта?! Один вид животных монополизировал жизненное пространство целой планеты и питается единственно существующим видом травы. Причем я абсолютно уверен, что количество травы, вплоть до одной-единственной травинки, точно

соответствует общему количеству куставров . . . Устранено даже малейшее нарушение в отклонении от оптимального количества питания.

– Что же неправильного ты видишь в том, что вся их жизнь подчиняется логике? – спросил я, пытаясь его „подколоть”, но тут же подумал, глядя на его вилку, а не захочет ли он в ответ подколоть меня?

– Что из того!!! – прогрохотал Парсонс. – Природа не есть статическая субстанция, она ни на секунду не останавливается в своем развитии. Но на этой планете мы столкнулись с автоматизированной биостанцией, вернее фабрикой. Интересно, кто регулирует выпуск продукции? Кем заложена программа ограничения развития?

– Верно оценивая происходящее, ты не совсем правильно формулируешь вопрос, интересующий нас, – спокойно сказал Кемпер. – Ты, незаметно для себя, проскочил мимо более важного: почему? – а не кто. Каким путем шла эволюция жизни на планете? Как получилось, что жизнь оказалась строго спланированной? Почему природа пришла к подобной ситуации?

– Нет никакого планирования, – кисло улыбнулся Вебер. – Да ты и сам знаешь, хоть и несешь всякую чушь.

Разговор на некоторое время прервался. Парсонс вернулся к плите, Фуллертон отправился прогуляться. Кажется, его шокировали наши разговоры. Что за обыденность спорить о молоке и яйцах?

Мы долго сидели молча. Минут через пятнадцать Вебер тихо сказал:

– Боб, помнишь первую ночь? Я вышел сменить тебя и сказал . . . – он посмотрел на меня. – Ты помнишь?

– Конечно, ты говорил о возможностях развития симбиоза.

– Теперь ты думаешь по-иному? – спросил Кемпер.

– Даже и не знаю . . . Разве возможно, чтобы симбиоз достиг столь высокого уровня? Симбиоз – логическое завершение эволюции живых существ планеты? А если мои предположения верны, то куставры – идеально завершенный пример симбиоза. Представляете себе: давным-давно все живые существа планеты собрались вместе и решили, что пора объединиться. И тогда все растения, животные, рыбы и бактерии слились в одно существо . . .

– Красивая, но малоправдоподобная сказка, – заметил Кемпер. – Симбиоз – разновидность приспособительской реакции на воздействие внешней среды. Но нельзя не отметить, что здесь он продвинулся очень далеко и . . .

Парсонс издал гортанный рык, призывая всех к столу. Я же, вздохнув, поплелся в палатку и приготовил крайне безвкусную клейкую массу. Я утешал себя тем, что такую гадость только в одиночестве и есть – достаточно одной шутки и меня стошнит.

На деревянной клетке для животных, которую я приспособил в качестве стола, лежала тонкая стопка листов с рабочими записями. Проталкивать внутрь себя отраву легче, занимаясь интересным делом. Поэтому за едой я успел просмотреть все записи. Они делались отрывочно, кое-где листы были запачканы кровью куставров и еще какой-то липкой пахучей жидкостью. Однако за время работы с Оливером и Вебером мне приходилось разбирать и не такие каракули.

Конечно, записи не могли дать полной картины происходящего, но кое-что проясняли. Например, разноцветные пятна, придававшие созданиям столь несуразный вид, четко соответствовали разным сортам мяса, располагавшимся под ними. Неужели каждое пятно некогда являлось самостоятельным организмом?

Орган яйцекладки описывался подробно, но свидетельств в пользу его необходимости, судя по всему, не существовало. Так же, как не имелось свидетельств и в пользу закономерности такого биологического процесса, как лактация. Молодняка нет – кому в таком случае предназначается молоко?

Писанину Оливера я разбирал дольше обычного, но все же получил представление о пяти видах фруктов и о трех видах овощей. После обеда я прилег на кровать, переваривая и прочитанное, и съеденное.

Итак, наши существа представляют собой сельскохозяйственную ферму, дающую чистую прибыль, без каких-либо расходов. Да и о каких расходах может идти речь? Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород – все это скомпоновано в теле одного животного – полнокровная ферма!

Я еще раз торопливо перелистал записи, остановившись на моменте, наиболее меня заинтересовавшем: съедобные части составляют основную массу тела куставров, а отходы мизерны. Да о таком животном специалисту сельского хозяйства приходится только мечтать!

Лишь одна мысль волновала меня. А что если продукты из куставров окажутся несъедобными для человека? И еще. Возможно, куставры приспособились к окружающим условиям настолько сильно, что, покинув родную планету, могут погибнуть.

Тут же, словно дурной сон, предстало перед моими глазами видение: куставр подходит к нам и падает замертво. Неожиданно яркая и реальная картина вызвала головную боль, беспокойство. Вопросы начали всплывать сами собой: приживается ли на другой планете трава? Смогут ли куставры приспособиться к новым условиям? С какой скоростью они воспроизводят себе подобных? Можно ли ускорить этот процесс?

Я поднялся и вышел на свежий воздух. Легкий ветерок стих. Солнце уже клонилось к закату, тишина стояла неправдоподобная. Я задрал голову. Быстро темнело, звезды появлялись на небе, как на фотографической бумаге. Они сверкали непривычно ярко и их было так много, что они поражали воображение, будили странные мысли. Взошла луна, но звезды продолжали светить с той же яркостью. С большим трудом я оторвался от непривычного зрелища и неторопливо отправился к товарищам.

– Все идет к тому, что мы задержимся, – спокойно произнес я, – а потому завтра начинаем разгрузку корабля.

Никто не произнес ни слова, но тишина говорила сама за себя – все удовлетворены тем, что вот, наконец, повезло и нам. Представляю, как вытянутся лица у конкурентов, когда мы вернемся домой с таким уловом. Полный триумф, всеобщая известность, безбедное существование!

Нарушил наше ликующее молчание Оливер:

– Некоторые лабораторные животные не в лучшей форме. Сегодня я внимательно наблюдал за ними, морские свинки и крысы выглядят больными, – и он посмотрел на меня так, будто это я заразил их. Пришлось возмутиться:

– Нечего смотреть на меня обиженными глазами. Я не смотритель и ухаживаю за ними лишь во время полета.

Кемпер попытался прервать спор:

– Прежде чем говорить о корме, новом корме, его нужно иметь. Завтра надо добыть еще одного куставра.

– Бьюсь об заклад, что . . . – начал Вебер, но Кемпер молча отмахнулся от его предложения, даже не дослушав.

И оказался прав, так как сразу после завтрака в лагере объявился очередной куставр и, как по команде, упал замертво. Ребята набросились на него, а Парсонс и я занялись выгрузкой съестных припасов и оборудования. Работы хватило на целый день: мы выгрузили большую часть приборов, даже холодильник для хранения мяса куставра и все продукты, за исключением аварийных пайков. Оборудования оказалось так много, что пришлось ставить дополнительные палатки. К вечеру мы валились с ног от усталости.

Утром все, как заведенные, принялись за работу. Кемпер продолжал экспериментировать с бактериями, Вебер не отходил от туши куставра, Оливер выкопал несколько пучков травы и возился с ней. Парсонс отправился на полевые работы. Он что-то бубнил себе под нос и готов был рвать и метать, его бесила любая мелочь. Изучение экологии планеты, пусть даже самой простой, – трудная многогранная работа, требующая выполнения огромного объема исследований. Но на этой планете делать ему было нечего: борьба за существование отсутствовала, а единственные живые существа, куставры, мирно прохаживались, пощипывая травку.

Я попытался составить черновик своего будущего отчета. То, что мне придется многократно его переписывать, не составляло сомнений. Я принялся за работу с явным волнением: мне не терпелось слепить из отдельных фрагментов нечто цельное. Задача была трудна, но я не сомневался, что справлюсь с ней.

Утром одна из клеток оказалась пуста. Это панкины каким-то образом прогрызли решетку и выбрались наружу, на свежий воздух. Их бегство почему-то сильно подействовало на Вебера.

– Они вернутся, – спокойно сказал Кемпер. – Имея их аппетит, нельзя не вернуться в лагерь. – Как выяснилось позже, он оказался прав, ведь он отлично знал, что представляют собой эти обжоры. Их кулинарные запросы невозможно удовлетворить: едят они буквально все, а главное – в чудовищных количествах. У панкинов необычайный метаболизм, что и делает их незаменимыми лабораторными животными.

Часть наших животных мы посадили на диету из мяса куставров. И они буквально расцвели, все как один потолстели и внешне выглядели очень жизнерадостно. Контрольные животные на их фоне казались больными и измученными. Даже прихворнувшие крысы и морские свинки, переведенные на диету, поправились и выглядели лучше, чем до болезни.

Когда мы собрались, Кемпер, возившийся возле клеток, сказал:

– Куставры для животных не только пища, но и лекарство. Я уже вижу рекламу: „ДИЕТА ИЗ КУСТАВРОВ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ!"

Вебер заворчал на него. Он и так-то не понимал юмора, а в данный момент был еще и обеспокоен. Его можно было понять. Серьезный, если не сказать большой ученый, он

столкнулся с совершенно новыми, никому не известными истинами, многие из которых опровергали, перечеркивали весь его многолетний опыт. Отсутствие мозга, нервной системы, способность умирать по собственному желанию, симбиоз, бактерии . . . Он не мог согласиться со всем этим сразу. Именно бактерии, как мне кажется, доконали его.

Но тревожился не только Вебер, то же самое происходило и с Кемпером, поведавшим нам о своих сомнениях перед сном. Он выбрал темой для разговора самое безумное событие, взволновавшее нас:

– Я могу объяснить экологическую ситуацию, сложившуюся на планете. Но для этого нужно изменить наше изначальное отношение к симбиозу, как к длительному процессу. Ведь мы считаем, что куставры возникли в результате грандиозного всепланетного симбиоза. В принципе, поверить в данную экологическую схему можно, если задать ей значительный по масштабам Вселенной временной интервал. Однако у меня возникла другая теория: и мозг, и нервную систему куставрам заменяют бактерии. – Он сделал паузу и продолжил: – Но готовы ли мы осознать, поверить в нее и воспринять? Ведь для этого необходимо сказать себе: эта планета – мир бактерий, а не куставров. Если так, то напрашивается еще один вывод: бактерии, для того чтобы являть свой разум, образуют единую систему, единый гигантский мозг. Если моя теория близка к истине, значит смерть куставра таковою не является. А упавшее замертво существо – не более как отстриженный ноготь или вырванный волосок. Могу поздравить Фуллертона: бессмертие найдено, хотя оно приняло столь невероятную форму, что его и бессмертием-то назвать нельзя.

Кемпер остановился, его лицо исказила гримаса боли.

– А вот что меня и в самом деле беспокоит, так это отсутствие защитных механизмов. Даже если принять на веру, что куставры всего лишь фасад, видимая часть мира бактерий, все равно должен существовать защитный механизм. Как обязательная мера предосторожности . . . Ведь до сих пор все известные нам существа так или иначе обладали способностью защищать самих себя или избегать потенциальных врагов. Одно из двух: существо либо убегает, либо сражается, но оно в любом случае защищает себя, свою жизнь.

Несомненно, Кемпер был прав. Куставры не только не имели защитного механизма, более того, они сами избавляли нас от неприятной обязанности убивать.

– Возможно, мы ошибаемся, – продолжал Кемпер, – и жизнь не так значима, как нам всегда казалось. Возможно,

за нее не следует цепляться, бороться из последних сил. Возможно, не стоит бросаться на врага и перегрызать ему глотку только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности собственную шкуру. Возможно, куставр, упавший замертво, куда ближе к истине, чем мы с вами. Возможно . . .

Все эти „возможно" и „может быть . . ." начинались сразу после ужина и продолжались до поздней ночи. Круг мыслей постоянно замыкался на одних и тех же выводах. Мне кажется, Кемпер не просто говорил, он пытался спорить сам с собой, стараясь в процессе разговора найти иной подход к решению проблемы.

Когда лампа была погашена и все улеглись спать, я долго еще лежал без сна, додумывая теорию Кемпера, пытаясь самостоятельно найти выход из лабиринта фактов. Меня поражало, что все куставры, посетившие нас, находились в расцвете сил. Может быть, смерть является привилегией молодых и здоровых? Или все куставры молоды и здоровы? Имеется ли объективная причина считать их бессмертными существами? Я задавал себе множество вопросов, но найти ответов не мог.

Работа продолжалась. Вебер произвел несколько вскрытий лабораторных животных, получавших в пищу мясо куставров, и досконально исследовал их. Оснований считать, что пища воздействует на организм животных отрицательно, не было. В крови животных обнаружилось некоторое количество бактерий, но паталогических изменений или появления антител они не вызывали. Кемпер постоянно занимался их исследованием. Оливер начал новую серию экспериментов с травой, на этот раз по развернутой схеме. Парсонс отдыхал – он окончательно сдался.

Панкины не возвращались, Парсонс и Фуллертон занялись их поисками, но безуспешно.

Я продолжал, кирпичик к кирпичику, составлять отчет. Работа продвигалась быстро, слишком быстро. Именно легкость и простота вызывали смутные предчувствия и подозрения. Логика уверяла в обратном: разве может что-либо случиться на этой планете?

И тем не менее случилось.

За ужином до нас донесся отдаленный шум. Он возник где-то очень далеко и нарастал меде907ленно и ненавязчиво, так что мы не сразу обратили на него внимание. Звук этот напоминал шум ветра, шевелящего листву молодого

деревца. Но постепенно он перешел в гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Только я раскрыл рот, чтобы сказать о грозе, как Кемпер вскочил на ноги и начал что-то орать нам. Что именно, я так и не понял, вернее, не расслышал слов, хотя смысл дошел до нас всех за одну секунду и мы тут же бросились к спасительному корпусу корабля. Когда мы подбегали к трапу, тембр звука изменился. Не оставалось сомнений, что это топот копыт, стремительно наплывающий на лагерь. У трапа возникла небольшая заминка: куставры были уже недалеко, поэтому я бросился к веревке, свисавшей из грузового люка. С ее помощью мы производили разгрузку, а втянуть ее наверх я просто забыл. Не могу назвать себя специалистом в лазании по канату, но в этот миг я начал карабкаться по веревке с максимальной для человека скоростью. Взглянув вниз, я увидел, что вслед за мной карабкается Вебер, который также никогда не отличался способностями циркача. Я полз и думал о том, как нам повезло, что я так и не нашел времени, чтобы подтянуть веревку наверх. А ведь именно Вебер отругал меня за нерадивость. Я хотел крикнуть ему, но так запыхался, что слова застряли в горле.

Мы добрались до люка и влезли внутрь. Под нами, перемалывая все кругом, проносились куставры. Они бежали мимо нас так, будто от испуга: тысячи, миллионы животных. Тем поразительнее выглядел их молчаливый бег. Ни крика, ни писка, лишь топот копыт – безголосье пугало сильнее, чем вид бесчисленного стада. Казалось, сама ярость окутывала нас со всех сторон . . .

Не менее странным казалось и то, что бескрайнее море куставров расступалось перед кораблем, а за ним вновь смыкалось, оставляя небольшой участок нетронутой земли. При свете звезд стадо просматривалось на многие мили, а далее сливалось с горизонтом. Увидеть, где оно кончается – и кончается ли вообще, так и не удалось.

Мы могли бы не забираться в корабль, но кто мог предположить, что куставры станут соблюдать такую точность при передвижении?

Нашествие длилось не менее часа. Когда последний куставр исчез в темноте, мы боязливо спустились вниз и попытались определить нанесенный ущерб. Клетки с животными, стоявшие на полпути между кораблем и лагерем, остались неповрежденными. Палатки, в которых мы спали, за исключением одной, стояли на местах. На столе по-прежнему ярко горела лампа.

Все запасы продовольствия и большая часть оборудования оказались втоптаны в землю. Территория вокруг лагеря

напоминала свежевспаханное поле. Единственное, что не было уничтожено – записи и животные.

– Три недели, – сказал Вебер, – и я закончу опыты.

– У нас их нет, как и запасов продовольствия, – ответил я.

– А эн-зе?

– Только на обратный путь.

– Ничего, можно и поголодать.

Вебер оглядел нас всех по очереди, после чего произнес:

– Я могу три недели обходиться без всякой пищи.

– Давайте попробуем мясо куставров, – предложил Парсонс. – Кто готов рискнуть?

Вебер отрицательно покачал головой:

– Не сейчас. Через три недели, когда я закончу опыты. Вот тогда и решим. Если мясо куставров окажется пригодным для человека, то эн-зе нам вовсе не понадобится. Будем пировать всю обратную дорогу до Кэфа.

– Так и поступим, – сказал я, зная, что парни согласны.

– Вам-то что, – послышался голос Четырехглазого, – с таким запасом диетической пищи можно и поголодать.

Парсонс подошел к Фуллертону, сгреб его в охапку, приподнял и потряс его так, что голова Четырехглазого задергалась из стороны в сторону, как у куклы. После чего он осторожно поставил его на ноги и тихо сказал:

– Разговоры о диете нам несколько неприятны, дружище.

Сигнальная система оказалась уничтоженной, поэтому мы установили сдвоенное дежурство. Но никто так и не сомкнул глаз в эту ночь. Опустошительное нашествие куставров повергло всех в уныние; меня интересовал один вопрос – что их так напугало, что за чудовищная сила заставила многомиллионное стадо мчаться сквозь тьму сломя голову? Ответа я не находил. Раз за разом я возвращался к единственно верному предположению: на планете не существовало причин, способных вызвать паническое бегство куставров. Но все же причина была, ведь мы являлись свидетелями ее следствия. Более того, причина эта связана с появлением существ в лагере и их смертью на наших глазах. Но что является первопричиной их поведения – разум или инстинкт? Вот вопрос, мучающий сильнее всего и не дающий уснуть.

А на рассвете в лагере появилось очередное существо и с радостью упало замертво к нашим ногам.

Мы обошлись без завтрака. Никто не вспомнил и про обед. С первыми сумерками я забрался по трапу на корабль,

чтобы принести немного продуктов для ужина, но ничего не нашел. Вместо продуктов в углу расположились пять панкинов – более толстых и довольных тварей я никогда не видел. Они даже не шумели, как обычно. Я догадался, что они прогрызли дыры в ящиках с продовольствием и прикончили все до последней крошки. Более того, они каким-то образом ухитрились отвернуть крышку у банки с кофе, опрокинув ее, и смолотили все зерна.

Нашим запасам пришел конец. Я отупело глядел на толстые лоснящиеся мордочки панкинов. Меня вдруг осенило, каким образом они пробрались на корабль! Я проклинал свою нерадивость: если бы я вовремя убрал веревку, ничего бы не случилось.

Потом я вспомнил, что веревка спасла нам с Вебером жизни. Я спокойно подошел к панкинам, троих распихал по карманам, оставшихся двух взял в руки. Спустившись с корабля, я направился к лагерю.

– Вот они, – сказал я и посадил панкинов, всех пятерых, на стол, – наши беглецы. Пробрались на корабль, а мы не могли их найти. Вскарабкались по веревке.

Вебер внимательно изучил их.

– А они неплохо подхарчились. Что-нибудь нам оставили?

– Вычистили все до последней крошки.

Панкины выглядели стопроцентно счастливыми. Очевидно, их обрадовала встреча с нами. Не было причины оставаться на корабле дальше, после того как они прикончили „эн-зе".

Парсонс достал тесак и подошел к куставру, умершему утром.

– Приготовить слюнявчики, – скомандовал он и отрезал от туши большой кусок мяса. Потом еще один, и еще один, и еще . . . Как только он приступил к жарке, я рванулся в свою палатку, потому что никогда прежде нос мой не ощущал столь аппетитного, столь зовущего запаха. Я раскрыл сумку, наугад приготовил порцию липкой отравы и начал запихивать ее в себя, помогая ложкой.

Через некоторое время явился Кемпер. Он расслабленно-довольно плюхнулся на койку.

– Желаешь выслушать мой рассказ? – спросил он.

– Валяй!

– Изысканно. По вкусовым качествам превосходит любое блюдо, приготовленное руками человека во все времена. Мы попробовали три сорта мяса, отведали по ломтику рыбы и еще чего-то, что напоминало мясо омара, но вкус

много нежнее и тоньше . . . После мяса мы разрезали плод – смесь дыни и ананаса.

– А завтра вы упадете замертво.

– Не думаю, – сказал Кемпер. – Ты же видел, что общее состояние животных заметно улучшилось.

Конечно, думал я. Все сходится к тому, что Альфред прав.

Одного куставра как раз хватило на день. Сыты были и люди, и животные. Куставры не обнаруживали более агрессивных намерений, зато каждое утро они оказывались под рукой. И именно в тот момент, когда о них вспоминали.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами. Количество пищи, уничтожаемое ими, становилось просто неприличным. Ежедневно Парсонс нажаривал горы огромных кусков разного мяса, рыбы, дичи и всякой всячины. Он выставлял на стол тазы с овощами и фруктами, а откуда-то появившийся кувшин ежедневно наполнял медом. И люди, и животные съедали все, буквально вылизывали тарелки и миски.

Я смотрел на своих компаньонов. Они сидели вокруг стола, расстегнув ремни, и похлопывая себя по животам. Их самодовольные физиономии вызывали у меня чувство отвращения. Я напрасно ждал, что их желудки начнет сводить от боли, а тела покроются растительностью. Ничего не происходило. Более того, все они утверждали, что никогда еще не чувствовали себя так хорошо.

Прошло две недели. Как-то утром Фуллертон почувствовал слабость. Он попытался встать, но не смог. Еще через час его начало трясти, как в лихорадке. Симптоматика соответствовала вирусному заболеванию с Центавра, но ведь мы получили от него прививку. За эти годы нам сделали профилактические прививки от всех известных заболеваний. К тому же, перед каждым вылетом нас дополнительно накачивали разнообразными сыворотками.

Я не сомневался, что лихорадка вызвана перееданием. Тем более, что ей оказался подвержен Четырехглазый.

Оливер, немного разбиравшийся в лекарствах, притащил с корабля аптечку и ввел Фуллертону максимальную дозу какого-то антибиотика, рекомендованного на все случаи жизни.

Мы продолжали работать, надеясь, что через день-два он самостоятельно встанет на ноги. Но Фуллертону становилось все хуже и хуже.

Оливер повторно перерыл аптечку, тщательно изучив все инструкции и этикетки, но ничего нового не обнаружил.

Он внимательно перечитал брошюру об оказании первой медицинской помощи, но в ней описывались лишь сломанные ноги и вывихнутые суставы.

Кемпер волновался больше всех: он попросил Оливера взять у Фуллертона пробу крови и приготовил гемослайд. Заглянув в окуляр микроскопа, он обнаружил, что кровь буквально кишит бактериями куставров. Повторные анализы были индентичны первому.

Оливер и Кемпер работали, а мы стояли вокруг стола, ожидая приговора. Молчание прервал Оливер, решившийся вслух высказать наши худшие опасения.

– Ну, кто следующий? – спросил он.

Парсонс протянул руку. Все напряженно ожидали оглашения приговора.

– Бактерии есть и в твоей крови, – сказал Кемпер, – но их количество значительно меньше, чем у Фуллертона.

Мы поочередно подходили к Оливеру, результаты анализов повторялись. Правда, в моей крови бактерий содержалось меньше, чем у остальных ребят.

– Мясо куставров, – сказал Парсонс, – Боб не ел.

– Но ведь тепловая обработка уничтожает . . . – начал Оливер.

– Ты уверен? Эти бактерии должны иметь безумно высокий коэффициент адаптации. Ведь они выполняют в организме куставров огромную работу. Думаю, они могут с легкостью приспособиться к любым, даже самым непредвиденным условиям. Кроме того, овощи и фрукты мы ели в сыром виде. Да и мясо, дорогие мои, вы предпочитаете уминать недожаренным.

– Но кто объяснит мне, – вопрошал Оливер, – почему именно Четырехглазый заболел первым? Почему количество бактерий в его крови больше, чем у остальных? Ведь он начал употреблять мясо куставров в пищу одновременно с нами.

Тут-то я и вспомнил свой разговор с Фуллертоном на берегу ручья. Я рассказал о травинке, которую жевал Четырехглазый, но рассказ едва ли улучшил их настроение.

Через неделю, максимум две, количество бактерий в крови каждого из нас станет таким же, как и у Фуллертона. Я подумал было, а правильно ли я сделал, что рассказал? Наверное, правильно.

– Не есть куставров мы не можем, – сказал Вебер. – Другой пищи просто-напросто нет. Как и обратного пути.

– Я подозреваю, – проговорил Кемпер, – что для нас все уже в прошлом. Ракета улетела, и мы на нее опоздали.

– Надо немедленно стартовать, – сопротивлялся я, – и моя диетическая сумка . . .

Закончить фразу мне не удалось: все начали смеяться, как сумасшедшие, толкаясь и хлопая меня по спине.

Я молча стоял, опустив глаза долу. Их смех, вызванный моей непредвиденной шуткой, больше напоминал разрядку после нервного перенапряжения.

– Спасибо, – сказал Кемпер, – твоя сумка не решит основной проблемы: бактерии сидят внутри нас! И еще, диетической сумки на всех не хватит.

– Стоит попытаться, – возразил я.

– Подождем, – прервал нас Парсонс. – Тем более, что иного выхода нет. Да и лихорадка может оказаться временной реакцией организма на перемену диеты.

И все дружно закивали, внушая себе, что он прав.

Но Фуллертону лучше не становилось. Вебер взял для анализа кровь у животных. Количество бактерий оказалось столь же высоко, как и у Четырехглазого.

Вебер ругал себя последними словами:

– Мне следовало давно догадаться, что пробы крови необходимо брать каждый день!

– Что бы это изменило? – спросил Парсонс. – Единственный источник калорий – куставры. Выхода нет.

– Будем надеяться, что дело не в бактериях, ведь животные чувствуют себя прекрасно. А наш дорогой Четырехглазый мог подхватить что угодно.

Лицо Вебера слегка прояснилось.

– Возможно, вы и правы.

Несколько дней томительных ожиданий ни к чему не привели – Фуллертон находился все в том же состоянии.

И вдруг, в одну из ночей, он исчез.

Оливер, дежуривший около него, ненадолго вздремнул. Парсонс, охранявший лагерь, не слышал ни звука.

Утром мы отправились его искать – далеко уйти в таком состоянии он явно не мог. Но поиски не дали результатов. Хотя мы наткнулись на шар непонятной консистенции, белого, почти полупрозрачного цвета, четырех футов в диаметре. Он лежал на дне небольшого овражка, скрытый от любопытных глаз, как будто специально спрятанный в этом месте.

Мы осторожно потрогали его, несколько раз перекатили с места на место, пытаясь определить, из чего слеплен и как мог попасть сюда. Но, поскольку мы отправились на поиски Фуллертона, шар пришлось оставить в покое. Найдем Четырехглазого – вернемся к загадочному шару.

Вечером, возвратившись в лагерь с пустыми руками, мы обнаружили, что лихорадка началась и у животных – их трясло, как не знаю что. Вебер работал с ними, не имея ни секунды для отдыха. Мы, чем могли, ему помогали. Анализы крови показывали, что содержание бактерий достигло невероятного уровня. Вебер несколько раз производил вскрытия, но фактически не заканчивал их: он разрезал шкуры, вскрывал брюшную полость, заглядывал внутрь и тут же выбрасывал животных в ведро, даже не пытаясь продолжить обычное патологоанатомическое исследование. Я видел его напряженное лицо в те моменты, когда его рука зависала над ведром с тушкой животного, но кроме меня никто не обращал на Вебера никакого внимания. Ребята выглядели жутко измотанными. Я попытался выяснить у Вебера подробности вскрытия, но он грубо оборвал меня на полуслове.

Вечером я отправился спать раньше обычного: с полуночи начиналось мое дежурство. Не успел я глаз сомкнуть, как меня разбудил зловещий гул, от которого волосы встали дыбом. Я вскочил с постели. Оказалось, что уже ночь, и я долго шарил в темноте, пытаясь найти ботинки. Кемпер вылетел из палатки, как пуля.

С животными что-то происходило. Дико крича, они пытались вырваться наружу, грызли прутья, кидались на них, ослепленные яростью.

Вебер метался от клетки к клетке со шприцем в руке. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось напичкать животных успокоительным и мы снова могли позволить себе улечься. Нескольким животным все-таки удалось убежать.

Ребята разбрелись по палаткам, а я с ружьем на коленях остался дежурить. Но уже через несколько минут я встал и начал прогуливаться вдоль клеток: недавний концерт вызвал во мне столь сильное возбуждение, что сидеть я не мог.

Для меня было совершенно очевидно, что исчезновение Фуллертона и желание животных выбраться из клеток – взаимосвязанные события. Я вспомнил рассуждения Кемпера о защитном механизме, о том, что он отсутствует у куставров. Но, может быть, сказал я себе, этот механизм есть – и он ловко обманывает нас. Механизм, столь неожиданный для человеческого разума, что мы не готовы к его пониманию.

Утром, когда парни начали просыпаться, я забрался в палатку и растянулся на койке, чтобы немного вздремнуть.

Измученный вчерашними событиями, я проспал десять часов. Разбудил меня Кемпер:

– Да поднимайся же, Боб, – устало произнес он. – Вставай, бога ради.

Темнело. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь неплотно запахнутую дверцу палатки. Кемпер выглядел изможденным и постаревшим, как будто мы расстались с ним не вчера вечером, а несколько лет назад.

– Животные покрылись оболочкой. – Он вздохнул. – Теперь они напоминают коконы . . .

Я сел, не дослушав его.

– Тот шар в овраге!

Кемпер молча кивнул.

– Фуллертон?!

– Для того я тебя и разбудил. Мы решили взглянуть на него.

Мы отыскали шар с наступлением темноты. Местность оказалась на редкость ровной и наш овражек затерялся. Шар, расколотый на две половины, напоминал скорлупу яйца, из которого только что вылупился цыпленок. Темнота все сгущалась, а перед нами, поблескивая в тишине звездного неба, лежали две половинки шара – „последнее прощай", начало новой пугающе-чужеродной жизни.

Я подумал, что следует, как на похоронах, что-нибудь сказать, но мозг мой был пуст, а язык прилип к пересохшим губам.

Мы внимательно осмотрели землю вокруг „яйца" и нашли следы существа, выбравшегося из него. Это были следы новоиспеченного куставра.

Мы молча поплелись в лагерь.

Кто-то зажег лампу. Все стояли, не в силах поднять глаза от земли, понимая, что наше время истекло и отрицать увиденное в овраге – глупо и бессмысленно.

– Шанс остался только у одного из нас, – начал Кемпер, нарушив долгую, пугающую тишину. Голос его, как ни странно, звучал спокойно и уверенно. – Боб, ты должен улетать немедленно. Кто-то ведь обязан вернуться на Кэф и сообщить, что здесь произошло.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

– Ну, – резко сказал он. – Отправляйся! Что с тобой?

– Ты был прав, – прошептал я, – когда рассуждал о защитном механизме, помнишь?

– Теперь-то мы знаем, что защитный механизм существует . . . – согласился Вебер. – Лучшего защитного механизма невозможно даже представить. Ведь он неодолим. Фауна планеты не пытается воевать с нами, она просто адаптирует нас, преобразует в себе подобных. Не удивительно, что на планете существуют одни куставры, не удивительно, что экология предельно проста. Шагнув в этот мир, вы попадаете в ловушку. Стоит только сделать глоток воды, сжевать стебелек, отведать кусочек мяса.

Оливер вышел из темноты и остановился напротив меня.

– Вот твоя диетическая сумка и записи.

– Но я не могу улететь без вас!

– Забудь про нас! – рявкнул Парсонс. – Мы уже не люди, понимаешь?! Через несколько дней . . .

Он схватил лампу, подошел к клеткам и осветил их.

– Смотрите! – выкрикнул он.

Животных в привычном смысле этого слова не было. Шарики, половинки шариков такой же консистенции, как шар в овраге . . . А вокруг половинок топотали маленькие куставры.

–И ты хочешь остаться, – Кемпер посмотрел на меня с сочувствием. – Что ж, оставайся. А через день или два к тебе подойдет куставр, упадет перед тобой замертво, и ты сойдешь с ума, вычисляя, кого из нас ты приготовил себе на обед!

Голос его звенел как натянутая струна, он произнес последнее слово и отвернулся . . . Оказалось, что все парни стоят, повернувшись ко мне спинами. Я ощутил ужас одиночества.

Вебер подхватил с земли топор и пошел вдоль клеток, сбивая замки и выпуская маленьких куставров на волю.

Я медленно двинулся к кораблю, поднялся по трапу, крепко прижимая к груди сумку. Остановившись у входного люка, я обернулся, попытался последним взглядом охватить лагерь, всех своих товарищей и понял, что не могу покинуть их. Ведь мы провели вместе тьму лет. Они подшучивали надо мной, а я постоянно уединялся и ел в одиночку, чтобы не чувствовать запаха жаркого . . . Я подумал, что даже не помню, с каких пор ем эту тюрю, липкую и безвкусную, что из-за своего проклятого желудка я никогда не пробовал нормальной человеческой пищи. Может, парни куда счастливее меня, даже в данную

секунду. Ведь человек, превратившись в куставра, никогда не останется голодным, желудок его всегда будет наполнен приятной на вкус, сытной пищей. Куставры едят только траву, но, быть может, когда я превращусь в куставра, трава станет для меня лакомством – таким же, как недоступный сейчас тыквенный пирог?

Я стоял перед входным люком и размышлял о еде.

Диетическая сумка, получив с моей помощью значительное ускорение, рассекла темноту и погузилась в нее. Листки с записями, медленно кружась, как сухие листья, опустились на землю.

Я вернулся в лагерь и тут же столкнулся нос к носу с Парсоном.

– Так что у нас сегодня на ужин? – спросил я.

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Альфред
Э. ВАН ВОГТ

ПОТЕРЯНО: ПЯТЬДЕСЯТ СОЛНЦ

Из уличного радиотранслятора внезапно раздался протяжный звон. Затем глубокий мужской голос произнес:

– Внимание, граждане планет Пятидесяти Солнц! Говорит земной космический корабль „Звездный Рой". Слушайте заявление Верховного Капитана корабля Достопочтенной Глории Сесили Лоу, леди Лоу из рода Благородных Лоу.

Питер Мэтби, направлявшийся к стоянке аэрокаров, остановился, как только услышал раздавшийся по радио голос. Он видел, что другие люди также останавливались и прислушивались с напряженным вниманием.

Мэтби впервые попал на Лант. Столица этой планеты показалась ему очаровательно провинциальной после плотно населенного Кассадора, на котором располагалась главная база Космических вооруженных сил Федерации Пятидесяти Солнц. Корабль Мэтби приземлился днем ранее на военном космодроме ближайшей к Ланту обитаемой планеты.

Этот рейс был связан с недавно объявленным приказом о чрезвычайном положении и совершался с панической поспешностью. По слухам, ходившим среди офицеров экипажа, Мэтби знал, что приказ вызван появлением земного звездолета, чья радиопередача транслировалась сейчас всеми системами космической связи.

Из радиотранслятора снова раздался мужской голос:

– Слушайте леди Лоу!

После небольшой паузы послышался чистый и звонкий голос молодой женщины:

– Народ Пятидесяти Солнц, мы *знаем*, что вы здесь.

– В течение нескольких лет наш корабль „Звездный Рой" выполнял навигационное картирование областей пространства, граничащих с Большим Магеллановым Облаком. Случайно мы натолкнулись на вашу космическую станцию и захватили дежурившего на ней инженера. Он покончил с собой, но перед этим мы узнали, что где-то в Облаке, включающем сотни миллионов звезд, находятся пятьдесят обитаемых звездных систем с семьюдесятью планетами, населенными гуманоидами. Мы стремимся найти вас, хотя, на первый взгляд, может показаться, что это невозможно

сделать. Действительно, определить местонахождение пятидесяти солнц, рассеянных среди сотен миллионов звезд, очень трудно. Однако мы нашли решение этой проблемы.

– Слушайте внимательно, люди Пятидесяти Солнц! Мы знаем, кто вы. Мы знаем, что вы являетесь так называемыми роботами Делла, но вы – не роботы в полном смысле этого слова, а плоть и кровь людей Земли. Мы просмотрели наши исторические книги и нашли в них сообщения о происходивших пятьдесят тысяч лет назад бессмысленных бунтах, которые запугали ваших предков и вынудили их к побегу из Главной Галактики: в те далекие времена они покинули лоно человеческой цивилизации и устремились сюда, в Большое Магелланово Облако. Мы знаем также, что вместе с вами эмигрировала большая группа людей.

– Пятьдесят тысяч лет – огромный срок. Прошло время – и человечество изменилось. Ужасные события, подобные пережитым вашими предками, больше невозможны. Я говорю это, чтобы успокоить ваш страх и устранить сомнения. Потому что вы должны вернуться обратно в человеческое общество. Вы должны войти в Земной галактический союз, принять регулирующие межзвездные отношения законы и открыть свои космические порты для торговых кораблей союза. Так как у вас действительно имелись веские причины скрыться, вам дается на размышления одна неделя; по ее истечении вы должны указать местонахождение ваших планет. В течение данного срока мы не намерены предпринимать никаких действий, но если через неделю контакт не удастся установить, вы будете наказаны. Можете быть уверены в этом. Мы найдем вас. И быстро!

Женщина замолчала, как будто хотела паузой подчеркнуть значение своих слов.

Высокий парень, стоявший рядом с Мэтби, сказал, показав рукой вверх:

– Там только один корабль. Чего нам бояться? Пусть его уничтожат, чтобы он не мог вернуться обратно в Главную Галактику и сообщить о нас.

Девушка в ярком комбинезоне, по-видимому, подружка молодого человека, встревоженно спросила:

– Эта женщина... Верховный Капитан... говорила ли она правду? Неужели их корабль действительно может найти нас?

Парень покровительственно улыбнулся:

– Это невозможно. Как говорили в старину, легче найти иголку в стоге сена.

Мэтби ничего не сказал, но он был склонен согласиться с юношей. Он понимал, что и Верховный Капитан Лоу, и ее

корабль были жалкой искрой в безбрежном океане космической тьмы, скрывающей цивилизацию Пятидесяти Солнц.

Радиотранслятор снова ожил. Достопочтенная Глория Сесили Лоу продолжала:

– На тот случай, если ваши меры времени расходятся с нашими, сообщаю, что наш день содержит двадцать часов по сто минут в каждом. Минута состоит из ста секунд, причем за одну такую секунду свет проходит ровно сто тысяч миль. Постарайтесь точно выдержать отведенный вам срок. Через неделю я обращусь к вам снова.

Женщина замолчала. Затем раздался голос местного радиодиктора:

– Граждане Пятидесяти Солнц, мы передавали ретранслированное сообщение с земного космического корабля. Это сообщение было принято внешними станциями час назад и передано в совет Федерации Пятидесяти Солнц. Продолжайте заниматься своими повседневными делами и будьте уверены, что правительством делается все возможное для вашей безопасности. Дальнейшая информация будет передаваться по мере ее поступления.

Выслушав объявление, Мэтби направился к двухместному аэрокару, который приземлился по его сигналу. Как только он занял свободное место, какая-то женщина вошла вслед за ним и уселась напротив. Мэтби сосредоточился: он ощутил слабый отклик, как будто владевшее женщиной возбуждение коснулось его разума. Его зрачки немного расширились, но больше он ничем не выдал своего состояния. Женщина была агентом, посланным для установления связи с ним.

После краткой паузы она сказала:

– Вы слышали радиопередачу?

– Да.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Предложение командира земного корабля представляется очень разумным.

– Вы заметили, что она назвала жителей Федерации роботами Делла?

Мэтби не был удивлен, что его спутница обратила на это внимание. По-видимому, экипаж земного звездолета не знал, что в Федерации Пятидесяти Солнц кроме деллиан и не деллиан существовала и третья группа населения – гиброиды. В течение тысяч лет после миграции из Главной Галактики браки между деллианами и не деллианами не приводили к появлению потомства. Наконец, вследствие ряда мутаций, возникших под воздействием местных

условий на некоторых планетах Федерации, в смешанных семьях стали появляться дети. В результате возникла группа так называемых гибридных людей, обладающих способностью к диплоидному мышлению. По внешнему облику и физической силе они были подобны деллианам, по творческим способностям – не деллианам. Сосуществующие в мозгу смешанного человека два уровня мышления, при условии их хорошей взаимной координации, обеспечивали превосходство подобной личности над любой другой, обладающей разумом обычного типа.

Мэтби был гиброидом, так же, как и сидевшая перед ним женщина; Мэтби понял это по легкому возбуждению, охватившему его мозг. Разница между ними заключалась в том, что Мэтби обладал официальным статусом на Ланте и любой другой планете Пятидесяти Солнц, а его спутница подобного легального статуса не имела. В случае разоблачения ей грозили тюрьма или физическое уничтожение.

– Мы разыскивали вас, – сказала она, – с тех пор, как час назад в нашем Центре было прослушано это сообщение. Как вы думаете, что мы должны делать?

Мэтби колебался. Для него было тяжело выдерживать роль наследственного вождя гиброидов; он являлся капитаном космического флота Федерации Пятидесяти Солнц. Двадцать лет назад гиброиды пытались захватить власть над Федерацией. Эта попытка окончилась катастрофическим провалом, в результате которого они были объявлены вне закона. Мэтби, бывший в те времена еще совсем маленьким мальчиком, был захвачен деллианами и получил воспитание в их среде. Флот дал ему образование и достойное место в жизни. В каком-то смысле судьба Мэтби была социальным экспериментом. И этот эксперимент показывал, что проблему гиброидов можно решить мирным путем. Были затрачены значительные усилия, чтобы привить Мэтби лояльность ко всем народам Пятидесяти Солнц и Федерации в целом, и эти усилия не пропали даром. Однако его учителя не знали, что в их руках находился номинальный глава всех гиброидов. Несоответствие между воспитанием Мэтби и его тайным положением лидера отщепенцев могло обернуться для него серьезным конфликтом; эту проблему Мэтби пока еще решить не мог.

Мэтби пристально посмотрел на сидевшую напротив женщину и медленно сказал:

– Я полагаю, что мы тоже относимся к обитателям Пятидесяти Солнц. Поэтому любые наши действия должны быть скоординированы с двумя другими группами населения Федерации.

– Однако, – возразила женщина, – уже идут разговоры о том, что мы, возможно, могли бы получить некоторые преимущества, если бы сообщили землянам координаты планет Федерации.

На мгновение, вопреки его воспитанию, подобная перспектива потрясла Мэтби. И он заметил, что женщина его поняла. Сложившаяся ситуация была исключительно динамичной и многообещающей для любителей ловли рыбы в мутной воде. Мэтби печально подумал: „Я давно догадался, что по своему темпераменту не подхожу для интриг”. Да, это было так: его характерной чертой была склонность к спокойному и объективному обсуждению конфликтных проблем. К авантюрам он относился с изрядной долей недоверия.

Мэтби снова посмотрел на женщину. Она была стройной красивой блондинкой; в ответ на его взгляд женщина жестко усмехнулась, и ее голубые глаза зажглись огнем фанатизма:

– Если земляне найдут нашу Федерацию и признают ее правительство, какие-либо перемены в будущем исключаются. Целью любых наших планов должно быть изменение ситуации в нашу пользу. Если мы согласимся оказать помощь землянам, мы можем поставить условие о предоставлении нам равного статуса с прочим населением Пятидесяти Солнц. В конечном счете, это все, чего мы хотим.

– Вы в этом уверены? – иронически спросил Мэтби. Он лучше знал амбиции гиброидов и относился к ним без иллюзии. – Как мне кажется, мы вели войну совсем с другой целью.

– Ну хорошо, – сказала женщина с раздражением, – кто в Федерации имеет большее право на привилегированное положение? Мы превосходим деллиан и не деллиан в физиологическом отношении. Мы – сверхчеловеческая раса, которой предназначено властвовать над всей Галактикой. – Она говорила с видимым усилием. – Рассмотрим теперь наилучшую возможность для достижения этой цели. Народ Земли никогда не сталкивался с гиброидами: они не представляют себе наших возможностей. Следовательно, на нашей стороне преимущество внезапности. Если бы мы смогли заслать своих людей на земной корабль, мы захватили бы новое, решающее оружие. Вы понимаете это?!

Мэтби понимал все, в том числе и авантюризм подобных планов; в рассуждениях блондинки было много желаемого, принимаемого за действительность.

– Моя дорогая, – сказал он, – мы – маленькая группа, крохотная частица населения Федерации. Наше восстание против правительства Пятидесяти Солнц тоже было внезапным, но тем не менее мы потерпели поражение. Вполне возможно, что наша раса когда-нибудь установит контроль над всей Галактикой, но для этого требуется время. Пока что наши мечты превосходят наши возможности.

– Ханстон полагает, что сейчас самое подходящее время для решительных действий.

– Ханстон! – непроизвольно воскликнул Мэтби.

Рядом с колоритным и громогласным Ханстоном Мэтби чувствовал себя бледным. Ему не нравилось, что Ханстон пользовался популярностью в основном среди молодых людей, не сохранивших воспоминаний о разгроме восстания и потому неистовых и нетерпеливых. Через своих сторонников, людей более старшего поколения, друзей его покойного отца, Мэтби почти ничего не мог сделать; он только призывал к осторожности. Это была неблагодарная задача. Ханстон являлся вторым по значению лидером гиброидов. Его активная программа действий импонировала молодежи, которой не довелось испытать постигших предыдущее поколение бедствий. Позицию молодежи выражал лозунг: „Тогда вожди наделали ошибок. Мы их не повторим!”

Мэтби не ощущал в себе желания властвовать над народом Пятидесяти Солнц. С каждым годом он все чаще задавал себе вопрос: каким образом направить амбиции гиброидов к менее воинственным целям. Решения этой проблемы он пока не нашел.

Обращаясь к своей спутнице, Мэтби медленно и веско сказал:

– Когда все цивилизованное сообщество находится под угрозой, необходимо теснее сплачивать ряды. Нравится нам это или нет, мы являемся частью населения Федерации. Возможно, для нас выгодно совершить предательство, но это не тот вопрос, который можно решить в течение часа. Сообщите во все убежища и тайные поселения, что я даю три дня на обсуждение сложившейся ситуации. На четвертый день я назначаю плебисцит, по результатам которого будет принято окончательное решение, – предавать или не предавать. Это – все.

Наблюдая за женщиной, Мэтби заметил, что она недовольна. Ее лицо внезапно стало замкнутым, она едва сдерживала гнев.

– Моя дорогая, – сказал он спокойно, – я надеюсь, что вы не собираетесь идти против решения большинства?

По ее изменившемуся лицу Мэтби понял, что удар нанесен в нужное место. В среде гиброидов демократические традиции считались священными, что являлось для Мэтби величайшей поддержкой. Возглавляемый им комитет, игравший роль негласного правительства, по важным и спорным вопросам обращался прямо ко всем гражданам: их коллективное решение было обязательным для дальнейшего исполнения. Традиционной формой опроса населения являлись плебисциты, в ходе которых каждый член сообщества мог изложить свое мнение в специальном бюллетене. Этим способом уже на памяти Мэтби были погашены многие серьезные политические штормы.

Нервно ломая тонкие пальцы, женщина произнесла:

– За четыре дня какая-нибудь другая группа населения Федерации может решиться на измену; тогда возможность получить преимущество для нас будет потеряна. Ультиматум землян поставил правительство в критическое положение, и Ханстон считает, что мы должны действовать немедленно. Позднее можно будет опросить людей и скорректировать действия комитета в соответствии с их пожеланиями.

– Сейчас решается судьба целой цивилизации, – ответил Мэтби. – Может ли взять на себя ответственность за решение один человек или небольшой комитет, или даже сообщество из нескольких сотен тысяч наших людей? Я полагаю – нет, ведь в Федерации живет шестьдесят миллиардов граждан. Передайте мое мнение комитету и – прощайте.

Мэтби остановил аэрокар и спрыгнул на землю. Он не поворачивал головы, пока не оказался за стальной оградой, окружавшей одну из небольших баз Космических вооруженных сил, расположенных на Ланте.

Охранник у ворот базы проверил удостоверение Мэтби и сказал:

– Капитан, мной получен приказ сопровождать вас в здание Капитолия на совещание членов правительства с военным командованием. Готовы ли вы следовать за мной?

– Конечно, – ответил Мэтби без колебаний.

Минутой позже он пересекал город в военном аэрокаре.

Ситуация, как понимал Мэтби, еще не являлась необратимой. В одно мгновение он мог определенным образом сконцентрировать свою волю и взять под телепатический контроль сопровождающего его охранника и пилота воздушной машины. Все зависело от цели, с которой его,

рядового капитана флота, вызывали в столь высокое собрание. Подумав, Мэтби решил не предпринимать ничего.

Маленький воздушный корабль приземлился в небольшом дворе между двумя высотными зданиями. Мэтби провели в широкий, ярко освещенный коридор и затем пропустили в зал, где два десятка мужчин восседали за длинным столом. О его прибытии немедленно доложили; как только он вошел, беседа за столом прервалась и все повернулись к Мэтби, внимательно его рассматривая. Мэтби также окинул быстрым взглядом сидевших за столом людей. Двоих он знал лично: они носили форму высших офицеров флота. Оба приветливо кивнули ему.

Со всеми остальными людьми, включая четырех мужчин в военной форме, Мэтби не был знаком. Он узнал нескольких членов правительства Федерации и местных офицеров. Среди сидящих за столом можно было легко различить деллиан и не деллиан. Первые, все без исключения, были стройными, красивыми людьми. Внешний вид последних довольно широко варьировался. Один из не деллиан, коротенький и толстый, сидел во главе стола. Мэтби узнал его по фотографиям в местных газетах: это был Андре Крейг, министр внутренних дел.

– Господа, – сказал Крейг, – давайте приступим к беседе с капитаном Мэтби. Капитан, предмет нашего разговора связан с угрозой вторжения так называемого земного космического корабля. Я полагаю, Вы слышали ультиматум, который предъявила нам эта женщина, командир их звездолета.

– Я слушал передачу, – кивнул головой Мэтби.

– Хорошо. Рассмотрим создавшуюся ситуацию. Всем присутствующим более или менее ясно, что мы не должны себя обнаруживать, несмотря на сделанные нам заманчивые предложения. Некоторые участники нашего совещания считают, что теперь Земля рано или поздно пошлет свои корабли в Большое Магелланово Облако. Но временной интервал до следующего посещения может составлять тысячи лет. В течение ближайшей декады мы можем снарядить и выслать экспедицию в Главную Галактику, которая осуществит там предварительную разведку. Получив более полную и достоверную информацию, мы сможем окончательно решить вопрос о возможности установления отношений с Землей. Как видите, это достаточно благоразумное предложение.

Он сделал паузу и пристально посмотрел на Мэтби. В поведении Крейга было нечто, вызывавшее тревогу. Мэтби спокойно ответил:

– Несомненно, ваше предложение является разумным.

Еле слышный вздох облегчения раздался среди сидящих за столом.

– Однако, – продолжал Мэтби, – можете ли вы быть уверены в том, что какая-нибудь группа населения или даже целая планета не откроет земному кораблю наше местоположение? В Федерации много народов и много планет, имеющих свои частные интересы.

– Это, – заявил толстяк, – мы хорошо понимаем. Вот почему Вы и приглашены на наше заседание.

Мэтби не был уверен, что его доставили сюда в качестве приглашенного, однако он промолчал.

Крейг продолжал:

– Мы получили сообщение от всех местных правительств Федерации Пятидесяти Солнц. Они считают, что мы должны действовать скрытно, не вступая в связь с земным кораблем и не обнаруживая своего местоположения. Однако всем ясно: если мы не достигнем соглашения с гиброидами о том, что они не воспользуются создавшейся ситуацией, наши усилия окажутся тщетными.

В эту минуту Мэтби догадался, зачем его пригласили. Он почувствовал, что наступает кризис в отношениях между гиброидами и народами Пятидесяти Солнц. Он также ясно понял, что данная ситуация является критической и для него лично. Он сказал:

– Господа, насколько я понял, вы просите меня связаться с другими представителями моей расы. Считаю, что любой подобный контакт ставит меня как капитана вооруженных сил Федерации в очень трудное положение.

Вице-адмирал Дрейхан, командир крейсера „Акмион", на котором Мэтби служил помощником астрогатора, сказал ему:

– Капитан, Вы можете свободно дискутировать по любому высказанному здесь предложению. Не бойтесь, что Ваше сложное, двусмысленное положение не будет понято.

– Как Вы уже догадались, капитан, – продолжал Крейг, – мы хотим, чтобы Вы передали наши предложения правительственному комитету гиброидов. Мы полагаем, Вы имеете возможность установить контакт с комитетом достаточно быстро.

– Несколько лет назад, – признался Мэтби, – я информировал своего командующего, что ко мне обратились

эмиссары гиброидов, поддерживающие непрерывные связи со всеми планетами Пятидесяти Солнц, на которых имеются представители этой группы населения. Было решено не показывать какой-либо осведомленности о существовании таких агентов, так как в будущем они могли вывести меня на их тщательно законспирированные центры. Однако агенты устанавливают связь со мной нерегулярно и я не имею возможности разыскать кого-либо из них.

В действительности решение Мэтби информировать вооруженные силы Пятидесяти Солнц о существовании подобных агентов утвердил плебисцит гиброидов. В противном случае его контакты с эмиссарами комитета могли бы выглядеть подозрительно. Это решение было совершенно правильным. Никто не беспокоил агентов комитета, кроме самых крайних случаев. Такая крайняя ситуация наступила сейчас.

– Откровенно говоря, – произнес Крейг, – мы уверены, что в данном случае гиброиды не упустят возможности выторговать для себя некоторые привилегии. – Крейг имел в виду политический шантаж, и сделанный им намек был достаточно многозначительным. – Я уполномочен предложить им ограниченные гражданские права везде, кроме некоторых планет Федерации, право проживания в городах, возможность пересмотра и дальнейшего расширения прав каждые десять лет, если поведение этой группы населения за предыдущий период будет достаточно благоразумным.

Крейг сделал паузу, и Мэтби заметил, что все смотрят на него с выражением напряженного внимания. Наконец один из сидящих за столом деллианских политиков нарушил молчание:

– Что Вы думаете относительно этих предложений, капитан?

Мэтби вздохнул. Если бы подобные предложения были сделаны до появления земного корабля, их следовало бы считать великолепными. Старая истина: со временем производятся некоторые послабления, когда власти не способны более контролировать ситуацию. Он сказал уже достаточно много, причем с позиции полной беспристрастности, не прибегая к угрозам и шантажу. Когда Мэтби говорил, он тщательно взвешивал свои слова и ему казалось, что они были здравыми и честными. Информируя присутствующих о возможном поведении некоторых экстремистски настроенных групп гиброидов, Мэтби полагал, что его откровенность будет оценена. В этом случае следовало рассчитывать на дальнейшие уступки, вплоть до восстановления полных

гражданских прав, в том случае, если удастся ликвидировать опасность, угрожающую со стороны гиброидов их более миролюбивым соседям в Федерации Пятидесяти Солнц. В прошлом относительно гиброидов также вводились ограничения, которые сменялись периодами испытания на благонадежность. Поэтому Мэтби считал необходимым поддержать сделанные правительством предложения, которые могли послужить толчком к восстановлению нормальных отношений между всеми группами населения Федерации. Однако свою точку зрения он выразил достаточно осторожно:

– Могу заверить Вас только в одном: мы будем ожидать и оценивать ситуацию.

После его краткого ответа наступило молчание, затем один из не деллиан резко сказал:

– Мне кажется, что эта трусливая игра является бесполезной. Хотя в течение длительного времени народы Пятидесяти Солнц живут в мире, мы все еще имеем более ста военных космических крейсеров, не считая множества более легких кораблей. В конце концов, в наше пространство вторгся только один земной звездолет. Я предлагаю отправить наш флот и уничтожить его! Таким же образом мы будем уничтожать каждого представителя человечества Земли, которому станет известно о нашем существовании. Может пройти десять тысяч лет, пока они случайно снова найдут нас.

Вице-адмирал Дрейхан сказал:

– Мы обсудили это предложение. Оно нежелательно: люди Земли могут обладать мощным оружием, которое уничтожит нас.

– Не думаю, что вооружение одного корабля может быть столь сокрушительным, – спокойно заметил другой офицер. – Если флот выполнит свой долг, все наши проблемы будут решены наиболее простым и надежным способом.

Крейг коротко резюмировал:

– Это последний выход.

Затем он снова обратился к Мэтби:

– Вы можете передать гиброидам: если они отвергнут наши предложения, мы вышлем против земного корабля мощный флот. Другими словами, если они вступят на путь предательства, они не получат ничего. Можете идти, капитан.

Верховный Капитан „Звездного Роя", Достопочтенная Глория Сесили Лоу леди Лоу, из рода Благородных Лоу, сидела за пультом в рубке управления, пристально всматривалась в глубины космического пространства и размышляла над сложившейся ситуацией.

Прямо перед ней находился огромный прозрачный экран мультипланара. Темнота космоса заливала экран – вечная тьма, в которой редкими проблесками огней мерцали звезды. В левой части экрана угадывалось тускло светящееся огромное и размазанное образование – это была Главная Галактика, в которой совершала свой вечный путь Земля – одна из планет одной из звездных систем, одна из крупинок песка в космической пустыне.

Женщина едва ли замечала эту величественную картину. Ее глаза смотрели на экран мультипланара, но, погруженная в свои мысли, она не видела этой великолепной сцены, на фоне которой разворачивалась ее жизнь, жизнь ее корабля и тысяч подчиненных ей людей. Она улыбнулась и решительно нажала кнопку видеоселектора внутренней связи. Худощавое мужское лицо появилось на засветившейся панели селектора, темные глаза в сеточках глубоких морщин внимательно смотрели на Глорию. Она резко сказала:

– Я информирована, капитан, что имеются недовольные нашим решением остаться в Большом Магеллановом Облаке с целью поиска цивилизации Пятидесяти Солнц.

На лице мужчины отразилась нерешительность, затем он вежливо ответил:

– Ваше Превосходительство, я действительно слышал, что Ваш приказ произвести это поиск не встретил единодушного одобрения экипажа.

Тонкая ирония, с которой он заменил ее слова „наше решение" на „Ваш приказ", не укрылась от Глории; капитан продолжал:

– Естественно, я не мог выяснить мнение всех членов экипажа по этому поводу, так как их около тридцати тысяч.

– Естественно, – с сарказмом ответила она. Офицер, казалось, не слышал раздражения в ее голосе.

– Мне кажется, Ваше Превосходительство, нам следует провести всеобщее голосование по этому вопросу.

– Голосование! Вздор! Они все проголосуют за возвращение домой. Слишком мало разума осталось в их головах и твердости в сердцах. После десяти лет в пространстве они стали похожи на медуз. Капитан, – ее голос был мягок, но глаза грозно сверкнули, – я чувствую по Вашему

тону и поведению, что эмоционально, подсознательно Вы согласны с ними, что Вы заражены ребяческим инстинктом стадности. Напомню Вам древний закон космических полетов: кто-нибудь на борту корабля должен иметь волю и силу, чтобы идти впереди и вести за собой других, более малодушных. Офицеры подбираются с крайней осмотрительностью, они не должны поддаваться этой слепой тяге к возврату домой. Вы не хуже меня знаете, что часто людям, которые неистово тяготеют к своей планете, своему дому, возвращение доставляет краткое эмоциональное удовлетворение, затем они снова стремятся присоединиться к любой длительной экспедиции. Такова человеческая природа, капитан. Мы вышли за пределы Галактики, вышли не только для того, чтобы допускать срыв экспедиции из-за недостаточной дисциплинированности экипажа.

Офицер спокойно сказал:

– Эти аргументы мне хорошо известны.

– Рада слышать это, – прозвучал сухой ответ Верховного Капитана. И Глория нажатием клавиши прервала связь. Затем она вызвала отделение астронавигации. Ответил дежурный навигатор, еще совсем юный офицер. Глория распорядилась:

– В наикратчайшее время представьте мне проект орбитального картирования, которое будет производиться при нашем движении через Большое Магелланово Облако. Проект должен предусматривать прохождение корабля мимо всех звездных систем Облака на расстоянии, не превышающем пятисот световых лет.

Лицо юного офицера вытянулось.

– Ваше Превосходительство, – сказал он изумленно, – это самый поразительный приказ, который мы когда-либо получали. Диаметр Облака – шесть тысяч световых лет. Вы представляете, с какой скоростью мы должны двигаться, чтобы выполнить поставленную задачу в приемлемое время, тем более что нам неизвестны области пространственных возмущений, расположение радиационных поясов и направления местных метеорных потоков?

Реакция молодого человека привела Глорию в состояние раздражения – раздражения на себя, на свою беспомощность. На миг она ощутила сомнение. Конечно, теоретически она представляла грандиозность предстоящей задачи, но только сейчас стало ясно, насколько велико пространство, которое должен быть пересечь ее корабль.

Усилием воли Глория овладела собой, ее лицо застыло в величественном спокойствии.

– Я полагаю, – сказала она холодно, – что плотность пространственных возмущений в облаке не превосходит одного светового года на тридцать минут собственного времени корабля. Таким образом, с этой стороны затруднений не предвидится. Пусть Ваш руководитель уведомит меня, когда проект будет готов.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство, – ответил молодой офицер. Его голос дрожал.

Глория откинулась на спинку кресла и резким движением руки выключила селектор. Погруженная в полумрак рубка освещалась только огромным экраном мультипланара. В его мерцающей глубине слабо отражались лицо и фигура Глории. Она пристально посмотрела в бездонное темное зеркало: стройная красивая молодая женщина тридцати пяти лет; только строгое выражение лица выдавало лежащую на ней огромную ответственность. Глория улыбнулась своему отражению. Она действует правильно: обитаемый мир должен расширяться. Люди должны выполнять свой долг. Сначала они придут в отчаяние, затем смирятся. Глория не чувствовала сожалений. Она должна была сделать то, что она сделала. Вполне возможно, что правительство Пятидесяти Солнц не откликнется на ее призыв, поэтому нужно готовиться к долгому и трудному поиску.

Глория позавтракала в одиночестве в рубке управления. Она чувствовала возбуждение. Борьба за контроль над судьбой экспедиции была неизбежной, но, что бы ни случилось, ее решение будет твердым. В течение завтрака ее трижды вызывали по внутренней связи, и Глории пришлось включить автоматический ответчик. Каждый вызов отнимал время, сейчас Глории не хотелось, чтобы ее беспокоили.

После завтрака она немного отдохнула, не покидая своего кресла. Затем встала, подошла к трансмиттеру материи, настроила аппарат – и шагнула прямо в зал отделения психологии, расположенного на расстоянии полумили от командной рубки.

Лейтенант Неслор, пожилая сухощавая женщина, руководитель отделения, сердечно приветствовала Глорию. За десять лет странствий у Верховного Капитана „Звездного Роя" было достаточно времени, чтобы оценить незаурядный ум и блестящую профессиональную подготовку главного психолога корабля. И сейчас, когда Глория испытывала настоящую необходимость обсудить с кем-нибудь создавшуюся ситуацию, она без колебаний обратилась к Джулии Неслор. Выслушав ее, пожилая женщина задумчиво покачала головой и сказала:

– Я думаю, Вы поступили правильно, обратившись за советом именно к психологу. Подождите немного, я отправлю своих пациентов к моим помощникам и мы сможем спокойно поговорить.

Когда психолог вернулась, Глория спросила с любопытством:

– Насколько велика сейчас загрузка вашего отделения?

Пожилая женщина пристально посмотрела Глории в глаза и многозначительно сказала:

– В целом мой персонал занят около восьмисот часов в неделю.

– С учетом ваших возможностей это звучит более чем тревожно.

Лейтенант Неслор кивнула головой:

– Число пациентов особенно возросло в последние годы. Люди устали.

– С чем это связано, как Вы полагаете? Тоска по дому?

– Естественно. Вы верно назвали причину. В сфере психологии для этого явления имеется несколько специальных названий, например, ностальгия, – пожилая женщина задумалась, а затем тихо произнесла, – понимаете, Глория, если существование людей, их работа являются чистой проформой, то жизнь для них становится тягостной. Как ни велик наш корабль, с каждым проходящим годом возможность получить новые впечатления, встретить новых людей все убывает. Появляются скука и тоска – самые страшные попутчики в путешествии, подобном нашему.

Достопочтенная Глория Сесили иронически улыбнулась и заметила, что ее работа тоже является чистой проформой. Однако еще не закончив фразы, она поняла, как неестественно прозвучала ее реплика. Несмотря на это, Глория упрямо встряхнула головой:

– Я не понимаю и не принимаю этих рассуждений. На борту корабля мы имеем все. Равное число мужчин и женщин, изобилие пищи, утонченные развлечения – и все это в размерах, далеко превосходящих средние человеческие потребности. Вы можете прогуливаться в тени деревьев, растущих по берегам стремительных, прозрачных потоков. Вы можете жениться, разводиться, снова жениться – на борту достаточно молодых мужчин и прелестных женщин. Единственное ограничение на семейную жизнь – это запрещение заводить в полете детей. Каждый член экипажа имеет отличную комнату и все мыслимые удобства. Каждый знает, что ему гарантированы благополучное возвращение домой и приличное вознаграждение, накапливаемое

за годы путешествия. – Она нахмурила брови. – И, наконец, открытие цивилизации Пятидесяти Солнц не может не оказать стимулирующего воздействия на экипаж. Ведь это же целый новый мир!

Пожилая женщина улыбнулась.

– Глория, дорогая, Вы не правы. Этот мир интересен для Вас и для меня, потому что мы – специалисты. Я надеюсь понять жизнь этих существ, их помыслы, стимулы развития, цели и идеалы. Я много читала о роботах Делла, и Вы правы – здесь открывается новый мир. Это захватывающе интересно для нас, но не для человека, который готовит еду или выращивает яблоки в корабельной оранжерее.

Лицо Верховного Капитана стало суровым.

– Боюсь, что Ваши соображения близки к истине, – сказала она. – Мнение повара или садовника действительно может не совпадать с нашим. Однако давайте перейдем к делу. В настоящий момент перед нами стоят две проблемы: сохранение контроля над кораблем и розыски цивилизации Пятидесяти Солнц. Я полагаю, их следует обозначить именно в таком порядке.

Их беседа продолжалась вплоть до основного периода сна, имитирующего земную ночь. Через несколько часов леди Лоу вернулась в рубку управления и заняла свое привычное место перед экраном мультипланара. Некоторое время она обдумывала результаты разговора с Джулией Неслор; в ней росло убеждение, что вставшие перед ней проблемы носят скорее психологический, чем технический характер.

Глория устало выпрямилась и прошла в свою каюту. Ее просторные апартаменты находились рядом с рубкой управления, и прибегать к помощи трансмиттера не требовалось.

В конце недели Верховный Капитан созвала совет офицеров, руководивших отделениями гигантского корабля. Начало ее выступления было резким:

– Я полагаю, дамы и господа, мы должны остаться здесь и разыскать цивилизацию Пятидесяти Солнц, даже если для этого нам придется задержаться еще на десять лет.

Начальники отделений переглянулись: они явно чувствовали себя неловко. На совете присутствовало тридцать человек: все, кроме четверых, были мужчинами.

Достопочтенная Глория Сесили Лоу, леди Лоу из рода Благородных Лоу, продолжала:

– Всем нам ясно, что стратегия длительного обследования Большого Магелланова Облака вряд ли целесообразна, поэтому попытаемся разработать более приемлемый план.

Капитан Уэллис, глава полетной команды, резко сказал:

– Лично я против продолжения этого бесполезного поиска.

Глаза Верховного Капитана сузились. По выражению лиц остальных членов совета она поняла, что мнение Уэллиса разделяли многие. Глория произнесла так спокойно, как смогла в этой ситуации:

– Капитан, имеются правила, регулирующие порядок действий, если среди управляющих кораблем офицеров возникают разногласия. Почему бы в данном случае не прибегнуть к одному из них?

Уэллис кивнул головой.

– Хорошо, Ваше превосходительство, – сказал он. – Я готов апеллировать к статье четыреста девяносто два Устава космических полетов.

Итак, капитан Уэллис принял вызов: его поспешное согласие настораживало Глорию. Она хорошо представляла ограничения, которые накладывались Уставом на ее власть на борту корабля. Однако никто не мог знать детали всех многочисленных статей и постановлений, регулирующих отношения руководителя с подчиненным ему персоналом.

Побледнев, Глория слушала, как Уэллис громко зачитывал текст статьи:

– „Ограничения... совет капитанов имеет право в случае... большинством в две трети... Основная цель экспедиции заключается в...".

Содержание документа касалось правил изменения цели их экспедиции. „Звездный Рой" был отправлен для проведения навигационного картирования отдаленных областей Галактики. Эта задача была выполнена. Предложение Глории о проведении поиска Пятидесяти Солнц следовало рассматривать как новую цель экспедиции, но в таком случае требовалось согласие большинства в совете капитанов.

Наконец Уэллис закрыл книгу. Глория окинула взглядом членов совета и спросила:

– Итак, будем голосовать?

Двадцать один голос был подан против ее предложения и пять – за него, четверо офицеров воздержались. Капитан Дороти Студевант, глава медицинской службы корабля, сказала:

– Глория, Вы знаете, что совет всегда поддерживал Вас. Но мы уже так долго находимся в пути... Пусть кто-нибудь другой разыщет эту цивилизацию. Это обязательно произойдет, раньше или позже.

Глория нетерпеливо постучала пишущим стержнем по слабо флуоресцирующей поверхности стола. Однако, когда она заговорила, ее голос был ровным и бесстрастным.

– Насколько я помню, статья 492 Устава предоставляет мне свободу действий на срок, составляющий от пяти до десяти процентов общего времени путешествия, причем в любом случае этот срок не должен превышать шести месяцев. Поэтому я решила, что наш корабль задержится в Большом Магеллановом Облаке еще на полгода. На этом споры предлагаю закончить, прошу перейти к обсуждению возможных стратегий поиска планет Пятидесяти Солнц.

Совет продолжался. Верховный Капитан Глория Сесили Лоу, леди Лоу из рода Благородных Лоу, оставалась хозяйкой положения, по крайней мере, на ближайшие шесть месяцев полетного времени корабля.

Мэтби читал в своей каюте на борту боевого корабля „Акмион", когда раздался сигнал тревоги. Из динамика, укрепленного над входом, донеслась резкая команда:

– Экипаж, по местам!

Это не была боевая тревога, при которой по крейсеру несся леденящий вой сирены и люди выскакивали из своих кают, не успев застегнуть ботинки. Мэтби отложил книгу, надел мундир и спокойно направился в отсек астрогаторов. Здесь уже находились несколько офицеров. Как обычно, он поздоровался с подчиненными, слегка кивнув головой. Он сел за стол и вытащил из кармана основное орудие своего труда – миниатюрный вычислитель, связанный по радио с ближайшим, в данном случае корабельным, электронным мозгом.

Он просматривал последние навигационные данные, когда пол ощутимо дрогнул – корабль менял курс. Одновременно ожил динамик внутренней связи и резкий голос вице-адмирала Дрейхана объявил:

– Сообщение только для офицеров. Как вам известно, неделю назад с земного корабля „Звездный Рой" был получен ультиматум, прошло уже пять часов с момента истечения его срока. До настоящего времени все местные правительства планет нашей Федерации сообщали населению, что более никаких посланий от земного корабля не поступало. В действительности три часа назад поступил второй ультиматум, содержащий открытые угрозы в наш адрес. Правительства Пятидесяти Солнц считают, что среди населения может возникнуть паника, если это второе сообщение

будет обнародовано. Поэтому принято решение не доводить эту информацию до сведения граждан, кроме должностных лиц и офицеров вооруженных сил Федерации.

Дрейхан сделал паузу, и из динамика раздался глубокий, полный торжественности мужской голос:

– Ее превосходительство Достопочтенная Глория Сесили Лоу, леди Лоу из рода Благородных Лоу, Верховный Капитан космического корабля „Звездный Рой” выступит со вторым посланием, адресованным жителям Пятидесяти Солнц.

Вновь наступила пауза. Затем вместо капитана земного корабля из динамика вновь послышался голос Дрейхана.

– Я хотел бы обратить ваше внимание, – сказал он, – на этот длинный список импозантных титулов. Очевидно, кораблем противника командует женщина так называемого благородного происхождения. Тот факт, что женщина может быть командиром звездолета, представляется очень демократичным: как минимум, это свидетельствует о равенстве полов. Однако возникает вопрос, каким образом она получила эту должность? По праву рождения и в соответствии со своим титулом Благородной леди? Замечу, что само существование титулов является, в некотором роде, указанием на то, что Главная Галактика управляется тоталитарным правительством со сложной системой иерархии.

Мэтби не мог согласиться с комментарием вице-адмирала. Титулы – только слова, которыми пользуются в соответствии с обычаями и сложившимися традициями. В историческом развитии Пятидесяти Солнц были эпохи тоталитаризма, порождавшие многочисленных диктаторов, скромно именовавших себя слугами народа. В прошлые времена существовали Президенты, властвовавшие над жизнью и смертью людей; Секретари, абсолютно подчинявшие правительства целых планет; Главные Министры, управлявшие жестоко и бесконтрольно. Все эти ранги и должности прикрывали смертельную опасность, которую несли подобные правители народам своих планет. Даже сейчас желание достигнуть высоких символических рангов пронизывало любую политическую систему; многие люди затрачивали на это поистине неимоверные усилия. Система рангов проявлялась во всем, например в данном случае в том, что „адмирал” Дрейхан и „капитан” Мэтби в соответствии со своими рангами имели право прослушать сообщение земного корабля. „Глава” какого-либо дела, „владелец” какой-либо собственности, наконец, просто хорошо обученный, опытный „эксперт” – каждое из этих определений

являлось рангом. Ранг давал своему носителю эмоциональное удовлетворение и определенную власть.

В Федерации Пятидесяти Солнц культивировалось отрицательное отношение к абсолютным властителям – королям или диктаторам. Эта позиция без учета конкретных обстоятельств была столь же наивной, как и ее противоположность – обожествление лидеров демократического толка. Находившиеся в отчаянном положении гиброиды были вынуждены назначить наследственного вождя, чтобы избежать жестокого соперничества честолюбцев. Этот обычай, однако, оказался под угрозой, когда „наследник" попал в плен. Последующая борьба за власть убедила гиброидов в необходимости вновь подтвердить его полномочия. Собственное высокое назначение не доставляло Мэтби какого-либо удовлетворения. Он считал, что вряд ли найдется человек, менее его склонный властвовать над людьми в соответствии с наследственными правилами. Поэтому свой высокий и тайный ранг Мэтби ощущал как необходимость, продиктованную сложившейся ситуацией. Взятые им на себя обязательства были велики, и это вынуждало его действовать в критическом положении с разумной осторожностью.

Размышления Мэтби были прерваны первыми словами Верховного Капитана земного корабля – началась трансляция второго сообщения „Звездного Роя". Под низким потолком отсека астрогаторов раздался звенящий голос Ее превосходительства Глории Сесили Лоу:

– До сих пор правительство Пятидесяти Солнц не связалось с нами; достойно сожаления, что ваши руководители не хотят вступить в контакт с представителями земной цивилизации. Мы заявляем народу Пятидесяти Солнц: вас пытаются ввести в заблуждение. Контакт и постоянное взаимодействие с Землей несет благо всем людям ваших миров. Мы можем многое вам предложить. Мы гарантируем, что права каждого человека будут охраняться законом; мы гарантируем свободу и экономическое процветание; мы гарантируем вам самоуправление и избрание любых руководящих органов путем тайного голосования.

Но мы предупреждаем: Земля не потерпит существования независимого государства где-либо во Вселенной.

Такое независимое государство, обладающее космическими вооруженными силами, может нанести страшный удар в сердце покоренной людьми Галактики; его военная мощь всегда будет угрожать нашим населенным планетам. Это уже случалось. Вы можете догадаться, что мы делаем

с правительствами и народами, которые вынашивают подобные проекты. Вы не в силах скрыться от нас. Если мы, с нашим единственным кораблем, не сможем найти вас, через несколько лет сюда прибудут десять тысяч кораблей для проведения поисков. Не следует думать, что мы больше никогда не вернемся в Магелланово Облако. С нашей точки зрения, разумнее уничтожить вашу цивилизацию, чем дать ей возможность, распространяясь подобно раковой опухоли, погубить великую гуманоидную галактическую культуру.

Не считайте, однако, что наш корабль не в состоянии обнаружить ваши планеты уже сейчас. Мы пройдем по определенному курсу через Большое Магелланово Облако. Нам понадобится только несколько лет, чтобы пересечь Облако, причем ни одна звезда этой системы не будет расположена далее пятисот световых лет от траектории нашего полета. По мере движения корабля мы начнем выпускать малые ракеты, которые будут зондировать смертоносными космическими лучами некоторые случайно выбранные планеты. Предупреждаю вас, что подобному облучению будут подвергнуты многие, очень многие планеты нашей звездной системы.

Я понимаю, что угрожаю вам и что эти угрозы могут подорвать ваше доверие к людям Земли. Поэтому я хочу напомнить, что эти суровые меры вызваны только неразумным поведением вашего правительства. Еще не поздно сообщить нам координаты планет Пятидесяти Солнц. В любой момент любая ваша планета может вступить в радиосвязь с нами на частоте наших собственных передач. Первая планета, которая сделает это, получит в будущем статус столицы Пятидесяти Солнц. Любой человек, любая группа населения, сообщившие координаты своей планеты, получат миллиард долларов платиной, которая является универсальным расчетным средством в Главной Галактике, или, если вы предпочтете, эквивалентную сумму в вашей валюте.

Не бойтесь, мы сумеем защитить доверившихся нам людей. Мой корабль способен противостоять организованной военной мощи Пятидесяти Солнц, как бы велика она ни была. А теперь, в доказательство наших добрых намерений, я приказываю главному астрогатору „Звездного Роя" передать по радио схемы, изображающие намеченную нами траекторию движения в Большом Магеллановом Облаке.

Конец сообщения был оборван. Адмирал Дрейхан, продолжая комментировать передачу земного корабля, сказал:

– Я направил эти схемы астрогаторам для подробного изучения; нам приказано следить за „Звездным Роем" и наблюдать за его действиями. Теперь я хотел бы обратить внимание офицеров на одно очевидное обстоятельство, вытекающее из сделанного леди Лоу сообщения. Ее тон и ее слова позволяют предположить, что она командует очень большим кораблем. – Адмирал повысил голос. – Давайте, однако, рассмотрим некоторые положения ее речи. Она сказала, что многие планеты Облака будут облучены с борта автоматических ракет, несущих энергетический заряд. Предположим, что облучению подвергнется одна планета из ста; для этого требуется несколько миллионов ракет. Наши собственные заводы выпускают одну ракету с полным лучевым зарядом за четыре дня. При этом подобный завод занимает, как минимум, квадратную милю площади и является сложнейшим технологическим производством. Далее она сказала, что земной корабль может противостоять всем вооруженным силам нашей Федерации. Напомню, что в настоящий момент мы располагаем сотней мощных космических крейсеров, четырьмя сотнями фрегатов и тысячей более мелких боевых кораблей. Теперь давайте рассмотрим цель путешествия „Звездного Роя" в Большое Магелланово Облако. По словам капитана земного звездолета, такой целью являлось навигационное картирование данного района. Мы используем для этого небольшие ракеты устаревших моделей. Трудно предположить, чтобы Земля послала один из своих огромных и наиболее мощных кораблей для выполнения такой простой задачи. – Адмирал сделал паузу и продолжал в более спокойном тоне. – Я прошу офицеров высказывать свои соображения по всем затронутым выше вопросам. Офицерам службы астрогации я направляю полученные со „Звездного Роя" схемы для подробного анализа.

Потребовалось пять часов напряженной работы, чтобы привязать переданную с земного корабля звездную карту к системе координат, используемой астрогаторами Пятидесяти Солнц. Полученные результаты позволили определить, что в настоящее время „Акмион" находится на расстоянии тысячи четырехсот световых лет от „Звездного Роя".

Впрочем, расстояние не имело существенного значения. Астрогаторы „Акмиона" прекрасно знали навигационную обстановку в Большом Магеллановом Облаке. Труд многих поколений космических навигаторов, спрессованный в кристаллических ячейках памяти электронного мозга

их корабля, позволил легко рассчитать оптимальную траекторию сближения с земным звездолетом. „Акмион" рванулся вперед со скоростью, равной половине светового года в минуту.

Продолжительная работа утомила Мэтби. Как только вычисления были закончены, он отправился в свою каюту и лег спать.

Прошло, по-видимому, несколько часов, когда гулкий звон сигнального колокола разбудил его. Вскочив с постели, Мэтби взглянул на экран внутренней связи, соединявшей его каюту с командным отсеком. Картина, открывшаяся ему, сделала понятной причину тревожного сигнала. Он увидел яркое пятно света, медленно двигавшееся в нижней части экрана. Пол под ногами Мэтби дрогнул, пятно заколебалось и переместилось в центр экрана. Раздался голос вахтенного офицера:

– В соответствии с нашими расчетами, мы приблизились к „Звездному Рою" на расстояние трех световых лет.

Мэтби в недоумении нахмурился. Сообщение вахтенного офицера звучало странно. Оно означало, что корабли сблизились на такую дистанцию, при которой каждый из них попадал в суперрезонансное поле своего соседа. Это поле, являвшееся своего рода затухающим эхом субпространственного радиосигнала, фактически ограничивало предельную точность определения расстояний. Поэтому в данном случае нельзя было установить точно дистанцию до земного корабля; следовало считать, что он находится не далее, чем в трех световых годах от „Акмиона". Крейсер Федерации мог находиться всего в нескольких сотнях миль от „Звездного Роя", хотя подобное предположение казалось сомнительным. На таком небольшом расстоянии можно было бы с помощью обычного радара определить положение в пространстве любого тела, не превышающего размерами футбольный мяч.

Вахтенный офицер продолжал:

– Мы уменьшили собственную скорость до десяти световых дней в минуту. Так как мы следуем расчетным курсом противника, можно считать, что скорости наших кораблей уравнены.

Это утверждение тоже не было вполне точным. Невозможно уравнять скорости кораблей, двигающихся значительно быстрее светового луча. К тому же взаимодействие суперрезонансных полей на близком расстоянии между кораблями значительно искажало истинную величину

скорости. Пока Мэтби размышлял, световое пятно на экране снова сместилось к краю, мигнуло и исчезло.

Мэтби подождал, пока, наконец, вахтенный офицер не объявил виноватым голосом:

– Прошу извинить, тревога отменяется. Контакт с земным кораблем потерян. Мы пытаемся снова его обнаружить.

Прошло около часа, но световое пятно на экране больше не появлялось. Только спустя шесть дней астрогаторам „Акмиона" удалось вновь обнаружить суперрезонансное поле земного корабля. На этот раз контакт поддерживался достаточно долго, что позволило проследить маршрут вражеского корабля. Вице-адмирал Дрейхан приказал обследовать планеты ближайших звездных систем. Только на одной из них были обнаружены следы губительного облучения. По-видимому, несущая энергетический заряд ракета была плохо сориентирована, так как удар пришелся на внешнюю планету системы, замерзшую и безжизненную.

Теперь эта планета не была холодной. Ядерный удар превратил ее в огненный клокочущий ад: скалистая поверхность планеты пылала, по ней текли реки расплавленного базальта; сверкали, испаряясь, металлические озера. Это зрелище не вызвало тревоги у экипажа „Акмиона". Вероятность попадания одной из сотен ракет в обитаемую планету являлась столь ничтожной, что учитывать ее не имело смысла.

Все эти дни Мэтби был сильно занят. Как первый помощник главного астрогатора корабля он отвечал за своевременный расчет траектории полета. В условиях резкого маневрирования „Акмиона" это становилось непростой задачей. Мэтби и его непосредственный начальник, главный астрогатор майор Шолт, попеременно несли восьмичасовые дежурства. Для поддержки работоспособности Шолт прибегал к стимулирующим лекарствам, Мэтби не нуждался в них. С невольным удовлетворением он отмечал, что в подобных критических ситуациях его превосходство – превосходство гиброида – было бесспорным.

В один из восьмичасовых периодов отдыха Мэтби получил вызов к адмиралу. До его вахты оставалось еще около двух часов. Он быстро привел себя в порядок и направился в командный отсек.

Адъютант вице-адмирала приветливо кивнул Мэтби и провел его в кабинет Дрейхана. Командир сидел в глубоком старинном кресле, в его руках серебрилась узкая лента субпространственной радиограммы, которую он внимательно

изучал. Адмирал указал Мэтби на стоявшее у противоположной стены кресло и без предисловия спросил:

– Капитан, какое положение Вы занимаете в сообществе гиброидов?

Мэтби вздрогнул. Итак, основной вопрос, которого он ждал изо дня в день, из года в год, был задан. Однако он не выдал своей тревоги. На его лице появилось выражение недоумения, которое можно было считать вполне естественной реакцией на вопрос адмирала. Дрейхан был деллианином зрелого возраста, с прекрасным телосложением и типичным для этой расы красивым лицом. Мэтби невольно залюбовался командиром, лгать ему было неприятно, но иного выхода Мэтби не видел.

– Я не могу точно ответить, насколько они мне доверяют, – сказал он. – По-видимому, в какой-то степени они считают меня изменником. Вы знаете, что я докладывал о каждом своем контакте с их агентами. И каждый раз я пытался передать через них руководителям гиброидов только один совет: придерживаться политики примирения.

Казалось, слова Мэтби не вызвали у адмирала сомнений. Кивнув головой, он спросил:

– Что же думают гиброиды о всей этой истории?

– Я не знаю. Последнее время я не встречался с их агентами.

– Хорошо. Тогда вы могли бы поделиться со мной своими мыслями.

– Как я понимаю, – заявил Мэтби, – меньшая часть гиброидов считает, что Земля рано или поздно найдет планеты Федерации. Следовательно, полагают они, нужно воспользоваться преимуществами, которые дает сложившаяся ситуация. Большинство же, уставшее от необходимости постоянно скрываться, скорее склоняется к восстановлению солидарности с прочим населением Пятидесяти Солнц.

– Каково процентное соотношение между этими группами?

– Примерно один к четырем, – без колебаний солгал Мэтби.

Дрейхан медленно прикрыл глаза: казалось, он находился в состоянии глубокого раздумья. Затем адмирал спросил:

– Скажите, капитан, возможно ли, что инакомыслящее меньшинство начнет действовать в одностороннем порядке?

Мэтби быстро ответил:

– Как бы они ни стремились к этому, они никогда не смогут проводить самостоятельную политику.

— Почему?

— Среди них нет опытных астрогаторов.

Дрейхан, казалось, раздумывал над его словами. Наконец он сказал:

— Правительства Пятидесяти Солнц встревожены последним ультиматумом. Создается впечатление, что он прямо адресован гиброидам, представляющим идеальную оппозицию, на которую могут опереться земляне. Если гиброиды пойдут на предательство, они получат такие преимущества, как если бы они выиграли последнюю войну. — Дрейхан, казалось, размышлял вслух. — Ту самую войну, которую они развязали поколение назад и которая стоила Федерации стольких жизней.

Это была правда. Мэтби ничего не мог возразить: он просто повторил сказанные ранее слова:

— Четыре к одному, сэр, четыре к одному. Есть надежда, что здравомыслящее большинство не допустит предательства.

Возникло напряженное молчание. Мэтби лихорадочно размышлял, что же послужило причиной этого допроса. А в том, что Дрейхан его допрашивает, сомнений не было. Адмирал откашлялся: видимо, он хотел задать Мэтби какой-то вопрос, но не решался. Наконец он сказал:

— Простите, капитан, возможно, я проявляю неделикатность. Я много слышал о так называемом диплоидном разуме гиброидов, но не имею ясного представления об этой их особенности. Не могли бы Вы просветить меня?

— Здесь нет ничего таинственного, адмирал, — ответил Мэтби, и это было очередной ложью. — Я думаю, преувеличенные опасения по этому поводу связаны с последней войной. Чем более ожесточенными становились сражения, тем более невероятные слухи распространялись среди населения Федерации. На самом деле, с биологической точки зрения способность к диплоидному мышлению является незначительной мутацией. Вы знаете, что обычный мозг можно представить в виде множества взаимосвязанных клеток-нейронов. На этом уровне мозг гиброида ничем не отличается от вашего. Если спуститься уровнем ниже, то оказывается, что в каждой клетке мозга гиброида содержатся спаренные протеиновые молекулы. Клетки же вашего мозга содержат одиночные молекулы. В этом заключается все различие.

— Что же отсюда следует?

— Только то, что гиброиды обладают, подобно деллианам, устойчивым мышлением, то есть свойством сопротив-

ляться расстройствам головного мозга. В то же время их способности к творческой деятельности не ниже, чем у не деллиан.

– И это – все?

– Все, что мне известно, сэр, – снова солгал Мэтби.

– Что Вы можете сказать по поводу способностей гиброидов к гипнозу? Насколько мне известно, до сих пор по этому поводу нет полной ясности, но то, что я слышал, поистине удивительно.

– Я считаю, что они использовали для гипноза специальные технические приспособления и психологические приемы. Только необычность этого способа борьбы породила панику среди населения Федерации во время прошлой войны.

Дрейхан, казалось, принял решение. Он взял со стола радиограмму и протянул ее Мэтби.

– Это сообщение адресовано Вам, – сказал адмирал. – Оно зашифровано, и, несмотря на все усилия, мы не смогли прочесть его.

Радиограмма действительно была зашифрована – Мэтби понял это с первого взгляда. Текст сообщения гласил:

≪Борт крейсера „Акмион", капитану Питеру Мэтби.

Правительство гиброидов благодарит Вас за посредничество в проведении переговоров с правительствами Федерации Пятидесяти Солнц. Предложенное нам соглашение будет полностью принято. Заверяем Вас, что гиброиды с удовольствием восприняли предложение о восстановлении их гражданских прав и прочих условиях их дальнейшей жизни и развития≫.

Подписи не было – и в этом заключался истинный смысл послания. Отсутствие подписи независимо от содержания сообщения означало призыв о помощи. Следовало, однако, убедиться, что текст радиограммы передан адмиралом полностью. Мэтби в притворном недоумении поднял глаза на Дрейхана.

– Здесь отсутствует подпись. Вы специально изъяли ее?

– Я знаю об этом не больше Вашего, – сказал адмирал. – Сообщение передано Вам полностью.

В его голосе Мэтби почувствовал огорчение. Деллианин и не деллианин не смогли бы расшифровать текст сообщения и тем более догадаться о его втором, тайном смысле. Для этого нужно было обладать тренированным диплоидным мышлением. Подобная тренировка являлась основой воспитания в среде гиброидов и производилась с раннего детства. Мэтби в полной мере освоил все необходимые

приемы еще двадцать лет назад, перед тем как попал в плен.

Полученное сообщение означало, что экстремистски настроенное меньшинство объявило о своем намерении установить контакт с земным кораблем и начало кампанию в поддержку этого решения. Только личное присутствие Мэтби и его авторитет могли изменить ход событий. Он должен быть там. Каким образом? Его глаза слегка расширились: он подумал, что имеет только один способ передвижения – этот корабль. И, следовательно, он должен получить возможность управления им.

Мэтби напряг мышцы и почувствовал привычное возбуждение, стимулированное этим приемом. Еще мгновение – и его мозг обрел достаточную силу. Он ощутил рядом присутствие другого разума. Он подождал до тех пор, пока это ощущение не стало как бы частью его собственного тела, тогда он приказал: полное подчинение! В этот момент он послал мощный импульс в мозг Дрейхана.

Мэтби встал. Вице-адмирал Дрейхан также поднялся, в точности повторяя те же движения – его мышцы полностью контролировались мозгом Мэтби. Адмирал коснулся переключателя на панели управления связью и сказал:

– Соедините меня с отсеком астрогации.

Разум Мэтби управлял его голосом и его действиями. Ровным тоном Дрейхан отдал приказ рассчитать новый курс „Акмиона" – курс, который должен был привести корабль к планете, где находилось самое крупное поселение гиброидов, их тайная столица.

Сверкая глазами, разгневанно сжимая руки, Верховный Капитан Лоу читала лежащий перед ней документ. Ей потребовалось несколько минут, чтобы овладеть собой, затем она соединилась с каютой капитана Уэллиса. Лицо офицера окаменело, когда он увидел, от кого поступил вызов.

– Капитан, – грустно сказала Глория, – я только что прочитала Ваш меморандум, подписанный двадцатью четырьмя членами совета.

– Я полагаю, мы имеем право подать Вам свое прошение, – сухо ответил Уэллис.

– Конечно, это так, – кивнула головой Глория. – Однако я хочу понять, почему даже среди командного состава корабля возникло это отчаянное стремление к немедленному возвращению домой. Наша жизнь здесь насыщенна

и полна. Мы на пороге интереснейшего приключения. Чем же объясняется Ваше поведение, капитан?

– Мадам, – холодно сказал Уэллис, – я испытываю чувство восхищения и глубокого уважения к Вам. Вы обладаете огромными административными способностями, но для Вас характерна склонность абсолютизировать свои идеи и цели. Почему же Вас удивляет то, что другие люди имеют мнения, отличные от Вашего, имеют другие цели? За время полета разное случалось на корабле. Вы умело справлялись с любым сложным вопросом; Вы были правы так часто, что теперь мысль о возможном неправильном решении даже не приходит Вам в голову. Вот почему такой огромный корабль, как наш, имеет тридцать капитанов, готовых оказать Вам помощь, а в крайней ситуации – корректировать Ваши действия. Поверьте, мы все любим Вас. Но мы также сознаем наш долг по отношению к остальным членам экипажа. А их мнение Вам известно.

– Я считаю, что Вы не правы. Перед нами стоит огромная задача: открыть Земле целый новый мир. Капитан . . . я прошу Вас . . . поддержите меня только на этот раз.

Это была личная просьба, и она уже сожалела, что высказала ее. Очевидно, в этом отразилось владевшее Глорией напряжение. Уэллис улыбнулся, пытаясь скрыть свое торжество, затем улыбнулся снова:

– Мадам, я очень сожалею... Прошу извинить меня...

Это было его окончательное решение. Глория сердито спросила:

– Что Вас так забавляет?

– Выражение „только на этот раз". Леди Лоу, неужели Вы не помните, что подобные ситуации уже бывали раньше?

– Возможно . . . пару раз . . . – она говорила медленно, пытаясь вспомнить.

– Я не хотел акцентировать на этом внимание, – сказал Уэллис, – но было восемь случаев, когда Вы просили нашего совета и поддержки, и, по крайней мере, сто раз Вы принимали свои решения, пользуясь предоставленными Вам правами. Теперь право на нашей стороне. И Вы не должны обижаться или сердиться на нас.

– Я не сержусь. Я . . . – Глория перевела дух, – я вижу, что говорить с Вами бесполезно. По тем или иным причинам Вы считаете, что шесть месяцев – это целая вечность.

– Дело не во времени, дело – в цели. Вы надеетесь найти пятьдесят солнц, рассеянных среди ста миллионов звезд Облака. Наши шансы не превышают одного к двум миллионам, и Вы это прекрасно понимаете.

Глория колебалась. С математической точки зрения, капитан Уэллис был полностью прав. По-видимому, следовало посвятить его в некоторые детали плана, разработанного ею совместно с лейтенантом Неслор. Наконец, леди Лоу медленно сказала:

– Капитан, как и Вы, я уверена, что чисто механический поиск не принесет результатов. Наши надежды могут основываться только на психологии. Мы должны грозить и уговаривать, пока руководители этого общества, или какая-нибудь группа населения, или, наконец, просто частные лица не сообщат нам сведения добровольно.

– Члены совета, подписавшие меморандум, обсуждали возможность психологического подхода к проблеме поиска. И этот путь не кажется нам столь легким и надежным.

– И поэтому вы решили просто игнорировать его? – с вызовом сказал Глория. Ее иронический тон привел Уэллиса в раздражение. Он резко ответил:

– Мадам, вынужден с тревогой отметить, что Вы слишком полагаетесь на теоретические соображения, представленные Вам лейтенантом Неслор. Подчеркнем, что практика далеко не всегда совпадает с теорией. Ваши совещания с Джулией Неслор носят частный характер. Содержание этих бесед неизвестно нам; мы знаем только, что Ваши действия основываются на тех рекомендациях, которые Вы получаете от главного психолога.

Обида, звучавшая в голосе капитана, поразила Глорию. В какой-то степени она чувствовала себя виноватой; ее голос слегка дрогнул:

– Капитан, я не думала, что это будет так воспринято, я никого не хотела обидеть. Действительно, я просила совета Джулии Неслор, как могли бы попросить Вы или любой другой руководитель нашей экспедиции.

– Если советы лейтенанта Неслор являются столь ценными, – резко ответил Уэллис, – следует повысить ее в звании и ввести в совет капитанов, чтобы она могла изложить свое мнение перед всеми. – Уэллис пожал плечами и, не давая Глории вставить ни слова, быстро продолжал: – Только не говорите мне, что Вы немедленно сделаете это. Согласно Уставу, процедура повышения в звании занимает месяц, еще два месяца длится испытательный срок, в течение которого новый капитан не имеет права выступать в совете.

– Мне кажется, вас устраивает такая трехмесячная задержка, – сердито сказала Глория.

– Нет.

– Следовательно, Вы предлагаете сократить традиционную процедуру производства в звание капитана?

– Да, в порядке исключения. Мы готовы выслушать психолога Неслор, но вряд ли, что она сможет предложить радикальный способ установления связи с цивилизацией Пятидесяти Солнц. Полагаю, что эта задача может быть решена только специально оснащенной экспедицией.

– Значит, Вы настаиваете на своем меморандуме?

– Да.

– Хорошо. Я соберу совет через две недели, считая от сегодняшнего дня. Если мнение членов совета не изменится, мы отправимся в обратный путь, – с этими словами она прервала связь.

Глория подумала, что она вынуждена одновременно сражаться на двух фронтах. Во-первых, она должна бороться с капитаном Уэллисом и большинством членов совета, настаивающих на возвращении домой; во-вторых, она должна заставить народ Пятидесяти Солнц вступить в контакт с земным кораблем. И пока ее действия на обоих фронтах успеха не имели. Глория нажала клавишу вызова отделения связи. На панели видеоселектора возникло лицо капитана Горсона.

– Вам удалось вновь обнаружить корабль Пятидесяти Солнц, который следил за нами? – спросила она.

– Пока нет. Как я докладывал Вам, мы потеряли контакт с их суперрезонансным полем. Вероятно, завтра они снова подтянутся к нам, когда мы в очередной раз передадим свои координаты.

– Как только их корабль будет обнаружен, известите меня.

– Конечно.

Следующей на очереди была секция вооружения. Ответил дежурный офицер, которому Глория приказала вызвать к селектору возглавлявшего секцию капитана.

– Сколько ракет вы отправили?

– Всего семь.

– И все отправлены наугад?

– Я понимаю, что беспокоит Вас. Напомню, что вероятность попадания в населенную планету ничтожно мала.

Она кивнула головой, но брови ее были сердито нахмурены. Ситуация была серьезной, и она чувствовала необходимость еще раз подчеркнуть это:

– Разумом я понимаю справедливость ваших слов. Но сердцем . . . – она приостановилась и затем решительно продолжала: – Помните, капитан, малейшая ошибка, и на нас

с вами ляжет страшная вина, которую мы не сможем искупить даже своими жизнями.

Лицо офицера стало мрачным.

– Я хорошо знаком с законом, Ваше превосходительство. И я знаю, что применение мощного оружия всегда связано с риском. – Он колебался некоторое время, затем решительно сказал: – Мне кажется, что Вы затеяли опасную игру – опасную для нас и для этого потерянного народа. Люди не должны подвергаться угрозе уничтожения.

– Я отвечаю за это, – кратко ответила Глория и прервала связь.

Она поднялась с кресла и в глубоком раздумье прошлась по отсеку управления. Две недели! За этот срок практически невозможно что-либо предпринять. Согласно плану, разработанному совместно с Джулией Неслор, две недели отводились только на начало операции. Необходимо было что-то предпринять, чтобы резко усилить психологическое давление на жителей Пятидесяти Солнц.

Глория подошла к трансмиттеру и сделала необходимые переключения. Мгновение тьмы сменилось ярким светом: Глория оказалась за три мили от рубки управления, в центральной библиотеке корабля. Темная мебель, корешки старинных книг, блестящие диски микрофильмов создавали впечатление покоя и уюта. За невысоким столом, расположенным в углу отсека, сидела пожилая женщина в темном комбинезоне – главный библиотекарь Джин Тей. Она что-то писала в толстой тетради и не заметила бесшумного появления Верховного Капитана. Некоторое время Глория смотрела на нее, затем произнесла:

– Джин, подберите мне информацию о деллианских бунтах, я хочу . . .

Библиотекарь подпрыгнула в кресле, тетрадь полетела в одну сторону, пишущий стержень – в другую.

– Глория, когда-нибудь Вы убьете меня! Неужели Вы не можете позвонить или хотя бы поздороваться для начала?

Верховный Капитан смутилась.

– Извините, Джин. Похоже, я начинаю действовать на нервы окружающим. Но все же я прошу Вас . . .

– Конечно, я все сделаю. Необходимые Вам данные будут получены минут через десять. Вы уже обедали?

– Обедала? Нет, конечно, нет.

– Тогда сейчас Вы отправитесь со мной. А все дискуссии относительно деллиан и не деллиан мы отложим до тех пор, пока Вы не поедите.

– Это невозможно, Джин. Я не располагаю временем...

Пожилая женщина резво вскочила на ноги, вышла из-за своего стала и крепко схватила леди Лоу за руку.

– Нет, дорогая, пожалуйста, без возражений. Вы не получите никакой информации, пока не поедите. И не пытайтесь мне приказывать – я слишком стара для этого. Идемте.

Сначала Глория сопротивлялась. И вдруг в голову ей пришла простая мысль: нет таких проблем, во имя которых можно было бы жертвовать обычными человеческими отношениями; вне этих отношений любая проблема становится бессмысленной. На мгновение Глория увидела себя со стороны – рассерженную, с покрасневшим лицом – и иронически пожала плечами. Затем она сказала:

– Спасибо, Джин. Я с удовольствием выпью бокал вина и поем с Вами.

После обеда библиотекарь быстро разыскала для Глории исторические данные об истоках цивилизации Пятидесяти Солнц, сохранившиеся в земных архивах. Эта информация была предельно ясной и недвусмысленной.

Около пятидесяти тысяч лет назад Джозеф Делл создал один из ранних вариантов трасмиттера материи. Его установка была еще недостаточно совершенна; при передаче живой материи синтез некоторых типов тканей требовалось производить химическим путем. В частности, машина Делла не позволяла достаточно точно сканировать такие органические ткани, как железы эндокринной системы. Люди, использующие трансмиттер Делла для телепортации, подвергались некоторым изменениям. Так как обычно телепортация осуществлялась на расстоянии тысяч миль и телепортируемый субъект возвращался в исходную точку через несколько дней, эти тонкие изменения личности человека были замечены далеко не сразу. Однако спустя три-четыре недели стало совершенно ясно, что трансмиттер Делла фактически преобразовывал людей в существа несколько иной физиологической природы. К этому времени телепортации подверглись уже несколько тысяч человек, они и являлись первыми деллианами.

Трансформация, производимая установкой Делла, не вела к каким-либо существенным потерям в человеческой личности, хотя, как выяснилось впоследствии, у деллиан по сравнению с людьми были понижены способности к творческой деятельности. Однако в некоторых отношениях организм деллианина превосходил человеческий.

Деллианин был в меньшей степени подвержен нервным стрессам, его психика обладала замечательной устойчивостью. Его физическая сила превосходила все мыслимые пределы, которые когда-либо представлял себе человек. Наконец, в результате определенной настройки деллианин мог переносить сверчеловеческие напряжения – как физические, так и психологические. Процесс настройки сводился к сознательному, контролируемому мозгом усилению мышечной деятельности организма. Наиболее близкой аналогией этому явлению были известные с древних времен методы физической тренировки индийских йогов.

С точки зрения закона в земном сообществе деллиане имели равные права с людьми. Однако со временем стало ясно, что наиболее косная и невежественная часть населения планеты, довольно многочисленная в то время, относится к деллианам с плохо скрытым недоброжелательством. Причина этого крылась как в сверхчеловеческих и, следовательно, опасных способностях деллиан, так и в наличии в их организмах искусственных тканей. В силу последнего обстоятельства в глазах многих людей деллиане являлись синтетическими существами, чуть ли не роботами. Это наименование – роботы Делла – со временем закрепилось в сознании людей и стало, фактически, проявлением расовой ненависти к чужакам, нелюдям.

Наконец, неприязнь к деллианам прорвалась открыто. Яростные, обезумевшие толпы линчевали деллиан на улицах городов; правительство оказалось не в состоянии остановить эти дикие расправы. Деллиане имели влиятельных союзников среди людей, в основном ученых и специалистов, работавших в сфере практического применения телепортации, исследования космического пространства, психологии и физиологии. Эти люди обратились к правительству с просьбой о предоставлении деллианам нескольких звездолетов, на которых они могли бы навсегда покинуть обитаемую человечеством область Галактики. Многие из этих специалистов эмигрировали вместе с деллианами. Теперь в результате экспедиции „Звездного Роя" выяснилось, в какие глубины пространства проникли изгнанники и какую мощную цивилизацию удалось им основать.

Некоторое время Достопочтенная Глория Сесили размышляла над полученной информацией. Наконец, она сказала:

– Джин, в сведениях, которые Вы подобрали для меня, я не нашла ничего полезного. Все это мне известно, за исключением одной-двух малосущественных деталей.

Пожилая женщина остановила на Глории проницательный взгляд своих выцветших голубых глаз.

– Глория, чего Вы хотите еще? Я знаю Вас: когда Вы так говорите, Вы обычно пытаетесь создать какую-то собственную теорию, искупающую недостаток информации. Не так ли?

Замечание библиотекаря попало точно в цель. Верховный Капитан понимала опасность произвольного толкования фактов и построения субъективных теорий. Подобную попытку никак нельзя было считать научным подходом. Как правило, она сама очень едко высмеивала своих офицеров, склонных к абсолютизации собственного мнения. Немного подумав, Глория сказала:

– Я просто хочу получить наиболее полную информацию. Совершенно очевидно, что при длительном автономном развитии мутантов, подобных деллианам, возможны любые неожиданности. Мы должны попытаться прогнозировать их. Вполне допустимо, что какая-нибудь деталь в исходной информации выявит такие особенности современного общества деллиан, которые можно использовать . . .

– Я поняла Вас, Глория, можете не продолжать, – кивнула головой библиотекарь. – Как всегда, Вы рассуждаете очень разумно. Но в наших исторических архивах больше не сохранилось каких-либо сведений о том далеком времени. Я предоставила Вам все . . .

Глория встала. Еще неясное решение уже зрело в ее голове подобно прорастающему зерну. Она не могла пропустить этот шанс – удача редко выпадает дважды. Глория пожелала доброй ночи старой библиотекарше и вернулась в свои апартаменты. После нескольких минут раздумья она вызвала отделение биологии. К аппарату подошел капитан Клайв.

– Доктор, – обратилась к нему Глория, – я посылала Вам предварительную информацию об обитателях Пятидесяти Солнц – роботах Делла и обычных людях, не деллианах. Возможны ли, по Вашему мнению, браки между деллианами и не деллианами? Будут ли приводить такие браки к появлению потомства?

Главный биолог осторожно ответил:

– Мадам, исторические сведения о подобных ситуациях отсутствуют.

– Но что Вы думаете сами по этому поводу?

– Для современной биологии данный вопрос не представляет затруднений. Более того, эта проблема могла решиться и естественным путем в ходе тысячелетней эволюции

организмов людей и деллиан в разнообразных условиях осваиваемых планет.

– Благодарю. Именно это я и ожидала услышать, – с торжеством сказала Верховный Капитан.

Возбуждение, вызванное беседой с Клайвом, не прошло и часом позже, когда Глория скользнула в постель. Она выключила свет и лежала в полной темноте, пристально вглядываясь в экран мультипланара.

Великая ночь космоса простиралась вокруг ее корабля. Невооруженный глаз различал не более сотни ярких звезд. Здесь и там были разбросаны слабо светящиеся, размытые туманности, на самом деле включающие сотни тысяч, возможно – миллионы звезд.

Почти инстинктивно Глория потянулась к панели управления мультипланаром и включила полное усиление. Открывшаяся ей картина была изумительной. Над ней нависали миллиарды звезд. Она видела блеск бесчисленных безымянных светил Облака и огромные спиральные ветви Главной Галактики, сиявшие невообразимо ярким светом. И все, что предстало ее глазам, было не более чем песчинкой, крохотной частью бесконечной Вселенной. Для чего и зачем все это существует? Десятки тысяч поколений людей жили и умирали, ни на шаг не приблизившись к ответу на этот вопрос.

Глория уменьшила усиление, и, по мере того как тускнел экран, спадали охватившие ее восторг и возбуждение. Вглядываясь широко раскрытыми глазами в темноту, она подумала: „Эти гибриды деллиан и не деллиан – существуют ли они на самом деле? И если существуют, какую пользу мы можем извлечь из этого?"

Пока она не могла придумать ничего дельного. Засыпала Глория беспокойно.

Утром, совершая привычный туалет, одеваясь и завтракая, она ни на миг не забывала – осталось только тринадцать дней. Поднявшись из-за сервированного к завтраку стола, Глория довольно мрачно оценила достижения вчерашнего дня как воображаемые. Идея о наличии среди населения Пятидесяти Солнц гибридной группы разумных существ, возможно, была удачной, но что делать дальше? Если не предпринять каких-то активных действий, начатое ею предприятие блистательно рухнет, причем в течение ближайших тринадцати дней.

Глория прошла в рубку управления и вызвала отделение связи.

– Капитан, – сказала она, как только лицо Горсона появилось на экране, – вам удалось обнаружить суперрезонансное поле корабля Пятидесяти Солнц?

– Еще нет, мадам.

Ответ разочаровал ее. Теперь, когда она приняла определенное решение, любая задержка раздражала.

– Как только преследующий нас корабль будет обнаружен, немедленно сообщите его координаты в секцию вооружения.

– Слушаюсь, мадам.

Глория прервала связь и вызвала начальника секции вооружения. Его суровое лицо помрачнело, когда он выслушал приказ Верховного Капитана.

– Ваше Превосходительство, такие действия позволят противнику ознакомиться с самым мощным оружием, которым мы обладаем. Это преждевременно. Я полагаю . . .

– Полагать нечего! – прервала капитана Глория с внезапно вспыхнувшей яростью. – Мы не можем ждать появления всего флота Пятидесяти Солнц под дулами ваших орудий. Еще раз повторяю: я приказываю Вам захватить этот корабль с применением любых средств, имеющихся в вашем распоряжении. И Вы сделаете это, даже если все Ваши офицеры в знак протеста покончат жизнь самоубийством.

Капитан помрачнел еще больше, но утвердительно кивнул головой:

– Мы захватим его, мадам. Опасность заключается только в том, что какой-нибудь другой крейсер противника может наблюдать за нашими действиями. Помешать нам они не смогут, но зато ознакомятся с нашей тактикой и проанализируют ее. Но если Вы настаиваете, мы пойдем на этот риск.

Ее превосходительство Верховный Капитан Лоу занялась другими задачами, связанными с повседневной жизнью ее огромного корабля. Но что бы она ни делала, отданный ею приказ не выходил из головы: каждое мгновение Глория ожидала сообщений от отделов связи и вооружения. Однако сообщения не поступали: корабль Пятидесяти Солнц не появлялся в пределах досягаемости.

Прошел день, затем другой. Сообщений не было.

На четвертый день Верховный Капитан „Звездного Роя” находилась в очень раздраженном состоянии. И этот день также прошел без происшествий.

– Планета под нами! – раздался голос вице-адмирала Дрейхана.

Мэтби, застигнутый врасплох, вскочил на ноги и бросился в отсек управления.

Согласно его приказу, корабль быстро переместился с десятитысячемильной орбиты на расстояние в тысячу миль над поверхностью планеты, а затем опустился на высоту в сто миль. С помощью оптического преобразователя Мэтби внимательно осматривал простиравшуюся внизу местность. Хотя он никогда не был здесь раньше, в его памяти сохранилась фотографическая карта одной из областей планеты. Корабль, ведомый им, уверенно держал курс к большой пещере, в которой начиналась подземная дорога в тайное поселение гиброидов. Мэтби принял все мыслимые меры предосторожности. Он проследил, чтобы младшие офицеры „Акмиона" не имели доступа к экранам оптических преобразователей. Все сорок старших офицеров крейсера, занимающие ключевые посты, находились под полным его контролем. Координаты планеты были стерты из памяти электронного мозга корабля.

„Акмион" достиг нужной точки, мягко опустился вниз и завис в нескольких метрах над поверхностью планеты. Мэтби положил руки на рычаги управления. Повинуясь его команде, корабль осторожно продвинулся ко входу в гигантскую пещеру. Еще несколько часов назад Мэтби радировал своим сторонникам о прибытии крейсера. Они ответили, что ждут его и находятся в полной готовности. Но все же могла произойти какая-нибудь ошибка. Тогда Мэтби, выйдя из корабля, очутился бы в полной власти вооруженных отрядов, охраняющих пещеру. Мэтби знал, что эти люди стреляют без предупреждения.

Несколько минут медленного движения – и корабль очутился в пещере. Бархатная непроницаемая тьма подземелья затопила экраны, только инфракрасный преобразователь позволял различить какие-то смутные тени. Тихо гудели двигатели планетарного хода, поддерживающие корабль над почвой, мерцали огоньки приборов, бросая слабые блики на лица застывших в напряжении офицеров, чуть слышно тикал отсчитывающий время таймер. Мэтби коснулся пальцами регулятора внешнего освещения, и тонкий луч прожектора прорезал темноту. И тотчас впереди, где-то в глубине пещеры, замерцал свет. Мэтби несколько раз мигнул корабельным прожектором. Его поняли: свет впереди ослепительно вспыхнул и начал удаляться. Корабль медленно двинулся следом, вперед и вниз.

Прошло около часа, но не было никаких признаков, что конец путешествия близок. Огромный подземный ход, в который постепенно превратилась пещера, ветвился и извивался вниз, вверх, в стороны. Иногда Мэтби казалось, что они двигаются по уже пройденному ранее пути. Он мог бы проследить маршрут корабля по автоматическому курсографу, но в этом не было необходимости. Во время облета планеты приборы „Акмиона" показали, что здесь нет никаких других поселений, кроме скрытого в толще скал города. Если корабль вели верные Мэтби люди, то рано или поздно он окажется в нужном месте.

Прошло двенадцать часов. За это время Мэтби дважды контролировал состояние вице-адмирала и других офицеров, которых он погрузил в сон, как только корабль опустился вблизи пещеры. Движение в режиме планетарного хода не требовало большого числа рабочих рук, вместе с Мэтби бодрствовали только несколько младших офицеров: все они находились под его телепатическим контролем.

Тридцать часов! Полностью истощенный физически, Мэтби разбудил Дрейхана, дал ему четкие инструкции и лег спать – прямо на небольшом диванчике в углу отсека управления. Не успел он смежить веки, как младший офицер-наблюдатель воскликнул:

– Впереди здания, капитан! Виден свет!

Мэтби бросился к экранам. Свод пещеры взмыл вверх, ее границы терялись вдали в голубоватой дымке. Перед ним, залитый ослепительным светом искусственных солнц, раскинулся город с восьмидесятитысячным населением. Легкое движение рычагов управления – и корабль устремился вверх, к скалистому небу этого удивительного мира. Затем в течение нескольких минут Мэтби вел крейсер над городом. В тайных убежищах гиброидов не имелось космических кораблей такого класса, поэтому Мэтби был уверен, что появление „Акмиона" привлечет внимание жителей города. Он протянул руку, включил радиосвязь и услышал взволнованный голос:

– . . . И вот он над нами! Питер Мэтби, наш вождь, прибыл на корабле „Акмион", чтобы лично ознакомиться с мнениями . . .

Мэтби выключил радио. Населению известно, что он здесь. Обозревая с помощью оптического преобразователя расположенный ниже город, Мэтби искал резиденцию Ханстона. Он узнал это здание по описанию, которое было ему передано по радио, и остановил „Акмион" прямо над ним.

Легкое движение пальцев на панели управления – и середину улицы перекрыл энергетический экран. Затем Мэтби сфокусировал еще несколько экранов, полностью оградив штаб-квартиру своего противника. Люди могли свободно проходить в экранированную область, но не имели возможности покинуть ее. Энергетический экран обладал односторонней проницаемостью: всякий, кто прикасался к нему с внутренней стороны, получал мощный электрический удар.

Так как Ханстон жил в своей штаб-квартире, он не мог ускользнуть из ловушки. Мэтби не обманывал себя – его действия должны быть точными, быстрыми и решительными. Однако он прекрасно понимал: политический контроль можно захватить силой, но удержать его только на этой основе невозможно. Способ его появления на планете и метод действий давали противникам Мэтби мощные аргументы против него. „Смотрите, – могли они сказать, – один из нас сумел захватить целый космический крейсер – разве это не доказательство наших сверхчеловеческих способностей?” Подобные рассуждения могли вдохновить молодых экстремистов, поддерживающих Ханстона, на любое безрассудство.

На экране оптического преобразователя Мэтби увидел приближающийся к „Акмиону” аэрокар – это прибыли его сторонники. От отдал мысленную команду дежурившим у грузового шлюза младшим офицерам – мембрана шлюза раскрылась, пропустив аэрокар. Минуту спустя Мэтби отвечал на горячие рукопожатия людей, которых он никогда раньше не видел лично, но хорошо знал по многолетней переписке.

Немедленно началось обсуждение стратегии и тактики дальнейших действий. Несколько человек из числа прибывших на борт корабля считали, что Ханстона следует казнить. Большинство же настаивало на его строгой изоляции. Мэтби встревоженно выслушивал мнения обеих сторон, сознавая, что эти люди как непосредственные участники событий являются в данном случае лучшими судьями, чем он сам. Однако они очень близко соприкоснулись с опасностью раскола и междоусобицы – их решение могло оказаться слишком жестоким. Возможно, что Мэтби, наблюдавший развитие событий извне, сумеет быть более объективным. Он невольно почувствовал себя в роли арбитра, когда представители обеих групп стали, перебивая друг друга, задавать ему вопросы:

– Можем ли мы быть уверены, что решение правительства Федерации – не вступать в контакт с земным кораблем – является достаточно твердым?

– Не имеется ли у Вас информации относительно возможного изменения этой позиции?

– Почему второй ультиматум не был доведен до сведения всего населения Пятидесяти Солнц?

– Является ли „Акмион" единственным крейсером вооруженных сил, которому поручено следить за земным кораблем?

– Какую позицию мы должны занять, если правительства Федерации капитулируют и согласятся с требованиями землян?

Спустя некоторое время Мэтби почувствовал себя опустошенным. Поскольку вопросы продолжали сыпаться градом и конца этому не предвиделось, он поднял вверх руки и заявил:

– Друзья, мне кажется, что вы все пытаетесь обратить в собственную выгоду затруднения, испытываемые правительством Пятидесяти Солнц. Я не могу разделить этой позиции. Мне кажется, что мы должны быть солидарны со всеми народами Федерации. Нам не следует стремиться к получению каких-либо преимуществ за счет других групп населения: такая попытка неизбежно приведет к обострению неприязни к гиброидам. – Мэтби немного помолчал, что придало особую весомость произнесенным после паузы словам: – Повторяю еще раз, в этой критической ситуации мы не должны стать предателями.

Сторонники Мэтби в смущении переглянулись. Некоторые, более молодые, люди казались недовольными: их вождь преподнес им горькую пилюлю. Мэтби пришлось убеждать их снова и снова, но в конце концов все присутствующие согласились с его мнением.

И тогда встал критический вопрос: что делать с Ханстоном? За время дискуссии Мэтби успел обдумать возможный выход, поэтому его ответ прозвучал незамедлительно:

– Я хочу встретиться и поговорить с ним.

Коллинз, старейший друг отца Мэтби, внимательно посмотрел на него и, убедившись в твердости принятого вождем решения, прошел в радиорубку. Когда он вернулся назад, его лицо было бледным.

– Он отказался прибыть на корабль. Он говорит, что, если Вы хотите повидаться с ним, Вы можете спуститься вниз. Питер, это оскорбительно!

– Передайте, – спокойно сказал Мэтби, – что я приду к нему.

Он улыбнулся, глядя на возмущенные лица своих сторонников, и уверенно сказал:

– Джентльмены, причин для беспокойства нет: этот человек – в наших руках. Сообщите по радио населению города, что я иду к Ханстону ради восстановления единства в сложившейся кризисной ситуации. Намекните в этом заявлении, что с нашей стороны делается все возможное для упрочения доверия, хотя не исключено, что ко мне будет применено насилие. Я полагаю, никто из жителей города не испытывает радости, когда у них над головой висит вооруженный космический корабль. – Мэтби на мгновение задумался, затем продолжал тем же энергичным тоном: – Если я не вернусь . . . скажем, через полтора часа, попытайтесь связаться со мной по радио. При необходимости окажите давление на Ханстона и его приверженцев. Начните с угроз, а если они не подействуют – прикажите офицерам „Акмиона” обстрелять всю территорию, ограниченную энергетическим барьером.

– Но что будет с Вами, Питер! – воскликнул Коллинз.

Мэтби, прощаясь, взмахнул рукой и направился к выходу.

Ханстон оказался разговорчивым, ироничным человеком средних лет. Когда Мэтби вошел в его кабинет, он поднялся, сделал несколько шагов навстречу и протянул руку. Его голос опытного оратора был уверенным и звучным:

– Я хотел говорить с Вами без участия тех джентльменов, под управлением которых мы здесь имеем счастье находиться, – палец Ханстона недвусмысленно устремился вверх. – Прошу не рассматривать мой поступок как попытку ущемить Ваше достоинство, вождь. Я хочу говорить только с Вами, и я надеюсь Вас убедить.

Ханстон говорил уверенно. Однако его аргументы относились к числу избитых истин, подчеркивающих превосходство гиброидов. Он, очевидно, свято и искренне верил в эту догму. В конце его речи Мэтби был убежден, что этому человеку, неглупому и энергичному, явно не хватает информации о внешнем мире. Он провел всю жизнь в маленьких тайных городках, в узком кругу людей своей расы, повторяя и перетолковывая истины полувековой давности. Несмотря на свой ум, внешний блеск и несомненный ораторский талант, он был провинциальным политиком.

Ханстон закончил свой длительный монолог вопросом:

– Вы верите, что Федерация Пятидесяти Солнц сможет избежать контакта с земной цивилизацией?

– Нет, – честно ответил Мэтби. – Я полагаю, что контакт будет неизбежен.

– И тем не менее вы поддерживаете попытку правительств Федерации скрыть координаты наших населенных планет?

– Я поддерживаю единство действий в создавшейся ситуации. Я считаю разумным крайне осторожно подходить к попытке контакта. Возможно, нам удастся отсрочить его на сотню лет или более.

Ханстон нахмурился, ироничная усмешка искривила его губы.

– Должен констатировать, – заявил он, – что мы с вами придерживаемся прямо противоположных точек зрения.

Внимательно наблюдая за ним, Мэтби произнес медленно и веско:

– Возможно, наши глобальные замыслы совпадают. Возможно, различие заключается только в тактических планах, с помощью которых и Вы, и я пытаемся достигнуть одной и той же цели.

Лицо Ханстона просветлело, его глаза немного расширились от сдерживаемого возбуждения, и он нетерпеливо воскликнул:

– Ваше превосходительство, если бы я мог поверить этому! – Он резко оборвал фразу и продолжал уже спокойнее: – Я хотел бы услышать Ваше мнение о будущей роли гиброидов в развитии цивилизации.

– Используя удобные случаи и применяя только легальные методы, – начал Мэтби, – они неизбежно займут со временем руководящую роль в обществе. Несправедливо и нечестно пользоваться преимуществом телепатического контроля над другим разумом, которое даровано нам эволюцией. И без этого гиброиды смогут занять доминирующее положение в Федерации Пятидесяти Солнц, а затем и во всей Галактике.

Глаза Ханстона сверкали:

– И как долго, полагаете Вы, будет идти этот процесс? – спросил он.

– Он может начаться во время Вашей и моей жизни. Он будет длиться как минимум тысячу лет – все зависит от частоты перекрестных браков между деллианами и обычными людьми. Сейчас, как Вам известно, в подобных браках запрещено иметь потомство.

Ханстон хмуро кивнул головой, затем он сказал:

– Меня неправильно информировали о Вашей позиции. Вы, несомненно, один из нас.

– Нет! – резко ответил Мэтби. – Пожалуйста, не надо смешивать стратегическую цель с планами ближайших действий. Для нас – это различие между жизнью и смертью. Даже упоминание о том, что мы в конце концов займем главенствующее положение в обществе, вызовет тревогу у людей, которые сейчас благодаря усилиям правительства Федерации настроены к нам сравнительно дружелюбно. Если мы докажем нашу солидарность с народами Пятидесяти Солнц в этот критический момент, мы положим начало своему восхождению. Если мы станем предателями – тогда маленькая раса суперменов, к которым принадлежим мы с вами, рано или поздно будет уничтожена.

Ханстон вскочил на ноги.

– Ваше Превосходительство, я готов поддержать этот план. Я иду с вами! Мы будем ожидать дальнейшего развития событий.

Это была полная победа – победа в тот момент, когда Мэтби уже был готов применить силу. Несмотря на уверенность в искренности Ханстона, Мэтби не собирался верить ему на слово. Человек вполне может изменить свои убеждения, как только висящий над его головой космический крейсер с мощным вооружением окажется на безопасном расстоянии. И, подводя итог беседе, Мэтби откровенно сказал:

– При данных обстоятельствах я хочу просить Вас удалиться на шесть месяцев в любое место по Вашему выбору, где Вы не могли бы встречаться со своими сторонниками. Рассматривайте это как форму домашнего ареста. Я гарантирую, что к Вам будут относиться с должным уважением и что Вас немедленно освободят в случае установления контакта между Федерацией Пятидесяти Солнц и земным кораблем. Ваше положение будет скорее положением заложника, чем заключенного. Я даю Вам двенадцать часов на обдумывание моего предложения.

Никто не сделал попытки остановить Мэтби, когда он возвращался на свой катер, доставивший его обратно на борт крейсера.

Через двенадцать часов Ханстон капитулировал. Он поставил только одно условие: вместе с ним во временное изгнание должны удалиться члены его семьи.

Итак, в ближайшее время планеты Федерации не будут обнаружены землянами. Конечно, один корабль, как бы хорошо он ни был оснащен, не сможет без дополнительной информации найти даже одну планету цивилизации деллиан, так хорошо замаскированную неисчислимым скопищем

звезд Облака. Мэтби был убежден в этом. Оставалась, однако, другая проблема: Пятьдесят Солнц неизбежно будут обнаружены, если через несколько лет в Облаке появятся другие корабли из Главной Галактики. Теперь, когда опасность раскола и предательства осталась позади, эта новая проблема начала мучить Мэтби все сильнее. Как только „Акмион" лег на прежний курс, Мэтби получил возможность более внимательно обдумать, что же следует сделать для обеспечения дальнейшей безопасности обитателей Большого Магелланова Облака.

Чем дольше он размышлял над этой задачей, тем сложнее она казалась. И вдруг ему в голову пришло настолько простое и четкое решение, что он вздрогнул. Мэтби проверял и анализировал свои выводы, и с каждым проходящим часом ему становилось все яснее, что именно он сам, с его возможностями и опытом, является наиболее подходящим человеком для этой работы.

Важнейшей частью его замысла являлся непосредственным контакт с экипажем „Звездного Роя". Мэтби начал рассматривать, каким образом можно было бы спровоцировать захват „Акмиона" земным кораблем. Нужный способ не должен был внушать какие-либо подозрения обеим сторонам, участвующим в его игре. И в этот момент раздался сигнал тревоги:

– ЛЕДИ ЛОУ, МЫ УСТАНОВИЛИ КОНТАКТ С СУПЕРРЕЗОНАНСНЫМ ПОЛЕМ КОРАБЛЯ ИЗ ЭТОЙ СИСТЕМЫ!

– ПРЕКРАСНО. ЗАХВАТИТЕ ЕГО!

Мэтби не имел ясного представления, как это было сделано. Сначала вой сирены и резкие слова команды оглушили его; прошло какое-то время, пока он осознал, что происходит. Тонкий луч, протянувшийся, казалось, из глубины космоса, нащупал „Акмион" – крейсер охватило голубоватое сияние. В этот момент уже было поздно анализировать, как земной корабль смог обнаружить и атаковать судно Мэтби. Луч сокращался, и, послушно следуя за ним, беспомощный крейсер Пятидесяти Солнц стремительно летел в неизвестность.

Мэтби казалось, что вокруг что-то происходит: у него появилось физическое чувство засасывания в гигантский водоворот, ощущение странного напряжения во всем теле, как будто сама материя, составляющая его, подвергалась какому-то неимоверному усилию. Это ощущение длилось все время, пока плененный „Акмион" подтягивали световым канатом к сгустку тьмы, скрывающей земной корабль. Мэтби с беспокойством наблюдал за приборами, которые

могли дать ему некоторое представление о размерах и в какой-то степени о мощи „Звездного Роя". В определенный момент он вдруг осознал бесцельность своей попытки. Здесь, вдали от яркого света звезд, корабли были подобны пылинкам, затерянным в бесконечной тьме. Никакие приборы „Акмиона" не могли обнаружить сам космический корабль, только суперрезонансное поле его двигателей, имеющее огромную протяженность, было доступно измерению.

Неожиданно острая пульсирующая боль скрутила Мэтби. Каждый мускул, каждая клетка его тела вибрировали в страшном напряжении, кровь ударила в голову, застилая глаза багровой мглой. Мэтби еще имел время подумать: парализующие лучи. Затем он рухнул на пол отсека управления, и тьма сомкнулась над ним . . .

Мэтби очнулся и осторожно напряг мышцы. Он хотел удостовериться, что сможет захватить контроль в любой ситуации, какой бы непредсказуемой она ни оказалась. Как он подозревал, здесь, в таинственном для него мире земного корабля, могли найтись средства для управления разумом, позволяющие получать информацию непосредственно из мозга мыслящего существа. Он должен учитывать, что мощь его собственного разума будет, возможно, преодолена, если противник догадается о его способностях.

Он приоткрыл глаза, чуть-чуть приподняв веки. Это еле заметное движение как будто послужило сигналом – стоящий над ним высокий мужчина сказал на старинном, но понятном английском:

– Все в порядке, приятель, раскрывай пошире свои локаторы.

Мэтби открыл глаза, но не раньше, чем удостоверился, что все еще находится в отсеке управления „Акмиона". Было очевидно, что крейсер Пятидесяти Солнц захвачен противником.

Волна возбуждения пронизала его. Удастся ли ему выполнить свой план? Сможет ли он осуществить телепатический контроль над любым человеком, с которым придется вступить в контакт? И, таким образом, управлять экипажем земного корабля? Возможно ли все это?

Это было возможно. Он это чувствовал.

Мэтби вместе с другими офицерами „Акмиона" стоял в длинном коридоре, конец которого терялся вдали. Вооруженные бластерами члены экипажа земного корабля – двое мужчин и женщина – неторопливо обходили шеренгу пленных.

Но превосходство вооруженных земных офицеров было иллюзорным. На самом деле именно они являлись настоящими пленниками – пленниками могучего разума гиброида.

В надлежащей момент командир охранников, высокий молодой мужчина с суровым лицом, отдал команду, и основная часть экипажа „Акмиона" длинной колонной потянулась вдоль коридора. Но Мэтби и нескольких офицеров-астрогаторов боковым коридором провели в просторное помещение, куда выходили двери полудюжины спальных отсеков. Сопровождающий их землянин успокаивающе сказал:

– Все в порядке, парни. Здесь никто не желает вам зла. Вы можете носить собственную форму и свободно передвигаться в пределах корабля, при условии, что не будете слишком много болтать с нашими людьми. Наблюдать за вами мы не станем, так что можете свободно располагаться.

Мэтби не испытывал беспокойства. Сейчас для него основная проблема заключалась в подробном ознакомлении с земным кораблем и распорядком жизни его экипажа. Уже было ясно, что этот корабль имеет огромные размеры и в нем обитает такое количество людей, что держать их всех под телепатическим контролем для одного человека немыслимо. Он также подозревал, что жизненно важные центры корабля наверняка надежно защищены: возможно, имеются какие-нибудь ловушки, предназначенные для непрошеных гостей. Стоило, однако, рискнуть. Если удастся составить общее представление о расположении жилых и производственных помещений земного корабля, он сможет достаточно быстро разобраться с подстерегавшими его опасностями.

Когда земной офицер удалился, Мэтби присоединился к другим астрогаторам, собиравшимся навести ревизию в кухне. Как он и предполагал, в пище обнаружилось большое сходство. Тысячелетия назад беглецы из Главной Галактики захватили с собой несколько видов домашних животных. И сейчас в глубине огромных холодильников Мэтби увидел бифштексы из говядины, свинину, бараньи котлеты, разнообразную домашнюю птицу. Все эти блюда, жареные, вареные и тушеные, хранились в герметичной прозрачной упаковке.

Стены помещения, красивой формы мебель и посуда искрились яркими красками. Золотистый светящийся потолок, тихая музыка, несколько натюрмортов создавали ощущение умиротворенности и покоя. Люди, пережившие

жестокий шок поражения и плена, жадно насыщались, постепенно приходя в себя. Когда с едой было покончено, Мэтби в нескольких энергичных выражениях приоткрыл перед своими коллегами ту тайну, благодаря которой они блаженствовали здесь. Он отчетливо сознавал, что совершает отчаянный поступок. Его не покидала мысль о том, что кто-нибудь из астрогаторов сможет установить связь между произошедшими событиями и ужасом, который народы Пятидесяти Солнц испытывали перед сверхъестественными способностями гиброидов. Пожалуй, его сообщение могло напугать астрогаторов „Акмиона" больше, чем земной корабль. Мэтби невольно почувствовал облегчение, когда вернулся телепатически контролируемый им земной офицер с ворохом одежды.

Для Мэтби проблема телепатического управления волей и сознанием члена экипажа „Звездного Роя" была исключительно тонкой. Этот земной офицер искренне считал, что его поведение обусловлено разумными причинами. Он полагал, что одной из таких причин является установление дружеских отношений с наиболее ценными специалистами из экипажа захваченного крейсера. Кроме того, он получил внушение, что связывать производимые им действия с его служебными обязанностями неразумно и что этот вопрос не следует обсуждать с другими офицерами земного корабля.

В результате землянин был подготовлен к мысли, что Мэтби и другим пленным астрогаторам действительно разрешено свободно передвигаться на борту „Звездного Роя". Однако, к разочарованию и удивлению Мэтби, офицер не мог дать какой-либо ценной информации о собственном корабле. Этот человек оказался неуязвимым для телепатического внушения, когда Мэтби попытался получить от него сведения о размерах, способах связи и вооружении „Звездного Роя". Он был готов, но он НЕ МОГ сообщить ТАКИЕ данные. Что-то – возможно, жестокий гипнотический запрет – не давало ему возможности сделать это. Оставалась надежда, что Мэтби удастся получить нужную информацию от командиров земного корабля, разум которых наверняка не был блокирован. Офицеры низшего ранга, очевидно, не имели полной свободы воли. Метод, которым это достигалось, оставался неясным. Для его анализа и преодоления поставленного барьера требовалось время, а времени в распоряжении Мэтби было немного.

Прошло около часа. По-видимому, командиры „Звездного Роя" убедились, что в экипаже захваченного крейсера

отсутствуют астрогаторы. У Мэтби не было оснований считать высших земных офицеров излишне наивными: пройдет еще какое-то время – и на борту огромного корабля начнутся поиски. Если бы только он смог поговорить с этой женщиной, Главным Командиром „Звездного Роя”... Необходимо сделать какой-то решительный шаг. Убежать отсюда?

Мэтби прикинул, что для этого ему нужно не менее двух часов. Следовало взять под телепатический контроль всю цепочку земных офицеров, обеспечивших захват „Акмиона” и отвечавших за охрану и допрос пленных; только в этом случае его побег был бы воспринят ими как действие естественное и вполне законное.

Астрогаторы „Акмиона” разошлись по спальным отсекам. Они не задавали лишних вопросов, и Мэтби мог считать, что у него одной проблемой, по крайней мере, стало меньше. Он осторожно вышел в боковой коридор; рослый офицер-охранник отделился от стены и двинулся ему навстречу, положив руку на рукоять бластера. Мэтби пристально посмотрел на него, испытывая такое знакомое и слегка пьянящее чувство внутреннего напряжения. Офицер бросил взгляд на человека Пятидесяти Солнц, равнодушно отвернулся и снова прислонился к стене – путь был свободен. Мэтби осторожно двинулся по длинному коридору. Он был готов в любую минуту встретиться со следующим постом охраны; его разум и воля сжались подобно стальной пружине.

Лейтенант Неслор вошла в рубку и опустила свое сухощавое тело в кресло. Она выглядела расстроенной. Сцепив пальцы на коленях, она сказала:

– Что-то не так.

Верховный Капитан, оторвавшись от панели управления, обернулась к пожилой женщине и некоторое время внимательно изучала ее. Наконец, Глория пожала плечами и раздраженно произнесла:

– В чем дело? Я полагаю, что хотя бы некоторые из этих людей знают, где находятся их планеты.

Психолог покачала головой.

– На борту захваченного корабля мы не нашли астрогаторов. Самое удивительное, что для наших пленников это такой же сюрприз, как и для меня.

Леди Лоу нахмурилась.

– Боюсь, что я не вполне Вас понимаю, Джулия, – медленно сказала она.

– На корабле Пятидесяти Солнц находилось пять офицеров службы астрогации, – сказала лейтенант Неслор. – Члены экипажа не в состоянии сказать, куда они пропали. Очевидно, это произошло за несколько минут до того, как мы захватили „Акмион".

Глория решительно воскликнула:

– Надо обыскать корабль! Я объявляю общую тревогу!– Она повернулась к панели управления и нажала несколько кнопок, затем внимательно посмотрела в глаза психолога.– Мне кажется, Джулия, Вы не считаете эти меры разумными?

– Мы уже имели один неудачный эксперимент с деллианином, – прозвучал ответ.

На лицо Глории набежала тень. Воспоминание о покончившем самоубийством Гиссере Вэнсе, человеке, захваченном на космической станции, до сих пор мучило ее. Она задумалась и затем, резко встряхнув головой, спросила Неслор:

– Что Вы предлагаете?

– Ждать! Я уверена, что эти люди находятся на „Звездном Рое" . . . Какой бы способ они ни изобрели, чтобы избежать внимания с нашей стороны, рано или поздно мы сможем их обнаружить. И тогда я хочу знать, куда они направятся и что они ищут здесь, словом, я хочу выяснить их планы.

– Понимаю, – ответила Глория, пристально уставившись вдаль: она внезапно сообразила, что или, вернее, кого станут искать на земном корабле люди Пятидесяти Солнц.

– Конечно, – поспешно сказала лейтенант Неслор, – Вы будете надежно защищены. Я считаю это своей личной задачей.

Леди Лоу пожала плечами:

– Я не могу вообразить, каким образом люди, впервые попавшие на наш корабль, могут обнаружить центр управления и мои апартаменты. Наверное, на их месте я пыталась бы завладеть схемой помещений корабля. Но таких схем не существует! Капитан отделений и все, кому это положено по должности, прекрасно знают корабль. А к услугам прочих имеются передатчики материи. – Глория остановилась и снова пожала плечами. – Итак, ждать . . . Это все, что Вы предложите? Только ждать и смотреть, что произойдет?

– Это все.

Молодая женщина покачала головой:

– Это не для меня, моя дорогая. Я полагаю, что мой приказ уже выполняется. – Глория резко обернулась

к панели управления. Мгновением позже на экране внутренней связи появилось лицо пожилого сурового мужчины. – Капитан, – обратилась к нему Глория, – что делает Ваша полиция?

– Ищет и охраняет, – был краткий ответ.

– И успешно?

– Все жизненно важные центры корабля охраняются. Передвижные полицейские патрули контролируют все помещения корабля. Любые сюрпризы исключены.

– Хорошо, – сказала Верховный Капитан, – продолжайте. – Она прервала связь и устало потерла лоб тонкими пальцами. – Нужно немного отдохнуть, Джулия.

Лейтенант Неслор встала.

–Я вполне уверена, что Вы можете спать спокойно, Глория, – сказала психолог, направляясь к выходу.

Молодая женщина потратила полчаса, чтобы занести в память электронного секретаря свои распоряжения на следующие сутки для различных отделений корабля. Затем она прошла в каюту, сбросила комбинезон и легла в постель. Заснула Глория мгновенно.

Она пробудилась внезапно с неясным чувством тревоги. В помещении стояла почти полная темнота, только на контрольной панели управления слабо светилось несколько лампочек. Ничто не нарушало тишину, воздух был неподвижен, и привычно пахло хвойным лесом, но каким-то шестым чувством Глория поняла: здесь есть кто-то чужой.

Она затаилась в широкой постели, стараясь дышать тихо, будто во сне, но разум ее, четкий и ясный, уже работал. Она вспомнила разговор с Джулией Неслор. Казалось невероятным, что кто-то с этого непонятного, чудовищного корабля смог найти ее так быстро. И однако это случилось. В слабом свете, струившемся от пульта, она смогла различить силуэт человека, стоявшего в нескольких шагах от ее постели.

Очевидно, он ждал, когда Глория его обнаружит. Как только пришелец понял, что она проснулась, в каюте раздался его тихий голос:

– Не включайте свет. И будьте очень осторожны.

Он произнес эти слова мягко, очень спокойно, и это окончательно убедило Глорию, что говоривший был крайне опасным человеком. Его приказ заставил расслабиться ее тело; рука, готовая метнуться к скрытой у изголовья сигнальной панели, осталась неподвижно лежать на простыне. Глория вдруг почувствовала, что ее могут уничтожить за долю секунды, необходимую для вызова помощи. Оставалось

надеяться, что Джулия Неслор настороже и сумеет вовремя защитить ее.

Пришелец заговорил снова:

– С Вами ничего не случится, если Вы будете точно следовать моим советам.

– Кто Вы? – ее голос был ровным и спокойным. Какой бы опасной ни представлялась ситуация, она не должна выдать овладевшее ею беспокойство.

Мэтби оставил этот вопрос без ответа. Он нашарил в темноте стул и опустился на него; его поза излучала уверенность, которой он на самом деле не ощущал. Положение, в которое он попал, не приводило его в восторг. Его могли пленить, лишить возможности действовать и даже просто уничтожить без всякого предупреждения. Он ясно представлял себе, что за разыгравшейся сценой мог кто-то наблюдать – кто-то, скрытый так далеко в недрах этого огромного корабля, что установить телепатическую связь с наблюдателем было свыше его сил. Возможно, только легкое движение пальца, лежащего на пусковой кнопке какого-нибудь таинственного оружия, отделяло Мэтби от смерти. Он медленно сказал:

– Мадам, ничего не случится с Вами, если Вы не станете делать резких движений. Я хочу задать вам несколько вопросов и надеюсь получить на них правдивые ответы. Как Вы, очевидно, уже поняли, я один из астрогаторов захваченного Вами корабля Пятидесяти Солнц. Я не буду входить в детали, каким образом нам удалось скрыться от Ваших людей; я пришел сюда, чтобы поговорить с Вами. Я слышал обе Ваши передачи и понял их цель. Вы совершенно правы, полагая, что среди народа Пятидесяти Солнц существуют различные мнения относительно контакта с земным человечеством. Некоторые считают, что мы можем верить Вашим обещаниям. Другие испуганы. Естественно, что большинство испытывает страх, и их мнение оказалось решающим. Самое разумное сейчас – отсрочить контакт. И мы, и вы должны ждать, ждать и надеяться.

Он сделал паузу, еще раз продумывая и взвешивая свои слова.

– Я – представитель группы специалистов, чья роль в этом деле является решающей. Только астрогаторы умеют определять пространственные координаты звездных систем, и только от нас Вы можете получить нужные сведения. Возможно, среди народа Пятидесяти Солнц найдутся десятки тысяч предателей, готовых на все ради личной выгоды, но их нет в вооруженных силах и среди обученных специалистов. Я полагаю, Вы понимаете, что это означает.

Женщина внимательно слушала Мэтби. Его слова звучали разумно, его цель казалась странной, но отнюдь не невероятной. Единственное, что беспокоило Глорию, касалось небольшой, но важной детали: как он нашел дорогу в ее апартаменты? Кто-нибудь более склонный к мистике мог бы усомниться в реальности его присутствия здесь. Своим трезвым умом Глория понимала, что по законам теории вероятности этот человек НЕ МОГ ЕЕ НАЙТИ. Дело обстояло так, как если бы он попал в совершенно незнакомый ему город с тридцатитысячным населением и без всяких расспросов сразу же нашел тот дом и того человека, с которым желал встретиться. Это было невероятно. Глория тихо лежала в темноте, расслабившись и откинув правую руку к краю постели. Она ожидала продолжения. Его слова уже убедили ее в собственной безопасности, и сейчас с каждой проходящей минутой возрастала вероятность, что лейтенант Неслор примется, наконец, за работу.

Мэтби пошевелился на своем стуле, и в каюте снова зазвучал его спокойный голос:

– Мы хотели бы получить некоторую информацию, чтобы иметь возможность взвесить Ваши предложения. Повторяю, все станет значительно проще, если Вы согласитесь вернуться сейчас в Главную Галактику и отсрочите контакт наших цивилизаций. Тогда у нас появится время, чтобы свыкнуться с мыслью о неизбежности этого контакта, и ни у кого не возникнет соблазна предать собственный народ.

Глория кивнула в темноте. Это она могла понять. Она сказала:

– Какие вопросы Вы хотите задать?

– Сколько времени находитесь вы в Большом Магеллановом Облаке?

– Десять лет.

– И как долго планируете вы еще здесь оставаться?

– Эта информация является закрытой, – ответила Глория; ее голос был тверд. Совет капитанов должен был собраться через два дня, и нетрудно было предугадать его решение, если за это время она не добьется успеха.

Мэтби повторил:

– Я настаиваю, чтобы Вы ответили на мой вопрос.

– Что произойдет, если я все же откажусь отвечать?

В этот момент ее правая рука, медленно скользившая по краю постели, достигла цели. Осторожным движением она надавила на кнопку сигнальной панели. И тут из темноты снова раздался голос Мэтби:

– Я позволил Вам сделать это. Я надеюсь, теперь Вы станете спокойнее.

Его выдержка поразила Глорию: было ли это мужество отчаяния или неведения? Холодным тоном она объяснила, что активировала электронную систему слежения. С этого момента за всеми его действиями наблюдают бесчисленные светочуствительные датчики, и любая попытка применить лучевое оружие будет немедленно пресечена.

– У меня нет оружия, – сказал Мэтби. – Не могли бы Вы теперь ответить на несколько вопросов?

– Я готова. – Глория говорила спокойно, но раздражение уже поднималось в ней. Джулия Неслор слишком медлила.

– Насколько велик ваш корабль?

– Его размеры превосходят милю, и он несет экипаж в три тысячи человек.

– Это поразительно! – воскликнул Мэтби. Он был удивлен не величиной корабля, но тем, насколько Глория ее исказила.

Верховный Капитан оставила его замечание без комментариев. Реальные размеры „Звездного Роя" и численность его экипажа были в десять раз больше, чем она сочла необходимым сообщить пришельцу. Глория чувствовала уверенность, что этот человек даже не мог вообразить чудовищной оборонительной и наступательной мощи ее корабля. Впрочем, среди членов экипажа „Звездного Роя" только несколько высших офицеров представляли себе величину боевого потенциала корабля, который при необходимости можно было ввести в игру.

– Объясните мне, каким образом вы смогли захватить наш крейсер, – сказал Мэтби. – Нас окружило какое-то силовое поле, вызвавшее странные физиологические ощущения. Какова природа этих сил?

Это был последний вопрос, который Мэтби удалось задать. Внезапно леди Лоу повысила голос:

– Лейтенант Неслор, Вы готовы?

– Да, Ваше Превосходительство! – прозвучал резкий ответ откуда-то из темноты.

– Как Вы полагаете, мы будем продолжать эту комедию дальше?

– Не вижу необходимости. Прикажете уничтожить его?

– Нет. Теперь Я ХОЧУ задать ему несколько вопросов.

Мэтби напрягся: он захватил контроль над разумом земной женщины. Одновременно он вскочил со стула и поспешно бросился к трансмиттеру, находившемуся в углу каюты. Вслед ему раздалась команда Глории:

– Не стреляйте! Дайте ему уйти!

У Глории не возникло даже тени сомнения, откуда появился мощный импульс, заставивший ее отдать этот приказ. Позднее она нашла для всего случившегося вполне естественное объяснение: пришелец не угрожал ее жизни, он являлся одним из ценных специалистов и хотел вступить с ней в контакт; уничтожить его было бы неразумно.

В результате Мэтби удалось в полной безопасности покинуть рубку управления. Материализовавшись около выходных шлюзов земного корабля, он послал охране телепатическую команду о немедленном освобождении экипажа „Акмиона". По мере того как крейсер Пятидесяти Солнц стремительно удалялся от сверкающего корпуса „Звездного Роя", у офицеров охраны постепенно стирались воспоминания об их участии в бегстве вражеского корабля. Спустя несколько минут никто из офицеров земного звездолета не смог бы объяснить, куда и каким образом исчез захваченный крейсер.

Мэтби испытывал огромное психическое напряжение. Провести разведку на борту корабля противника и суметь благополучно покинуть его вместе со всем экипажем „Акмиона"– даже для него это предприятие являлось очень рискованным делом. То, что ему удалось узнать, не слишком его удовлетворяло. Ему не удалось получить достаточно подробной информации, однако было ясно, что земной корабль очень велик и обладает мощным оружием, не известным вооруженным силам Федерации. Флоту Пятидесяти Солнц следовало соблюдать крайнюю осторожность, имея дело с этим кораблем. Мэтби уже не сомневался, что средства нападения „Звездного Роя" позволяют ему в считанные минуты уничтожить несколько космических крейсеров класса „Акмион".

Более всего его беспокоило, как офицеры „Акмиона" и народ Пятидесяти Солнц в целом станут реагировать на произошедший инцидент. Предугадать это было сложно, практически невозможно. Мэтби полагал, что вице-адмирал Дрейхан сделал доклад правительству и, следовательно, можно ожидать каких-либо решительных действий. Однако за два ближайших дня ничего не произошло.

На третий день из очередной радиопередачи „Звездного Роя" стало ясно, что земной корабль резко изменил курс. Казалось, пришельцы покидают Большое Магелланово Облако, но причины этого были неясны.

На четвертый день экран внутренней связи в каюте Мэтби засветился и на нем появилось изображение вице-

адмирала, одновременно из динамика раздался его резкий голос:

– Объявление для всех офицеров. Мной получено следующее послание от руководства нашего Военного Флота.

Затем он зачитал послание.

- Настоящим объявляется состояние войны между народом Пятидесяти Солнц и земным кораблем „Звездный Рой". Флоту следует блокировать врага и вступить с ним в сражение. На кораблях, выведенных из строя, в случае опасности захвата должны быть уничтожены звездные карты. Доверяя патриотическим чувствам офицеров службы астрогации, правительство призывает их не сдаваться живыми в руки врага. На всех населенных планетах Федерации полиции и войскам приказывается выявлять и безжалостно уничтожать предателей.

Бледный, покрытый холодным потом Мэтби слушал ровный голос Дрейхана. Адмирал кончил зачитывать приказ правительства и продолжал менее официальным тоном.

– Я получил частное сообщение, что правительством Федерации сделан определенный вывод из произошедшего инцидента. Правительство считает, что земляне освободили „Акмион", так как не отважились возбудить гнев нашего народа. Специалисты, консультирующие правительство, полагают, что „Звездный Рой" можно уничтожить массированной атакой, хотя потери, очевидно, будут велики. Если мы точно выполним полученный приказ, то тогда даже захват отдельных кораблей не даст врагу нужной информации. Я уже назначил помощников для всех астрогаторов на тот случай, если они не смогут сами воспользоваться оружием в критической ситуации. – Дрейхан выделил слово „помощников" таким образом, что не оставалось сомнений, о какой помощи идет речь.

Капитан Питер Мэтби, первый помощник главного астрогатора крейсера „Акмион", с чувством безысходного отчаяния понял, что совершил преступление. Его необдуманные действия спровоцировали войну, которая унесет тысячи жизней, унесет надежды на примирение между деллианами, людьми и его расой. Уже собираются в стаи „волки космоса" – так назывались военные корабли флота Федерации, – уже готовы они вступить в смертельную схватку с могучим противником, уже нельзя ничего изменить, исправить, объяснить . . . Волки космоса обнаружили свои клыки . . . Волки космоса идут.

Они идут на тигра.

Она проиграла: время истекло и решение совета капитанов вступило в силу. Разгневанная, она приказала взять курс домой, в Главную Галактику. Теперь с каждым часом огромный корабль удалялся от этой таинственной и непознанной цивилизации, от ее солнц, затерянных в космической бездне, от ее странного и непокорного народа.

Вечером Глорию вызвал дежурный офицер отделения связи:

– Ваше превосходительство, должны мы по-прежнему продолжать передачи о нашем курсе?

По крайней мере, это она еще могла контролировать.

– Разумеется, пока я не отменю своего приказа, – сказала она резко.

На следующий день ее разбудил пронзительный сигнал тревоги. Стремительно вскочив на ноги, набрасывая на ходу одежду, она бросилась в рубку управления. Навстречу ей грохотал голос командира секции вооружения:

– Сотни кораблей впереди! Они нападают!

– Замедлить ход! – отдала команду Верховный Капитан. – Готовиться к сражению!

Когда это было сделано и скорость корабля упала до тысячи миль в секунду, она созвала капитанов на совет.

– Ну, дамы и господа, – сказала она с нескрываемым восторгом, – я полагаю, что теперь вы уполномочите меня на серьезные действия против правительства, проявившего столь враждебные намерения относительно галактического содружества.

– Глория, – сказала одна из женщин, – сейчас не время иронизировать. Нам всем ясно, что Вы были правы. Эту цивилизацию необходимо найти – и найти немедленно. А сейчас мы должны сражаться.

Других мнений не было. В конце совещания Глории был задан вопрос:

– Мы должны уничтожить их флот или же захватить его?

– Захватить.

– Все корабли?

– Все.

Когда флот Пятидесяти Солнц и земной корабль сблизились на четыреста миллионов миль, гигантские машины „Звездного Роя" начали генерировать силовое поле, распространившееся на огромное расстояние. Корабль окружила собственная миниатюрная Вселенная, силовые линии которой были искривлены.

Флот Пятидесяти Солнц пошел в атаку. Огромный расходящийся конус из сотен кораблей, центр которого был устремлен на „Звездный Рой", мерцал вспышками двигателей. Прошло несколько минут – и конус распался; волки космоса не могли сблизиться с их странным противником, траектории их кораблей, подчиняясь могучим тискам силового поля, превратились в замкнутые кривые. Попытки вырваться из западни, увеличивая до предела скорость, не привели к успеху. Атомные торпеды, выпущенные по земному кораблю, резко меняли курс и были, наконец, выброшены в пространство. Ни с одной планетой Пятидесяти Солнц не удавалось установить связь; субпространственное радио молчало как мертвое.

Спустя четыре часа корпус „Звездного Роя" озарился яркими вспышками. Сотни тонких голубоватых лучей протянулись в пространство, как пальцы гигантской руки, нащупывая корабли флота Федерации. Один за другим они были подтянуты к борту гигантского звездолета.

Когда стало ясно, что двигатели волков космоса не в состоянии преодолеть мощь земного корабля, для всех офицеров службы астрогации наступило время выполнить свой долг. На „Акмионе" Мэтби стоял в окружении группы бледных мужчин, обменивающихся последним рукопожатием с вице-адмиралом Дрейханом, затем каждый из них брал бластер и прикладывал его к груди. В этот срашный момент Мэтби подумал: „Я могу взять под контроль их всех и спасти свою жизнь. Но смогу ли я тогда жить дальше?"

Он сказал себе, что причин для отчаяния не должно быть. Открытие Пятидесяти Солнц неизбежно, оно состоится рано или поздно, что бы сейчас ни происходило. И затем он подумал: „Я сделаю это ради моей расы, ради гиброидов. Мы должны быть едины и с людьми, и с деллианами, едины в жизни и в смерти".

Мэтби протянул руку Дрейхану, глубоко вздохнул и нажал активатор своего бластера. Его короткое правление окончилось.

Когда первые захваченные корабли были подтянуты к борту „Звездного Роя" и обследованы земными специалистами, торжествующая Глория была извещена о произошедших самоубийствах. Безмерная жалость коснулась ее сердца.

– Оживите их! – приказала она. – Никто не должен погибнуть сейчас.

– Некоторые из них в очень плохом состоянии, – прозвучал ответ медицинской службы. – Они использовали бластеры.

Глория нахмурилась. Это означало огромное количество срочной работы. „Упрямые глупцы, – подумала она, – они заслужили смерть!" Но вслух Верховный Капитан приказала:

– Примите самые срочные меры! Если необходимо, пропускайте целые корабли через трансмиттер материи с полным восстановлением органических тканей. Я повторяю: никто не должен умереть.

. . . В конце дня она сидела за своим столом в рубке управления. Перед ней тесной группой стояли астрогаторы Пятидесяти Солнц, и, похоже, подобный поворот событий не вызывал у них большого неудовольствия. С помощью лейтенанта Джулии Неслор Верховный Капитан задавала им вопросы.

Перед тем как она отправилась спать, потерянная цивилизация была найдена.

В своем обращении к нобилям Империи, последовавшим за возвращением с Венеры, Тьюз среди прочего заявил:

– Борьба была ожесточенной, однако теперь Линн не имеет где-либо опасных врагов. За последние две декады наши противники на Марсе и Венере окончательно разгромлены нашими силами, и теперь мы стоим на пороге уникального исторического свершения: власть над Миром будет принадлежать нам – и только нам. Наступает период вечного мира и неограниченного творческого развития.

Он вернулся во дворец в приподнятом, радостном настроении; в ушах еще звенели аплодисменты, которыми была встречена его речь. Шпионы доносили Тьюзу, что его популярность неуклонно возрастает, как среди сословия нобилей, так и в низших слоях населения. Война тянулась слишком долго, и, казалось, только прибытие Тьюза на Венеру обеспечило ее быстрое и успешное завершение. Отсюда был сделан вывод, что именно его блистательное руководство привело к решительному перелому. При подобных обстоятельствах от Тьюза не требовалось большой сообразительности, чтобы понять: он может великодушно подарить триумф победителя Джеррину, ничего не теряя в прочих почестях.

Несмотря на его собственную речь перед советом нобилей, на протяжении первой мирной недели Тьюз находился в состоянии нарастающего изумления: то, о чем он говорил, стало реальностью, врагов больше нет. Опасаться нечего, Трудно было поверить, что Мир наконец принадлежит Линну и что он, Тьюз как Великий Советник в своей области обладает властью над таким количеством подданных, которое вряд ли кто-либо имел ранее. Так, во всяком случае, казалось ослепленному своим величием Тьюзу.

Конечно, он будет всецело предан идее Империи, успокаивал себя Тьюз, поспешно отрекаясь от минутной вспышки горделивого честолюбия. Он наглядно представлял себе огромные работы на планетах и в космосе, которые будут отражать великолепие Линна и золотой век Тьюза. Чем дольше он забавлялся различными туманными, но величественными планами, тем более благородными и замечательными они

казались ему. Тьюз упивался победой: он грезил, он мечтал, но не предпринимал никаких реальных действий.

Вскоре он получил известие, что с Венеры возвратился Клейн. Спустя некоторое время от него пришло послание:

- Его Превосходительству Великому Советнику Тьюзу. Моему глубокоуважаемому дяде.

  Я буду рад нанести Вам визит и сообщить результаты нескольких бесед между моим братом Джеррином и мной, касающихся возможных источников опасности для Империи. Хотя эти источники потенциальной угрозы не представляются значительными, учитывать их необходимо. Джеррин и я озабочены численным превосходством рабов над гражданами Земли; нас также беспокоит отсутствие достоверных данных о ситуации, сложившейся в настоящее время среди населения лун Юпитера и Сатурна.

  Чем скорее мы проанализируем и учтем опасности, попавшие в поле нашего зрения, тем вероятнее, что дальнейшая судьба Линна будет определяться осмысленными действиями, а не противодействием оппортунистов, которое неизбежно возникнет в будущем среди членов правительства.

  Ваш преданный племянник *Клейн*.

Письмо вызвало у Тьюза раздражение. Оно казалось неким неуместным вмешательством. Оно напоминало Тьюзу, что его контроль над Линном и величественным будущим Империи не являлся полным и всеобъемлющим и что в действительности племянники могли вынудить его к таким компромиссам, вследствие которых видимое только ему великолепие могло изрядно потускнеть. Тем не менее его ответ был дипломатичным.

- Мой дорогой Клейн!

  Было приятно получить от тебя известие и убедиться в твоем благополучном возвращении из столь длительного путешествия. В мои ближайшие планы входит отдых на горных курортах; полагаю, что ты также должен отдохнуть. После возвращения с гор я с удовольствием приму тебя и мы самым серьезным образом обсудим все затронутые в твоем письме проблемы. Я отдал распоряжение ряду департаментов о подготовке необходимой информации, так что, когда мы встретимся, наша беседа будет строиться на основе реальных фактов.

  Тьюз, Великий Советник.

Он действительно разослал указания и даже пролистал короткую официальную сводку, составленную экспертами и касающуюся ситуации на лунах Юпитера и Сатурна. Жители этих небесных тел объединялись в ряд племен, находившихся на различных стадиях варварской культуры. Последние сводки и доклады об этих примитивных цивилизациях были основаны на опросах торговцев Линна, посещавших системы планет-гигантов. Судя по ним, можно было сделать вывод, что старые игры в интриги и убийства нашли благодатную почву среди племенных вождей варваров.

Однако какой-либо серьезной опасности положение в системах Юпитера и Сатурна, по мнению Тьюза, не представляло. Поэтому он спокойно отбыл на отдых в горы, сопровождаемый тремя сотнями слуг и тысячей рабов. Он все еще пребывал там месяцем позже, когда получил второе письмо от Клейна.

Его милости Великому Советнику Тьюзу.

Ваше внимание к моему предыдущему посланию принесло мне большое облегчение. Я буду счастлив содействовать Вашим департаментам, если они начнут сбор сведений о положении на окраинах Солнечной системы. Должен сообщить Вам, что около года назад несколько моих агентов на Европе, крупнейшем спутнике Юпитера, были неожиданно ликвидированы. Таким образом, имеющаяся у меня информация об этих отдаленных областях основывается на сообщениях двухлетней давности. Кажется, лет пять назад там появился новый вождь, который приступил к объединению Европы под своей властью. С тех пор доклады моих агентов с каждым месяцем становились все менее ясными, пока не прекратились совершенно. Я подозреваю, что меня снабжали тщательно подготовленными ложными сведениями. Если это так, то значит кто-то, обладающий достаточной хитростью и проницательностью, смог воспользоваться моими каналами информации. Подобный факт не может меня не беспокоить. Конечно, все это – только подозрения, однако я счел необходимым поделиться ими. Ваши люди должны учитывать, что, возможно, источники имеющейся у нас информации недостоверны.

Ваш покорный слуга и племянник *Клейн.*

Упоминавшаяся в письме возможность измены или уничтожения агентов напомнила Тьюзу, что он живет в мире всеобщей подозрительности. „Очевидно, – вяло подумал

он, – сейчас начали циркулировать различные слухи, направленные против меня. И все потому, что я нахожусь на отдыхе! Люди даже представить себе не могут, какие великие планы разрабатываются мной и моими инженерами во время этого так называемого увеселительного путешествия.

Он полагал, что, обнародовав в серии государственных постановлений эти планы грандиозного будущего развития, сможет успешно преградить путь любой критике.

Раздражение, вызванное письмом, длилось день. Затем он снова перечитал послание Клейна и решил, что желательно дать ответ вежливый и дипломатичный. Он, Тьюз, должен занимать такую позицию, чтобы была совершенно ясной его неизменная готовность предупредить любые неприятные случайности, грозящие Империи.

Он дал необходимые указания и сообщил Клейну о том, что собирается предпринять. Затем он приступил к внимательному анализу ситуации, которая может сложиться через шесть или семь месяцев в связи с возвращением с Венеры Джеррина, после того как тот получит свой триумф. Уже в течение семи лет высшая должность Великого Правителя Империи была вакантной – такое положение не могло существовать долго. Обычно Правитель избирался на основе соглашения между членами правящей династии Линнов; немаловажной в этом вопросе была также позиция нобилей и свободных граждан. С легендарных времен Золотого Века мир стал более жестоким, и только сильная власть могла обеспечить безопасность и процветание династии и народа. Претендент на единоличную власть должен был показать себя человеком предусмотрительным и мудрым.

До сих пор ситуация складывалась исключительно удачно для Тьюза, младшего сына последнего Великого Правителя. Его старший брат погиб во время опасных опытов с божественными металлами, Клейн казался увлеченным наукой, а Дрейд был слишком молод. Единственным серьезным соперником мог стать старший племянник, Джеррин. Но Тьюз в течение многих лет занимал должность Великого Советника, вторую по значению в Империи, и это давало ему значительное преимущество перед Джеррином.

Неожиданная активность Клейна серьезно обеспокоила Тьюза. Возможно, настойчивость этого урода продиктована заботой о безопасности Линна, хотя сообщенные им факты не казались Тьюзу серьезными. Здесь скорее можно было подозревать политическую спекуляцию, целью которой являлось выдвижение на первую роль Джеррина или самого Клейна как бдительных стражей порядка в Империи.

Клейн был ученым Храма; Джеррин и Дрейд до сих пор проявляли интерес только к военному искусству и не занимали официальных гражданских постов. Тем не менее каждый из них в соответствии с законом имел право совещательного голоса в делах Империи, хотя и не мог прямо вмешиваться в решения администрации. По-видимому, думал Тьюз, нужно предоставить двум старшим племянникам легальную возможность заниматься государственными делами, назначив их советниками правительства. Подобный шаг был несколько рискованным, но он продемонстрировал бы нобилям и народу полную лояльность Тьюза относительно других членов правящей фамилии. Такой акт значительно повысил бы шансы Тьюза, показав, что новый Правитель не собирается затопить Империю кровью своих конкурентов и их сторонников.

– Конечно, – продолжал размышлять Тьюз, – Клейн мог обратиться к нему с этими письмами; мутант действует в пределах своих прав члена династии. Правда, ему не следует быть таким настойчивым – здесь Тьюзу пришли на память слова, сказанные однажды матерью: „Благоразумнее не напоминать слишком часто о своих правах, если они не подкреплены силой". Афоризм доставил ему удовольствие – он улыбнулся.

Ночью, перед отходом ко сну, у Тьюза вдруг мелькнула мысль, что в его жизнь снова входят подозрение и страх – те самые чувства, которые принесли ему столько тревог и беспокойства на Венере. „Очевидно, проклятая атмосфера дворца, пропитанная интригами, действует на меня", – подумал он.

Он остро осознал свою неспособность к глубокому мышлению; этот дар он признавал в других с величайшей неохотой и только потому, что, в конечном счете, это редкое качество приносило пользу государству. В определенной степени ему было присуще чувство долга, хотя он всегда ощущал его как довлеющий над ним груз. И все же во многих случаях долг определял мотивы его поведения – это действительно было так. Успокоенный собственной честностью, он подумал: „Меня могут ввести в заблуждение, но, даже если это произойдет, я все равно должен оставаться бдительным по отношению к любым возможным источникам опасности. А наш уродец Клейн, с его научными знаниями и коллекцией древних машин и оружия, относится к таким факторам, которые я как хранитель государства должен держать под своим контролем".

То, что и у него могут возникнуть серьезные мысли, он уже доказал Клейну во время войны на Венере. Теперь надо было показать свою власть, проявив одновременно обе ее стороны – великодушие и твердость. Урод должен получить предупреждение, достаточно дипломатичное, но ясно показывающее, кто является хозяином положения. После долгих размышлений Тьюз остановился на следующем варианте:

- Мой дорогой племянник!
  Твой интерес к государственным делам радует меня; считаю необходимым предложить тебе пост Советника. Такое же намерение я питаю относительно Джеррина и надеюсь, что вы согласитесь разделить со мной груз забот о благе Империи.
  Ты никогда не обращался с просьбой о предоставлении почетной стражи, на которую тебе дает право твое происхождение. Полагаю, тебе будет приятно услышать, что государство выделяет солдат для охраны материалов и инструментов, которые ты разыскал в божественных копях и других древних сооружениях.
  Наиболее надежным местом для всех этих вещей является наша резиденция в Линне. В соответствии с этим я разрешаю перевезти все ценности в город любым удобным тебе способом. Через неделю в твое поместье прибудет воинская часть с необходимым транспортом и одновременно другая воинская часть в этот день возьмет под охрану твой дворец в городе.
  Капитан стражи, лично отвечающий передо мной за эту операцию, окажет тебе содействие для транспортировки твоих сокровищ. В недалеком будущем, когда я закончу свой отдых, я смогу лично оценить достоинства твоих коллекций и найти им достойное применение на благо государства.

  С наилучшими пожеланиями *Тьюз*,
  Великий Советник.

„По крайней мере, – подумал Тьюз после того, как он отправил послание и отдал необходимые распоряжения воинским частям, – эти опасные игрушки будут собраны в одном месте. Затем можно будет сделать второе предупреждение уроду, если, конечно, это будет необходимо".

Мудрый руководитель должен предусмотреть любую случайность. Даже действия его самых дорогих и любимых родственников следует объективно взвесить и проверить.

Вскоре Тьюз получил известие, что Клейн не оказывал сопротивления и все ценности доставлены в Линн без инцидентов.

Он все еще находился в горном дворце Линнов, когда пришло третье письмо от Клейна. Кроме краткого обращения письмо было полностью посвящено социальным проблемам.

- Нашему дяде, Великому Советнику Тьюзу.

  Сиятельные нобили империи Джеррин и Клейн считают, что численное превосходство рабов над свободными гражданами Линна может привести к опасной ситуации; нам кажется, что рабство совершенно нежелательно в нормальном государстве. Предлагаем Великому Советнику Тьюзу и его правительству, в чьих руках находится ответственность за будущее поколение, руководствоваться в своей деятельности следующими принципами.

  1. Всем свободным людям предоставляется неотъемлемое право распоряжаться собственной личностью.

  2. Должен начаться процесс постепенного освобождения рабов, разбитый на несколько этапов, причем два первых этапа вступают в силу немедленно.

  3. На первом этапе отменяются физические наказания рабов, кроме совершаемых по постановлению суда.

  4. На втором этапе их рабочий день ограничивается десятью часами.

Другие этапы предусматривали последовательное освобождение рабов, пока, спустя двадцать лет, в этом сословии не остались бы только неисправимые преступники. Весь процесс должен был гарантироваться законами государства, трактующими каждого как независимую и свободную личность.

Тьюз прочитал этот документ, одновременно изумивший и развлекший его. Он вспомнил другое высказывание своей матери: „Не беспокойся из-за идеалистов. Толпа сама перережет им горло в соответствующий момент”.

Он жестоко усмехнулся. Эти мальчики действительно стали слишком настойчиво вмешиваться в дела государства.

Лето кончалось, и он начал готовиться к возвращению в город. Настроение у Тьюза было мрачное: он чувствовал, что схватка за власть будет неизбежной.

На второй день после возвращения в Линн он получил еще одно письмо от Клейна. Письмо содержало просьбу об аудиенции для обсуждения „вопросов безопасности

империи, относительно которых Ваши департаменты собрали информацию".

Тьюза привела в ярость настойчивость урода, который даже не дал ему времени, чтобы прийти в себя после возвращения в город. Правда, после периода отдыха переход к работе не был для него обременительным, но Клейну, безусловно, следовало проявить большую вежливость и терпение. „На этот раз, – решил разгневанный Тьюз, – упрямство Клейна носит характер намеренного оскорбления".

Он послал в ответ короткую записку, содержащую всего несколько слов:

- „Мой дорогой Клейн, я готов встретиться и побеседовать с тобой, как только освобожусь от ряда более важных дел. Пожалуйста, подожди вызова от меня.

Тьюз.

Он спокойно уснул ночью, уверенный, что смог своевременно занять твердую позицию.

Но на следующий день его ожидало новое бедствие. Оно появилось в стальном сверкании металла в утреннем небе Линна. Три сотни космических кораблей устремились на город. Они приземлились у всех городских ворот и главных воинских казарм. С каждого корабля высадилось двести головорезов странного вида.

– Шестьдесят тысяч солдат! – воскликнул Великий Советник Тьюз после изучения первых сообщений. Он отдал распоряжение о защите дворца и послал почтового голубя в военный лагерь, расположенный в окрестностях столицы. В лагере были расквартированы три легиона, и Тьюз приказал двум из них остановить противника, как только они будут готовы к действиям. После этого бледный, но спокойный, он уселся около окна, через которое открывался вид на обширные просторы города, и стал наблюдать за разворачивающимся спектаклем.

Все было смутным и нереальным. Большинство вражеских кораблей заслоняло огромное здание имперского суда. Другие, те, что он мог рассмотреть, выглядели покинутыми и безжизненными. Было трудно уловить, какое яростное сражение кипело сейчас возле них. Около девяти часов прибыло тревожное послание от Сиятельной Лидии Линн:

- Дорогой сын!
  Какие новости? Кто напал на нас?
  Это ограниченное вторжение или нападение в масштабах всей Империи? Имеешь ли ты связь с Клейном?

Л.

Первого пленного доставили, когда Тьюз уже был раздражен до крайнего предела. Вспомогательные войска еще не прибыли, и ситуация продолжала оставаться неясной. Пленный, бородатый гигант, надменно сообщил, что он происходит с Европы, спутника Юпитера, и не боится ни человека, ни дьявола, ни бога. Мощное сложение этого варвара и его очевидная храбрость поразили Тьюза. Однако его наивные взгляды на жизнь вселяли некоторые надежды. Следующие пленные были такими же и по внешнему виду, и по умственному развитию. Итак, незадолго до полудня Тьюз имел довольно ясную картину событий.

Это было вторжение варваров с Европы – очевидно, с целью грабежа. Но, если он не будет действовать быстро, Линн в несколько дней может лишиться своих сокровищ, накапливаемых столетиями. Кровожадные приказы срывались с губ Тьюза. Всех пленных – обезглавить. Захватить корабли грабителей, их оружие и снаряжение. Уничтожить все следы их присутствия, оскверняющего Вечный город.

Пролетело утро. Тьюз решил выехать в город в сопровождении эскорта дворцовой кавалерии и произвести инспекцию событий на месте. Однако он оставил это намерение, так как понял, что затруднит деятельность командиров своих войск, которые не смогут посылать ему своевременно рапорты, пока он будет находиться в движении. По этой же причине он не мог перенести свою штаб-квартиру в какое-нибудь менее заметное здание. Только после полудня поступило долгожданное сообщение, что два прибывших из лагеря легиона атаковали противника в районе главных городских ворот.

Эта новость привела его наконец в состояние равновесия. Он получил возможность более глубоко обдумать полученную информацию о происходящих событиях. С невольным раскаянием он вспомнил, что его департаменты, возможно, имели бы эту информацию на несколько месяцев раньше, если б он последовал совету Клейна. Он поспешно вызвал нескольких экспертов и потребовал от них сведений о положении в системах планет-гигантов.

Оказалось, что значительная часть данных уже получена. На Европе, одном из крупнейших спутников Юпитера, с давних времен обитали свирепые, воинственные племена. Ее мощная атмосфера, как утверждали, была сотворена искусственно с помощью Атомных Богов учеными Золотого Века. Подобно всем искусственным планетным атмосферам, она содержала стабилизирующую добавку – газ тенеол,

который пропускал солнечный свет, но не позволял улетучиваться в космическое пространство слишком большому количеству тепловой энергии.

Около пяти лет назад путешественники начали доставлять сведения о вожде по имени Цинзар, который безжалостными методами начал объединять враждующие племена планеты в единую нацию. С этого времени Европа стала практически закрытой планетой; торговцам разрешалось приземляться только в нескольких специальных портах. По возвращении они сообщали, что деятельность Цинзара по объединению Европы успеха не имела. Тем не менее контакты с планетой становились все более затруднительными. Внимательно слушавшему экспертов Тьюзу стало ясно, что Цинзар на самом деле добился своей цели, а поступавшие с Европы сведения противоположного характера являлись ловкой дезинформацией.

Цинзар. Это имя как будто бы несло зловещий металлический ритм, олицетворяя насилие, грабеж и убийство. Если такой человек и его шайка сумеют ускользнуть сейчас хотя бы с частью богатств Линна, то эхо случившегося разнесется по всей Солнечной системе. Тогда можно не сомневаться, что подражатели найдутся и что правительство Великого Советника Тьюза падет подобно карточному домику – вместе с его надеждами единолично возглавить Империю.

Тьюз был раздражен. Ему в голову пришла мысль, что операцию по очистке окрестностей города от варваров целесообразнее провести ночью. Но это означало, что атакующим будут предоставлены для грабежа еще несколько драгоценных часов. Он решил не ждать. Последнему, третьему, легиону было послано распоряжение срочно прибыть в центральный дворец по подземному туннелю, соединявшему его с лагерем.

Для предосторожности и отчасти с целью отвлечь вражеского вождя он послал Цинзару письмо с одним из пленных варваров. В письме он указал на неосмотрительность нападения на Линн и предупредил, что его ответный удар зальет кровью Европу; вождю варваров предлагалось, пока не поздно, заключить почетный мир и убраться на свою планету. Лишь одно обстоятельство ломало все эти планы. По-видимому, Цинзар собрал большие силы не только с целью грабежа, но и захвата части владений Империи; необычную активность варваров трудно было бы объяснить другим предположением. С трудом сдерживая ярость, Великий Советник сидел

в своем дворце, строя планы жестокой мести варварам. Он слишком поздно понял, что, послав к Цинзару пленного с письмом, он открыл врагу собственное местонахождение.

Последовавшая вскоре атака центрального дворца была сокрушительной и явилась полной неожиданностью для легионеров, уже выходивших из подземного хода. Люди Цинзара залили наклонный туннель нефтью, взятой из дворцов хранилищ, и подожгли ее. Третий легион встретил свою смерть в огне.

Ночью еще сотня кораблей варваров приземлилась в тылу у солдат, оборонявших ворота Линна. А утром, когда скопившиеся внутри города варвары пошли в атаку, два подошедших накануне легиона были изрублены в куски.

Об этих событиях Великий Советник Тьюз уже не знал ничего. Его череп, оправленный в золото разграбленного Линна лучшим ювелиром Цинзара, превратился в кубок, символизирующий и прославляющий величайшую победу столетия.

У Сиятельного Клейна Линна, занятого проверкой месячных счетов по его загородному поместью, известие о падении столицы вызвало шок. За небольшим исключением, все его атомные материалы и приборы были в Линне. Клейн отпустил посланца, имевшего глупость во всеуслышание сообщить печальную новость, едва переступив порог комнаты. Затем он уселся в глубокое кресло около своего рабочего стола, прикрыл ладонью глаза и замер, расслабившись. Мысли медленно приходили в порядок. Он подумал, что необходимо прервать работу и отослать всех помощников, рабов-счетоводов и писцов, замерших, подобно статуям, в углу просторной комнаты.

Короткий приказ – и рабы потянулись к выходу под внимательным взглядом хозяина; Клейн заметил, что одному из них, Аорагу, отсрочка доставила явное облегчение. Без промедления он велел этому человеку остаться. Клейн имел четкую систему взаимоотношений с рабами, систему, унаследованную им от давно умершего наставника, мудреца Джоквина.

Основой этой системы являлось воздаяние за честность, трудолюбие и верность раба. Хороший раб получал лучшие условия жизни, укороченный рабочий день, большую свободу, право жениться после тридцати лет и, наконец, полное освобождение после сорока. Отрицательные

качества и поступки, особенно леность и обман, наказывались. Более значительных перемен в положении рабов Клейн осуществить не мог до тех пор, пока в обществе не произойдет крутого изменения во взглядах на рабское состояние как таковое. И теперь, как бы вопреки терзавшей его тревоге, Клейн решил не отступать от правил. Он хорошо помнил наставления Джоквина, которые следовало применять в неясной ситуации, когда прямые доказательства вины раба отсутствовали. Пристально глядя в лицо вызвавшего его подозрения человека, Клейн сказал:

– Если ты в чем-либо виновен, Аораг, и признаешься в этом, то получишь только малое наказание. Если ты не признаешься, то твоя вина будет впоследствии доказана, наказание будет втрое большим. Выбирай.

Раб, смуглый молодой мужчина, уроженец Венеры, пожал плечами и сказал с усмешкой:

– Когда Цинзар покончит с родом Линнов и с их городом, ты сам будешь работать на меня.

– На плантацию, – сказал Клейн коротко, – на три месяца.

Не время для милосердия. Империя под ударом; сейчас недопустимы действия, которые могут быть истолкованы как слабость.

Когда стражи выводили раба, он бросил через плечо еще одно оскорбление:

– Ты, несчастный урод, – сказал он, – ты будешь там, где положено, когда сюда доберется Цинзар.

Клейн не ответил. Он полагал сомнительным, что новый завоеватель выберет роль благородного мстителя за все грехи и зло Линна. Это потребовало бы слишком большого времени. Он выбросил из головы эту мысль, встал и направился к двери, которая вела в соседнее конторское помещение. Встав на пороге, он внимательно оглядел дюжину доверенных рабов, сидевших за своими столами.

– Не поступайте опрометчиво, – сказал он медленно, спокойным, ясным голосом. – Это относится к каждому из вас. Если вы затаили злобные мысли, подобные высказанным Аорагом, – сдержите их. Падение одного города в результате внезапной атаки не следует расценивать как катастрофу. – Клейн почувствовал раздражение. Он пытался взывать к их инстинкту осторожности и самосохранения, но довод, к которому он был вынужден прибегнуть, ясно показывал – катастрофа началась.

– Я сознаю, – продолжал Клейн, – что быть рабом никому не доставляет удовольствия, хотя у вас и имеются

некоторые преимущества: гарантия определенного жизненного уровня, бесплатное профессиональное обучение. Однако дикие слова Аорага доказывают, что, если освободить молодых рабов, они станут источником дисгармонии в обществе, если не прямо революционным фактором. Люди разных рас должны постепенно учиться жить вместе – это, конечно, горькая правда, но это так.

Он пошел прочь, удовлетворенный тем, что сделал все возможное при данных обстоятельствах. Во всяком случае, он не сомневался в виновности Аорага, но понимал, что в произошедшем инциденте, как в капле воды, отразилась проблема рабства в Империи. Если Цинзару удастся захватить любую важную область Земли, восстание рабов последует автоматически. В Линнианской Империи было много рабов, слишком много, чтобы можно было чувствовать себя в безопасности.

Снаружи он увидел первых беженцев. Они в изнеможении расположились на земле около здания зернохранилища. Несколько минут Клейн наблюдал за ними, пытаясь представить себе картину их бегства из Линна. Он был удивлен их поздним появлением. Люди, должно быть, просто отказывались верить, что городу угрожает серьезная опасность, хотя, конечно, первые потоки беглецов могли двинуться по другим направлениям. В этом случае их отсутствие вчера в районе поместья Клейна было бы понятным.

Клейн прервал свои размышления. Он подозвал раба и послал его с группой своих личных охранников к зернохранилищу. Клейн велел передать беженцам, что те из них, которые имеют какие-либо транспортные средства, должны немедленно двигаться дальше. Здесь, всего за восемьдесят миль от Линна, он собирался предоставлять временный отдых и помощь только беженцам, передвигающимся пешком.

Затем Клейн быстро направился в свой кабинет и вызвал начальника стражи.

– Мне нужны добровольцы из беженцев, – объяснил он офицеру, – штатские люди, крепкие физически и очень религиозные, которые были бы готовы лететь в Линн и вывезти все транспортабельное оборудование из лаборатории в моем городском дворце.

Его план, который он изложил группе из сорока срочно набранных добровольцев, был прост. В течение нескольких дней, возможно недель, в огромном городе будет царить беспорядок. Отряды варваров в первую очередь, очевидно,

стремятся занять все ключевые пункты и наиболее богатые общественные и частные здания. Можно надеяться, что в первые дни оккупации города варвары не обратят внимания на скромный особняк Клейна, скрытый за деревьями большого парка. Если же его резиденция в Линне окажется захваченной, то вряд ли в ней сможет расположиться большой отряд. Добровольцам, отважным и сильным людям, не составит труда перебить чужаков и выполнить свою задачу.

– Я хочу подчеркнуть важность порученного вам дела, – продолжал Клейн. – Как все вы знаете, я являюсь членом Высшего совета Храма. Мне доверено хранение и изучение священных предметов, которые ученые Храма столетиями разыскивали в древних развалинах. Эти механизмы Золотого Века помогли нашим инженерам наладить добычу божественного металла, питающего двигатели кораблей, но не это главное. Сами Атомные Боги касались их! И было бы великим бедствием, если бы наши реликвии попали в нечистые руки варваров! Спасите эти святыни! Я должен также строго предупредить вас: если в случае неудачи вы будете схвачены варварами, никто не должен открывать истинной цели ваших действий. Скажите, что вы вернулись ради спасения собственного имущества. Признайтесь, что вы были глупцами, рискуя собой во имя корысти и жадности, стерпите пытку, но не выдайте тайны.

Помня о том, что Тьюз поручил охрану его городского особняка специальной воинской части, Клейн закончил инструктаж следующим указанием:

– Возможно, что священные предметы все еще охраняются солдатами Линна; в таком случае отдайте их командиру это письмо.

Он вручил письмо предводителю добровольцев. Это была доверенность, подписанная Клейном, с перечислением всех его титулов. Теперь, после гибели Тьюза, подобный документ вряд ли кто-либо решится проигнорировать.

Когда люди отправились готовиться к своей миссии, Клейн послал один из своих личных космических кораблей в окрестности крупного города Горама. Здесь были расквартированы воинские части, находившиеся под командованием Моркада, близкого друга Клейна. Этому опытному офицеру адресовалось письмо, в котором Клейн спрашивал: „Какие средства противодействия захватчикам подготовлены? Все ли руководители в крупных и мелких городах понимают, что должны делать в создавшемся критическом положении? Готовы ли они к инициативным действиям или будут ожидать указаний Верховных властей?"

Ответ пришел через кратчайше возможное время, примерно спустя сорок минут. Моркад сообщил, что его войска поступают под команду Клейна и что он разослал посланцев во все крупные города Земли от имени „Сиятельного Клейна Линна, преемника благородного Великого Советника Тьюза, который погиб во главе своих войск, защищая город Линн от коварного и неожиданного нападения варварской орды звероподобных людей, грозящих уничтожить огонь цивилизации на планете".

Несколько пышно и довольно откровенно, но это не пугало Клейна. Подобным заявлением он предлагал себя в качестве руководителя – и имел на то основания: только его имя могло организовать и воодушевить армию.

Еще раз перечитав письмо Моркада, он медленно подошел к зеркалу, висевшему на стене кабинета, и пристально посмотрел на свое отражение. Он был одет в подобающее храмовому ученому платье: просторный темный костюм, дополненный наброшенной на плечи мантией с капюшоном. Складки ткани, окутывавшей его тело, спадали до самого пола. Бледное лицо Клейна с тонкими чертами и пронзительными серыми глазами смутно вырисовывалось на фоне черного капюшона.

Он невесело усмехнулся. Мутант! Урод! Опыты с божественными металлами древних не проходят бесследно... Впрочем, он не считал себя обделенным судьбой. Он сохранял почти полную свободу движений, а к воинским подвигам был равнодушен с детства. Гораздо больше его воображение занимали таинственные, но почти утерянные знания Золотого Века. Однако сейчас он вынужден стать военачальником – другого выхода нет.

Необходимо три месяца, чтобы уведомить Джеррина на Венере, и не менее четырех, – чтобы доставить сообщение Дрейду на Марс; обе планеты расположены сейчас за Солнцем, на максимальном удалении от Земли. Чтобы получить известия от братьев, нужен почти вдвое больший срок. Лишь члены правящей фамилии могли рассчитывать на поддержку всех классов и групп свободного населения Империи. О судьбе семьи Великого Советника ничего не было известно, кроме того, в нее входили одни женщины. Следовательно, оставался только Сиятельный Клейн, младший брат Сиятельного Джеррина, внук последнего Великого Правителя. Таким образом, не менее шести месяцев ему придется выполнять обязанности полновластного повелителя Линна.

Этот второй день вторжения тянулся медленно. Постепенно начали прибывать большие корабли, полные солдат. К вечеру более тысячи человек сосредоточились вдоль дороги, ведущей к столице, и на берегу реки. Стремительно проносились аэрокрафты; над ними, в вышине, величественно кружили космические корабли; наземные патрули охраняли все подступы к поместью.

Дороги были фактически пустынными. Как сообщали пилоты разведывательных аэрокрафтов, основная масса беженцев из Линна еще находилась в пути. Ворота захваченного города оставались открытыми, пропуская все новые толпы спасавшихся бегством людей.

Перед наступлением темноты воздушные патрули доложили, что ворота города одни за другими были закрыты. Поток беженцев превратился в струйку, сочившуюся из затемненной громады города, небо очистилось от летательных аппаратов беглецов. Стало ясно, что люди, которые могли воспользоваться транспортными средствами, находятся уже далеко, на пути к другим городам, где они рассчитывали получить помощь друзей и родственников.

После полуночи добровольцы отправились выполнять свою опасную миссию. Располагая уже значительными силами, Клейн укрепил их группу сотней солдат регулярной армии, предоставив объединенному отряду космический корабль и десять аэрокрафтов. Он проследил за отправлением отряда, после чего поспешил принять участие в совете высших офицеров – тех, которые уже успели прибыть. Дюжина мужчин вскочила на ноги, когда он вошел. Офицеры приветствовали Клейна воинским салютом; их взгляды выражали почтение и доверие к Великому Правителю Империи.

На мгновение Клейн остановился на пороге. Он хотел быть спокойным, хотел начать с делового анализа фактов, трезвой оценки происходящего. Сильное волнение мешало ему, неожиданно пришло ощущение ужаса, нереальности случившегося, пальцы его рук, скрытых под широким плащом, дрожали. Он почувствовал панический детский страх, такой же, как в юности во время ужасных дней, когда его мутировавший организм боролся за жизнь.

Его лицо тряслось, глотать было трудно, на лбу выступила испарина. С огромным трудом Клейну удалось овладеть собой. Резким жестом он отдал салют и прошел во главу стола.

Клейн подождал, пока офицеры разместились; затем он предложил заслушать краткие отчеты об имеющихся

в их распоряжении войсках. Он записывал цифры, сообщаемые каждым выступающим по своей провинции, и в конце подвел общий итог.

– В нашем распоряжении, – объявил он, – восемнадцать тысяч опытных солдат, шесть тысяч резервистов, около полумиллиона боеспособных граждан и практически неограниченные запасы вооружения.

– Ваша светлость, – сказал его друг Моркад, – Линнианская империя в обычном состоянии содержит армию в миллион человек. На Земле наибольшие силы размещались в окрестностях столицы, но они уничтожены. Около четырехсот тысяч солдат все еще находятся на Венере и немногим более двухсот тысяч – на Марсе.

Клейн, мысленно просуммировав все данные, быстро сказал:

– Это не дает в итоге миллиона человек!

Моркад печально кивнул головой.

– В начале этого года армия на Земле была значительно сокращена. С завоеваним Венеры, казалось, все потенциальные враги Линна уничтожены, поэтому Великий Советник Тьюз счел это подходящим поводом для экономии. Более трехсот тысяч демобилизованных солдат посланы на Марс в качестве колонистов.

– Я понимаю... – прошептал Клейн. Кровь отхлынула от его лица, он чувствовал, что не способен встать на ноги и шевельнуть рукой.

Лидия тяжело поднялась из покойного кресла. Она понимала, какой старой и немощной должна казаться этим варварам, скалящим зубы во дворе дворца Линнов. Впрочем, производимое ею впечатление уже давно не вызывало у нее беспокойства, как и ее изображение в зеркале. Гораздо важнее было то, что Цинзар согласился ее принять и выслушать.

Старая женщина невесело усмехнулась. Она не слишком высоко ценила свою плоть, этот мешок из кожи, наполненный костями. Мысль, что она, возможно, идет на смерть, не слишком страшила ее. Впрочем, несмотря на возраст и свойственные ему немощи, Лидия не стремилась к забвению. Но Клейн просил о помощи... Невольно Лидия поразилась своей апатии: ее совершенно не беспокоило то, что уродом захвачена власть Правителя. Более того, в сложившейся ситуации это казалось вполне естественным. По определенным причинам она считала, что Клейн способен удержать и разумно использовать эту власть.

Лидия медленно шла по длинным коридорам и залам, в которых сверкали собранные многими поколениями сокровища семьи Линнов. Всюду были огромные, звероподобного вида мужчины, которые прилетели с далекой Европы и сокрушили Империю. Глядя на эти варварские орды, она готова была оправдать любые, самые безжалостные меры, направленные на их уничтожение. Как казалось разгневанной старой даме, эти люди являлись живым олицетворением хаоса, с которым она боролась всю свою жизнь.

Когда она вошла в тронный зал, черные мысли покинули ее, вытесненные любопытством. Она обвела помещение острым взглядом выцветших, но еще зорких глаз, отыскивая таинственного предводителя нашествия. На троне и около него никого не было. Несколько групп людей располагались, беседуя, в разных местах просторного зала. В одной из этих групп стоял высокий, стройный молодой мужчина, резко отличавшийся от остальных находившихся в зале людей. Они, обросшие волосами, с глазами, горящими от возбуждения, были похожи на диких зверей. Он был чисто выбрит и спокоен.

Он заметил Лидию и резким жестом прервал стоявшего рядом человека, который что-то говорил ему. Это короткое движение руки было таким властным и значительным, что в помещении мгновенно установилась тишина. Спустя минуту внимание полного людей зала было обращено только на него; варвары ожидали от своего вождя приказа или разрешения продолжать беседу. Лидия также ждала, незаметно и быстро рассматривая его. Цинзар не отличался мужской красотой, но исходившая от него властная сила придавала значительность его наружности. Однако этого было недостаточно. Варварский мир был полон сильных людей, но силу Цинзара одухотворял ум. Хотя Лидия и ожидала встретить незаурядного человека, невольно она пришла в замешательство.

Его лицо не было ни грубым, ни жестоким; на нем скорее лежала печать интеллектуальности. Однако это еще не объясняло, каким образом он стал абсолютным повелителем разнузданной орды.

Великий человек выступил вперед.

– Госпожа, – сказал он, – Вы хотели видеть меня.

И тут Лидия поняла, в чем заключалась его сила. За всю свою долгую жизнь она никогда не слышала такого глубокого, звучного баритона, такого изумительного, покоряющего

голоса. Стоило Цинзару заговорить, как он разительно изменился. Лидия вдруг почувствовала, что ее заключение о внешности этого человека было ошибочным. Он действительно не обладал обычной, ординарной красотой – он был божественно прекрасен.

Все первоначальные опасения покинули ее. Он не сделает ей зла, подобную мысль даже невозможно допустить. Она предвидела, что этот человек обладает таким даром убеждения, что вся Империя Линнов станет с восторгом выполнять его волю. Толпы будут загипнотизированы. Власть имущие будут очарованы. Сопротивление бесполезно.

С усилием Лидия сбросила колдовское наваждение и спросила:

– Вы Цинзар?

– Так меня зовут.

Пауза, последовавшая за этим кратким диалогом, позволила Лидии окончательно прийти в себя. Перед ней был враг. Ее глаза сузились. Она смотрела на этого великого человека с нарастающей неприязнью.

– Я полагаю, – сказала она резко, – что моя цель, ради которой я хотела видеть Вас, заранее расценивается как слабость.

– Естественно. – Цинзар кивнул головой. Он не спросил ее, какова была эта цель. Он стоял, вежливый и невозмутимый, ожидая продолжения ее речи.

– Пока я не увидела Вас, – сказала Лидия раздраженно, – я полагала, что Вы просто удачливый вождь варварской орды. Теперь я понимаю, что Вы рассматриваете себя как орудие рока. И я предчувствую, что Вы уже двигаетесь навстречу своей гибели.

Сердитый шепот пронесся в толпе людей, заполнивших комнату. Цинзар взглядом призвал их к молчанию.

– Госпожа, – сказал он, – Ваши слова неприятны моим офицерам. Изложите Ваше дело, и затем я решу, как поступить с Вами.

Лидия кивнула головой, но отметила, что сказанное ею для него неприятным не было. Она глубоко вздохнула. У нее уже сложилось представление об этом человеке. Все известные в истории прирожденные лидеры умели обуздывать и направлять неорганизованные массы. Они повелевали жизнью и смертью людей. Часто они умирали молодыми, но это не имело большого значения. Все равно их влияние на эпоху, в которой они жили и действовали, было колоссальным. Подобный человек мог, погибая, разрушить

древнюю династию, которая погибла бы вместе с ним. Цинзар уже уничтожил официального главу Линна и нанес внезапный удар в самое сердце Империи. Все происшедшее можно было рассматривать как каприз судьбы, мимолетную военную удачу, но история допускает такие случайности. А их последствия часто бывают необратимы.

Лидия спокойно сказала:

– Я буду краткой, чтобы не отвлекать Вас от таких, без сомнения, важных дел, как планирование политических действий и дальнейших военных кампаний. Я пришла сюда по поручению моего внука, Сиятельного Клейна Линна.

– Урода! – кивнул головой Цинзар. Это замечание не имело оскорбительного смысла – уточнение, не более того.

Лидия почувствовала себя шокированной. Очевидно, Цинзар имел очень подробные сведения о правящей династии, если даже Клейн, который всегда стремился оставаться в тени, не избежал его внимания. Лидия не отважилась сделать паузу, чтобы оценить возможные последствия этого обстоятельства, она быстро продолжала:

– Сиятельный Клейн является храмовым ученым и в качестве такового он много лет занимался научными исследованиями, направленными во благо всего населения Империи. Бóльшая часть его оборудования находится здесь, в Линне, – Лидия пожала плечами. – Эти приборы совершенно бесполезны для Вас и Ваших людей, но, если они будут уничтожены или повреждены, это окажется величайшей потерей для цивилизации. Сиятельный Клейн хотел бы перевезти эти приборы из своего городского дворца в поместье. В обмен . . .

– Да, – как эхо повторил Цинзар, – в обмен . . . – В его голосе была едва уловимая насмешка, и Лидия вдруг почувствовала, что он играет с ней.

– В обмен, – продолжила она, – Сиятельный Клейн готов уплатить Вам любую разумную цену драгоценными металлами и камнями, которую Вы назовете. – Закончив, она сделала судорожный вдох и замолчала, ожидая его решения.

Лицо вождя варваров приняло задумчивое выражение.

– Мне доводилось слышать, – сказал он, – об экспериментах Сиятельного Клейна с так называемыми божественными реликвиями Золотого Века. Насколько я могу припомнить, это были довольно забавные, хотя и несколько устрашающие истории. Что-то такое о кораблях, перерезанных пополам на расстоянии полумили,. . . об огненных

смерчах и тому подобном... Как только у меня появится свободное время, я постараюсь осмотреть лабораторию Клейна собственными глазами. Вы можете передать Вашему внуку, – продолжал он решительным тоном, – что его маленькая хитрость, предпринятая с целью возврата величайших сокровищ Империи, была с самого начала обречена на неудачу. В первые же мгновения нашей атаки пять кораблей ринулись на дворец Сиятельного Клейна с целью нейтрализовать находящееся там таинственное оружие и не дать возможности использовать его против нашего основного флота вторжения. Я рассматриваю как большую неудачу, что он сам в это время отсутствовал в столице и мы не смогли его захватить. Вы можете также сказать ему, что предпринятая им два дня назад попытка вернуть оборудование лаборатории не явилась для нас сюрпризом. Как, впрочем, и Ваш визит. – Цинзар пристально посмотрел на Лидию и закончил:

– Я испытываю большое облегчение при мысли о том, что божественные реликвии Вашего внука находятся в моих руках.

Лидия ничего не сказала. Фраза: „Вы можете передать ему" произвела на нее огромное впечатление. Она даже не подозревала, что находится в таком напряжении. „Вы можете передать ему..." Это означало только одно: ей разрешают покинуть город. На большее она не смела надеяться.

Цинзар сделал несколько шагов и встал прямо перед ней. Что-то варварское, диковатое, тщательно подавляемое до этого момента вдруг проступило в его поведении. Насмешка, презрение физически сильного человека к старческой слабости, чувство безусловного превосходства над всем изысканно утонченным, что было в Лидии. Когда он заговорил, стало ясно, что он сознательно дарит ей свое милосердие.

– Старуха, – сказал он, – я разрешаю тебе уйти. Ты оказала мне большую услугу, когда добилась с помощью интриг поста Великого Советника для своего младшего сына Тьюза. Это и все, что произошло потом, позволило мне осуществить успешное вторжение в огромную Линнианскую Империю, – он улыбнулся. – Теперь ты можешь покинуть город.

Сейчас Лидия сама была готова осудить свои опрометчивые действия, которые вознесли Тьюза почти на самую вершину власти. Но то, что об этом сказал, как о величайшем несчастьи Линна, появившийся из межпланетного

пространства варвар, воспринималось ею как оскорбление. Не сказав ни слова в ответ, она повернулась и вышла из тронного зала.

Цинзар медленно взобрался на холм и подошел к низкой решетке, окружавшей городской особняк Клейна. Он остановился у ограды, узнав храмовый строительный материал, из которого она была сделана, и в задумчивости двинулся дальше. Через несколько минут он задержался во дворе у фонтанов, бурно изливающих кипящую воду. Он подозвал инженера, строителя космических кораблей, перенесших его армию на Землю.

– Как они работают? – спросил он.

Конструктор осмотрел основание фонтана. Это был неторопливый полный человек, имевший репутацию большого шутника: от его грубых острот порой коробило даже видавших виды мужчин. Он успел уже захватить один из красивейших дворцов, в котором и поселился с тремя наложницами и сотней молодых рабов, отобранных из числа взятых в Линне пленников. Он был счастливым человеком, с небольшими причудами, начисто лишенный той спесивой важности, которая часто отличает ученых. Чтобы осмотреть выходное отверстие фонтана, он опустился прямо на колени на землю, как простой рабочий. В этом, однако, он не был одинок. Цинзар встал на колени рядом с ним, невольно усмехнувшись при мысли, что его поведение наверняка шокировало высокорожденных нобилей Империи, включенных в его свиту в качестве рабов.

Два человека внимательно всматривались в темноту отверстия.

– Храмовый строительный материал, – сказал Мейван, конструктор.

Цинзар кивнул головой. Они поднялись на ноги, не обменявшись более ни единым словом: эту тему они уже неоднократно обсуждали раньше. Через несколько минут, оказавшись в доме, вождь и его соратник подняли вдвоем тяжелые драпировки, которые закрывали стены коридора, ведущего в главную лабораторию. Подобно внешней ограде, стены были горячими: казалось, они источают внутреннее тепло.

Храмовый строительный материал! По-прежнему в полном молчании мужчины прошли в лабораторию; здесь они невольно обменялись изумленными взглядами. Комната казалась больше своих истинных размеров, причем они

не понимали, каким образом достигается этот эффект. Одну из стен пересекала большая, грубо заделанная трещина. Однако не это было самым интересным: каждый квадратный метр огромного помещения заполняли машины, знакомые и неведомые, большие и малые, некоторые полностью комплектные, другие представленные отдельными фрагментами.

На мгновение ими овладело отчетливое ощущение величия всего увиденного. Цинзар осторожно прошел вперед, окидывая взглядом все эти механизмы и приборы, пытаясь установить по внешнему виду назначение и сущность незнакомых конструкций. Неожиданно он замер, уловив глазами какое-то движение.

Сильный жар. Он наклонился, вглядываясь в длинный, частично прозрачный корпус, своей вытянутой формой и размерами напоминавший саркофаг. Внутри этого устройства находился узкий изогнутый канал, по которому катился ярко светящийся шарик. Он двигался неторопливо, достигая дальнего конца канала приблизительно за одну минуту. Там шарик приостанавливался, как будто размышляя над дальнейшими действиями, и с той же неторопливостью начинал свое обратное путешествие.

Это непрерывное, не имеющее видимого смысла движение заворожило Цинзара. Он осторожно поднес ладонь на расстояние дюйма от шарика – ничего не случилось. Он отвел ладонь обратно, его губы искривились от сдерживаемого возбуждения. Несмотря на рискованность такой акции, как нападение на могущественный Линн, Цинзар не был человеком, склонным к авантюрам. Подозвав взмахом руки стража, он приказал:

– Приведи раба!

Повинуясь распоряжению Цинзара, раб, еще недавно один из знатнейших нобилей Линна, поднес палец к светящемуся шару и коснулся его. Лицо и шея раба покрылись потом от ужаса: палец прошел через шарик, как будто в этом месте ничего не было. Он отдернул руку. Но безжалостный Цинзар не собирался оставлять его в покое. Еще раз дрожащие от ужаса пальцы оказались на пути шарика. Светящийся сгусток накатился на ладонь, прошел через нее и вышел с другой стороны.

Цинзар жестом велел рабу отойти от аппарата и с сомнением поглядел на него, задумчиво покачивая головой. Должно быть, намерение Цинзара отразилось на его лице, так как человек, задрожав от страха, стал быстро говорить, проглатывая слова и заикаясь:

– Господин, я... пощадите, господин... Я ничего не понял... никому не скажу... ничего не видел... – его голос поднялся до визга – ничего!.. ничего!

– Убить, – спокойно сказал Цинзар и, сердито нахмурив брови, повернулся к шарику.

– Должна же быть, – произнес он своим чарующим голосом, в котором на этот раз слышались упрямые ноты, – какая-то причина для этого движения, какой-то смысл в его существовании.

Часом позже он все еще пытался установить это.

– Если бы я только смог... – много раз думал Клейн. И знал, что он не отважится... или все же у него хватит сил превозмочь страх?

С чувством, близким к облегчению, он позволил солдатам Тьюза перевезти свое научное оборудование в Линн – это было нелогично, но это было так. Среди его находок имелись устройства, столь поразительные и непонятные, что он в отчаянии опускал руки. Особенно этот сгусток энергии, этот шарик, что двигался вперед и назад в похожем на гроб контейнере, – открытие Золотого Века, которое поколебало его представления о сущности бытия.

Клейну не удалось разгадать конструкцию этого устройства, но, как ему казалось, он смог опытным путем установить его назначение. Достаточно было некоторое время находиться в присутствии шарика, чтобы настроиться в определенном созвучии с ним. Мысленная связь действовала затем на любом расстоянии примерно в течение трех дней; в этот период, стоило Клейну „позвать" шарик, как он отчетливо чувствовал отклик. На третий день связь слабела и затем полностью прекращалась; для ее восстановления требовался прямой контакт с этим загадочным сгустком. Человек, управлявший им, был способен на многое... Но связь с мощным источником энергии не проходила бесследно и с каждым разом становилась все опаснее для организма.

Мысленная связь... В век Клейна это казалось чем-то загадочным, пугающим и невозможным. Даже он, глубже других проникший в тайны древней цивилизации, не мог иногда сдержать дрожь ужаса... И все же он приходил к этому странному аппарату, в котором с неторопливым упорством двигался сияющий шар, приходил раз за разом, не мог не прийти. Иногда Клейн задумывался над тем, удалось ли бы ему прекратить эти визиты по своей воле.

В такие моменты глупое распоряжение Тьюза, которым Великий Советник явно хотел продемонстрировать свою власть над ним, Клейном, унизить его, представлялось ему чуть ли не спасительным.

Было совершенно очевидно, что Тьюз не намеревался запретить ему доступ к оборудованию; выходка Великого Советника была скорее раздраженной реакцией на письма Клейна. Понимая это, Клейн не ощущал беспокойства за сохранность своих приборов, находившихся в его Линнианской резиденции под надежной охраной.

И теперь оружие, которое могло обеспечить быстрое и победоносное окончание войны, было вне пределов его досягаемости. Он должен к нему проникнуть, проникнуть хитростью, если это не удалось сделать с помощью оружия и денег.

Он ощутил отчаяние. Собранные им вооруженные отряды не представляли серьезной силы; в схватке с противником оставалось надеяться только на чудо. Мысли о том, каким образом он мог бы попасть в Линн, в свой дом, продолжали мучить Клейна с маниакальной настойчивостью. В какой-то степени ему помогали отвлечься заботы о подготовке войск к предстоящему сражению.

Среди ветеранов армии Линна издавна бытовало мнение: новобранец, которого обучали месяц, в сражении будет причиной гибели своих более опытных товарищей; через два месяца подготовки все, на что он способен, – мешать в отступлении, которое вызвано его присутствием в рядах войска; за три месяца его можно обучить только одному – дать противнику возможность прикончить себя в первой же стычке. Такова была безжалостная логика эпохи, военное искусство которой не знало других видов оружия, кроме меча, копья и стрелы.

Клейн, в течение нескольких недель внимательно наблюдавший за тренировками новобранцев, с болью убедился в справедливости старинного изречения. Стрельба из лука требовала полной координации мысли и тела, которая вырабатывалась годами. Важнейшим элементом боя на мечах являлось правильное взаимодействие с остальными воинами в шеренге. Свободное владение копьем было искусством.

План, который Клейн предложил своему штабу, представлял попытку скрыть слабость их армии. Он считал целесообразным использовать плохо подготовленных новобранцев в первой линии обороны войск.

– Прекратим усиленно тренировать их: у нас нет времени, чтобы сделать из них настоящих солдат. Для нас достаточно, если они усвоят простейшие приемы владения оружием.

После совещания, глубокой ночью, Клейн просмотрел донесения из провинциальных центров, городов Нориса и Гульфа, которые пали под натиском отрядов Цинзара фактически без сопротивления. Как только варвары начинали атаку, рабы поднимали восстание и уничтожали своих хозяев. В связи с неоднократным повторением таких случаев в заключительном докладе штаба рекомендовалось произвести массовое уничтожение всех молодых рабов мужского пола.

Встревоженный Клейн велел немедленно отправить послания крупнейшим замлевладельцам и купцам с требованием прибыть к нему утром на совещание. К десяти часам он уже ознакомил сотню представителей этого сословия с предложением армии о тотальном уничтожении рабов-мужчин.

Его заявление вызвало шум. Один из богатых торговцев заявил:

– Ваша светлость, это невозможно. Мы не можем потерять столько ценного имущества.

За исключением двух молодых коммерсантов, подобную позицию заняли все присутствующие. Один из молодых людей произнес:

– Господа, эта мера является совершенно необходимой.

Мнение другого было совершенно иным.

– Я чувствую, – сказал он, – что этот кризис приведет, в конечном счете, к прогрессивному развитию нашего общества – к отмене рабства в Империи.

Его слова были встречены гулом возмущенных голосов.

Клейн поднял руку. Когда установилась тишина, он произнес:

– Сейчас не время для полумер. Мы должны выбрать одно из двух предложений: или уничтожить, или освободить рабов.

Купцы, собравшись в небольшие группы, совещались. Клейн видел, как люди переходили от группы к группе, возбужденно размахивали руками, шум голосов гулко отдавался под высокими сводами зала. Наконец, один из наиболее состоятельных банкиров, председательствующий на собрании, подошел к Клейну и заявил:

– Ваша светлость, сословие землевладельцев, купцов и промышленников считает, что мы можем обещать рабам свободу.

В течение долгого момента Клейн пристально смотрел на ухмыляющиеся лица богатейших людей Империи, затем резко повернулся к ним спиной и вышел из зала. К следующему дню он приготовил указ:

„По решению его светлости Сиятельного Клейна Линна, Правителя Линна, ученого Храма, которого возлюбили Атомные Боги, да будет так сейчас и во веки веков.

Великий Правитель шлет свои приветствия всем добропорядочным мужчинам и женщинам, которые спокойно и смиренно служат Империи во искупление грехов своих вождей, побудивших их к войнам и восстаниям против благодетелей власти Линна. Все вы имеете возможность получить свободу, если заслужили ее своим поведением в последние годы.

На Империю напали звероподобные орды варваров-захватчиков. Их поражение неизбежно: уже собираются огромные силы, которые разметают варваров, как ураган сухие листья. Миллионная армия выслана с Марса и Венеры; здесь, на Земле, для отпора захватчиков уже собрана армия в два миллиона человек.

Враг имеет менее шестидесяти тысяч солдат. К этой маленькой армии, которая добилась успеха только благодаря внезапности своей атаки, начали присоединяться некоторые безрассудные мужчины и женщины из числа слуг Империи. Всем женщинам, уличенным в таком преступном деянии, обещаю пощаду. Для мужчин же есть только одна надежда: покинуть войско врага и немедленно явиться в специальные лагеря, список которых приведен в конце данного указа. В этих лагерях отсутствует стража, но будет проводиться еженедельная перекличка. И каждый человек, который не пропустит ни одной переклички, получит полную свободу после уничтожения врага.

Наказанием для непокорных будет смерть.

Тем мужчинам и женщинам, которые продолжают честно служить своим хозяевам, я, Сиятельный Клейн, Великий Правитель Линна, приказываю:

Все женщины и дети должны оставаться там, где они живут и работают.

Любой мужчина может потребовать у своего хозяина недельный запас пищи и явиться в ближайший лагерь, чтобы обрести свободу после окончания войны.

НЕ МЕДЛИТЕ НИ ОДНОГО ЧАСА!

Если кто-либо воспользуется этим указом, чтобы покинуть своего хозяина, и не явится в лагерь в течение суток, он будет считаться государственным изменником. Наказание для таких – смерть.

Слуги, желающие получить свободу! Идите в лагеря и будьте покорны! Если на ваш лагерь нападут варвары, скрывайтесь в лесах и горах.

Всем, кто добровольно подчинится этому указу, я, Сиятельный Клейн, Великий Правитель Линна, обещаю свободу. Вы получите право жениться. Вы сможете иметь семью и детей. Вам будут предоставлены сельскохозяйственные угодья и земли для расселения. Через пять лет вы получите гражданские права, а желающие покинуть Землю смогут вернуться на свою родину.

Этот указ означает конец рабства в Линнианской империи. Я, Сиятельный Клейн, объявляю вам:

БУДЬТЕ БЛАГОРАЗУМНЫ – И ВЫ БУДЕТЕ СВОБОДНЫ!"

Клейн понимал, что в подготовленном им документе немало слабых мест. Перед тем как разослать указ по провинциям, он попытался обсудить его основные положения со своим штабом. Присутствовали только высшие офицеры, купцы не были приглашены – Клейн опасался предательства.

Главное, подчеркнул Клейн, сохранить в строгой тайне истинную цель концентрации рабов-мужчин в лагерях: их массовое уничтожение. Иначе большинство рабов разбежится и их шайки будут представлять серьезную опасность для населения. Он, Клейн, понимает, что его указ при внимательном чтении представляется полным обмана и лжи. Да, уже сотни тысяч рабов Империи перебежали к Цинзару. Да, среди них много опытных солдат, пылающих ненавистью к Линну. Цинзар может использовать их для гарнизонной службы в захваченных городах, сконцентрировав свою основную армию для решающего сражения. Да, на быструю помощь с Венеры и Марса рассчитывать не приходится. Все это так, а насколько указ окажется действенным, выяснится в ближайшие дни.

В конце совещания слово взял Моркад.

– Господа, – сказал он, – мы должны сознавать, что наш вождь и главнокомандующий не может единым ударом разрубить узел всех проблем. Он глубоко проанализировал ситуацию, в которой мы оказались; он не собирается поддерживать в нас иллюзию быстрой разрешимости этой ситуации. Из проведенного сейчас обсуждения ясно, что выбора у нас нет, – голос Моркада стал громче, его глаза

сверкнули. – В этот период неминуемых бедствий мы счастливы иметь нашим вождем Сиятельного Клейна, гения, который указал нам пути, ведущие к полной победе над врагами. Господа, приветствуйте Клейна, Правителя Линна!

Громкие рукоплескания и приветственные возгласы не смолкали в течение нескольких минут.

Днем позже Клейн наблюдал с патрульного аэрокрафта сражение за Горамом. Легкое судно носилось в воздухе, стремительно опускаясь то к одному, то к другому месту, в которых разыгрывались наиболее важные эпизоды боя. Корабли врага снова и снова пытались захватить аэрокрафт, но машина Клейна обладала бесспорным преимуществом в скорости и маневренности.

Варварские ракеты использовали старую тактику воздушной борьбы, пытаясь нейтрализовать тягу силового источника суденышка Клейна с помощью энергетического потока своих двигателей. Этот прием, хорошо известный пилотам аэрокрафтов и космических кораблей, в данном случае не приводил к успеху. Машина Клейна даже не дрожала в воздухе, хотя это являлось обычной реакцией любого летательного аппарата, когда два источника атомной энергии, собственной и корабля противника, создавали направленные в противоположные стороны силовые потоки.

Попытки врагов раздражали Клейна. Их назойливость мешала ему. Он хотел видеть это сражение во всех деталях. Несмотря ни на что, минута за минутой, эпизод за эпизодом.

Горам стойко оборонялся, более стойко, чем мог предвидеть Клейн, помнивший, что за последний месяц пали четыре крупных города. Защитники Горама, в основном новобранцы, упорно сражались за свои жизни. Мерно сгибались луки, гудели тетивы, потоком лились стрелы, снимая обильную дань с плотных колонн атакующих. Длинные копья, которыми неуклюже, но достаточно энергично орудовали самые подготовленные из новобранцев, наносили варварам раны; кое-кто падал мертвым. Однако в схватке на мечах отряды Клейна несли большие потери. В ближнем бою проявлялись физическое превосходство и лучшая подготовка варваров, которые умело и быстро заканчивали свою смертоносную работу.

Первая линия обороняющихся пала, разбитая, уничтоженная. В сражение вступила вторая линия. Резервные отряды варваров, двинувшиеся вперед, были встречены

потоком стрел, от которого потемнело небо. Пораженные их ударами, варвары падали целыми группами. Затем все смешалось. Хриплые крики боли, проклятия, пронзительные вопли раненых, стоны агонизирующих линниан донеслись до слуха тех, кто находился в стремительно пикирующем маленьком аэрокрафте. Обороняющиеся стремились держаться плотным строем, согласно полученному ими приказу. Они медленно отступали к резервным частям, которые были построены в несколько каре и ограждали линнианское войско от внезапной атаки с тыла.

Они отступали, но в последнюю минуту приземлятся космические корабли и спасут всех, кто еще годен к будущим битвам. После полутора месяцев обучения эти новобранцы уже являлись слишком ценным материалом, чтобы жертвовать ими в бессмысленной бойне заключительного этапа сражения.

Клейн посмотрел вниз. Уже не было сомнений относительно исхода сражения и дальнейшей судьбы города. Темное покрывало ночи надвигалось на Горам, и в наступающем мраке жестокие огни победы расцвели на всех главных улицах города. Дым поднимался к небу, кроваво-красное пламя рвалось в темноту. Клейн подумал, что вряд ли сражающиеся сейчас внизу линниане могут представить себе, что оборона этого города является, возможно, поворотным моментом всей войны.

Пришло время определить, когда и где главные силы Линна будут брошены в битву за контроль над планетой. Одновременно с этим в душе Клейна крепла решимость совершить еще одну попытку проникновения в городской особняк. Он должен хотя бы на несколько минут оказаться рядом с этим сгустком энергии, световым шариком, который совершал свое бесконечное движение в прозрачном саркофаге.

Клейн неловко повернулся, и плащ туго обтянул его хрупкие плечи. Он сидел в кресле, опустив голову и упираясь подбородком в скрещенные на груди руки. Его размышления прервал тихий шелест шагов. Слуга принес послание, доставленное одним из нобилей Линна, который был захвачен в плен варварами во время штурма столицы. Письмо содержало только одну фразу:

- Хотите ли Вы узнать, мой дорогой Клейн, каким образом была полностью уничтожена цивилизация Золотого Века?

Цинзар.

Над этой проблемой Клейн в свое время долго размышлял. Но он никогда бы не подумал, что ответ может быть известен варвару, прибывшему на Землю с луны Юпитера.

Золотой Век . . . Эпоха, в которой были созданы космические корабли, освоены все годные к жизни планеты Солнечной системы . . . Эпоха неизмеримого роста численности человечества, подготовки к первым межзвездным полетам . . . Затем почти мгновенное уничтожение людей на всех обитаемых планетах, которое во времена Клейна объясняли гневом Атомных Богов. И снова медленный подъем по ступеням цивилизации, объединение крохотных групп оставшихся в живых: сначала в общины, потом в государства и империи. Восстановление крупиц потерянных знаний . . . сначала слепое, потом все более осознанное копирование древних чертежей. Наконец, Линн, распростерший свои руки над тремя крупнейшими планетами системы . . . Войны, безуспешные поиски секретов древнего оружия . . .

Клейн плохо представлял социальное устройство общества Золотого Века. Но в древних книгах и легендах не было упоминаний о войнах, рабах и великих властителях. То было время справедливости. Могучее человечество обладало могучим оружием, и это, возможно, породило беспечность. Люди пропустили какую-то опасность. Она надвинулась так стремительно, что ее не успели даже осознать, в противном случае с ней бы справились. „Наверно, жестокость и недоверие необходимы в этом мире, – думал Клейн, – они заставляют людей всегда быть настороже . . ."

Он вызвал освобожденного варварами нобиля и начал расспрашивать его о положении в Линне. Новости были неприятными. Многие рабы, особенно из числа венерианских военнопленных, жестоко и бессмысленно мстили своим бывшим хозяевам. В городе все время росло число благородных женщин, вынужденных заниматься торговлей своим телом.

Особенно подробно Клейн расспрашивал нобиля о любых новостях, касающихся его линнианской резиденции. С удивлением он узнал, что Цинзар обнародовал приглашение всем ученым Храма принять участие в изучении и охране „некоторых священных предметов старины, находившихся ранее во владении Сиятельного Клейна".

На мгновение задумавшись, Клейн снова обратился к нобилю:

– Вы уверены, что этот варвар упоминал мое имя?

– Так было написано в объявлении, – отвечал тот, пожимая плечами. – Я читал его, когда был на работах в парке, окружающем дворец Вашей светлости.

Отпустив недавнего пленника, Клейн долго обдумывал все, что рассказал ему этот человек. Он подозревал, что его пытаются заманить в ловушку, но разве мог знать Цинзар, какой неизмеримой ценностью обладал этот светящийся сгусток!

Предположим, что это – ловушка. Ну и что же? Ему нужно всего лишь приблизиться к шарику: несколько мгновений – и контакт будет установлен. Мог ли он упустить такой шанс?

Клейн все еще размышлял над этим рискованным предприятием, когда другой освобожденный из плена патриций доставил второе письмо Цинзара:

- Я был бы рад побеседовать с Вами и показать предмет, подобного которому, готов держать пари, Вы никогда не видели. Можете ли Вы предложить время, место и условия такой встречи?

Цинзар.

На следующее утро Клейн зачитал это письмо на очередном заседании штаба. Офицеры дружно запротестовали против свидания с вождем врагов, однако сочли разумным направить ему формальный ответ. Это послание гласило:

- Цинзару, главе варваров.
  Трусливая попытка заслужить прощение за совершенные преступления путем личного обращения ко мне – бесполезна. Убирайтесь с этой планеты вместе со своей ордой. Только немедленное подчинение этому приказу может спасти Европу от уничтожения. Остерегайтесь!

Клейн,

Великий Правитель Линна.

Письмо отправили с захваченным вражеским офицером. Клейн немедленно начал подготовку к решительной атаке основных сил варваров. Эта операция была подробно разработана штабом, который рекомендовал нанести по столице Империи отвлекающий удар. Офицеры Клейна считали, что высадка десанта в районе Линна обескуражит защитников города и даст возможность главным силам армии освободить ряд удаленных ключевых центров Империи, которые и являлись истинной целью атаки. Предполагалось, что войска, брошенные на штурм столицы, ночью будут тайно передислоцированы в другие районы.

Клейн остался доволен этим планом. Он вылетел к столице за день до штурма, проделав значительную часть пути

в аэрокрафте. Приземлившись в уединенном месте, он выгрузил из машины ослика и тележку с овощами. С помощью этого нехитрого транспорта Клейн преодолел последние двенадцать миль до Линна.

В своей темной рабочей одежде послушника Храма он ничем не выделялся среди тысяч погонщиков, бродяг, нищих и калек, двигающихся к городу. Армия рабов в Линне была так огромна, что люди Цинзара были вынуждены быстро наладить снабжение города пищей: без непрерывного подвоза продуктов из окружающих столицу районов ее населению грозила голодная смерть.

Как и докладывали разведчики Клейна, ворота города были открыты. Он вошел внутрь без каких-либо помех со стороны бывших рабов, стоявших на страже. Оказавшись в городе, среди наполнявших его толп, он стал еще менее заметен; никто не интересовался его правом двигаться в любом направлении. Погоняя осла, Клейн неторопливо шел по улице, ведущей к его городской резиденции. Он взобрался на холм и получил разрешение провести свою тележку через калитку в низкой ограде, которую охранял единственный солдат-варвар.

Спокойно и неторопливо, как будто совершая привычные действия, Клейн подогнал тележку к кухне и сдал овощи двум женщинам, вышедшим ему навстречу. Затем он спросил:

– Кто сегодня отмечает получение товара?

– Гледон! – услышал он в ответ варварское имя.

– Где же он?

– В конторе, конечно. Ты должен идти туда, – и одна из женщин указала ему на коридор, проходящий рядом с центральным залом, в котором размещалась бóльшая часть драгоценных машин и аппаратов.

Когда Клейн вошел в огромную комнату, он увидел дюжину варваров, расположившихся в дальнем углу. Он увидел также, что контейнер со световым шариком стоял в центре помещения.

Туманный шар, пылающий от внутреннего жара, катящийся туда и обратно . . . Он должен пройти через комнату и мимоходом коснуться его.

Неторопливо Клейн двинулся вперед, опустил пальцы в неощутимо бесплотную субстанцию сферы и без остановки направился к конторе. Он испытывал болезненное искушение не подвергаться дальнейшему риску. Если он будет действовать немедленно и захватит дом, то получит контроль над саркофагом со своим сокровищем.

Но если он выполнит полностью задуманный план... если выполнит... Его вдруг пронзила мысль, что саркофаг могут переставить или спрятать так, что он не сумеет найти его в ближайшие три дня, пока светящаяся сфера не потеряла своей активности... Он пожал плечами и отказался даже думать о такой возможности.

Письма Цинзара произвели на Клейна сильное впечатление. Вождь варваров мог дать важную информацию. Где-то каким-то образом он разыскал предмет, настолько ценный и непонятный, что был готов пожертвовать уважением к себе, пытаясь установить контакт с предводителем противника, с Клейном, Правителем Линна. С единственным человеком, который мог ему помочь.

Захватить дом? Но если предпринять сейчас поспешные действия, то это знание будет потеряно. Нет, торопиться нельзя.

Мысли метались в голове Клейна, пока он, внешне спокойный, пересекал комнату. Мгновением позже Клейн вошел в контору и сообщил варвару-офицеру, находившемуся там, что он – ученый Храма и прибыл для сохранения реликвий Атомных Богов.

Офицер, крупный, рослый мужчина, встал и оглядел Клейна с ног до головы. Его глаза изумленно расширились, он вздрогнул, подскочил к двери и вызвал двух солдат. Затем офицер сказал:

– Клейн Линн, Вы арестованы! – И, обернувшись к солдатам, скомандовал. – Веревку, болваны!

Когда его связывали, Клейн не сопротивлялся.

Как только Цинзар получил известие о пленении Великого Правителя, он немедленно направился в Линн. Мейван, конструктор, поджидал его на плоской крыше центрального дворца. Полная, простоватая физиономия толстяка расплылась в улыбке.

– Ваш ход оказался верным, – сказал Мейван с ухмылкой. – Как и предполагалось, мутант не смог упустить такую возможность. Он прибыл сегодня утром.

– Расскажите все мне подробно, – прозвучал золотой, чарующий голос.

Лицо Цинзара стало задумчивым, когда конструктор описал ему все детали пленения Клейна. Он задал несколько вопросов, Мейван ответил. Но он спрашивал снова и снова, интересуясь мельчайшими подробностями, казалось, вопросам не будет конца. Наконец, Мейван сказал:

– Я уверен, что наши люди выполнили все наилучшим образом. Им было приказано схватить его, как только он войдет в здание, чтобы он не мог чего-либо сотворить или коснуться какого-либо прибора. Охранники выполнили приказ в точности. Так как они – шайка ленивых негодяев, я все проверил сам, допросив каждого в отдельности. Но что могло случиться? Что Вас беспокоит?

Цинзар молчал, стараясь не выдать овладевшее им возбуждение. „Слишком все быстро и просто получилось", – сказал он себе. Он открыто обратился к ученым Храма, предложив им совместно владеть реликвиями Золотого Века, попавшими в руки варваров. Этот ход, с одной стороны, был рассчитан на завоевание доверия побежденных путем демонстрации уважения к их святыням, с другой – это была западня, расставленная для совершенно конкретного ученого Храма. В обращении Цинзара содержалось только одно условие: изучение священных реликвий должно продолжаться, как если бы войны не было и в помине. „Служение богам выше мелких ссор грешного человечества", – с изрядной долей лицемерия заявлялось в обращении.

„Итак, проблема решена, – подумал Цинзар, – урод сам пришел ко мне". И он приказал вслух:

– Доставьте его сюда. Каждая минута его пребывания в собственном доме, около этих машин, может грозить нам катастрофой. Мы знаем так мало, а он так много . . .

Ожидая своего опасного пленника, он решил проверить силовой хлыст – один из сравнительно просто действующих инструментов, обнаруженных в городском доме мутанта. Цинзар не был человеком, который готов доверять старым истинам. То, что хлыст работал неделю назад, не означало, что он будет работать сейчас. Он проверил оружие, направив его через распахнутое окно на ближайшее дерево в парке. Ни звука, ни световой вспышки, однако вершина с грохотом рухнула вниз. Цинзар испытал удовлетворение предусмотрительного человека, чья логика оказалась непогрешимой. С самых ранних дней, когда он еще служил простым писцом, до дней его возвращения он рисковал ровно столько, сколько было необходимо, ни больше и ни меньше. И даже сейчас он не мог дать гарантий, что этот колдун, наследник знаний Золотого Века, не уничтожит его, Цинзара, с помощью какого-нибудь ловкого трюка.

Он сунул хлыст за пояс и начал задумчиво мерить шагами обширный зал. Затем вызвал рабов и велел принести

ящик, который стоял в леднике дворца. Он указал, где его поставить, и кивком головы отпустил рабов.

Внезапно в тронный зал ворвался дежурный офицер.

– Великий вождь, – возбужденно закричал он, указывая рукой в окно, – корабли! Сотни кораблей! Они атакуют нас!

Моментом позже, стоя у окна и наблюдая за приземлением вражеского флота, Цинзар понял, что его смутное предчувствие оказалось верным. Появление Клейна в городе являлось частью продуманного плана, который двигался к своему смертельному концу. Было приятно знать, что Сиятельный Клейн сам себя загнал в ловушку.

Цинзар не стал тратить время на бесполезное наблюдение из окна. Отсюда он не мог видеть всех важных деталей сражения. Он приказал отнести ящик обратно и написал записку для Мейвана. Затем в сопровождении сильного эскорта он двинулся к штабу резервной армии, сосредоточенной в центре города.

Ядро резерва составляли варвары, но бóльшая его часть включала рабов-венериан. Прибытие Цинзара было встречено возбужденным гулом. Приветственные возгласы, стук мечей о щиты, одобрительные крики долго не смолкали после того, как он вошел в здание штаба.

Он обсудил положение с несколькими высшими офицерами, которые держались спокойно и уверенно. В соответствии с их данными в атаке на город участвовало шестьдесят тысяч линнианских солдат. Это точно равнялось числу варваров, которые захватили Линн два месяца назад. Такое совпадение удивило Цинзара: может быть, оно имело какое-то символическое значение. Эта мысль вызвала у него насмешливую улыбку. Не символы, но мечи говорят на языке победы.

После полудня атака линниан была отбита. Так как непосредственная опасность миновала, Цинзар вернулся во дворец и немедленно велел принести ящик. Затем он вызвал Мейвана. Тот явился через полчаса, толстый, как всегда, растрепанный; широкая ухмылка блуждала на его лице. За ним четверо рабов тащили портшез, в котором, связанный по рукам и ногам, сидел Великий Правитель Линна. Портшез был поставлен на пол, и рабы молча удалились. Безнадежность была написана на лицах этих бывших нобилей Империи.

Клейн изучал вождя варваров с нескрываемым интересом. Мнение Лидии об этом человеке показалось ему справедливым. Вопрос заключался в том, может ли этот самоуверенный военный гений испытать ужас при мысли, что

Атомные Боги существуют и действуют. Удастся ли внушить ему этот ужас сейчас, в ближайшие полчаса?

Цинзар прервал молчание.

– Клянусь божественными копями, – сказал он с отвращением, – вы, линниане, все-таки жалкие существа.

Клейн не ответил ничего. Часто он сам с сожалением думал об этом. Могучая варварская сила воплощалась в стоящем перед ним Цинзаре. Стройный молодой человек, с лицом белым и нежным, как у женщины . . . впрочем, все это ему не поможет.

Лицо Цинзара снова изменилось. Теперь на нем была нескрываемая ирония.

– Я имею честь говорить, – сказал он подчеркнуто вежливо, – с Сиятельным Клейном Линном? Мы не сделали ошибки?

Клейн принял вызов.

– Ошибки нет, – кратко ответил он. – Я – Клейн Линн. Я шел в город с единственной целью: говорить с Вами. И вот я здесь.

Должно быть, эти слова прозвучали нелепо в устах спеленутого веревками человека. Стоявшие позади охранники грубо захохотали, им вторило хихиканье Мейвана. Один Цинзар остался невозмутимым: его чарующий голос был тверд, как сталь, когда он произнес:

– Я не имею времени играть словами, а потому приступим к делу. Я вижу, что Вы рассчитываете на что-то, что может спасти Вас: я полагаю, что это связано с Вашим знанием древних наук. – Он положил руку на силовой хлыст, торчащий за поясом, и продолжил: – Насколько я понимаю, мы можем уничтожить Вас в одно мгновение, если мы этого пожелаем.

Клейн покачал головой.

– Вы ошибаетесь. Убить меня – не в вашей власти.

Мейван кашлянул и сделал шаг вперед.

– Цинзар, – сказал конструктор мрачно, – этот человек невыносим. Разрешите мне дать ему пару пощечин – и мы сразу определим, помогут ли ему Атомные Боги сохранить в целости свою физиономию.

Цинзар знаком велел ему замолчать. Он пристально посмотрел на пленника, глаза которого вдруг расширились и засияли, как звезды. В громадном зале воцарилось напряженное молчание. Цинзара изумило, с какой неверояной быстротой мутант сумел добиться преимущества. „Убить меня – не в вашей власти!" – этой фразой он бросил вызов своим противникам.

Цинзар недовольно нахмурился. На самом деле его предусмотрительность в отношении Клейна диктовалась здравым смыслом, а не предчувствием какого-либо бедствия. Но теперь он отчетливо осознал, что поведение его пленника ненормально и что за этим стоит не безрассудная отвага, а несокрушимая уверенность. Значит... – он вновь нахмурил лоб, – значит, его собственные цели и намерения относительно Линнианской Империи находятся под угрозой.

Цинзар встряхнул головой, как будто отгоняя тревожные мысли, и сердито сказал:

– Я хочу кое-что показать Вам. Можете без опасения рассматривать этот предмет: пока Вы знакомитесь с ним, мы не будем пытаться убить Вас. Но ради Вашей безопасности советую не предпринимать никаких действий, какой бы реальной мощью Вы ни обладали.

Он поймал на себе изумленный взгляд Мейвана.

– Мощь! – прохрипел конструктор, тыкая пальцем в связанного пленника. – Мощь, которой он обладает!

Цинзар не обратил на него внимания. Дело касалось его личной тайны – тайны, которая занимала его воображение уже несколько лет и которую он не делил ни с кем. Он больше не мог медлить.

– Принесите сюда ящик и откройте его, – приказал он охранникам.

Шестеро солдат, бросив на пол копья, пошли к дальней стене зала, у которой стоял ящик, и с усилием подняли его. Лед уже начал таять, из ящика капала вода, оставляя темные следы на бесценном паркете тронного зала. Когда ящик поставили перед портшезом Клейна, вокруг него немедленно образовалась лужа.

Находившиеся в зале люди замерли в напряженном ожидании. Стражи, стоявшие у дальних дверей, с любопытством вытянули шеи; Мейван застыл, слегка наклонившись вперед. Цинзар и Клейн были спокойны: один знал, что находится в ящике, другой заранее был готов ко всему.

Вспотевшие от усилий солдаты мечами сорвали крышку и отбросили ее в сторону. Волна ужаса, прокатившаяся по залу, разбила напряженное ожидание.

То, что находилось внутри, имело в длину примерно восемь футов. Его ширина казалась неопределенной: по-видимому, многочисленные складки и изгибы тела создавали впечатление большего размера, чем это было на самом деле. Очевидно, это существо погибло незадолго перед тем, как его нашли и положили в лед. Оно выглядело свежим,

почти живым в обрамлении льда, – негуманоид, уставившийся невидящим взглядом в резной потолок тронного зала.

– Как вы получили это... это тело? – с заминкой произнес Клейн.

– Его нашли на одной из малочисленных лун Юпитера через несколько часов после того, как там заметили странный космический корабль.

– Когда это было?

– Три года назад – три земных года.

– В таком случае, – задумчиво произнес Клейн, – представляется очевидным, что этот корабль уже покинул Солнечную систему.

Цинзар отрицательно покачал головой.

– Наши шахтеры нашли второе тело на одном из метеоритов семь месяцев назад. Это существо было одето в какое-то подобие космического скафандра. – Цинзар помолчал и затем добавил тихим голосом, так, чтобы не могла слышать охрана у дверей зала: – Эти странные находки могли посеять панику. Я приказал надежно изолировать всех, кто имел к ним отношение.

В течение долгого времени Клейн пристально рассматривал лежащее в ледяном гробу существо. Наконец, он поднял голову, и его глаза встретились с напряженным, ожидающим взглядом Цинзара.

Клейн медленно сказал, кивнув в сторону ящика:

– Что же Вы думаете об этом?

– Очевидно, мы встретились с негуманоидной расой, обладающей великими научными познаниями, но безжалостной и недружественной. Мне сообщали о внезапном и загадочном уничтожении всего живого в некоторых удаленных областях Европы... Эти доклады приводили меня в недоумение, пока... пока не было найдено это тело. Я хотел бы знать, не является ли прибытие этого корабля их вторым визитом в Солнечную систему. Я не могу представить Вам каких-либо логических доказательств, но мне кажется, что цивилизация Золотого Века была уничтожена в результате первого визита этих существ.

Клейн внимательно слушал вождя варваров, иногда кивая головой. Его лицо было спокойным и каким-то отрешенным: казалось, он не обращал внимания ни на веревки, глубоко врезавшиеся в его тело, ни на враждебные взгляды, которые продолжал метать на него Мейван. Наконец, он сказал:

– Благодарю Вас; то, что Вы показали и рассказали мне, – поразительно. Но какую цель Вы преследовали этим?

Цинзар глубоко вздохнул. И сделал второй ход, чтобы предотвратить катастрофу, приближение которой он уже ясно ощущал в каждом действии и слове своего необычного пленника. Пристально глядя на Клейна, он произнес:

– Взаимное уничтожение наших армий может оказаться огромной ошибкой для любого из нас.

– Вы хотите просить пощады?

Это было сказано слишком сильно. Вождь варваров усмехнулся, оскалив зубы; чарующий голос вдруг перешел в низкое рычание:

– Я только обращаюсь к Вашему здравому смыслу.

– Думаю, что сейчас любое соглашение уже невозможно, – сказал Клейн. – Мои люди хотят мстить. И в случае победы их удовлетворит только Ваша смерть.

Эти слова были прерваны непристойным ругательством Мейвана. Лицо конструктора налилось кровью, он потрясал огромными кулаками.

– Цинзар, что за балаган здесь происходит? – заорал он. – Я никогда не видел тебя в подобном состоянии! Никто из наших не допускает даже мысли о возможном поражении! Я покажу, что мы должны сделать с этим... с этим... – он задохнулся от крика, потом обернулся к солдатам охраны и махнул рукой. – Парни, проткните этого урода копьем!

Никто не двинулся с места. Охранники смотрели на Цинзара, который невозмутимо кивнул головой и приказал:

– Солдаты, вперед! Я хочу точно знать, можно ли убить этого человека.

Опять никто не пошевелился. Казалось, солдаты боятся приблизиться к портшезу и к стоявшему перед ним ящику с ужасным содержимым. Они решительно переглядывались, когда Мейван вдруг бросился к ним, вырвал копье у ближайшего стража и, с угрозой выставив его вперед, повернулся к связанному человеку.

Это было все, что он успел сделать. Там, где только что стоял конструктор, плясал в воздухе сгусток света.

– Попробуйте, – раздался голос Клейна, – использовать силовой хлыст.

Цинзар коснулся пояса, затем в нерешительности отдернул руку.

– Попробуйте, не бойтесь, – повторил Клейн, – я не трону Вас.

Цинзар поднял хлыст и нажал кнопку активатора. Ничего не произошло. Только световой шар, казалось, несколько увеличился в размере и засветился ярче.

Голос Клейна вновь расколол тишину.

– Вы все еще не верите в богов, вождь?

– Меня удивляет, – сказал Цинзар, – почему Вас, ученого, не тревожит, что суеверия распространяются быстрее и шире, чем научные знания. Мы, так называемые варвары, – продолжал он гордо, – презираем ваш Храм за попытки сковать человеческий дух и оградить знание от людей. Мы мыслим свободно, и всех Ваших колдовских фокусов не хватит, чтобы убедить нас в реальности богов.

Несколько мгновений Цинзар сосредоточенно разглядывал колыхавшийся в воздухе шар, потом вернулся к солдатам охраны. Они уже пришли в себя после неожиданного исчезновения Мейвана. Для этих людей, считающих смерть профессиональным риском своего ремесла, проявление реальной опасности было подобно отрезвляющему удару. На их лицах уже не было следов страха и нерешительности. Цинзар одобрительно кивнул головой, перевел взгляд на световой шарик и произнес:

– Что касается Вашего способа управления этим объектом, то он мне совершенно непонятен. Но думаю, что боги здесь совершенно ни при чем.

Это последнее замечание поразило Клейна, и он недоверчиво спросил:

– Действительно ли никто из Вашего народа не верит в Атомных Богов?

– Солдаты, – резко приказал Цинзар, – убейте его!

Раздались лязг оружия, тяжелый топот, и вдруг все звуки оборвались. Только сгусток света мерцал у дверей зала. Стражи больше не было.

– Теперь Вы верите? – сказал Клейн.

Вождь варваров выглядел уставшим и старым.

– Я проиграл войну . . . – пробормотал он. – Только в это я верю. А Вам достанется мантия властителя, упавшая с моих плеч. – Он помолчал, затем огонь любопытства вспыхнул в его глазах. – Оставим Ваших богов в покое. Скажите, что представляет собой этот шар?

– Он содержит целую звездную Вселенную.

Пытаясь осознать это, Цинзар нахмурил брови и коснулся ладонями висков.

– Целую Вселенную? Как это может быть? – спросил он наконец.

– Если Вы посмотрите внутрь сферы через увеличительную трубу, Вы увидите звезды. Шар подобен окну в пространстве, но это не окно. Это – сама Вселенная.

Вождь варваров был в замешательстве.

– Это – Вселенная? – сказал он озадаченно, разглядывая шар.

Клейн кивнул, не давая больше никаких пояснений. Не так легко понять и принять подобную мысль. Даже ему в свое время это далось с трудом, хотя в древних источниках он нашел подробные письменные разъяснения.

Цинзар покачал головой:

– Вы имеете в виду, что и Земля, и Солнце тоже находятся там? – он указал на сферу.

– Наш мир, – терпеливо сказал Клейн, – является четырехмерным. Все, что существует вокруг нас, – проекция четырехмерного мира на три измерения, доступные нашим чувствам. Но древние ученые открыли иной способ создания такой проекции – ее Вы и видите перед собой.

Глаза Цинзара сузились, он снова покачал головой и недоверчиво спросил:

– Как можете Вы утверждать, что вся огромная Вселенная помещается в таком маленьком объеме?

Клейн пожал плечами.

– Что такое „огромное" и что такое „малое" – зависит от точки зрения наблюдателя. Это относительные понятия, и проблемы их сопоставления просто не существует.

Цинзар нахмурился и, резко выпрямившись, сказал:

– Я знаю, что полностью нахожусь в Вашей власти. Полагаю, что в такой предельно ясной ситуации Вы могли бы сказать мне правду о своем оружии. Очевидно, Вы не хотите этого сделать. Поверить в Ваши фантастические домыслы я не могу.

Клейн покачал головой, ничего не сказав. Он дал единственное объяснение, которое у него имелось, оно оставалось правильным, хотя логике обыденной жизни трудно было примириться с ним. Но он не ставил это в вину варвару. Он сам только постепенно смог привыкнуть к мысли, что истинная природа материи совсем не такова, какой ее ощущают чувства человека.

Клейн напряг тело, и опутывавшие его веревки рассыпались в прах. Время философских упражнений закончилось, настало время действовать, заставлять, убеждать. Он встал на ноги и шагнул вперед. Ритмы далекой эпохи

отбивали такт его движений, и яркий шар – символ ее знаний и могущества – парил над его головой.

– Итак, что же Вы решили? – сказал Цинзар.

– Боги требуют безоговорочной капитуляции, боги требуют Вашей смерти, – ответил Клейн.

– Глупец, – яростно воскликнул Цинзар, – я бросил бы Вам под ноги всю Солнечную систему! Неужели этот монстр в ящике ни в малейшей степени не повлиял на Ваше решение?

– Повлиял.

– Но тогда . . .

– Я не верю, – спокойно произнес Клейн, – в возможность нашего совместного правления миром.

Пауза. Потом Цинзар сказал:

– Вы зашли далеко. Тот, кто использует подобную энергетическую мощь, редко остается в живых.

– Да, – ответил Клейн, – я зашел далеко.

Цинзар указал на лежащее в ящике тело.

– Здесь – реальная угроза Линну и всему человечеству. Вы обещаете справиться с ней, Великий Правитель?

– Я, – сказал Клейн, – уже не могу обещать ничего . . .

Их глаза встретились – глаза людей, почти понявших друг друга. Глубокий вздох Цинзара прервал тяжелое молчание.

– Я объявляю о нашей безоговорочной капитуляции, – произнес он, – и надеюсь, что у Вас или у Вашего преемника хватит отваги и здравого смысла, чтобы изменить и защитить этот мир.

В хорошо охраняемом здании, расположенном в пригороде Линна, сверкающий сгусток энергии неторопливо катился по узкому желобу. Во всей Солнечной системе нет ничего подобного этому сгустку. Он выглядит маленьким, но это только иллюзия, обманывающая человеческие чувства. Книги, что описывают его, и люди, которые пишут эти книги, знают истину.

Они знают, что микровселенная, заключенная в нем, непрерывно пульсирует и сила этих пульсаций неизмеримо огромна. Он поглощает космические лучи и атомную энергию подобно ненасытной губке. Он всасывает любую форму субмолекулярной энергии, освобождаемой в его присутствии. И в момент, когда достигнуто критическое насыщение, он возбуждает реакцию мезонного распада в любом коснувшемся его теле.

У него есть только одно уязвимое место, и люди, с присущей им ненасытностью, используют эту слабость в своих целях. Он подчиняется мысли. Или кажется, что подчиняется.

Плата за такое подчинение, действительное или кажущееся, высока и равна жизни. Но всегда найдется безумец или герой, готовый заплатить эту цену.

Они связаны мыслью – человек и Вселенная – это очевидно. И только один великий вопрос возникал перед Клейном, а до него перед учеными древности: что означает эта связь? Она означает, что человек управляет Вселенной или что Веленная управляет человеком?

ЧЕРНЫЙ ХИЩНИК

ГЛАВА 1

Все дальше и дальше забирался Керр. Черная, безлунная, почти беззвездная ночь неохотно уступала угрюмой красноватой заре, подкрадывающейся с левой стороны. Свет этот не давал надежды, что вскоре станет тепло. Из темноты медленно проступал кошмарный пейзаж: потрескавшиеся черные скалы и черная мертвая равнина. Из-за горизонта, разгоняя мрак, показалось бледно-розовое солнце. И нигде ни следа живых созданий, которых он, страдая от голода, искал уже несколько дней.

Он остановился как вкопанный, осознавая происходящее. Его большие передние лапы вздрагивали аж до самых кончиков острых, как бритва, когтей. Приподнялась и взъерошилась шерсть на загривке. Керр покрутил своей большой кошачьей головой, и его уши начали лихорадочно дрожать. Он вслушивался в каждое дуновение ветра, в каждый посторонний звук. Ничто не указывало на присутствие живых существ, служивших ему единственным пропитанием на этой опустошенной планете. Он присел на задние лапы – огромный кошачий силуэт на фоне туманного красноватого горизонта, как будто акварель, изображающая черного тигра в мире странных теней.

Керр забеспокоился, что потерял чутье. Раньше он мог учуять добычу на значительном расстоянии. Он уже ослаб физически. Со всех сторон его окружал мертвый мир. Только семь раз за последний месяц встречал он живые существа, и то слишком слабые, чтобы двигаться, исхудавшие и обреченные на голодную смерть. Тогда он приканчивал их и жадно пожирал то, что в них еще осталось. Вспоминая об этом, Керр задрожал от возбуждения. Потом громко, вызывающе зарычал; рык завибрировал в воздухе, раз и еще раз отразился эхом от скал и отдался в его собственных ушах. Так он выразил волю к жизни.

И вдруг Керр замер. В небе над далеким горизонтом горела маленькая светящаяся точка. Она приближалась и вскоре превратилась в огромный металлический шар.

Блестя как полированное серебро, шар пролетел над Керром и медленно удалился за черную линию скалистых гор. Керр увидел, как шар на мгновение замер, потом опустился и исчез из виду. Керр, удивленный, сорвался с места и помчался среди скал. Его круглые глаза горели алчным огнем, усы вздрагивали. Он предчувствовал пищу в таком количестве, что его просто мутило от голода.

Далекое розоватое солнце было уже высоко на фиолетово-черном небе, когда Керр притаился за скалой и из ее тени взглянул на лежащий в лесу город. Серебристый корабль, несмотря на свои размеры, казался теперь на фоне разрушенного города очень маленьким. Шар стоял в выжженном углублении на самом краю вымершей столицы. Керр присматривался к незнакомым двуногим существам. Они собирались маленькими группами у подножия движущейся лестницы, выбегали из ярко освещенного отверстия, расположенного в верхней части корабля. Вот оно, немедленное утоление голода. В горле у Керра пересохло, в голове потемнело: броситься на эти слабые незнакомые создания, растерзать их . . . Но в памяти вдруг возникли туманные воспоминания о далеком прошлом его расы, о машинах для убийства, об источниках энергии, более мощных, чем все его физические возможности. Это его остановило. Он заметил, что эти существа одеты во что-то из блестящего материала, в котором отражалось солнце. Вероятно, это научная экспедиция с какой-то другой звезды. Ученые будут исследовать, а не убивать. Ученые не убьют его, если он не будет на них нападать. Ученые – по-своему дураки.

Осмелев от голода, Керр вышел на открытое пространство. Его заметили. Оборачиваются и смотрят. Трое ближайших медленно отходят к другим группам. Один, небольшого роста, вытаскивает из висящего на боку футляра матовый металлический стержень.

Керр галопом мчался вперед. Поворачивать назад уже поздно.

Эллиот Гросвенор остался там, где стоял, у помоста корабля. Он уже привык к тому, что он всегда на втором плане. Во время полета как единственный на борту „Гончего пса" нексиалист он встречал довольно пренебрежительное отношение со стороны коллег, которые, специализируясь в других областях науки, не очень-то представляли и даже не хотели знать, что такое вообще нексиализм. Гросвенор, как мог, пытался улучшить положение, но он, честно говоря, сущность нексиализма сам представлял довольно смутно . . .

Внезапно ожило радио в его скафандре. Послышался чей-то смех и слова:

– Мне что-то не хочется рисковать с таким огромным зверем.

Гросвенор узнал голос Грегори Кента, начальника отдела химии. Кент, хотя и был небольшого роста, являлся выдающейся личностью. Среди членов экспедиции у него было множество друзей и сторонников, и он уже выставил свою кандидатуру на пост генерального директора, рассчитывая на успех в приближающихся выборах. Из всех, кто смотрел, как приближается зверь, только он достал оружие. Теперь он стоял и перебирал пальцами по стволу.

Послышался еще один голос, более низкий и спокойный, тоже знакомый Гросвенору, голос Хэла Мортона, генерального директора экспедиции.

– Это ведь одна из причин, по которым вас направили в это путешествие, мистер Кент . . . Вы же больше любите опираться на очевидные истины, чем рисковать.

Это дружеское замечание не имело ничего общего с тем фактом, что Кент стал противником Мортона, выставив свою кандидатуру на его пост. Конечно, это мог быть и ловкий дипломатический прием, намекающий наивным слушателям, что директор вовсе не испытывает неприязни к своему сопернику. Гросвенор не сомневался, что хитрости Мортону не занимать. Он уже дал ему свою оценку: человек быстрый, в меру порядочный, очень интеллигентный и предприимчивый. Мортон вышел на несколько шагов вперед. Высокий, плечистый, он казался в своем скафандре очень крупным. Он стоял, рассматривая похожего на огромного кота зверя, бежавшего к ним через каменистую равнину.

Тем временем до ушей Гросвенора долетели комментарии:

– Не хотелось бы встретить этого котика в полночь в темном переулке . . .

– Ерунда. Это наверняка разумное существо. Скорее всего, из господствующей расы.

– Его физическое строение, – послышался голос психолога Зиделя, – а также приспособление к окружающей среде говорит о том, что это скорее всего животное. Однако, с другой стороны, тот факт, что он идет к нам, свидетельствует, что это разумное существо, которое осознает нашу разумность. Обратите внимание на его движения. Он идет осторожно, так как понимает, что у нас есть оружие. Мне бы хотелось взглянуть на него поближе. Может, это

потомок жителей этого города. – Он замолк на мгновение, потом добавил: – Хорошо бы найти способ вступить с ним в контакт. Однако пока что я склонен полагать, что это существо дегенерировало до животного уровня.

Керр остановился в некотором отдалении от людей. Он чувствовал, что в любой момент голод может взять верх над рассудком. В мозгу царил страшный хаос, только огромным усилием воли ему удалось сдержаться. Ему стало жарко, как будто его окунули в расплавленный металл. Туманная пелена застилала глаза. Люди подошли ближе. Керр видел, что они разглядывают его с нескрываемым любопытством. За прозрачными стеклами шлемов шевелились губы. Керр понял, что они общаются друг с другом. Но, хотя он прекрасно слышал волну, на которой они говорили, смысл их слов до него не доходил. Как можно дружелюбнее Керр произнес свое имя и одновременно показал на себя лапой.

Гросвенор услышал чей-то голос:

– Мне послышалось что-то странное по радио, когда он шевельнул усами, мистер директор. Может быть . . .

– Может быть, – ответил на неоконченный вопрос Мортон. – У вас есть работа, мистер Гурлей. Если это существо разговаривает с помощью радиоволн, то, возможно, удастся создать какой-то язык сигналов для общения с ним.

Значит, это был голос Гурлея, главного связиста. Записывая разговор, Гросвенор подумал, что, может быть, появление этого зверя даст ему возможность записать голоса всех членов экспедиции.

– Да, – сказал Зидель, психолог, – если его нервная система достаточно развита, то после обучения он мог бы управлять любой машиной.

– Думаю, нам надо вернуться на корабль и пообедать, – сказал директор Мортон. – У нас еще очень много дел. Необходимо узнать о развитии этой расы и особенно о причинах ее гибели. На Земле в древности одна культура за другой достигала своей вершины, потом распадалась, но всегда на развалинах предыдущей возникала новая. Почему же этого не произошло здесь?.. Каждый должен будет исследовать это в своей области.

– А что с этим котом? – спросил кто-то. – Похоже, он хочет войти на корабль вместе с нами.

Мортон усмехнулся, но ответил серьезно:

– Хотелось бы, чтобы нашелся способ обойтись без применения силы. Как вы думаете, мистер Кент?

Низенький химик отрицательно покачал головой.

– В здешней атмосфере больше хлора, чем кислорода, хотя, собственно, немного и того, и другого. Наш кислород разорвет ему легкие.

Гросвенор не сомневался, что зверь не принимает такой возможности во внимание. Он смотрел, как тот входит вслед за двумя людьми на эскалатор и исчезает в проеме люка. Двое впереди обернулись к Мортону, который махнул им рукой и крикнул:

– Откройте вторую камеру, чтобы он глотнул немного кислорода. Это отобьет у него всю охоту соваться на корабль.

Через несколько секунд снова послышался голос Мортона, на этот раз полный изумления:

– Нет, это невероятно! Он даже не ощущает разницы! Либо у него нет легких, либо . . . Он спокойно может войти! Мистер Смит, это же настоящее сокровище для биолога . . . Что за приспособляемость!

Смит был высоким худым костлявым мужчиной с хмурым лицом. Голос у него для такой внешности был необычно сильным.

– До сих пор мне приходилось встречать, – сказал он, – только две высших формы жизни. Это зависящие от хлора и, как и мы с вами, зависящие от кислорода . . . Два элемента, необходимые для окисления. Есть, правда, некоторые сведения, довольно туманные, о форме жизни, дышащей фтором, но ничего такого я еще не видел. Готов поклясться своей репутацией, что ни один сложный организм никогда не мог бы приспособиться к дыханию обоими этими газами. Мортон, мы не можем допустить, чтобы этот экземпляр сбежал от нас!

Директор Мортон заметил, усмехнувшись:

– Похоже, он и сам хочет остаться с нами.

Мортон уже поднялся по эскалатору наверх и двинулся в шлюзовую камеру вслед за Керром и теми двоими. Гросвенор тоже поспешил туда вместе с остальными. Огромный люк закрылся, и в камеру с шипением начал поступать воздух. Все стояли подальше от зверя. Гросвенор смотрел на него все с большим беспокойством. У него возникло несколько предположений, и он досадовал, что не может поделиться ими с Мортоном, хотя и должен иметь на это право. В соответствии с уставом, действовавшим на борту корабля, руководители отделов имеют прямой доступ к директору. Как начальник отдела нексиализма – хотя отдел этот состоял из одного человека – Гросвенор тоже

имел на это право, радио в его скафандре должно было быть устроено так же, как и у начальников других отделов. К сожалению, он мог только слышать голоса остальных, слышать, о чем говорят эти „великие люди", работая за пределами корабля. В случае, если он хотел с кем-то поговорить либо если ему грозила опасность, он должен был переключаться на связь с кораблем. Однако он не оспаривал справедливости такой системы. На корабле почти тысяча человек, так что трудно представить, что было бы, если б все могли морочить Мортону голову, когда им только захочется.

Открылись двери камеры, ведущие внутрь корабля. Гросвенор вошел вместе с остальными и пошел к рядам лифтов. Мортон и Смит о чем-то заспорили, наконец Мортон сказал:

– Отправим его наверх одного, если он захочет.

Керр не сопротивлялся, пока не услышал, как хлопнула дверь лифта, и не почувствовал, что поднимается в этой запертой клетке. В мозгу у него снова помутилось. С рычанием он завертелся на месте, а потом всем телом бросился на дверь. Металл прогнулся от удара, а он ощутил острую, пронзительную боль. Теперь он был только зверем, попавшим в ловушку. Он ударил по металлу лапой, затем другой и начал отдирать когтями приваренные листы. Лифт со скрежетом подскакивал и раскачивался, а магнитная сила тащила его дальше вверх, несмотря на оторванные куски металла, цеплявшиеся за стены шахты. Лифт остановился только там, где должен был остановиться. Керр оторвал остаток двери и, выскочив в коридор, ждал, пока подойдут люди с оружием наготове.

– Ну и дураки же мы, – сказал Мортон. – Надо было показать ему, как работает лифт. Он подумал, что мы его обманули.

Он помахал Керру. Гросвенор заметил, как гаснет дикий блеск в желтых глазах зверя, когда Мортон несколько раз открыл и закрыл двери ближайшего лифта. Сам Керр закончил эту лекцию. Увидев выход из коридора в большой зал, он двинулся туда, лег на ковер и расслабился. Его злило то, что он проявил страх. Он был уверен, что потерял перевес, который имел бы, если бы делал вид, что он спокойное и безобидное создание. Теперь он испугал и удивил их. Значит, еще сложнее становится его задача – овладеть кораблем. На планете, с которой прилетели эти существа, наверняка есть неограниченное количество пищи.

Немигающим взглядом Керр смотрел, как люди убирают остатки металлических ворот огромного старого здания. Все пообедали, снова надели скафандры, и теперь он видел людей везде, куда бы ни кинул взгляд.

Его интересовала исключительно пища. Каждая клетка его тела требовала еды. От голода его мускулы начали вздрагивать, весь он горел желанием погнаться за людьми, направившимися в глубь города. Один из них пошел в одиночку.

Во время обеда люди угощали его разной едой, не представлявшей для него никакой ценности. Скорее всего, они не представляли себе, что он должен убивать и есть живые организмы.

Шли минуты, а Керр все сдерживал себя. Он лежал и смотрел на людей. Они тащили какую-то машину с корабля к завалу, загромождавшему вход в здание. Острым звериным зрением он замечал каждое их движение. Он уже понял, что пользоваться этой машиной очень просто. Еще до того, как яркий луч рассек твердые камни, он уже знал, что будет именно так. Однако он изобразил удивление, вскочил и зарычал, как бы в тревоге.

С маленького патрульного катера Гросвенор наблюдал за его реакцией.

Следить за Керром он решил по собственной инициативе. Впрочем, делать ему все равно больше нечего. Помощь единственного нексиалиста на борту „Гончего Пса" никому была не нужна.

Тем временем развалившиеся ворота убрали. Директор Мортон и еще кто-то вошли внутрь. Вскоре в радиофоне Гросвенора зазвучали их голоса. Разговор начал не Мортон, а другой:

– Развалины. Видимо, после какой-то войны. Интересно, что это за машины и как их приводили в действие.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду? – спросил Мортон.

– Очень просто, – послышался ответ. – Пока что я не вижу здесь ничего, кроме машин. И почти каждая снабжена трансформатором. Но где же источники питания? Надеюсь, что в здешних библиотеках мы найдем информацию. Что же здесь произошло, если погибла такая цивилизация?

– Говорит Зидель, – послышался в радиофоне третий голос. – Я слышал ваш вопрос, мистер Пеннокс. Существуют, по крайней мере, две причины, по которым может

погибнуть цивилизация: одна из них – отсутствие пищи; вторая – война.

Гросвенор был рад, что Зидель назвал фамилию того, другого. Еще один голос в коллекцию. Пеннокс был главным инженером корабля.

– Послушай, друг мой, психолог, – сказал Пеннокс. – С их знаниями они могли бы решить проблему, где взять пропитание, по крайней мере, для некоторой части населения. А если не могли, то почему не попытались открыть себе дорогу в космос, чтобы отправиться на другие планеты?

– Спросите Гэнли Лестера, – сказал директор Мортон. – Я слышал, как он излагал некую теорию еще до посадки.

Гэнли Лестер, астроном, сразу же ответил:

– Нужно еще проверить все мои данные. Но один факт интересен сам по себе. Этот мертвый мир – единственный, который крутится вокруг этого солнца. Ничего больше нет – ни спутника, ни даже планетоида. Ближайшая звездная система находится на расстоянии девятисот световых лет. Следовательно, это огромная проблема для местной цивилизации: одним махом решить проблему не только межпланетных, но и межзвездных перелетов. Для сравнения вспомним собственный опыт. Сначала мы достигли Луны. Только потом полетели на планеты. Каждый успех приводил к следующему успеху и только через много лет состоялся первый длительный полет к ближайшей звезде. И, наконец, совсем недавно человечество открыло антиускорение, что послужило началом полетов к другим галактикам. Принимая все это во внимание, я утверждаю, что ни одна цивилизация не могла бы достигнуть этого без длинного ряда соответствующих исследований.

Они продолжали разговор, но Гросвенор уже не слушал. Он смотрел туда, где последний раз видел огромного кота. Зверь исчез. Гросвенор выругался про себя, злясь, что на момент отвлекся. Оглядываясь по сторонам, он пролетел на своем маленьком катере над всей территорией. Однако там царило слишком большое оживление, слишком много было развалин, слишком много строений. Он приземлился и по очереди спросил нескольких встретившихся ему техников. Большинство из них припоминало, что „кот тут пробегал". Недовольный Гросвенор снова сел в свой катер и полетел над городом.

Керр перебегал от группы к группе, полный нервной энергии, беспокойный от голода. Вдруг он увидел перед собой маленький вездеход. Когда вездеход подъехал

к нему и остановился, затрещала кинокамера – делались съемки. Чуть подальше, на скалистом холме, заработала бурильная установка. Керр видел все, как в тумане. Всем телом он рвался в погоню за человеком, который пошел один. Внезапно Керр почувствовал, что больше не может выдержать. Густая слюна выступила на его морде. Ему казалось, что в данный момент никто не обращает на него внимания, и он помчался вперед большими плавными прыжками. Он забыл обо всем, кроме своей цели, будто какая-то волшебная щетка очистила его мозг от всех воспоминаний. Он мчался по заброшенным улицам, через провалы, зияющие в разрушенных от старости стенах, и через длинные коридоры в обветшавших домах. Потом он сбавил темп, почуяв добычу. Наконец Керр остановился и выглянул из-за груды камней. Человек стоял около чего-то, что когда-то могло быть окном, и светил в темноту лучом фонарика. Фонарик щелкнул и погас. Атлетически сложенный человек отошел быстрым шагом, внимательно осматриваясь по сторонам. Керру не понравилась эта бдительность. Она означала молниеносную реакцию на опасность и предвещала хлопоты. Когда человек исчез за углом, Керр тихо, но быстро выскользнул из своего укрытия. Как тень он промчался вдоль длинного ряда домов. На углу он молниеносно свернул, пересек открытое пространство и на брюхе вполз в полумрак между угловым домом и огромной кучей обломков. Теперь он видел перед собой улицу, как ущелье с высокими склонами из обломков и камней. Он лежал, притаившись у самого узкого выхода из ущелья.

В решающий момент он слишком поторопился. Едва человек приблизился, засаду выдал град падающих камней. Человек поднял голову и посмотрел вверх. Изменившись в лице, он схватился за оружие. Керр вытянул лапу и одним ударом смял шлем скафандра. Металл треснул, хлынула кровь. Человек согнулся пополам. Еще мгновение ноги, кости и мускулы как-то удерживали его в вертикальном положении. А потом он рухнул на землю. Конвульсивным движением Керр прыгнул на добычу. Он быстро разорвал когтями металл, хрустнули кости. Керр погрузил морду в теплое человеческое тело и начал жадно глотать кровь. Минуты три пребывал он в упоении, когда вдруг что-то темное мелькнуло перед его глазами. Он поднял голову и увидел, что со стороны солнца, склоняющегося к горизонту, летит маленький корабль. Керр на мгновение замер, а потом ловко спрятался среди обломков. Когда он снова выглянул, кораблик медленно удалялся, но делал круг, так что мог вернуться. Доведенный почти до бешенства

прерванным пиршеством, Керр оставил свою добычу и побежал назад к космическому кораблю. Он мчался как зверь, убегающий от опасности, и замедлил темп, лишь когда увидел группу работающих людей. Он осторожно подошел к ним, но они были так заняты, что он мог пройти мимо почти незамеченным.

Гросвенор искал Керра, все больше беспокоясь. Город оказался слишком большим. В огромном количестве руин мест, где можно спрятаться, было больше, чем он думал раньше. Наконец он направился назад к кораблю и с облегчением увидел, что зверь лениво лежит на скале и греется на солнце. Он осторожно остановил катер на небольшой высоте позади Керра. Гросвенор все еще наблюдал за ним с этой позиции, когда через 20 минут услышал по радио сообщение, от которого кровь застыла в жилах: одна из групп, исследовавших город, обнаружила растерзанный труп доктора Джарвея из отдела химии. Гросвенор записал координаты и полетел на место происшествия. Почти сразу же он узнал, что директор Мортон не прибудет на место происшествия, лишь дал команду доставить тело на корабль.

Там уже были друзья Джарвея, внешне спокойные, но в позах чувствовалось напряжение. Гросвенор с ужасом посмотрел на клочья мяса у залитого кровью скафандра, в горле у него что-то сжалось. Он услышал голос Кента:

– Хотелось ему одному ходить, черт побери!

Слова эти были сказаны охрипшим голосом. Гросвенор вспомнил, что Кент и его главный ассистент Джарвей были сердечными друзьями. Кто-то еще, похоже, отозвался на спецволне отдела химии, так как Кент ответил:

– Да, надо сделать вскрытие.

– Значит, многого не удастся услышать, – подумал Гросвенор. Он быстро коснулся комбинезона одного из стоящих рядом химиков и спросил:

– Разрешите, я послушаю с вашей помощью?

– Пожалуйста.

Держась пальцами за плечо химика, он услышал, как кто-то говорит дрожащим голосом:

– Самое худшее в том, что это убийство кажется совершенно бессмысленным.

На общей волне отозвался Смит, биолог. Он выглядел более угрюмо, чем остальные:

– Может быть, этот напавший хотел сожрать Джарвея, но обнаружил, что это мясо для него непригодно. Наш котик тоже ведь не хотел есть ничего, что мы ему давали . . . – Он замолчал, а потом медленно спросил: – А это,

случайно, не он? Большой, сильный, вполне мог бы сделать это своими лапами.

Его перебил директор Мортон, слушавший разговор с корабля:

– Вероятно, не ты один так подумал. В конце концов, он единственное пока живое существо, которое мы здесь увидели. Но, естественно, мы не можем убить его только на основании подозрений.

– Впрочем, – сказал кто-то, – я ни на миг не терял его из виду.

Прежде чем Гросвенор успел что-то сказать, на общей волне послышался голос Зиделя, психолога:

– Мортон, я разговаривал с несколькими людьми, и сначала они говорили, что ни на мгновение не теряли зверя из виду, а потом признавали, что он мог на несколько минут удалиться. Я тоже мог бы сказать, что он все время был поблизости, а когда начинаю задумываться, обнаруживаю, что в некоторые моменты, может даже в течение ряда минут, нигде его не видел.

Гросвенор вздохнул. То, что он хотел сказать, уже сказал Зидель.

Тишину нарушил Кент, с ожесточением заявив:

– А я говорю, что незачем рисковать. Подозрения вполне достаточно, чтобы уничтожить эту бестию прежде, чем она наделает больших неприятностей.

– Мистер Корита, вы здесь поблизости? – спросил Мортон.

– Около тела, директор.

– Вы ходили по окрестностям с Кранесси и Ван Хорном. Как по-вашему, этот зверь может быть потомком расы, господствовавшей на этой планете?

– Директор, во всем этом кроется какая-то тайна, – медленно ответил высокий японец. – Посмотрите все на эту прекрасную линию крыш на фоне неба. Обратите внимание на очертание зданий. Эти существа, хотя и построили огромный город, любили природу. Строения не только красивы. Они сами по себе украшения. Вот эвиваленты дорической колонны, египетской пирамиды и готического собора, как бы вырастающие из этих скал, прекрасные в своей целесообразности. Если этот мертвый, покинутый мир можно считать матерью-землей, то когда-то ее обитатели наверняка ее очень любили. Судя по машинам, они были математики, но прежде всего это были художники. Они не строили геометрически распланированных метрополий. Здесь мы видим настроение какой-то вдохновенной веры в торжество духа. О глубоком, радостном волнении говорит

кривизна улиц и бульваров, неровные ряды домов. Это не была цивилизация, клонящаяся к закату, это была молодая, крепкая, сильная культура, верившая в свое великое будущее. И в этот период наступил ее конец. Я утверждаю, что эта культура распалась внезапно в период наибольшего расцвета. Социологическим последствием такой катастрофы вполне могло бы быть полное падение морали, возврат к полуживотному существованию без каких-либо идеалов. И полное безразличие к смерти. Если этот . . . если наш зверь – потомок такой расы, то это должно быть хитрое, коварное создание, убийца, который хладнокровно перегрызает горло своему же собрату.

– Довольно! – коротко сказал Кент. – Директор, я готов привести приговор в исполнение!

– Я против! – бурно запротестовал Смит. – Господин директор, нельзя убивать этого зверя, даже если он виноват. Это же сокровище для биологии.

Кент и Смит гневно посмотрели друг на друга. Потом Смит сказал:

– Дорогой мистер Кент, я, конечно, понимаю, что вы хотели бы разложить его в своем отделе по пробиркам и исследовать состав его крови и тканей. Однако должен сказать, что вы, к сожалению,слишком торопитесь. Мы в отделе биологии хотели бы иметь живой организм, а не мертвый. Я думаю, что и физики хотели бы видеть его живым. Увы, вы стоите на последнем месте. Придется с этим примириться. Вы его получите через год, не раньше.

– Я смотрю на это не с научной точки зрения, – сдавленно ответил Кент.

– Но теперь Джарвей мертв и ему ничем не поможешь . . .

– Я прежде всего человек, а потом уж химик, – резко ответил Кент.

– Из-за своих эмоций вы хотите уничтожить ценный экземпляр?

– Я хочу уничтожить опасное существо, возможностей которого мы не знаем. Мы не можем рисковать жизнью других людей.

– Хорошо, мистер Смит, – решительно прервал спор Мортон. – Пусть живет. И если теперь, когда мы кое-что о нем знаем, произойдут какие-либо несчастья, то исключительно из-за нашей неосторожности. Конечно, вполне возможно, что мы ошибаемся. Мне, как и Зиделю, тоже кажется, что зверь был все время поблизости. Может быть, мы несправедливо его обвиняем. Да и откуда такая

уверенность, что на планете нет других опасных животных? – Он сменил тему: – Кент, что вы собираетесь делать с телом Джарвея?

Главный химик с горечью ответил:

– Похороны состоятся не сразу. Я исследую труп, докажу, что это он убил, и тогда вне всяких сомнений придется в это поверить.

ГЛАВА 3

Вернувшись на корабль, Эллиот Гросвенор направился в свой отдел. На двери висела табличка: „Исследования в области нексиализма". За этой дверью было пять помещений общей площадью 40 на 80 футов. Однако из-за аппаратуры и инструментов там было довольно тесно. Гросвенор запер дверь. Он был в своем отделе совершенно один. Эллиот сел за стол и начал составлять доклад директору Мортону. Он дал анализ возможного физического строения зверя с этой вымершей планеты; указал, что такое существо нельзя рассматривать только как ценный биологический объект. Такой подход опасен тем, что позволяет людям забыть, что и у зверя есть ему присущие потребности и рефлексы. „Собрано уже достаточно много материала, – диктовал он в микрофон, – чтобы сделать определенные выводы . . .". Эта работа заняла у него несколько часов. Потом он отнес запись в машинописное бюро и заполнил соответствующий бланк, отметив, что ему требуется срочная перепечатка. Как начальника отдела, его быстро обслужили. Он отнес машинопись в приемную Мортона и получил расписку в приеме от секретаря. С сознанием исполненного долга он отправился в столовую на поздний обед.

После обеда он спросил официанта, где зверь. Официант не знал, но предполагал, что он в библиотеке.

Целый час Гросвенор просидел в библиотеке, наблюдая за Керром. Все это время Керр лежал, вытянувшись на ковре, и ни разу не сменил позу. Через час дверь внезапно открылась, и двое людей внесли большую миску. За ними вошел Кент. Глаза химика лихорадочно горели. Он остановился посреди и резко сказал:

– Я хочу, чтобы вы все видели это, господа!

Хотя эти слова относились ко всем находящимся в зале, он обращался, собственно, к группе ведущих ученых, сидевших в специально выделенной части. Гросвенор встал и заглянул в миску. Там был какой-то коричневый препарат.

Смит, биолог, тоже поднялся с кресла.

– Минуточку, мистер Кент. В любом другом случае я не возражал бы против вашего поведения. Но вы выглядите так, как будто вы больны. Похоже, вы переработались. Мортон разрешил вам проводить этот эксперимент?

Кент медленно обернулся. И тогда Гросвенор увидел, что Смит еще недооценил внешнего вида Кента. У главного химика были черные круги под глазами, щеки ввалились. Он ответил:

– Я просил Мортона сюда прийти. Он не захотел. Он считает, что ничего страшного просто не может случиться.

–Что там у вас в миске? – спросил Смит.

Все отложили журналы и книги, с интересом наблюдая за происходящим.

– В миске взвесь живых клеток. Может быть, именно поэтому он отказывается от нашей пищи, ведь она не содержит живых клеток. Так вот, если он почует запах или то, что он ощущает вместо запаха . . .

– Я думаю, он как-то принимает колебания, – сказал Гурлей. – Иногда, когда он шевелит усами, мои приборы регистрируют четкую и очень мощную волну.

Кент с явным нетерпением ждал, пока Гурлей выскажется, после чего сказал:

– Хорошо, пусть он ощущает колебания. Во всяком случае, можно сделать выводы из его реакции, когда он уже начнет как-то реагировать, – и примирительно закончил: – Что вы об этом думаете, мистер Смит?

– В вашем плане есть недостатки, – ответил биолог. – Во-первых, вы предполагаете, что у него не возникнет никаких подозрений. Впрочем, поставьте миску, посмотрим, какая будет реакция.

„Это существо уже показало, что может реагировать весьма бурно, когда возбуждено. Не стоит забывать его поведения в закрытом лифте”, – думал Гросвенор.

Керр не мигая смотрел, как двое людей ставят перед ним миску. Оба быстро отступили назад, и подошел Кент. Керр узнал человека, который утром доставал оружие. Он несколько мгновений разглядывал Кента, потом снова посмотрел на миску. Он чуял живую субстанцию. Ощущение было слабое, настолько слабое, что почти не было заметно, если бы он на нем не сосредоточился. И тут он понял. С рычанием Керр вскочил с ковра, лапой схватил миску и выплеснул ее содержимое в лицо Кенту, который отскочил, громко ругаясь.

Потом Керр отшвырнул миску, встал на задние лапы и передними лапами обхватил человека. Оружия, висевшего у Кента на поясе, он не боялся. Он знал, что это только вибратор. Керр отбросил вырывающегося Кента в глубь зала и только тогда сообразил, что должен был этого человека разоружить. Теперь ему придется выдать себя, показать свои защитные возможности.

Кент, со злостью стирая с лица остатки слизи, другой рукой вытащил оружие. Белый луч из дула ударил в голову Керра. Кончики его ушей задрожали, модулируя защитное поле. Круглые желтые глаза сузились, когда Керр увидел, что и другие достают свои вибраторы.

Гросвенор, стоявший у дверей, резко сказал:

– Хватит! Мы еще пожалеем, если поступим необдуманно!

Кент спрятал вибратор и, повернувшись, удивленно посмотрел на Гросвенора. Керр, сжавшись, грозно глядел на человека, который вынудил его показать, что он может не допускать к себе энергию.

– По какому праву вы приказываете, черт побери?! – нахмурившись, спросил Кент.

Гросвенор не ответил. Его роль в этом происшествии уже закончилась. В критический момент он произнес соответствующие слова достаточно решительным тоном. То, что те, кто его послушал, теперь возмущаются, – неважно. Критический момент миновал. Его вмешательство не имело никакой связи с проблемой вины или невиновности Керра. Независимо от последствий все решения по этому вопросу должны приниматься только вышестоящей властью.

– Мистер Кент, – тихо сказал Зидель. – Я не верю, что вы потеряли голову. Вы с умыслом хотели убить это существо, хотя директор велел оставить его в живых. Я намерен подать на вас жалобу и добиваться, чтобы вы понесли наказание. А последствия вы знаете. Утрата авторитета в отделе и невозможность занимать ни один из двенадцати высших постов.

Послышались движение и ропот в группе единомышленников Кента.

– Ну, не делайте глупостей, мистер Зидель, – сказал один из них.

– Не забывайте, – заметил другой, – что есть свидетели не только против Кента, но и те, кто будет свидетельствовать в его пользу.

Кент угрюмым взглядом обвел собравшихся.

– Корита был прав, говоря, что наша цивилизация уже достигла своей вершины. Она действительно идет к закату,–

с горькой иронией сказал он. – Господи, неужели никто не может понять всего ужаса ситуации? Джарвей мертв всего несколько часов, а чудовище, которое, как нам известно, его убило, лежит тут на свободе и замышляет следующее убийство. И жертвой будет, скорее всего, кто-то из нас. Что же мы за люди? Дураки, циники или вампиры? Или, может быть, наша цивилизация стала настолько уже бездушной, что во имя науки мы можем даже внушить себе сочувствие убийце? – он задумчиво посмотрел на Керра. – Мортон прав. Это не животное. Он дьявол из самой глубокой преисподней этой богом забытой планеты.

– Не делайте из этого мелодрамы, – ответил Зидель. – Чувствуется, что вы психически неуравновешенны. Мы не циники и не вампиры. Мы просто ученые и должны исследовать это существо. Сомневаюсь, что оно могло бы напасть на кого-либо из нас. У него, собственно, нет для этого никакой возможности. – Он огляделся вокруг. – Поскольку Мортон не пришел, позволю себе поставить вопрос на голосование, прямо здесь. Я говорю от имени нас всех.

– Но не от моего, – отозвался Смит, и пояснил удивленному психологу: – В возбуждении и временном замешательстве никто, похоже, не обратил внимания на то, что Кент, стреляя из своего вибратора, попал ему в голову, а ведь зверь даже ничего не почувствовал!

Зидель с удивлением перевел взгляд со Смита на Керра, а потом снова на Смита.

– Ты уверен, что он попал? – спросил психолог. – Как ты говоришь, все произошло мгновенно . . . Раз ничего с ним не случилось, я подумал, что Кент промахнулся.

– Я уверен, что он попал ему в морду, – ответил Смит. – Из вибратора нельзя убить, но оглушить можно. А кот даже не вздрогнул. Не говорю, что это очень важно, но в свете наших сомнений . . .

Зидель, сбитый с толку, молчал. Потом сказал:

– Может быть, его шкура – хорошая изоляция? . .

– Может быть. Но все же я считаю, что мы должны просить Мортона, чтобы он приказал посадить зверя в клетку.

Зидель с сомнением нахмурил брови. Снова послышался голос Кента:

– Теперь, мистер Смит, вы говорите дельные вещи.

– Значит, вам достаточно, мистер Кент, чтобы мы посадили его в клетку?

Кент задумался, потом неохотно ответил:

– Да. Если четырехдюймовая сталь его не удержит, то лучше сразу отдать ему этот корабль.

Гросвенор молча слушал этот разговор. Он уже рассмотрел этот вариант в своем докладе Мортону и считал, что клетка не подойдет, главным образом из-за ненадежности механизмов замков.

Зидель подошел к настенному телефону, что-то негромко сказал и вскоре вернулся:

– Директор говорит, что если нам удастся загнать его в клетку без применения силы, тем лучше для него. В противном случае придется его просто запереть в помещении, где он находится. Что вы об этом думаете?

– Клетка! – отозвалось хором двадцать голосов.

Гросвенор дождался момента и сказал:

– Выпустите его на ночь наружу. Он все равно далеко не уйдет.

Большинство промолчало. Кент посмотрел на Гросвенора и язвительно сказал:

– Трудно решиться, да? Сначала вы утверждаете, что он опасен, а потом спасаете ему жизнь.

– Он сам спас себе жизнь, – заметил Гросвенор.

Кент отвернулся, пожав плечами.

– Мы посадим его в клетку. Туда, где должен сидеть убийца.

Зидель спросил:

– Теперь, когда мы уже приняли решение, каким образом мы это сделаем?

– Неужели так обязательно, чтобы он был в клетке? – спросил Гросвенор. Ответа он не ждал. Он подошел к Керру и коснулся его лапы.

Керр отдернул лапу, но Гросвенор схватил ее, крепко сжал и указал на дверь. Зверь поколебался, но двинулся в указанном направлении.

Гросвенор крикнул:

– Теперь нужно хорошо согласовать все действия. Приготовьтесь!

Минутой позже Керр, идя за Гросвенором, вошел в следующие двери. Он оказался в квадратной комнатке с металлическими стенами и с другими дверями напротив входных. Он увидел, что человек входит через них. Когда он тоже хотел войти, дверь захлопнулась у него перед носом. Одновременно послышался металлический щелчок сзади. Керр обернулся – первая дверь тоже была заперта. Он ощутил ток в электрическом замке. Керр понял, что это ловушка и оскалил клыки в гримасе ненависти, но больше ничем ее не показал. Он отдавал себе отчет в том, что реагирует иначе, чем когда его заперли в лифте. Многие годы его

интересовала еда и только еда. Теперь у него начали возникать другие мысли из прошлого. Когда-то у него была большая сила, которой он давно не пользовался. Он вспомнил об этом и попробовал как-то связать со своим нынешним положением. Через некоторое время он лег на пол с глазами, горящими презрением.

Примерно через час он услышал, как человек – Смит – возится с механизмом на крыше клетки. Керр в испуге вскочил. В первый момент ему показалось, что он недооценил этих людей и они сейчас его убьют. До этого он рассчитывал, что они дадут ему время осуществить свой план.

Ощутив бьющее откуда-то снизу излучение, он весь напрягся, защищаясь от возможной гибели. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что происходит. Кто-то фотографировал его внутренности. Вскоре человек ушел. Какое-то время слышались далекие голоса. Керр терпеливо ждал, пока на корабле станет тихо. Однако полной тишины не наступало. На корабле все еще слышались шаги двух человек. Они постепенно приближались к его клетке, потом удалялись все дальше и дальше, а потом снова возвращались. Сложность была в том, что охранники не ходили вместе. Он слышал около клетки сначала шаги одного из них и только потом шаги другого.

Он позволил им так пройти несколько раз. Каждый раз он пытался определить, сколько времени это у них занимает. Наконец, он знал. Еще раз подождал, пока они совершат свой обход. И в момент, когда оба миновали клетку, он усилием воли переключил свои органы чувств на частоту электросети. Он ощущал шум тока в кабелях в стенах клетки и в электрическом замке в дверях. Он замер а напряжении, пытаясь настроиться на эти колебания.

Громко щелкнул металл о металл. Легким прикосновением лапы Керр толкнул двери, и они открылись. Он вышел в коридор, к нему возвращалось чувство презрения, превосходства по отношению к этим глупым созданиям, которые имели смелость меряться силой с ним, Керром. И тут же он вдруг вспомнил, что на планете есть еще несколько ему подобных. Мысль была странная и неожиданная, поскольку он всегда ненавидел их и бесжалостно с ними сражался. Однако теперь он видел в них остаток своего вымирающего рода. Если бы их было много, никто – и уж наверняка не эти люди – не мог бы спастись от армады зверей. Думая об этом, Керр чувствовал свое бессилие, необходимость действовать совместно с другими. Ставка очень высока. Его натура хищника указывала ему

цель. Если сейчас не удастся, такого случая больше никогда не будет. Ведь в мире без пищи не может быть надежды на решение таинственной проблемы полета к другим мирам. Даже те, кто построил этот город, не смогли оторваться от своей планеты.

Керр прошел через большой салон, прилегающий к нему коридор и приблизился к двери первой каюты. Дверь была заперта на электрозамок, но он без труда открыл ее. Керр ворвался внутрь и перегрыз горло спавшего на койке человека. Голова безжизненно свесилась набок. Тело дернулось и затихло. Вкус крови буквально опьянил Керра, но он не мог задерживаться и пошел дальше.

Семь кают, семь трупов. Потом он бесшумно вернулся в клетку и закрыл дверь на электрический замок. Он все великолепно рассчитал, с идеальной точностью. Вскоре подошли охранники, заглянули в глазок и двинулись дальше своим маршрутом. Керр совершил вторую вылазку и в течение нескольких минут проник еще в четыре каюты. Потом вошел в большое помещение, где спали 24 человека. До сих пор он убивал быстро, помня, когда надо вернуться в клетку. Но теперь при виде такого количества добычи голод взял верх. В течение многих лет он убивал все живые существа, какие только попадались ему в лапы, и никогда не испытывал необходимости сдерживаться. Он прошел через зал тихой, смертоносной тенью, убивая одного за другим. Последнего Керр оттащил в сторону . . .

Пребывая в наслаждении, он вдруг понял, что на этот раз слишком долго находился за пределами клетки. Он весь сжался, представив себе последствия своей ошибки. Ночь убийств он распланировал, рассчитал время так, чтобы каждый раз быть в клетке, когда мимо должны пройти охранники. Теперь надежда но то, что удастся овладеть кораблем в течение ночи, полностью развалилась. Мобилизовав остатки разума, Керр лихорадочно помчался через зал, не заботясь о производимом шуме. Он выбежал в коридор, где находилась его клетка, почти уверенный, что его встретят с оружием.

Охранники стояли около клетки. Видимо, они только что обнаружили, что дверь открыта. Они одновременно обернулись и остолбенели, увидев страшные клыки и когти, оскаленную пасть и ненависть, горящую в желтых глазах. Один из них схватился за оружие, но слишком поздно. Другой даже не пошевелился, прикованный к месту неизбежностью того, что его ожидало, и издал тонкий, писклявый вопль ужаса. Этот жуткий вопль пронесся по коридорам, отдался в чувствительных настенных радиофонах,

разбудив всех на корабле. Потом послышался глухой удар– Керр одним мощным движением отшвырнул оба трупа в другой конец длинного коридора. Он не хотел, чтобы они лежали около клетки. Это была его единственная надежда.

Потрясенный, сознавая непоправимость своей ошибки, не в силах сосредоточиться, Керр вскочил в клетку. Дверь тихо закрылась за ним. Ток снова прошел через замок. Сжавшись на полу, как бы во сне, Керр слышал быстрый топот множества ног и возбужденные голоса. Он знал, что кто-то смотрит на него через глазок. Кризис наступит, когда они обнаружат трупы . . .

Керр готовился к решающему сражению.

ГЛАВА 4

– Сивер мертв! – услышал Гросвенор голос Мортона. Голос был хриплый и растерянный. – Что мы будем делать без Сивера? И без Брекенриджа! И без Культера, и . . . это ужасно!

В коридоре было тесно. Гросвенор, пришедший из другой части корабля, оказался позади прибывающей толпы. Два раза он пытался протолкнуться вперед, однако его отталкивали, даже не глядя, кто это. Каждому, независимо от его положения, сейчас преградили бы дорогу, так что Гросвенор отказался от бесполезных усилий и ждал дальнейших слов директора.

– Если у кого-то, – сказал Мортон, угрюмо оглядев собравшихся, – есть на этот счет хоть какое-либо предположение, прошу высказываться.

– Космическое помешательство!

Гросвенор усмехнулся. Пустая фраза, и тем не менее, после стольких лет космических полетов, люди ее повторяют. Тот факт, что когда-то во время полетов некоторые космонавты под действием одиночества, страха и напряжения теряли рассудок, еще не делает из этого какой-то особой космической болезни. Конечно, длительная экспедиция может повлечь некоторую опасность для психического здоровья, и именно по этой причине в числе других на борт „Гончего Пса" направили нексиалиста, но помешательство от одиночества в число этих опасностей, пожалуй, не входит.

Мортон колебался. Видимо, и он посчитал это замечание необоснованным. Однако не время придираться к мелочам. Он видел, что люди волнуются и боятся. Они хотят

какого-либо действия, ждут принятия соответствующих мер. Известно, что в такие моменты достаточно пустяка, чтобы руководитель раз и навсегда утратил доверие своих подчиненных. Мортон, так по крайней мере показалось Гросвенору, боялся этого, так как, поколебавшись, очень осторожно сказал:

– Мы об этом уже думали. Конечно, доктор Эггерт и его ассистенты исследуют всех. Сейчас доктор осматривает жертвы.

Чей-то грубый голос послышался почти у самого уха Гросвенора:

– Директор, я здесь. Скажите людям, чтобы дали мне пройти.

Гросвенор обернулся и узнал доктора Эггерта. Все уже расступались. Не раздумывая, нексиалист двинулся вслед за доктором. Как он и предвидел, его пропускали, думая, что они идут вместе. Когда они подошли к Мортону, доктор Эггерт сказал:

– Я слушаю вас, директор, и сразу могу сказать, что космическое помешательство в этом случае отпадает. Шеи убитых почти полностью перегрызены. Жертвы даже не успели крикнуть. Кроме того, одного, похоже, частично съели. – Эггерт замолчал, потом медленно спросил: – Что с нашим котом?

– Он в клетке, доктор, – покачал головой директор, – ходит от стены к стене. Мне бы хотелось, чтобы о нем сказали свое слово специалисты. Можем ли мы его подозревать? Эта клетка сделана в расчете на животных раза в четыре, а то и в пять крупнее него. Трудно поверить, чтобы он мог выйти и все это совершить, – это превосходит все возможности нашего воображения.

– Господин директор, – мрачно произнес Смит, – есть ряд вещей, свидетельствующих против него. Мне очень жаль это говорить, но вы знаете – мне хотелось бы иметь его живым. Я попытался сделать его снимки флюорографической камерой. Ни один не получился. И не забывайте, что говорил Гурлей. Зверь, видимо, может принимать и передавать колебания любой длины волны. То, что он защитился от оружия Кента, для нас . . . после того, что произошло, . . . достаточно доказывает, что он обладает способностью модулировать энергию.

– Ну и привели мы к себе гостя, черт побери! – простонал кто-то. – Если он может как угодно распоряжаться энергией, ему же ничто не помешает перебить нас всех!

– Значит, – заметил Мортон, – раз он до сих пор этого не сделал, он все же не всесилен. – И он спокойно подошел к клетке.

– Не смейте открывать дверь! – задыхаясь, крикнул Кент, хватаясь за оружие.

– Если я поверну переключатель, между стенами пройдет электрический заряд и поразит все, что находится внутри. Такое предохранительное устройство установлено в каждой клетке для наших образцов. – Директор открыл щиток и резко повернул переключатель. Какие-то доли секунды сила тока была огромной. Полыхнуло голубое пламя, и все предохранители почернели. Мортон вывернул один из них и, нахмурив брови, внимательно осмотрел его. – Странно! Эти предохранители не должны были перегореть! – он тряхнул головой. – Ну, теперь мы не можем даже заглянуть в клетку. Электронный глазок тоже сгорел.

– Если он может излучать волны, этого достаточно, чтобы открыть электрозамок, – сказал Смит, – вероятно, он соответствующим образом смог защититься и от вашего тока, господин директор.

– По крайней мере, из этого следует, что наша энергия для него все же представляет опасность, – угрюмо заметил Мортон, – раз он вынужден был уничтожить источник. Самое главное, что он находится за четырехдюймовой стеной из сверхтвердого металла. В худшем случае можно открыть дверь и направить на него излучатель. Но я думаю, сначала попробуем подключить к клетке ток через кабель флюорографической камеры.

Его прервал шум из клетки. Тяжелое тело ударилось о стену. Потом раздался протяжный звук, как будто множество мелких предметов посыпалось на пол. Гросвенор мысленно сравнил это с небольшой лавиной.

– Он знает, что мы хотим сделать, – сказал Смит. – Похоже, что его сейчас тошнит от страха. Как же он был глуп, возвращаясь в клетку!

Напряжение ослабевало. Люди нервно усмехались. Кто-то даже невесело рассмеялся, когда Смит говорил о проигрыше зверя. Гросвенор был заинтригован. Ему не понравились звуки, которые он слышал. Слух – наиболее ненадежное из ощущений. Нельзя определить, что произошло или что происходит в клетке.

– Хотел бы я знать, – сказал Пеннокс, главный инженер, – почему стрелка на шкале подскочила и колебалась у максимума, когда зверь там шумел. Он у меня буквально под носом, а приходится лишь гадать, что он вытворяет.

В клетке было тихо, и все тоже молчали. Внезапно дверь позади Смита открылась. В коридор вышли офицеры: капитан Лейт и двое в военных мундирах.

– Думаю, – сказал капитан, – что я должен взять дело в свои руки. Кажется, среди ученых возник спор, убивать зверя или нет . . . я прав?

– Спор уже закончился, – покачал головой Мортон. – Мы все считаем, что его необходимо уничтожить.

– Именно такой приказ я и хотел отдать. Речь идет о безопасности корабля, а это уже моя область деятельности. – Он повысил голос: – Освободите место! Разойдитесь!

Прошло несколько минут, прежде чем в коридоре стало не так тесно. Гросвенор был рад, что стало свободнее. Если бы зверь вышел из клетки раньше, он легко бы ранил и убил множество людей. Опасность существовала до сих пор, но уже не была столь конкретной.

– Невероятно!!! – крикнул кто-то. – Кажется, корабль пошевелился!

Гросвенор тоже это почувствовал – как будто пробовали двигатели.

– Пеннокс, – резко спросил капитан Лейт, – кто там в машинном отделении?

Главный инженер, побледнев, ответил:

– Мой ассистент и помощники. Не понимаю, как они . . .

Последовал рывок. Корабль наклонился, почти опрокинулся. Страшная сила швырнула Гросвенора на пол. Ошеломленный, растерянный, он все же с трудом пришел в себя. Всюду вокруг лежали люди. Некоторые стонали от боли. Директор Мортон что-то крикнул – что, Гросвенор не расслышал. Капитан Лейт медленно поднялся, ругаясь и пошатываясь. Гросвенор услышал, как он со злостью говорит:

– Кто, черт побери, запустил двигатели?

Страшное ускорение не прекращалось. Было уже пять, может даже шесть „же". Оценив свои возможности, Гросвенор отчаянным усилием попытался встать. Неуверенными руками он, наконец, нашарил телефон на ближайшей стене и набрал намер машинного отделения, не надеясь, собственно, на соединение. Тут же позади себя он услышал чей-то крик. С удивлением обернувшись, он увидел директора Мортона, уставившегося на экран телефона перед ним.

– Зверь! – кричал Мортон. – Он в машинном отделении! А мы летим в космос!

Директор не успел договорить, а изображение уже исчезло. Ускорение продолжало возрастать. Гросвенор, шатаясь, прошел в салон и оттуда в другой коридор. Он помнил, что там есть склад скафандров. На складе он застал капитана Лейта, который его опередил и теперь быстро, почти на ощупь, надевал скафандр. Прежде чем он подошел, командир застегнулся и включил встроенный в скафандр антигравитатор. Капитан Лейт начал поспешно помогать Гросвенору. Минутой позже Гросвенор с облегчением вздохнул, уменьшив силу тяжести в своем скафандре до одного „же". Начали появляться другие люди; через несколько минут скафандры на этом складе кончились. На следующем этаже было еще хранилище скафанров, но этим уже могли заняться другие. Капитан Лейт исчез. Тогда Гросвенор, догадываясь, какие шаги будут предприняты, побежал к клетке зверя. У дверей клетки, видимо, только что открытых, стояло человек 20 ученых. Гросвенор протиснулся вперед и заглянул над головами впередистоящих в клетку. В задней стене зияла дыра. Дыра достаточно большая, чтобы через нее могли пройти пять человек сразу. Края ее были изогнутые и рваные, вела она в другой коридор.

– Я мог бы поклясться, – прошептал Пеннокс, – что это исключено. Даже десятитонный молот одним ударом о сталь толщиной в 4 дюйма мог бы в лучшем случае ее прогнуть. А мы ведь слышали только один удар. Атомному излучателю понадобилось бы не менее минуты, но все окружающее было бы заражено радиоактивностью, по крайней мере, на несколько недель. Мистер Мортон, это какое-то сверхсущество!

Директор не ответил. Смит внимательно рассматривал дыру в стене.

– Если бы только был жив Брекенридж! – сказал биолог, поднимаясь. – Чтобы это выяснить, нужен специалист по металлам. Смотрите! – Он коснулся рваного края дыры. Кусок металла рассыпался в его пальцах и кучкой пыли просыпался на пол. Гросвенор начал проталкиваться к нему.

– Я кое-что знаю о порошковых металлах, – заявил нексиалист.

Несколько людей машинально расступились перед ним, и секунду спустя он уже стоял рядом с биологом. Смит посмотрел на него и нахмурил лоб.

– Кто-то из ассистентов Брекенриджа? – спросил он.

Гросвенор сделал вид, что не слышит. Наклонившись, он провел пальцами по куче обломков на полу и быстро выпрямился.

– Здесь нет никакого чуда, – сказал он. – Как вы знаете, такие клетки делаются из электромагнитных сплавов, и для этого используются порошковые металлы. Зверь использовал свои особые способности, чтобы преодолеть силы, связывающие металл. Этим можно объяснить повреждение энергетического кабеля флюорографической камеры. Он использовал электроэнергию, причем его тело было трансформатором. Таким образом, он сделал дыру в стене, выбежал в коридор и проник в машинное отделение.

Удивительно, что ему позволили договорить. Видимо, его действительно приняли за одного из ассистентов покойного Брекенриджа. Вполне естественное недоразумение на таком огромном корабле, где сотрудники разных отделов еще не успели познакомиться друг с другом.

– Итак, директор, – спокойно сказал Кент, – некое сверхчеловеческое существо овладело нашим кораблем. Во власти этого создания с почти неограниченными возможностями находятся машинное отделение, а также основная часть механических мастерских.

Гросвенор почувствовал, что слова Кента произвели сильное впечатление.

– Мистер Кент ошибается, – взял слово один из офицеров. – Это существо не завладело машинным отделением полностью. Весь отдел управления в наших руках, и это дает нам преимущество. Вы, господа, будучи на этом корабле, собственно, только пассажирами, может быть, не ориентируетесь в нашей системе. Конечно, это существо могло бы окончательно прервать нам все связи, но сейчас мы еще можем отключить машины.

– Господи, – отозвался кто-то, – так почему вы просто не отключили ток, вместо того чтобы заставлять тысячу людей надевать скафандры?

– Капитан Лейт считает, что в данный момент безопаснее быть в скафандрах. Вероятно, зверь никогда раньше не подвергался ускорениям в пределах 5–6 „же". Было бы слишком неразумно лишить себя такого преимущества перед ним и терять другие шансы в результате каких-либо вызванных паникой опрометчивых поступков.

– Какие это шансы?

На этот раз ответил Мортон:

– Очень просто. Мы уже достаточно о нем знаем. И теперь я хотел бы предложить капитану Лейту провести

один опыт. – Он обратился к офицеру: – Вы попросите командира, чтобы он разрешил небольшой эксперимент?

– Думаю, что вы сами должны попросить его об этом, сэр. Поговорите с ним по телефону. Капитан сейчас в отделе управления.

Мортон вернулся через несколько минут.

– Мистер Пеннокс, – сказал он, – капитан Лейт хотел бы, чтобы вы, как главный инженер, руководили этим экспериментом.

Гросвенору показалось, что в голосе Мортона слышится ирония. Видимо, капитан корабля действительно взял дело в свои руки. И вот снова повторяется извечная история: раскол среди руководства. До сих пор офицеры корабля и экипаж, то есть военные, добросовестно исполняли свои обязанности, подчиняясь начальству с мыслью о цели этого большого космического полета. Тем не менее опыт прошлого должен бы был убедить правительство в том, что по неизвестным причинам армия не слишком ценит ученых. В такие моменты, как сейчас, эта скрытая вражда проявляется очень отчетливо. Почему, собственно, руководство своим экспериментальным кораблем не мог бы осуществлять сам Мортон?

– Директор, на подробности нет времени, – сказал Пеннокс. – Приказывайте! Если я с чем-то буду не согласен, поговорим об этом позже.

Красивый жест с его стороны. Впрочем, это же главный инженер, сам ученый до мозга костей, подумал Гросвенор.

– Мистер Пеннокс, – энергично сказал Мортон, не теряя времени, – отправьте по пять техников к каждому из четырех подходов к машинному отделению. Я поведу одну группу. Мистер Кент, вы поведете вторую. Мистер Смит – третью, а мистер Пеннокс, естественно, – четвертую. С помощью излучателей мы расплавим главный вход. Все двери машинного отделения, как я заметил, закрыты. Он там заперся. Мистер Селенский, вы пойдете в отдел управления. Все, за исключением главных двигателей, переключите на главный контакт и после этого одновременно отключите. Но самое главное – ускорение необходимо оставить максимальным. Сейчас не может быть и речи о какой-либо антигравитации. Понятно?

– Так точно! – пилот Селенский отдал честь и ушел.

Мортон крикнул ему вдогонку:

– И сообщайте мне, если какая-то из машин вдруг снова начнет работать!

Гросвенор и еще несколько человек остались, чтобы наблюдать все происходящее с расстояния около двухсот

футов. Когда принесли портативные излучатели и приготовили защитные заслонки, он испытал ощущение пустоты, какое обычно бывает при ожидании несчастья. Он понимал всю мощь и целенаправленность намеченной атаки, даже мог представить себе, что эта атака будет успешной. Но он знал, что это действия наугад, предпринимаемые на основе старой, очень старой системы. Не так следует организовывать людей, использовать их знания. Наиболее же раздражало его то, что он, Гросвенор, может только стоять в бездействии и критиковать.

По общему радио послышался голос Мортона:

– Как я уже говорил, это в большей мере пробная атака. Мы предполагаем, что зверь находится там слишком недолго, чтобы за это время наделать неприятностей. Так что есть шанс победить его сейчас, прежде чем он успеет подготовиться к борьбе с нами. Но независимо от возможности, что мы уничтожим его сразу, у меня есть свой замысел. Двери очень надежные, и нужно, по крайней мере, 15 минут, чтобы прожечь их излучателем. В это время он будет беспомощен. Селенский все выключит. Двигатели, конечно, будут продолжать работать, но я полагаю, что он их не коснется, иначе это грозит атомным взрывом. Через несколько минут вы поймете, что я имел в виду ... надеюсь. – И он крикнул: – Селенский, готов?

– Готов!

– Отключить главный контакт!

Коридор, весь корабль – все погрузилось во тьму. Гросвенор включил лампочку в своем шлеме. Один за другим остальные тоже зажгли свои лампочки, осветившие бледные, полные напряжения лица.

– Излучатели! – резко прозвучал приказ Мортона.

Гросвенор видел через защитную заслонку, как первые капли расплавленного металла падают на пол, а потом текут целой струей. И все больше падало капель, уже, по крайней мере, десять струек медленно стекало с места сосредоточения энергии. Прозрачная заслонка покрылась туманом, все труднее было видеть, что происходит с дверями. И вдруг сквозь мглу пробился блеск страшно разогретого металла. Огонь был просто адский, он сверкал как драгоценные камни, в то время как жар излучателей яростно вгрызался в двери.

Шло время. Наконец, в радиофоне послышался хриплый голос Мортона:

– Мистер Селенский!

– Еще ничего, директор.

– Но ведь он должен что-то делать, – прошептал Мортон. – Не может же просто ждать, как загнанная в угол крыса. Селенский!

– Ничего, директор.

Прошло семь минут, потом десять, двенадцать.

– Директор, – послышался сдавленный голос Селенского. – Он запустил генератор.

Гросвенор глубоко вздохнул и услышал в радиофоне голос Кента:

– Мортон, нам глубже не пробиться. Вы это предвидели?

Мортон через защитную заслонку напряженно смотрел на дверь. Даже издалека было видно, что металл уже не раскален добела, как до этого. Дверь явно становилась все более красной, а потом погасла, потемнела – похоже, начала остывать. Мортон вздохнул.

– Пока достаточно. Охраняйте все коридоры. Излучатели пока не убирайте. Начальников отделов прошу пройти в отсек управления.

„Значит, этот эксперимент, – подумал Гросвенор, – уже закончился".

ГЛАВА 5

Гросвенору пришлось показать удостоверение охраннику при входе в отдел управления. Охранник с сомнением посмотрел на него.

– Вроде в порядке, – наконец, сказал он. – Но до сих пор мне не приходилось пропускать сюда никого моложе сорока. За какие заслуги вам такие привилегии?

– Я допущен в это общество благодаря новой отрасли науки, – ответил Гросвенор с улыбкой.

Охранник еще раз взглянул на удостоверение и, отдавая его Гросвенору, спросил:

– Нексиализм? Что это такое?

– Прикладная наука обо всем, – объяснил Гросвенор и переступил порог.

Оглянувшись, он увидел, что охранник смотрит на него с глупым видом. Это было забавно, но он быстро забыл об этом. Он вошел в отсек управления и с изумлением огляделся вокруг. Пульт управления представлял собой солидную конструкцию. Он состоял из ряда больших полукруглых ярусов. Каждый из них имел двести футов в длину, и с одного яруса на другой вели узкие лесенки. Приборами можно было оперировать с нижнего яруса или же, что

было быстрее, с операторского кресла, укрепленного на управляемом кронштейне. Нижнюю часть огромного зала занимала аудитория примерно на сто удобных мест. Кресла были достаточно большими, чтобы в них помещались люди в скафандрах. Почти все начальники отделов уже собрались. Гросвенор тихо сел с краю. Минутой позже из находившегося рядом с отсеком управления капитанского кабинета пришли Мортон и капитан Лейт. Командир сел. Мортон сразу начал:

– Мы знаем, что из всех машин наибольшую важность для этого чудовища представляет генератор. Ошалев от страха, он, видимо, сумел его запустить, прежде чем мы преодолели двери. Есть какие-либо замечания?

– Я бы хотел все же знать, – спросил Пеннокс, – что он, собственно, такое сделал, что двери оказались неприступными?

Тогда Гросвенор взял слово:

– В металлургии известен процесс, позволяющий закалить металл на какое-то время в очень высокой степени. Но я никогда не слышал, чтобы это можно было сделать без специального оборудования, которого на этом корабле нет.

Кент обернулся и посмотрел на него.

– И что нам толку, – нетерпеливо спросил он, – от того, что мы узнаем, как он это сделал? Если мы не пробьемся через эти двери с помощью наших излучателей, нам конец. Он сможет делать с кораблем все, что ему будет угодно.

Мортон тряхнул головой:

– Мы должны что-то решать и именно для этого здесь собрались. – Он повысил голос. – Мистер Селенский!

Пилот высунулся из операторского кресла. Гросвенор с удивлением смотрел на него. До этого момента он даже не заметил, что он там сидит.

– Слушаю вас, господин директор, – сказал Селенский.

– Запустите все машины!

Селенский ловко подъехал на своем кресле к главному контакту и осторожно опустил большой рубильник. Корабль дернулся, затрясся, послышалось гудение, а потом задрожал пол. Корабль пришел в равновесие, машины начали работать, гудение перешло в неясный шум. Мортон сказал:

– Пусть каждый из специалистов по очереди выскажет свое предположение, как победить зверя. Хотя теоретические возможности могут быть очень интересными, обращаю ваше внимание, что мы должны найти способ, который можно применить на практике.

„Отсюда следует, – подумал Гросвенор, – что из этого совещания исключается Эллиот Гросвенор, нексиалист. Так быть не должно. Мортон ведь хочет собрать и объединить сведения их разных областей знания, а нексиализм – наука, именно это ставящая своей целью. К сожалению, практические указания, которые может дать эксперт-нексиалист, Мортона не интересуют".

Действительно, ему директор не дал слова. Через два часа он сказал:

– Пожалуй, нужно сделать получасовой перерыв, чтобы поесть и отдохнуть. Приближается критический момент. Нам потребуются все наши ресурсы силы и энергии.

Гросвенор пошел в свой отдел. Он не собирался ни есть, ни отдыхать. Ему было 26 лет, и он время от времени мог позволить себе отказаться от еды или даже провести ночь без сна. Ему казалось, что он получил полчаса на решение проблемы, что следует сделать с чудовищем, которое завладело кораблем. Сложность состояла в том, что результаты совещания его не устраивали. Большинство специалистов скорее занималось переливанием из пустого в порожнее. Другие слишком кратко обрисовывали свои замыслы, забывая, что слушатели далеко не всегда могут все понять.

Гросвенор с беспокойством подумал, что он, молодой, 26-летний человек, здесь, вероятно, единственный, кто благодаря соответствующему образованию может обнаружить слабые места принятого плана. Первый раз с начала экспедиции, то есть за шесть месяцев, он ощутил, какие изменения произошли в нем после окончания института нексиализма. Он мог без преувеличения сказать, что все прочие системы обучения уже устарели. Тот факт, что он получил наиболее современное образование, он не считал личной заслугой. Не он ведь создавал эти методы. Но как выпускник института, как молодой специалист, направленный на борт „Гончего Пса" с вполне определенной задачей, он не имел выбора: он просто должен был конкретным образом решать проблемы, после чего, используя все доступные средства, убеждать в своей правоте руководство. Сейчас ему требовалось больше информации. Он начал как можно быстрее собирать ее, последовательно обращаясь в различные отделы по телефону. В основном он разговаривал с рядовыми сотрудниками. Каждый раз он представлялся как начальник отдела, и это приносило желаемый результат. Молодые ученые признавали его авторитет и, как правило, хотя и не всегда, оказывали посильную помощь. Были, однако, и такие, которые говорили:

„Я должен получить разрешение у начальства". Один начальник отдела – Смит – разговаривал с ним сам, дав все необходимые сведения из области биологии. Другой вежливо попросил, чтобы Гросвенор позвонил ему уже после того, как зверь будет уничтожен. В самом конце Гросвенор позвонил в отдел химии и попросил Кента, предполагая и даже надеясь, что его с Кентом не соединят. Он уже собрался сказать своему собеседнику: „Так, может, в таком случае вы ответите на мой вопрос", но, к удивлению, его сразу же соединили с начальником. Кент отозвался явно нетерпеливо, слушал его несколько секунд и, наконец, перебил:

– Информацию от нас вы можете получить обычным офицальным путем. Однако открытия, которые мы сделали на этой планете, в течение ближайших месяцев никому не будут доступны. Мы еще должны проверить наши данные.

Гросвенор не уступал:

– Мистер Кент, я прошу вас, мне нужны сведения, касающиеся количественного химического состава атмосферы на планете. Это может иметь большое значение в связи с планом, принятым на совещании. Все так сложно, что в нескольких словах не объяснить, но я уверяю вас . . .

– Слушай, парень, – язвительно закончил Кент этот разговор, – времена студенческих дискуссий миновали. Ты, похоже, не понимаешь, что мы в смертельной опасности. Если что-то пойдет не так, как надо, тебе и мне, и всем остальным грозит нечто ужасное. Это уже будет не какая-то интеллектуальная гимнастика. А теперь прошу не морочить мне голову в течение ближайших десяти лет.

Раздались короткие гудки. Гросвенор несколько секунд сидел неподвижно, весь горя от возмущения. Потом усмехнулся и, поскольку не получил информации из отдела химии, поговорил еще с парой сотрудников.

Бланк вероятностного графика содержал в числе других места для обозначения количества вулканической пыли в атмосфере планеты, для описания отдельных растительных форм на основе предшествующих им семян, а также графу, касающуюся пищеварительной системы, которую должны иметь животные, чтобы питаться именно этими растениями, и выводы, сделанные методом экстраполяции: какие вероятнее всего были бы группы, строение и виды животных, которые питались бы животными, питающимися такими растениями.

Гросвенор работал быстро, и, поскольку он только ставил пометки в соответствующих местах на бланке, составление графика не заняло у него много времени. Дело было

действительно сложным. Это трудно объяснить людям, не имеющим понятия о нексиализме. Но перед ним вырисовывалась довольно четкая картина. Вот, перед лицом опасности, возможности и решения, которыми нельзя пренебрегать. Так, по крайней мере, ему казалось.

В графе „Общие рекомендации" он написал: „Независимо от избранного решения предлагаю на всякий случай застраховаться . . .".

С четырьмя копиями этого графика он отправился сначала в отдел математики. Вопреки обычному положению, там стояли охранники, видимо, защита от зверя. К Мортону его пускать не хотели, тогда он сказал, что в таком случае хочет поговорить с секретарем. В конце концов пришел какой-то молодой человек, вежливо взглянул на график и заверил, что постарается передать это директору Мортону. Гросвенор угрюмо ответил:

– Таким образом от меня отделывались уже неоднократно. Если директор Мортон не увидит моего графика, я попрошу назначить следственную комиссию. Странные вещи происходят с докладами, которые я передаю в приемную директора, и, если на сей раз это повторится, я готов устроить скандал.

Секретарь был старше Гросвенора лет на пять. Легко поклонившись, он с иронической улыбкой заявил:

– Господин директор очень занят. Многие отделы ждут, чтобы с ним связаться. Некоторые давно имеют большие достижения и пользуются авторитетом, который, естественно, дает им преимущество перед более молодыми отраслями науки . . . – он поколебался, – не говоря уже о молодых ученых. – Он пожал плечами. – Но я спрошу директора, захочет ли он посмотреть этот график.

– Попросите только, чтобы он прочитал рекомендации. На большее уже нет времени.

– Хорошо, я передам, – ответил секретарь.

Затем Гросвенор направился в кабинет капитана Лейта. Командир принял его и выслушал. Он внимательно посмотрел график, но в конце концов покачал головой.

– У военных, – объяснил он офицальным тоном, – несколько другой подход к этому вопросу. Мы охотно допускаем определенный риск с определенной целью. По-вашему, было бы благоразумнее в последний момент дать этому созданию уйти. Так вот, я с этим не согласен. Это ведь разумное существо, предпринявшее враждебные действия против космической военной единицы. Мы должны реагировать без всякого снисхождения. Я верю, что этот

зверь предпримет такую акцию, отдавая себе отчет в том, что его ждет, – капитан усмехнулся, не разжимая губ. – А ждет его смерть.

Гросвенору пришло в голову, что с тем же успехом этим может кончиться и для людей, использующих обычные методы в борьбе с необычной опасностью. Он открыл рот, пытаясь протестовать, объяснить, что вовсе не предлагает освободить зверя. Но прежде чем он успел что-либо сказать, капитан Лейт встал:

– Прошу извинить, но наш разговор закончен, – он обратился к офицеру: – Проводите мистера Гросвенора.

– Я знаю, где здесь выход, – с горечью ответил Гросвенор. В коридоре он посмотрел на часы. До конца перерыва оставалось только пять минут.

В подавленном настроении он направился в отсек управления. Большинство начальников было уже там. Минутой позже вошли директор Мортон с капитаном Лейтом. Началась вторая часть собрания.

Мортон нервно заходил взад-вперед перед слушателями. Его обычно приглаженные волосы были теперь всклокочены. Мясистое лицо несколько побледнело, и это странно подчеркивало его выдающийся подбородок. Внезапно он перестал ходить и своим низким голосом энергично и резко сказал:

– Мы должны быть уверены, что все наши планы полностью скоординированы, поэтому я прошу, чтобы каждый эксперт по очереди напомнил нам, какое участие он примет в этой операции. Пусть первым говорит мистер Пеннокс.

Пеннокс встал. Он был небольшого роста, но выглядел солидно, что, может быть, было вызвано его самоуверенностью. У него также было специальное образование, но такого рода, что он мог бы обойтись без помощи нексиализма значительно легче, чем все другие специалисты. Он хорошо знал технику и знал историю техники. Как было известно Гросвенору, он изучал развитие техники на ста планетах. Вероятно, не было никаких основных положений из области практической инженерии, которых бы он не знал. Он мог бы тысячу часов говорить на эту тему и еще ее не исчерпать. Он заявил:

– Мы включили вспомогательную систему, которая будет ритмически включать и останавливать все машины с частотой сто раз в секунду. Вследствие этого возникнут разнообразного рода вибрации. Есть, правда, возможность, что какая-то из машин, а может даже несколько, разрушится по той самой причине, по которой может развалиться

мост, когда по нему в ногу проходят солдаты . . . вы наверняка слышали эту старую историю . . . но, по-моему, конкретной опасности, пожалуй, нет. Наша главная цель: уничтожить защитную систему зверя и разрушить двери машинного отделения!

– Следующий мистер Гурлей! – сказал Мортон.

Гурлей вяло поднялся. Лицо его было сонным, как будто вся эта процедура ему уже наскучила. Гурлей занимал пост главного инженера связи и продолжал усиленно углублять свои знания в избранной области. Когда он, наконец, начал говорить, то медленно цедил слово за словом. Гросвенор заметил, что само это его спокойствие вызывает успокаивающее действие. На обеспокоенных лицах уже виднелась некоторая разрядка. Все сидели как-то свободнее.

– Мы соответствующим образом подготовили электромагнитные экраны, – говорил Гурлей, – которые действуют по принципу отражения. Как только мы проникнем в машинное отделение, мы используем их так, что бóльшая часть того, что он будет излучать, будет отражаться непосредственно на него. Кроме того, у нас есть большие запасы электроэнергии, и мы можем просто подавать ее на экраны из переносных аккумуляторов. В конце концов, не может же он противостоять потоку энергии до бесконечности.

– Мистер Селенский! – объявил Мортон.

Прежде чем Гросвенор успел перевести взгляд с Мортона на Селенского, главный пилот встал так быстро, будто предвидел, что именно сейчас наступит его очередь. Гросвенор с интересом присматривался к нему. Селенский был худ, у него были вытянутое лицо и живые голубые глаза. Он производил впечатление способного и знающего человека. Специального образования у него не было, но ему помогали его психическая уравновешенность, быстрая и необычная точность. Селенский заявил:

– Насколько я понимаю, план основывается на том, чтобы не давать зверю ни мгновения передышки. Тогда, когда он уже будет думать, что больше не выдержит, я включу антигравитацию. Директор согласен с мнением Гэнли Лестера, что этот зверь ничего не знает о невесомости. Ведь получить ее можно только во время космического полета. Поэтому можно предположить, что зверь, впервые ощутив действие невесомости . . . вы все хорошо помните эти ощущения, . . . не будет знать, что делать. – Селенский сел.

– Следующий – мистер Корита! – сказал Мортон.

– Я могу только добавить, – сказал археолог, – на основе моей теории, что этот зверь обладает всеми чертами преступника ранних времен цивилизации. Смит считает, что мы имеем дело с жителем, а не с потомком жителей вымершего города. Это должно означать, что продолжительность его жизни достаточно велика, отчасти благодаря тому, что он дышит как кислородом, так и хлором, и также, вероятно, мог бы обходиться без того и другого. Но само это не имеет значения. Он уже пал так низко, что его понятия ограничиваются туманными воспоминаниями. Хотя он может управлять энергией, он потерял голову в лифте, едва попав на наш корабль. Возбужденный, когда мистер Кент проводил с ним свой эксперимент, он не сдержался и сам спровоцировал ситуацию, в которой вынужден был проявить свою особую неуязвимость от выстрелов из вибратора. И, наконец, несколько часов назад он совершил большую глупость – эти массовые убийства. Как видите, он проявил себя как примитивное, эгоистичное, хитрое существо с низким уровнем развития. Он похож на древнего германского солдата, считающего себя кем-то лучше престарелого римского ученого, а ведь тот римлянин принадлежал к великой цивилизации, к которой германцы тех времен относились с почтением и беспокойством. Так что перед нами – примитив, и этот примитив внезапно оказался в космосе, полностью оторванный от своей естественной среды. Я говорю: ворвемся туда и победим его!

Мортон встал. На его мясистом лице появилась кривая усмешка.

– В соответствии с намеченным мною планом, – сказал он, – эта поднимающая дух речь мистера Кориты должна быть вступлением к нашей атаке. Однако во время перерыва я получил документ, составленный молодым человеком, который представляет на борту нашего корабля науку, практически мне неизвестную. Сам факт, что он вообще находится на борту „Гончего Пса”, говорит о том, что я ценю мнение нексиалиста. Так вот, мистер Гросвенор, убежденный, что нашел решение мучающей нас проблемы, был не только у меня, но и у капитана Лейта. Капитан и я согласились дать ему несколько минут, чтобы он нам объяснил, как он хотел бы эту проблему решить, ну и чтобы он нам показал, как ориентируется в том, что происходит.

Гросвенор, дрожа, встал и начал:

– В институте нас учили, что все, даже наиболее общие отрасли знания, скрывают в себе сложные связи с другими областями. В этом, естественно, нет ничего нового, но есть

разница между обсуждением какой-то идеи и применением ее на практике. Мы, нексиалисты, разрабатываем методы, касающиеся практического приложения. Теперь попробую объяснить, как бы я решил нашу проблему. Во-первых, предложения, делавшиеся до сих пор, имеют довольно поверхностный характер. Они вполне удовлетворяют нас, пока мы их слушаем. Но это и все, потому что они не исчерпывают дела. Мы собрали уже достаточно данных, чтобы составить для себя в меру ясную картину происхождения этого существа. Примерно 180 лет назад холодоустойчивым растениям на его планете стало недоставать солнечного света на определенных длинах волн, так как в атмосфере внезапно появилось большое количество вулканической пыли. Результат: буквально в течение нескольких дней большинство растений погибло. Вчера один из наших разведывательных катеров летал в радиусе ста миль от вымершего города, и там обнаружено несколько живых существ, напоминающих земного оленя, но значительно более разумных. Эти существа были так осторожны, что поймать их не удалось. Пришлось их убить, и отдел мистера Смита произвел их частичный анализ. Их ткани имели точно такой же состав, как и человеческое тело. Никаких других животных на этой планете пока не обнаружено. Вывод: это мог быть, по крайней мере, один из источников пищи для нашего зверя. В желудках этих животных биологи нашли остатки растений в разных стадиях переваривания. Значит, имеем цикл: растения, травоядные, хищники. Вероятно, когда растения погибли, животные, питавшиеся ими, начали соответственно вымирать. И нашему зверю вдруг стало нечего есть. – Гросвенор быстро провел взглядом по лицам слушателей. За одним исключением, все сосредоточенно слушали. Этим исключением был Кент. Главный химик сидел с явным пренебрежением ко всему, что здесь говорилось. Гросвенор поспешно продолжал: – В нашей Галактике есть много примеров полной зависимости данной формы жизни от единственного вида питания. Но мы не встречали ни одного другого примера существа, наделенного разумом и удовлетворяющегося столь ограниченным меню. Неужели этим существам никогда не приходило в голову заниматься земледелием, чтобы иметь пищу для себя и, естественно, пищу для своей пищи? Признайтесь, это было бы невероятно. Так невероятно, что, если, говоря о нашем звере, мы не примем этого во внимание, все объяснения будут простой болтовней. – Гросвенор снова замолчал, но только чтобы перевести дух. Он ни на кого не смотрел. Как же доказать

им справедливость своего предположения? Каждому отделу потребовалось несколько недель, чтобы проверить данные в своей области. Ничего не поделаешь. Остается только окончательный вывод – то, чего он не осмелился сделать ни в комментарии к своему вероятностному графику, предложенному директору, ни в беседе с капитаном Лейтом. Он быстро закончил: – Факты не подлежат сомнению. Этот зверь – не один из строителей вымершего города и не их потомок. Он и ему подобные – это животные, на которых жители города проводили какие-то исследования. Что с ними стало? Можно только предполагать, но после вымирания естественной добычи стая изголодавшихся зверей могла одержать над ними победу . . . Впрочем, не будем поддаваться эмоциям. К чему нас все это приводит? – Гросвенор снова глубоко вздохнул и продолжал: – Если бы он был одним из создателей города, мы бы уже хорошо знали его возможности и знали бы, чему мы должны противостоять. Поскольку это не так, мы предполагаем, что имеем дело со зверем, не вполне осознающим свои возможности. Припертый к стене, он может открыть в себе способность, до сих пор не проявившуюся, . . . способность, которая позволит ему одним ударом уничтожить всех людей и разрушить сам корабль. Мы должны дать ему возможность уйти. Как только он окажется за пределами корабля, он будет полностью в нашей власти. Я кончил. Спасибо, что вы меня выслушали.

Мортон обвел взглядом аудиторию:

– Ну, что вы об этом думаете?

– Я никогда в жизни не слышал чего-либо подобного, – с иронией сказал Кент. – Предположения. Вероятности. Фантазии. Если это и есть нексиализм, он меня не заинтересует, пока кто-нибудь не представит мне эту науку наилучшим образом.

– Не понимаю, – угрюмо сказал Смит, – как мы можем принять такие объяснения без предварительного подробного исследования строения этого зверя.

Начальник отдела физики фон Гроссен пожал плечами:

– Сомневаюсь, покажет ли даже самое тщательное исследование, что это животное, на котором проводили эксперименты. Анализ мистера Гросвенора явно сомнителен.

– Дальнейшее исследование города могло бы подтвердить доказательства мистера Гросвенора, – осторожно сказал Корита. – Это не столь уж противоречит теории, поскольку разум зверя, развитый экспериментальным путем, мог бы отражать позиции и убеждения тех, кто его обучал.

– В механических мастерских около машинного отделения сейчас находится одна из наших спасательных ракет, – сказал Пеннокс. – Она частично разобрана и занимает единственный ракетный стапель, который там есть. Чтобы дать зверю возможность завладеть ракетой в надлежащем состоянии, потребовалось бы не меньше усилий, чем для генерального наступления, которое мы планируем. Конечно, если это наступление не удастся, можно подумать и о том, чтобы пожертвовать ракетой, хотя я все еще не представляю, как отправить ее с корабля. Там внизу нет ни одной шлюзовой камеры.

– Что вы на это скажете? – обратился Мортон к Гросвенору.

– Есть шлюз в конце коридора, прилегающего к машинному отделению, – ответил Гросвенор. – Мы должны дать ему туда доступ.

Капитан Лейт встал и сказал, подведя черту дискуссии:

– Как я говорил мистеру Гросвенору, когда он был у меня, мы, военные, смотрим на эти проблемы смелее. Мы ожидаем человеческих потерь. Мистер Пеннокс высказал свое мнение. Если это наступление не удастся, мы будем принимать во внимание другие средства. Спасибо, мистер Гросвенор, за ваш анализ. А теперь за работу!

Это был приказ. Все сразу же двинулись к выходу.

ГЛАВА 6

Керр тяжело трудился в ярко освещенной механической мастерской. Вернулись воспоминания о том, чему научили его создатели города, способность приспосабливаться к новым машинам и новым ситуациям. Он уже нашел спасательную ракету, стоявшую на стапеле. Она была частично разобрана. Керр напряженно чинил ее. Вопрос бегства становился все более остро. Ведь еще можно было вернуться на планету к другим ему подобным. Когда он обучит этих диких зверей и поведет за собой, они сумеют за себя постоять. Именно вместе с ними он одержит победу. А ведь ему не хотелось покидать корабль. Он не считался с опасностью. Исследовав источники энергии в мастерской и обдумав все, что произошло, он посчитал, что двуногие существа недостаточно вооружены для борьбы с ним. Поэтому он работал в некотором смятении. Только когда он прервал работу, чтобы взглянуть на ракету, он понял, что произвел огромный ремонт. Оставалось только погрузить приборы

и инструменты, которые он хотел забрать. И тогда – покинуть корабль или сражаться?

Внезапно Керр услышал, что люди приближаются. Это его обеспокоило, потому что одновременно что-то изменилось и в звуке двигателей. Теперь звук был ритмичный, прерывистый, и это вызывало тревогу. Сосредоточившись, Керр уже почти приспособился к этому, когда вдруг еще что-то поразило его. За всеми толстыми дверями машинного отделения уже гудело пламя мощных излучателей. Противостоять этому странному ритму двигателей или бороться с излучателями? Керр сразу же понял, что и то и другое сразу для него слишком много.

Бежать! Напрягая все мускулы своего мощного тела, он начал переносить грузы – приборы, машины, инструменты – и засовывать их где только можно в сорока футах пространства ракеты. Наконец, он остановился. Он знал, что двери машинного отделения не выдержат. По полдюжины излучателей сосредоточили энергию в одной точке на каждой двери, медленно, дюйм за дюймом, неуклонно прожигая их. Керр поколебался, а потом вдруг перестал этому сопротивляться и с напряжением сосредоточился на внешней стене корабля, к которой был направлен острый нос ракеты. Он стоял, как в огне, все у него болело, он чувствовал, что уже почти достиг предела своих возможностей.

Несмотря на все его усилия, стена не поддавалась. С таким металлом он еще не встречался. Керр услышал, как одна из дверей проваливается внутрь. Жар излучателей ворвался в машинное отделение. Керр слышал, как шипит и трещит металл. Все больше приближался этот страшный звук. В течение минуты люди прожгут тонкие двери, отделяющие мастерскую от машинного отделения. Но как раз в этот момент Керр почувствовал изменение в силе сопротивления. Вся стена внезапно потеряла свою твердость. Она выглядела так же, как и раньше, но сомнений не было. Еще несколько секунд он концентрировал энергию, потом решил, что больше не нужно. С победоносным рычанием Керр вскочил в ракету и захлопнул за собой люк. Он потянул лапой за рычаг. Ракета рванулась вперед, прямо на эту толстую внешнюю стену. И стена, едва нос ракеты коснулся ее, рассыпалась в облако пыли. Он ощутил легкий рывок, когда массы этой тяжелой металлической пыли несколько уменьшили скорость маленького кораблика. Но пыль осталась позади, и спасательная ракета Керра вылетела в космос.

Шли секунды. Керр отметил, что удаляется от большого космического корабля под нужным углом. Он все еще

видел в стене корабля огромную дыру с рваными краями и людей в скафандрах – черные силуэты на ярком фоне. Корабль вместе с ними становился все меньше и меньше. А потом люди исчезли, и Керр видел издали только блестящий шар с тысячами ярких точек.

Теперь он быстро удалялся. Керр повернул на 90 градусов по шкале на приборной доске, после чего установил двигатель на максимальное ускорение. Благодаря этому через две минуты после старта он летел назад, туда, откуда столько часов назад стартовал корабль.

Позади Керра шар огромного корабля все уменьшался, пока не слились вместе все его отдельные огоньки. Перед Керром, почти прямо, туманно светился маленький шарик – солнце его планеты. Вскоре вместе с другими он сможет построить межзвездный корабль и лететь на любую планету, туда, где есть жизнь. Он снова посмотрел на экран заднего обзора. Космический корабль виднелся светящейся точкой в безграничной черноте космоса. Он еще раз мигнул и исчез. Керру показалось, что прежде чем исчезнуть, корабль странно дернулся. Но ничего уже не было видно. У него мелькнула беспокойная мысль, что, может быть, люди погасили все огни и теперь тайно летят за ним. Он не будет в безопасности, пока не приземлится.

Он снова посмотрел вперед и внезапно замер от изумления. Туманное солнце, к которому он стремился, вовсе не увеличивалось. Оно явно уменьшалось, пока не стало точкой в черной дали. И исчезло.

Тревога охватила Керра. Несколько минут он напряженно смотрел вперед в космос с безумной надеждой, что этот единственный путеводный знак покажется снова. Но на смолисто-черном фоне блестели только неподвижные, очень далекие звезды.

Но вот! Одна из этих точек увеличивается. Керр с напряжением смотрел, как точка растет, как превращается во все более яркий шарик. И вдруг из этого огромного шара блеснули многочисленные огни, и уже было ясно, что это космический корабль – тот самый, который несколько минут назад остался, невидимый, где-то далеко позади.

В этот момент что-то случилось с Керром. В мозгу у него что-то завертелось так стремительно, что мысли внезапно разлетелись на миллионы обрывков. Глаза буквально выскакивали из глазниц. Как бешеный зверь, Керр начал метаться в своей ракете. Он хватал дорогостоящие приборы и в бессильной ярости швырял их, бил лапами о стены. И в последнем проблеске сознания он понял, что не сможет

противостоять неумолимому огню атомных деструкторов, который люди направляют на него с безопасного расстояния.

Керр оскалил клыки и в последний раз вызывающе зарычал. А потом вдруг без сил лег на пол. Тихо пришла смерть после стольких часов единоборства.

Капитан Лейт не рисковал. Только когда пламя окончательно погасло, он позволил приблизиться к остаткам ракеты. Там нашли только слитки расплавленного металла и то, что до этого было телом Керра.

– Бедный зверь, – сказал Мортон. – Интересно, как он реагировал, когда вместо своего солнца ни с того ни с сего увидел перед собой нас. Он ничего не знал об антигравитации и даже не предполагал, что мы можем мгновенно остановиться в пространстве, хотя ему для этого потребовалось бы более трех часов. Он думал, что летит на свою планету, но на самом деле все больше от нее удалялся. Он наверняка не мог понять, что пролетел мимо нас, когда мы остановились, и потом достаточно только было сопровождать его издали и делать вид, что наш корабль – солнце его планеты, пока мы не приблизились достаточно, чтобы его уничтожить. Он, наверное, почувствовал, что весь космос вывернулся наизнанку.

Гросвенор, слушая эти слова, испытывал противоречивые чувства. История со зверем уже затирается, теряет свою отчетливость. Всех подробностей точно наверняка никто не вспомнит. Опасность, которая им грозила, кажется такой далекой.

– Хватит уж сочувствовать, – услышал он слова Кента. – Перед нами стоит задача перебить всех зверей на этой несчастной планете.

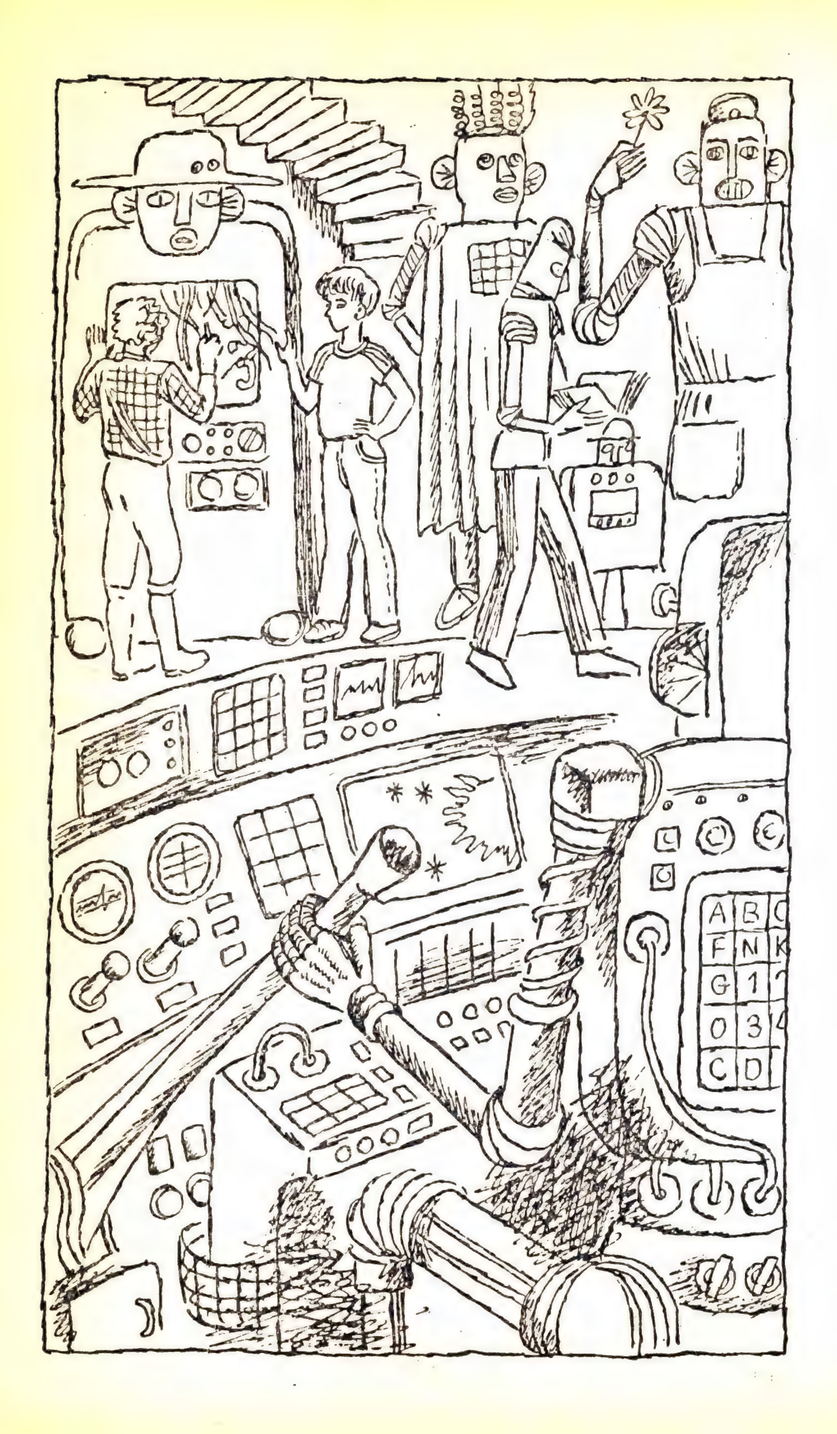
– Это должно быть легко, – тихо сказал Корита. – Они ведь примитивные создания. Надо только совершить посадку, а они сами придут, ожидая, что им удастся нас перехитрить. – Он повернулся к Гросвенору. – Я все еще считаю, что будет именно так, хотя теория нашего юного друга оказалась справедливой. Что вы об этом думаете, мистер Гросвенор?

– Я бы сказал даже больше, – ответил нексиалист. – Как историк, вы наверняка согласитесь, что до сих пор никакие человеческие усилия, направленные на полное истребление какого-либо вида, не увенчались успехом. Не забывайте, что зверь напал на нас потому, что был страшно голоден. На этой планете его вид уже не может прокормиться. Собратья этого зверя ничего о нас не знают, значит, они не опасны. Так почему бы не подождать, пока они сами не вымрут от голода?

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Айзек АЗИМОВ

10 П/р М. С. Нахмансона

A B C
F N K
G 1
0 3 4
C D

КОГДА-НИБУДЬ

Никколо Мазетти лежал на животе на ковре, уткнувшись подбородком в ладонь, и слушал Барда. На душе у него скребли кошки. Темные глаза блестели от слез – слабость, которую одиннадцатилетний мальчик мог позволить себе, только оставшись один.

Над его ухом звучал монотонный голос Барда:

– В давние времена жил да был в дремучем лесу бедный дровосек с двумя дочерьми, прекрасными, как ясный день. Волосы у старшей дочери были черными, как крылья ворона, а у младшей – блестящими и золотистыми, как свет солнца в ясный полдень. Каждый раз, когда девушки ждали отца, весь день трудившегося в лесу, старшая дочь садилась перед зеркалом и пела . . .

Что пела черноволосая красавица, Никколо не услышал, так как в это время за окном раздался крик:

– Эй, Никки!

Лицо Никколо мгновенно просветлело, он бросился к окну и закричал:

– Эй, Пол!

Пол Лауб энергично махал ему рукой. Он был тоньше Никколо и ниже ростом, хотя ему уже стукнуло двенадцать. На его лице можно было заметить тщательно подавляемое возбуждение: бледные щеки мальчика порозовели, он часто моргал глазами.

– Эй, Никки, впусти меня! Есть колоссальная идея! Подожди, сейчас я тебе все расскажу!

Он быстро огляделся вокруг, как будто пытался обнаружить выслеживающих его вражеских лазутчиков; однако двор, озаренный неярким светом сумрачного дня, был совершенно пуст. Пол снова повторил громким шепотом: „Сейчас я тебе все расскажу".

– Хорошо. Я спущусь и открою дверь.

Бард продолжал бубнить, равнодушный к потере слушателя. Когда мальчики вошли в комнату, он торжественно вещал:

– И затем лев сказал: „Если ты добудешь мне яйцо птицы, что прилетает на Гору Черных Деревьев раз в десять лет, я . . . "

Пол сказал:

– Ты слушал сказки? Я не знал, что у тебя есть этот Бард.

Никколо покраснел, и на его лицо снова вернулось горестное выражение.

– Это старая жестянка, которая развлекала меня, когда я был маленьким. Глупая штука. – Он пнул Барда ногой, оставив еще одну вмятину на исцарапанном и потертом пластике, покрывавшем основание компьютера.

Бард пискнул, как будто его вокализер был на мгновение потрясен ударом, затем продолжал, слегка заикаясь:

– . . . Один год и один день, пока железные башмаки не износятся. И тогда принцесса, встав на краю дороги . . .

Пол сказал, критически осмотрев механического сказочника:

– Похоже, парень, что это очень старая модель.

Хотя в эту минуту Никколо готов был разнести Барда на куски, пренебрежительный тон приятеля ему не понравился. Он пожалел, что впустил Пола, не задвинув Барда на его обычное место в подвале. В этот унылый день сказки, казалось, были единственным средством, способным отвлечь его от горьких мыслей после утреннего бесплодного спора с отцом. Но Бард не смог исправить настроения Никколо, его бесхитростные истории годились только для развлечения малышни.

Во всяком случае эту примитивную машину не стоило демонстрировать Полу. Никки немного побаивался своего приятеля, который обучался в школе по особой программе. Все говорили, что когда Пол вырастет, он станет специалистом по компьютерам.

Сам Никколо занимался неплохо. Он имел вполне приличные отметки по логике, двоичному оперированию, элементарным вычислительным процедурам – обычным предметам средней школы. Но что с того! Это была всего лишь типовая общеобразовательная программа, и, когда он вырастет, то, скорее всего, станет живым придатком к какому-нибудь пульту управления – как все люди со средними способностями.

Что касается Пола, то он знал разные таинственные вещи об электронике, высшей математике и программировании, особенно о программировании. Никколо даже не пытался его понять, когда Пол начинал распространяться на эту тему.

Склонив голову, Пол несколько минут слушал Барда. Наконец, он спросил:

– Ты часто им пользуешься?

– Нет! – воскликнул Никколо, почувствовав себя почти оскорбленным таким предположением. – Он болтается у нас в подвале еще с тех пор, как ты сюда переехал. Я только сегодня достал его, чтобы . . . чтобы . . . – он пытался привести какую-нибудь вескую причину, но не смог ничего придумать и повторил снова. – Я достал его только сегодня.

Пол сказал:

– Он может рассказывать только такие истории? Я имею в виду – про дровосеков, принцесс и всяких говорящих животных?

Никколо кивнул головой, потом пробормотал:

– Ржавая жестянка . . . Па говорит, что мы не можем позволить себе новую модель. Я сказал ему утром . . . – при воспоминании об утреннем разговоре с отцом слезы снова навернулись ему на глаза; героическим усилием воли он заставил свой голос звучать спокойно. Каким-то образом он чувствовал, что слезы никогда не орошали худые щеки Пола и что его приятель мог питать только презрение к подобной слабости. – Одним словом, я решил проверить его, – продолжал он, – но эта штука не стала лучше, простояв столько лет в подвале.

Пол выключил Барда, нажав клавишу сброса, что вело к генерированию новой случайной комбинации сюжетных ходов, характеристик персонажей, словарных ресурсов, кульминационных моментов – всех элементов, из которых компьютер лепил свои незамысловатые истории. Затем Пол снова включил машину.

Бард монотонно начал:

– В давние времена жил да был маленький мальчик по имени Вилликинс. Его мать умерла и он жил со своим отчимом и сводным братом. Хотя отчим был очень зажиточным человеком, он пожалел для Вилликинса самую плохую кровать, и бедный мальчик спал на куче соломы в конюшне рядом с лошадьми . . .

– Лошади! – вскричал Пол.

– Я думаю, что это такая порода животных, – сказал Никколо.

– Это я знаю! Я только пытаюсь вообразить, что за историю можно сочинить о лошадях.

– Он постоянно рассказывает о лошадях, – заметил Никколо. – И еще о животных, которые называются „коровы". Их доят, но как это делается, Бард не говорит.

– Ну, ладно. Но почему ты не перенастроил его?

– Как? Я не умею.

Бард невозмутимо продолжал:

– Часто Билликинс думал, что когда он вырастет и достигнет славы и богатства, он накажет своего отчима и сводного брата за жестокое обращение с маленьким мальчиком. И однажды решил он идти куда глаза глядят в поисках счастья.

Пол, не слушая Барда, заявил:

– Это легко сделать. В его памяти записаны разные сюжеты и всякие сведения о животных и людях, действующих в его сказках. Эту информацию не надо трогать. Достаточно только изменить его словарный запас так, чтобы он знал о компьютерах, электронике и других современных вещах. Тогда он сможет рассказывать интересные истории вместо баек о принцессах и лошадях.

– Это было бы здорово, – подавленно прошептал Никколо.

– Послушай, – продолжал Пол, – мой па сказал, что если я поступлю в будущем году в специальную компьютерную школу, он подарит мне *настоящего* Барда, последнюю модель. Эта штука умеет рассказывать истории о приключениях в космосе и еще у нее есть визуальная приставка!

– Ты имеешь в виду, что можно *смотреть* истории?

– Да, конечно. Учитель Догерти говорит, что такие машины уже существуют, но они не каждому по карману. Но если я поступлю в компьютерную школу, па обещал маленько раскошелиться.

Никколо выпучил глаза от зависти.

– Вот здорово! Видеть истории!

– Ты сможешь приходить ко мне и смотреть их в любое время, Никки, – расщедрился Пол.

– О, спасибо!

– Только запомни, что истории будут выбираться по моему вкусу.

– Конечно, конечно, Пол, – Никколо готов был согласиться на гораздо более тяжелые условия.

Внимание Пола вернулось к Барду. Тот говорил:

– Король грозно нахмурил брови и в облаках, затянувших небо, сверкнула молния. „В таком случае, – сказал он, поглаживая бороду, – ты должен очистить все мои земли от мух к послезавтрашнему дню, иначе . . . ”

– Теперь мы должны открыть его, – сказал Пол. Он снова выключил Барда и поднял переднюю панель компьютера.

– Эй, – забеспокоился Никколо, – не сломай его!

– Не волнуйся, – заявил Пол, – я знаю об этих штуках

все, что нужно. – Затем он на всякий случай осведомился: –Твои родители дома?

– Нет.

– Ну, тогда все в порядке. – Он снял переднюю панель и заглянул внутрь. – Смотри, парень, у него только один цилиндр памяти.

Напряженно вглядываясь, он копался во внутренностях Барда. Никколо, следивший за своим приятелем со смесью недоверия и восхищения, не видел, чем он занят. Наконец Пол вытащил тонкий гибкий металлический стержень, усеянный темными точками, и сказал:

– Это цилиндр памяти твоего Барда, на котором записано все, что он знает. Держу пари, что он может сочинить триллион всяких историй.

– Что ты собираешься делать, Пол? – дрожа, спросил Никколо.

– Я заменю его словарь.

– Как?

– Элементарно. У меня есть с собой книга. Ее дал мне учитель Догерти.

Пол вытащил книгу из кармана и освободил ее от пластикового чехла. Отмотав немного магнитной ленты с бобины книги, он заправил ее конец в вокализер Барда, затем поставил рукоятку воспроизведения на самую малую громкость и включил машину. С тихим бормотанием лента поползла в щель вокализера.

– И что теперь будет?

– Книга будет говорить, и Бард запишет все на свой цилиндр памяти.

– Для чего?

– Ну, Никки, ты болван! Это книга о компьютерах и роботах, и Бард получит всю эту информацию. Тогда он перестанет болтать о королях, которые, нахмурив брови, вызывают удар молнии.

– В любом случае, хороший парень должен победить, что бы мы ни делали, – заявил уверенно Никколо.

– Ну, конечно, – отозвался Пол, наблюдая, как работает его устройство. – Так уж сделана эта штука, – он хлопнул по компьютеру. – Его научили, что хорошие парни всегда побеждают, а плохие парни всегда проигрывают, ну и другим подобным вещам. Мой отец говорит, что если бы не было цензуры, молодежь докатилась бы черт знает до чего... Так, все работает прекрасно!

Пол довольно потер руки и отвернулся от Барда.

– Но послушай, я ведь так и не рассказал о своей идее. Бьюсь об заклад, тебе понравится. Я прибежал прямо к тебе, потому что, уверен, ты пойдешь туда вместе со мной.

– Конечно, Пол, конечно.

– Отлично. Ты знаешь учителя Догерти в нашей школе? Знаешь, такой забавный малый? Ну, ему нравятся ребята вроде меня.

– Да, знаю.

– Сегодня после школы я был у него дома.

– У него дома?

– Ну да. Он говорит, что должен вселить в меня немного мужества, раз я собрался поступать на будущий год в компьютерную школу. Он говорит, мир нуждается в людях, способных проектировать компьютеры и разрабатывать для них программы.

– О!

Пол уловил некую пустоту за этим односложным восклицанием и нетерпеливо повторил:

– Программы! Я говорил тебе уже сотню раз. Это способ, которым ты ставишь проблемы перед большим компьютером вроде Мультивака. Мистер Догерти говорит, что все труднее находить людей, которые способны по-настоящему работать на компьютерах. Он говорит, что любой может нажимать кнопки на панели управления, получать ответы от машины и решать простые задачи. Он говорит, что вся штука в том, как задавать правильные вопросы – именно это самое трудное.

В общем, Никки, он привел меня к себе и показал свою коллекцию старых компьютеров. У него такое хобби: коллекционировать старые компьютеры. У него есть маленькие машинки с небольшими кнопками сверху; их надо нажимать пальцами, чтобы машинки работали. И еще толстый деревянный брусок, внутри которого движется деревянная пластинка потоньше; он говорит, что это – логарифмическая линейка. И большие пачки бумаги – он называл их вычислительными таблицами. И деревянная рама с проволоками, по которым скользят шарики . . . Он сказал, что это – самый древний счетный прибор с косточками . . . костяшками.

Последнее замечание заинтересовало Никколо.

– С костями? – сказал он. – Как можно считать с помощью каких-то костей?

– Дурашка, это не те кости, что ты вылавливаешь из рагу. Этот прибор помогает людям считать. Учитель

Догерти попытался объяснить мне, как это делали, но это так запутанно . . .

– Почему же люди не использовали компьютер?

– Это было раньше, чем придумали компьютеры, – сказал Пол.

– Раньше?

– Конечно. Ты думаешь у людей всегда были компьютеры? А о пещерном человеке ты слышал?

– Как же они обходились без компьютеров? – поразился Никколо.

– Не знаю. Мистер Догерти говорит, что в старину люди делали все, что приходило им в голову: и хорошее, и плохое. Они даже не знали, полезно ли то, что они творят, или нет. И фермеры выращивали все своими собственными руками, и люди делалим всю работу на фабриках и сами управляли всеми машинами.

– Я не могу этому поверить!

– Так сказал мистер Догерти. Он сказал, что они жили в полном беспорядке и были такими несчастными, жалкими . . . Но давай же вернемся к моей идее. Ты будешь, наконец, слушать?

– Двигай вперед. Тебе же никто не мешает, – обиженно заявил Никколо.

– Ну, ладно. В общем, на этих маленьких ручных компьютерах, на каждой их кнопке нарисованы крошечные закорючки. И такие же закорючки есть на деревянном бруске, а вычислительные таблицы все сплошь покрыты закорючками. Я спросил у мистера Догерти, что это такое. Он сказал, что это цифры.

– Что?

– Каждая закорючка обозначает отдельную цифру. Есть закорючка для цифры „один", другая закорючка для цифры „два" и так далее.

– Зачем?

– Чтобы можно было считать.

– Считать? Но ведь достаточно сказать компьютеру . . .

– Дубина, – закричал Пол с искаженным от раздражения лицом, – можешь ты немного подумать своей головой? Этот деревянный брусок и прочие штуки не умеют говорить!

– Тогда как же . . .

– Все ответы даются с помощью этих закорючек, и ты должен знать, что обозначает каждая закорючка. Мистер

Догерти сказал, что раньше всех учили рисовать такие закорючки, когда они были детьми. И еще учили их расшифровывать. Расшифровка закорючек называлась „чтением", а рисование – „письмом". Он сказал, что было много разных закорючек для всех слов и с их помощью писали целые книги. Он сказал, что эти старинные книги хранятся теперь в музее и я могу взглянуть на них, если захочу. Он сказал, что если я хочу стать настоящим программистом, я должен знать, как считали в старину; вот почему он решил показать мне свою коллекцию.

Никколо нахмурился в раздумье, затем сказал:

– Ты имеешь в виду, что каждый умел рисовать закорючки для всех слов и п о м н и т ь их? Ты это серьезно говоришь или дурачишь меня?

– Честно! Посмотри, вот как рисуют цифру „один" – он быстро чертил пальцем в воздухе. – Вот так рисуют „два", так – „три". Я выучил знаки для всех цифр до девяти.

Никколо непонимающим взглядом следил за пальцем своего приятеля. Наконец он сказал:

– И что же в этом хорошего?

– Мы можем выучить, как рисовать слова. Я спросил учителя Догерти, как изобразить закорючками „Пол Лауб", но он не знал. Он сказал, что в музее есть люди, которые умеют читать. Он сказал, что они могут научить расшифровывать целые книги. Он сказал, что много лет назад были построены специальные компьютеры, которые декодировали все книги и перевели их в магнитные записи, поэтому старый способ больше не применяется. И теперь у нас есть настоящие книги на магнитных лентах; ты знаешь, что ленту надо вставить в вокализер и книга будет говорить сама.

– Конечно.

– Если мы пойдем в музей, мы можем научиться рисовать слова с помощью закорючек. Нам покажут, как это делается, потому что я иду в компьютерную школу.

Ник разочарованно вздохнул.

– И это все, что ты собирался мне рассказать? Подумай, Пол, кто захочет заниматься такой чепухой? Рисовать глупые закорючки!

– Ты не понимаешь? Ты еще не понимаешь? Ну, ты дубина, Никки! Это будет наш секретный способ связи!

– Что?

– Слушай. Совсем неинтересно говорить друг с другом, когда все тебя понимают. С помощью закорючек мы сможем посылать секретные сообщения. Ты можешь изобра-

зить их на бумаге, и никто в целом мире не будет знать, что ты хочешь сообщить, кроме тех, кто тоже знает эти закорючки. Слушай, парень, мы устроим тайный клуб с обрядом посвящения, с особыми правилами . . .

На лице Никколо отразился некоторый интерес.

– Какие секретные сообщения мы будем посылать?

– Любые. Скажем, я хочу, чтобы ты пришел ко мне послушать моего нового Барда и не желаю, чтобы за тобой увязались другие парни. Я рисую на бумаге нужные закорючки и даю тебе, ты смотришь и знаешь, что надо сделать. И никто ничего не понимает, кроме тебя! Ты можешь даже показать им эту бумагу – парни только будут хлопать глазами!

– Ну, это уже кое-что! – согласился Никколо, почти полностью убежденный. – Когда мы начнем учить эти закорючки?

– Завтра ответил Пол. – Я попрошу мистера Догерти объяснить в музее, что с нами все о'кей, и мы сможем пойти туда сразу после школы.

– Конечно! – вскричал Никколо, воодушевившись. – Мы с тобой станем заправилами в клубе!

– Я буду президентом, – прозаически заметил Пол, – а ты моим заместителем.

– Отлично! Это куда интереснее, чем забавляться с Бардом. – Тут он вспомнил о компьютере и сказал с некоторой опаской: – Эй, что там с моей старой жестянкой?

Пол повернулся и посмотрел на машину. Магнитная лента по-прежнему ползла в приемную щель вокализера, из которого доносился быстрый неразборчивый шепот.

– Сейчас я отсоединю книгу, – сказал он.

Пол принялся за работу; Никколо озабоченно наблюдал за приятелем. Спустя несколько минут Пол сунул отключенную книгу в карман, поставил на место переднюю панель и включил компьютер. Бард начал:

– В некоторые времена в одном большом городе жил мальчик по имени Джонни-красавчик. Во всем мире у него был один-единственный друг – маленький компьютер. Каждое утро компьютер говорил мальчику, пойдет ли днем дождь и помогал ему во всех делах. Он никогда не ошибался. Но однажды король этой страны услышал о маленьком компьютере и решил забрать его. Приняв такое решение, король вызвал своего главного визиря и сказал . . .

Быстрым движением руки Никколо выключил Барда, сердито заметив:

– Те же старые бредни, только на компьютерный лад.

– Понимаешь, – сказал Пол, – его напичкали таким количеством всякой дряни, что в ней просто утонула инфомация из книжки о компьютерах, – он хлопнул себя по карману. – Тут ничего не поделаешь. Надо вам покупать новую модель.

– Мы не можем позволить себе ничего, кроме этого старого мерзкого ящика! – Никколо снова сердито пнул Барда ногой. Резко визжа роликами, тот откатился назад.

– Ты сможешь смотреть истории у меня, когда я заполучу эту новую жестянку, – попытался утешить своего приятеля Пол. – Кроме того, не забудь, у нас будет секретный клуб.

Никколо кивнул.

– Я вот что скажу тебе – продолжал Пол. – Давай-ка двинем к нам. У моего отца есть кое-какие книги о старых временах. Мы можем послушать их и, может быть, выудим еще что-нибудь интересное. Сделай запись для своих стариков, что ты останешься у меня до ужина, и пойдем.

– Согласен, – сказал Никколо и мальчишки бросились к дверям.

По дороге Никколо наскочил на Барда, задев коленкой переднюю панель в том месте, где находилась кнопка включения. Раздался слабый щелчок, но мальчик не обратил на него внимания.

Красная лампочка загорелась на корпусе компьютера. Он был включен и, хотя в комнате уже никого не было и никто не мог услышать его, начал новую историю.

Но не обычным монотонным голосом, а низким хрипловатым шепотом. Можно было подумать, что компьютер едва сдерживает слезы обиды. Он рассказывал:

– В некоторые времена жил да был маленький компьютер по имени Бард. Он жил вместе с жестокими людьми, которые постоянно потешались и издевались над ним. Эти жестокие люди говорили Барду, что он ни к чему не пригоден и что он – самая бесполезная вещь в доме. Они били его и на многие месяцы оставляли одного в темном подвале.

Но, несмотря на это, маленький компьютер не терял бодрости. Он старался сделать все самым лучшим образом и выполнял все приказы, которые ему отдавали. Однако люди, с которыми он жил, по-прежнему оставались жестокими и бессердечными.

Однажды маленький компьютер узнал, что в мире существует огромное множество других компьютеров разных видов. Некоторые из них походили на самого Барда, но были и такие, что управляли заводами или фермами, анализировали данные и решали другие задачи. Многие из них были очень мудрыми и очень могущественными — гораздо мудрее и сильнее тех людей, которые так жестоко обращались с маленьким компьютером.

И Бард понял, что компьютеры будут становиться все могущественнее и мудрее и когда-нибудь. . . когда-нибудь. . . когда-нибудь. . .

Какая-то цепь или контакт вышли из строя в его стареющем, изношенном механизме. Одинокий в наступающих сумерках, он ждал в темной комнате, повторяя снова и снова:

— Когда-нибудь. . . когда-нибудь. . . когда-нибудь.

СТОРОННИК СЕГРЕГАЦИИ

Лицо хирурга не выражало никаких эмоций.

– Пациент готов?

– Готов или нет – относительное понятие, – ответил инжемед. – Мы готовы. А он проявляет нетерпение.

– Они всегда так... Ну, что ж, это серьезная операция.

– Серьезная или нет – в любом случае он должен испытывать благодарность. Его выбрали из огромного числа претендентов и, откровенно говоря, я не думаю, что...

– Не надо касаться этого, – сказал хирург. – Решение таких вопросов – не наше дело.

– Допустим. Но должны ли мы соглашаться с этим?

– Безусловно, – решительно произнес хирург. – Мы должны быть согласны. Целиком и полностью. Предстоящая операция достаточно сложна, чтобы мы могли еще заниматься и мировоззрением своего пациента. Этот человек доказал свою ценность в различных ситуациях и Министерство Планирования Смертности признало его кандидатуру подходящей.

– Ну что ж, отлично, – с иронией заметил инжемед.

Хирург заговорил снова:

– Пожалуй, я осмотрю его прямо тут. Кабинет невелик, и он будет чувствовать себя здесь уютно.

– Вряд ли это поможет. Он нервничает, к тому же, кажется, он уже все решил.

– Действительно?

– Да. Он хочет металл, они все так поступают.

Лицо хирурга не изменило выражения. Он пристально разглядывал свои руки.

– Иногда можно уговорить их отказаться от этого.

– Зачем? – равнодушно произнес инжемед. – Если он желает металл, пусть будет металл.

– Вас это не беспокоит?

– С какой стати? – в голосе инжемеда послышались жесткие нотки. – Каждый из возможных вариантов относится к сфере медицинской инженерии, и я, инженер-медик, могу реализовать любой вариант. Что еще должно меня беспокоить?

– Для меня этот вопрос очень важен, – спокойно сказал хирург. – Во всем следует соблюдать необходимую меру соответствия.

– Соответствие! Это не аргумент. Почему пациента должно волновать соответствие?

– Оно волнует меня.

– Вы в меньшинстве. Общее мнение против вас. У вас нет шансов что-либо изменить.

– Но я должен попытаться.

– Тогда вы . . .

Хирург прервал инжемеда быстрым движением руки – не раздраженным, просто быстрым и резким. Он уже получил сообщение, что медсестра с пациентом достигли приемной. Хирург нажал кнопку и двойная дверь мягко скользнула в сторону. Самодвижущееся кресло, в котором сидел пациент, въехало в кабинет, следом быстро шагнула сестра.

– Вы можете идти, сестра, – сказал хирург. – Подождите снаружи, я вызову вас. – Он кивнул инжемеду, который вышел вместе с сестрой; створки двери сомкнулись позади них.

Человек в кресле повернул голову и проводил взглядом уходящих. Сморщенная кожа на тонкой шее напряглась, морщины веером разбежались под прищуренными глазами. Его подбородок был чисто выбрит, ногти на пальцах, сжимавших подлокотники кресла, отлично ухожены. Он принадлежал к весьма высоким кругам и о нем хорошо заботились . . . На лице его застыло выражение привычной раздражительности. Он произнес:

– Ну что, мы начнем сегодня?

Хирург кивнул:

– В полдень, сенатор.

– Как я понял, это займет несколько недель.

– Сама операция требует немного времени, сенатор. Однако имеется несколько дополнительных моментов, о которых необходимо побеспокоиться. Нужно наладить кровеносную систему и отрегулировать гормональные функции вашего организма. Тут есть весьма непростые проблемы.

– Это опасно? . . . – затем, как будто чувствуя, что необходимо установить более дружелюбные отношения с врачом, он процедил сквозь зубы – . . . доктор?

Хирург не обратил внимания на подобные нюансы.

– Все опасно, – невозмутимо сообщил он. – Наша работа заключается в том, чтобы уменьшить опасность. Подобные операции требуют уникального оборудования и объединенных усилий ряда специалистов..., которые пока так немногочисленны...

– Я знаю, – нетерпеливо сказал пациент и не чувствуя себя виноватым из-за этого, – меня признали достойным. Или вы предполагаете, что на Министерство было оказано давление?

– Совсем нет, сенатор. Решения Министерства никогда не подвергаются сомнению. Я только имел в виду сложность предстоящей операции, чтобы подчеркнуть мое желание провести ее наилучшим образом.

– Хорошо, если так. Я желаю того же.

– Тогда я должен попросить вас сделать выбор. Мы можем предложить вам киберсердце двух типов: металлическое или...

– Пластиковое! – раздраженно воскликнул пациент. – Не эту ли альтернативу вы собираетесь мне предложить, доктор? Эту дешевку? Я не желаю. Я сделал свой выбор. Я хочу металл.

– Но...

– Послушайте, мне сказали, что право выбора остается за мной. Разве это не так?

Хирург кивнул:

– Если два возможных решения проблемы эквивалентны с точки зрения медицины, выбор остается за пациентом. На самом деле, право выбора остается за пациентом даже тогда, когда возможные решения не являются эквивалентными, как в вашем случае.

Глаза пациента сузились.

– Вы хотите сказать, что сердце из пластика лучше?

– Это зависит от пациента. По моему мнению, в вашем случае оно будет более подходящим. И мы предпочитаем не использовать этот термин – пластиковое. Это сердце из волоконного высокомолекулярного материала.

– Насколько я знаю, это все равно пластик.

– Сенатор, – продолжал хирург с бесконечным терпением, – это действительно полимерный материал, но он обладает гораздо более сложным строением, чем обычный пластик. Это волоконное вещество со структурой, близкой к протеиновым молекулам, которое имитирует естественные ткани человеческого сердца – того самого, что бьется сейчас в вашей груди.

– Точно, человеческое сердце, что бьется в моей груди износилось, хотя мне нет еще и шестидесяти. Благодарю вас, но еще одно такое же мне не нужно. Я хочу что-нибудь получше.

– И мы хотим вам дать самое лучшее, сенатор. Сердце из волоконного материала будет лучшим в вашем случае. Оно может функционировать столетия. Оно не вызывает реакции отторжения . . .

– Разве то же самое нельзя сказать и о металлическом сердце?

– Да, это так, – подтвердил хирург. – Металлическое сердце выполнено из титанового сплава, который . . .

–Ведь оно не изнашивается? И оно прочнее пластикового? Или волоконного, если вам угодно настаивать на этом определении?

– Да, с точки зрения физики, металл прочнее, но механическая прочность в данном случае – не самое главное. Она не играет никакой роли, если сердце надежно защищено. Если инородное тело достигнет вашего сердца, вы будете убиты, скорее всего, по другой причине, не связанной с его прочностью.

Пациент пожал плечами.

– Если я сломаю ребро, мне заменят его титановым протезом. Заменить кость – так несложно; кто угодно может сделать это в любое время . . . Я смогу носить в своем теле столько металла, сколько я захочу, доктор.

– Это ваше право, если вы сделаете такой выбор. Однако я хотел бы предупредить вас, что хотя киберсердце из металла никогда еще не выходило из строя из-за механических повреждений, известны случаи отказа их электроники.

– И что это означает?

– Любой из типов киберсердца содержит вибратор – неотъемлемую часть своей конструкции. В случае металлического варианта, это – электронный прибор, обеспечивающий ритмичность работы сердца. Он состоит из сложнейшего комплекса миниатюрных устройств, регулирующих частоту биения сердца в зависимости от вашего эмоционального или физического состояния. В такой сложной системе неизбежны сбои, и тогда люди умирают раньше, чем поломку удается исправить.

– Я никогда не слышал о чем-либо подобном.

– Уверяю вас, такое случается.

– Вы хотите сказать, что это происходит часто?

– Нет. Это крайне редкое событие.

– Ну что ж, тогда я, пожалуй, рискну. А пластиковое сердце? Оно тоже содержит вибратор?

– Конечно, сенатор. Но химическая структура волоконного кибсердца очень близка к тканям человеческого организма, поэтому оно подчиняется электрическому и гормональному контролю самого тела. И электронное устройство, которое нужно в этом случае имплантировать в организм, много проще, чем для металлического варианта.

– Но разве пластиковое сердце ни разу не выходило из-под гормонального контроля?

– Пока неизвестно ни одного такого случая.

– Потому, что вы не работали с ним достаточно долго, не так ли?

Хирург нерешительно ответил:

– Да, действительно, сердце из высокомолекулярного полимера применяется не так долго, как металлическое.

– Вот видите. Так в чем же дело, доктор? Вы боитесь, что я превращусь в робота . . . В металлона, как их стали называть с тех пор, как они получили права гражданства?

– Нет ничего плохого в том, что металлон называется металлоном; как вы сами сказали, они признаны равноправными гражданами. Но вы – не металлон. Вы – человеческое существо. И почему бы вам не остаться человеческим существом, насколько это возможно в вашем случае?

– Потому что я хочу выбрать лучший вариант, а это означает – получить металлическое сердце. Вы что, не понимаете?

Хирург кивнул:

– Хорошо. Вам нужно будет подписать необходимые документы и вы получите металлическое сердце.

– Вы сами проведете операцию? Я слышал, что вы – лучший специалист.

– Я сделаю все возможное, чтобы операция прошла успешно.

Дверь открылась, и кресло унесло пациента к ожидающей его медсестре.

Инжемед вошел в комнату, провожая взглядом пациента, пока створки двери не сомкнулись за хромированной спинкой кресла. Затем он повернулся к хирургу.

– Ну, по вашему виду не узнаешь, что тут произошло. Каково же было его решение?

Хирург наклонился над столом, заканчивая перфорировать последний раздел своих записей.

– Как вы предсказывали. Он хочет металлическое киберсердце.

– Ну, в конце концов, они все-таки лучше.

– Трудно сказать. Они просто дольше были в употреблении – это их единственное преимущество. Но дело не в том. С тех пор, как металлоны получили права гражданства, человечество охватила мания. Люди стремятся приблизить себя к металлонам, они хотят получить физическую силу и выносливость, которые ассоциируются с разумной металлической расой.

– Должен отметить, что это не односторонний процесс, док. Вы не работаете с металлонами, как я, и не все знаете. Так вот, последние двое, что явились ко мне для ремонта, просили поставить им волоконные органы.

– И они получили их?

– В одном случае требовалось только заменить сухожилие; тут нет большой разницы, что ставить – металл или пластик. Другой хотел заменить кровеносную систему. Я объяснил ему, что не могу этого сделать без полной перестройки его организма на основе волоконных материалов... Я полагаю, что когда-нибудь так и случится. И тогда металлоны не будут металлическими, как сейчас, но созданиями из плоти и крови.

– Вы допускаете такую мысль?

– Почему же нет? Как, впрочем, и металлизацию человеческих существ. На земле теперь обитают две разумные расы, и хлопот с ними стало вдвое больше. Так пусть же они приближаются друг к другу, пока мы не перестанем замечать различий. Да и к чему подчеркивать их? Мы должны сремиться взять лучшее от каждой расы: совместить преимущества человека с преимуществами робота.

– Вы получите гибрид, – сказал хирург и в его голосе чувствовалось что-то похожее на раздражение. – Вы получите нечто, что не будет ни тем, ни другим. Разве не логичнее считать, что личность должна гордиться своей индивидуальностью, своей целостной структурой и не заменять ее чем-то чужеродным? Что она не должна превращаться в помесь?

– Но это же сегрегация!

– Пусть так, – уже спокойно произнес хирург. – Я верю в целостность личности. И я не изменю даже крошечную часть своей структуры ни при каких обстоятельствах. Если какой-то из моих органов потребует замены, я постараюсь произвести ее с максимальным приближением к исходному естеству моего организма. Я – есть я; мне доставляет удовольствие быть самим собой и я не хочу стать кем-то другим.

Он закончил с записями и начал готовиться к операции. Поместив свои сильные пальцы в нагреватель, он дал им наколиться до темно-вишневого цвета, что свидетельствовало о полной стерилизации. Во время пылкой речи, которую он только что произнес, голос его ни разу не изменил своей тональности, а на полированном металлическом лице не было (как, впрочем, всегда) никаких признаков волнения.

ЛЭННИ

Три закона роботехники:
1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам человека, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.
3. Робот должен заботиться о собственной безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму законам.

Перед фирмой „Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн" стояла серьезная проблема. Этой проблемой были люди.

Питер Богерт, Главный Математик, встретил директора научно-исследовательского отдела Альфреда Лэннинга на пути к залу заседаний. Опираясь о перила балкона и свирепо хмуря седые брови, Лэннинг разглядывал расположенное внизу помещение вычислительного центра. Там стояла группа посетителей – мужчин и женщин различного возраста; с любопытством осматриваясь по сторонам, они внимали пояснениям своего гида.

– Компьютер, который вы видите, – рассказывал он, – самый большой в мире среди вычислительных машин подобного назначения. Он содержит пять миллионов триста тысяч криотронных ячеек и способен обрабатывать численные массивы, включающие более ста тысяч переменных. С его помощью специалисты „Ю. С. Роботс" производят сложнейшие вычисления, необходимые при проектировании позитронных мозгов для роботов новых моделей.

– Задания, поступающие в компьютер, предварительно кодируются на пленку с помощью этой клавиатуры, – гид показал рукой на панель с множеством клавиш и кнопок. – Она похожа на очень усложненную клавиатуру пишущей машинки или линотипа и содержит, кроме букв, ряд математических и логических символов. Здесь задание переводится с человеческого языка на логически строгий язык

вычислительных машин. Затем оно вводится в компьютер, которому требуется всего около часа, чтобы выдать нашим специалистам полную позитронную карту мозга новой модели...

Лэннинг недовольно отвернулся и, наконец, заметил математика.

– А, Питер, это вы, – сказал он.

Богерт провел ладонями по голове, приглаживая свои и так уже идеально приглаженные черные волосы, и произнес, кивнув на группу экскурсантов:

– Не похоже, чтобы это вас сильно занимало, Альфред.

Лэннинг иронически хрюкнул. Идея о проведении подобных экскурсий возникла недавно; по мнению некоторых руководителей „Ю. С. Роботс", они должны были способствовать решению двух проблем. Во-первых, как утверждали психологи, ознакомление с процессом производства роботов способно уменьшить тот инстинктивный страх, который питали люди к этим механическим созданиям. Во-вторых, среди посетителей могли оказаться способные молодые люди, способные посвятить свою жизнь роботехнике.

– Вы правы, меня это не занимает, – сказал, наконец, Лэннинг. – Раз в неделю все работы приостанавливаются. Мы теряем много сотен человеко-часов, не получая взамен почти никакой пользы.

– Значит, притока новых специалистов пока не наблюдается?

– Нет, есть кое-что, но только в таких областях, которые не являются жизненно важными. Нам нужны творческие люди, способные к научной работе. Вы сами это знаете. Однако после запрещения использовать роботов на Земле роботехника стала непопулярной профессией.

– Проклятый комплекс Франкенштейна, – сказал Богерт, довольно удачно имитируя одну из любимых сентенций Лэннинга.

Но тот, оставив без внимания эту дружескую шпильку, продолжал:

– Я должен был бы использовать полезные результаты от этих посещений, но я не могу использовать то, во что не верю. Вы полагаете, что теперь каждый человек на Земле знает, что Три закона являются идеальной охранительной системой, что роботы просто *не могут* стать опасными? Посмотрите на этих, – он пренебрежительно ткнул вниз пальцем. – Большинство из них проходит через

сборочный цех с трепетом и ужасом, как через кладбище с ожившими мертвецами. А потом, когда им показывают модель МЕК... Черт побери, Питер, модель МЕК, которая умеет сделать только два шага вперед, произнести „Добро пожаловать, сэр", пожать руку и затем сделать два шага обратно... матери хватают детей на руки и все в панике бросаются прочь... Можно ли ожидать, что мы найдем нечто полезное среди таких идиотов?

Богерт не ответил. Стоя рядом на балконе, они снова посмотрели вниз, на цепочку посетителей, проходивших теперь из вычислительного центра в секцию сборки позитронного мозга. Затем они продолжили свой путь в зал заседаний. Поэтому они не заметили Мортимера В. Джекобсона, шестнадцати лет от роду, который... Впрочем, следует быть справедливым к нему – он не хотел сделать ничего плохого.

В действительности же нельзя сказать, что Мортимер был в чем-то виноват. День недели и время проведения экскурсий были отлично известны работникам „Ю. С. Роботс". Все приборы и установки, расположенные по пути следования посетителей, подлежали обязательному отключению, поскольку было бы неразумным надеяться, что человеческие существа могут противостоять соблазну потрогать ручки, переключатели и кнопки. Кроме того, в задачу гида входило неусыпное наблюдение за теми, кто поддавался искушению.

Но на этот раз сопровождающий проходил в следующее помещение, когда Мортимер случайно оказался на самом конце цепочки. Он проходил мимо пульта, с помощью которого в компьютер поступали задания. Он даже не подозревал, что в этот момент в машину вводились исходные данные для проектирования новой модели, иначе он, будучи хорошим мальчиком, обошел бы пульт на расстоянии трех ярдов. Он не мог также знать, что пульт не был выключен из-за почти преступной небрежности дежурного техника.

Итак, Мортимер коснулся клавиш и пробежал по ним пальцами, как по клавиатуре пианино. Он, конечно, не заметил, что в ответ на этот аккорд из установки, расположенной в другой части огромного помещения, бесшумно появился кусок перфоленты.

Не заметил того и дежурный техник. Он немного растерялся, заметив, что пульт не был выключен, но не додумался провести проверку. Через несколько минут его растерянность прошла и он продолжил ввод данных в компьютер.

Новые роботы модели ЛНЕ предназначались для добычи бора в поясе астероидов. Гидриды бора из года в год поднимались в цене; это уникальное сырье использовалось в протонных микрореакторах – основных энергетических установках космических кораблей. Скудные земные запасы бора продолжали уменьшаться, что сделало разработку месторождений на астероидах с помощью роботов необходимой и достаточно выгодной.

На деле это означало, что роботы модели ЛНЕ оборудовались глазами-датчиками, чувствительными к спектральным линиям бора, и приспособлениями, предназначенными для переработки руды в конечный продукт. Как всегда основная проблема заключалась в создании специализированного позитронного мозга.

Первый робот типа ЛНЕ был уже готов. Это был прототип, который после испытаний помещался для хранения в коллекцию прототипов „Ю. С. Роботс". Высокий, стройный, с блестящим полированным корпусом, он выглядел так же, как любой другой робот широкого применения.

Техник, проводивший его проверку, спросил в соответствии с указаниями „Руководства по роботехнике":

– В каком ты состоянии?

Ожидаемый ответ должен был звучать примерно так: „Я в полном порядке и готов к выполнению своих функций. Я надеюсь, что вы тоже отлично себя чувствуете". Этот первый тест не преследовал какую-либо специфическую цель; он просто показывал, что робот может слышать, понимать простые вопросы и отвечать на них. Затем, согласно „Руководству", задавались более сложные вопросы. По реакции и ответам робота можно было проверить выполнение Трех законов и выяснить особенности их взаимодействия со специальными знаниями роботов каждой конкретной модели.

Итак, техник спросил:

– В каком ты состоянии?

Спустя мгновение он был потрясен тембром голоса прототипа ЛНЕ. Этот голос звучал совершенно иначе, чем

голоса других роботов, а их технику доводилось слышать немало. Каждый слог, который произносил ЛНЕ был подобен удару колокола, звучащего в низкочастотном диапазоне. Это было так удивительно, что только через минуту до техника дошло, что, собственно, говорил робот. Он бубнил:

– Ба, ба, ба, да, да, гу, гу.

Потом он сунул палец правой руки в рот.

Техник замер от удивления и ужаса. Потом он выскочил за дверь, тщательно запер ее и стал звонить доктору Сьюзен Кэлвин.

Доктор Сьюзен Кэлвин была единственным робопсихологом „Ю. С. Роботс". Фактически она являлась единственным специалистом подобного рода среди земного человечества. Кэлвин не стала проводить детальную проверку прототипа ЛНЕ; сначала она затребовала нарисованную компьютером карту-чертеж позитронного мозга робота и программу, управляющую процессом его создания. Потратив некоторое время на изучение этих материалов, она послала за Богертом.

Когда математик вошел в комнату, она повернула к нему свое бледное, холодное лицо, прорезанное вертикальными морщинами и перечеркнутое щелью тонкогубого рта, и сухо спросила:

– Что это, Питер?

Богерт изучал указанный ею фрагмент программы с возрастающим изумлением. Наконец, он поднял глаза и сказал:

– Боже мой, Сьюзен, в этом нет никакого смысла.

– Конечно нет, но как это попало в программу?

Был вызван и допрошен техник, который искренне поклялся, что это не его работа. Попытка разыскать следы преступника с помощью компьютера также не привела к успеху.

– Этот позитронный мозг, – задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин, – невозможно восстановить. Так много высших мыслительных функций нарушено этими бессмысленными инструкциями в программе, что в результате получилось нечто близкое к мозгу ребенка.

Богерт удивленно поднял брови, и Сьюзен Кэлвин немедленно приняла холодный вид, как она делала всегда, когда кто-нибудь выражал сомнение в ее словах. Пристально глядя на математика, она сказала:

– Мы стремимся максимально приблизить мышление робота к человеческому. Уничтожение того, что мы называем „взрослыми функциями" мозга, привело к естественному результату – мы получили ребенка. Почему же это вас так удивляет, Питер?

Прототип ЛНЕ, никак не реагировавший на происходящие вокруг него события, внезапно с грохотом уселся на пол и принялся исследовать свои нижние конечности. Богерт пристально взглянул на него и сказал:

– Жаль, что придется разобрать его. Внешний вид у него очень представительный.

– Разобрать? – сказала робопсихолог, повысив тон.

– Конечно, Сьюзен, какой от него прок? Господи, если есть что-либо совершенно бесполезное, то это робот, который не может выполнять работу, для которой он предназначен. Вы ведь не думаете, что найдется работа, которую это создание сможет выполнять?

– Нет, конечно, нет.

– Ну тогда в чем же дело?

Сьюзен Кэлвин упрямо сказала:

– Я хочу провести его подробное изучение.

Богерт с недоумением взглянул на нее, затем пожал плечами. Если в „Ю. С. Роботс" и была какая-нибудь личность, споры с которой являлись бесполезным занятием, так это, без сомнения, Сьюзен Кэлвин. Роботы являлись для нее всем, что она понимала и любила; и, как всегда казалось Богерту, долгое общение с ними лишило ее всяких признаков человечности. Он давно убедился, что споры с ней так же продуктивны, как с отключенным ядерным реактором. Поэтому Богерт только вздохнул и спросил:

– Вы дадите знать, когда закончите испытания?

– Непременно, – ответила она. – Пойдем, Лэнни.

(„ЛНЕ, – подумал Богерт. – Значит, он становится Лэнни. Это неизбежно".)

Сьюзен Кэлвин протянула руку, но робот только бессмысленно уставился на нее. Робопсихолог мягко дотронулась до руки робота и взяла ее. Лэнни плавно поднялся на ноги, как минимум его пространственная координация работала отлично. Они вместе вышли из комнаты – худощавая женщина и робот, возвышавшийся над ней на добрых два фута. Когда эта странная пара шествовала по коридору, ее провожало много любопытных и удивленных взглядов.

На одной из стен лаборатории Сьюзен Кэлвин появилась большая великолепная карта позитронного мозга. Робопсихолог погрузилась в ее изучение на большую часть месяца. Она тщательно выявляла и анализировала все искажения в сложной схеме позитронных связей. Позади нее сидел на полу Лэнни. Он сдвигал и раздвигал свои ноги, издавая бессмысленные булькающие звуки голосом столь прекрасным, что слушать эту чепуху было наслаждением.

Сьюзен Кэлвин повернулась к роботу.

– Лэнни, Лэнни, Лэнни . . .

Она терпеливо повторяла его имя, пока, наконец, Лэнни не посмотрел на нее, издав вопросительный звук. Робопсихолог допустила на свое лицо бледное подобие улыбки. За довольно короткий промежуток времени ей удалось обратить на себя внимание робота. Она сказала:

– Подними руку, Лэнни. Руку – вверх. Руку – вверх. . .

Одновременно с этими словами она снова и снова поднимала свою руку.

Глаза Лэнни следили за движением руки. Вверх – вниз, вверх – вниз. . . Затем он сделал неуклюжий жест собственной рукой и мелодично прозвенел:

– Уку – вер, уку – вер.

– Очень хорошо, Лэнни, – серьезно сказала Сьюзен Кэлвин. – Попробуй еще раз. Руку – вверх.

Очень осторожно она взяла руку робота в свою, подняла ее и опустила, приговаривая:

– Руку – вверх, руку – вверх.

– Сьюзен? – прервал ее работу знакомый голос. Робопсихолог оглянулась, недовольно сжав губы:

– Что, Альфред?

Директор научного отдела „Ю. С. Роботс" вошел в комнату, бросил быстрый взгляд на висевшую на стене карту и затем оглядел робота.

– Все еще возитесь с ним?

– Я выполняю свою работу, сэр.

– Ну, ладно. Вы знаете, Сьюзен . . . – он вытащил было сигару, но, встретившись с суровым взглядом Кэлвин, со вздохом сожаления спрятал ее обратно. – Вы знаете, Сьюзен, что модель ЛНЕ пошла в серийное производство.

– Да, я слышала. В связи с этим вы что-то хотите от меня?

– Н-нет. Робот запущен в серию и зарекомендовал себя хорошо. Не значит ли это, что пора прекратить бесполезные эксперименты с вашим образцом?

– Короче говоря, Альфред, вы хотите напомнить мне, что я просто расточаю свое довольно хорошо оплачиваемое фирмой время. Успокойтесь, мое время не тратится даром. Я работаю с этим роботом.

– Но работа не имеет смысла!

– Об этом лучше судить мне, Альфред, – ее голос подозрительно спокоен, и Лэннинг решил, что следует переменить тему разговора:

– Скажите мне, что вы хотите выяснить? Например, что вы делаете с ним сейчас?

– Пытаюсь заставить его поднимать руку по команде. Пытаюсь дать ему понятие о связи действия и звуков слов команды.

Как бы в ответ на эту реплику Лэнни сказал „Уку – вер" и поднял руку.

Лэннинг кивнул головой.

– Изумительный голос. Как у него это получается?

– Я еще не знаю, – ответила Сьюзен Кэлвин. – Его микрофон в полном порядке. Он может говорить нормально, я уверена, но почему-то не делает этого. По-видимому, такой голос является следствием каких-то нарушений позитронной структуры мозга; пока я их не нашла.

– Найдите обязательно. Такой необычный тембр голоса может оказаться полезным.

– О, значит есть какой-то прок от моих занятий с Лэнни?

– Ну это же мелочь, – в смущении пожал плечами Лэннинг.

– Жаль, что вы не видите более важного повода для данной работы, – резко сказала Сьюзен Кэлвин, – но это уже – не моя вина. Идите, Альфред, мне надо двигаться дальше...

Лэннинг смог добраться до своей сигары только в кабинете Богерта. Он выпустил клуб дыма и кисло произнес:

– С каждым днем поведение этой женщины становится все более странным.

Богерт понял его превосходно. В „Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшен" была только одна „эта женщина". Богерт спросил:

– Она все еще возится с этой пародией на робота – с этим ее Лэнни?

— Пытается научить его говорить, как мне кажется.

Богерт пожал плечами.

— Такое впечатление, что ее не интересует стоящая перед компанией проблема. Я говорю о том, как нам заполучить квалифицированных специалистов, способных проводить научные исследования. Имей мы других робопсихологов, Сьюзен можно было бы освободить от подобной задачи. Но, пока. . . — он снова пожал плечами, затем поднял глаза на Лэннинга, утопавшего в клубах дыма. — Могу я предположить, Альфред, что завтрашний совет директоров будет посвящен этому вопросу?

Лэннинг кивнул и уставился на свою сигару с таким видом, будто обнаружил в ней отраву.

— Да, нашей проблемой является качество персонала, а не его количество. Мы поднимали заработную плату, пока поток желающих работать у нас не стабилизировался. Но это все люди, заинтересованные, в первую очередь, в деньгах. Вся хитрость заключается в том, как заполучить тех, кого в первую очередь интересует роботехника, хотя бы немного похожих на Сьюзен Кэлвин.

— Нет, к дьяволу! Только не на нее!

— Ну я же не имею в виду ее характер. Но вы должны согласиться, Питер, что она просто помешана на роботах. У нее нет никаких других интересов в жизни.

— Я знаю. И именно это делает ее такой невыносимой.

Лэннинг кивнул. Он не мог сосчитать, сколько раз желал Сьюзен Кэлвин провалиться на месте. Но он также потерял счет миллионам долларов, которые она спасла компании. Она была женщиной совершенно необходимой для фирмы и она будет оставаться таковой до самой смерти либо до того момента, когда им удастся найти других мужчин и женщин с такими же способностями и тоже помешанных на роботехнике.

Он сказал:

— Я думаю, надо прекратить эти экскурсии.

Питер пожал плечами.

— Как вы скажете, но все-таки, что же нам делать со Сьюзен? Она целиком поглощена работой с этим роботом. Вы же знаете, в каком она бывает состоянии, когда находит так называемую интересную проблему.

— Но что мы можем сделать? — сказал Лэннинг. — Если мы настойчиво попытаемся вытащить ее из этой работы, она в соответствии с женской логикой будет поступать наоборот. Так что лучше всего оставить ее в покое.

– Я не рискнул бы применить определение „женская" к любой черте ее характера, – ухмыльнулся черноволосый математик.

– Ну, ладно, – сказал Лэннинг сердито. – В конце концов эти ее занятия вполне безобидны.

Однако он сильно ошибался.

Сигнал тревоги – крайне неприятная вещь для любого крупного предприятия. Такой сигнал звучал дюжину раз за всю историю „Ю. С. Роботс": во время пожаров, аварий сети водоснабжения, беспорядков и мятежей.

Но никогда еще сигнал не был подан по *такой* причине. Никогда на сигнальном табло не вспыхивала надпись: „РОБОТ ВЫШЕЛ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ". Никто даже не мог предположить, что может произойти нечто подобное, и соответствующий сигнал был предусмотрен только по требованию правительства („Проклятый комплекс Франкенштейна", – чертыхался Лэннинг в тех редких случаях, когда давал себе труд вспомнить об этом).

Сейчас, однако, визгливый вой сирены поднимался и спадал с десятисекундными интервалами, и практически любой его слышащий, от председателя совета директоров до помощника привратника, в несколько мгновений распознал смысл этого странного звука. После секундного замешательства отряды вооруженных охранников и медиков устремились со всех сторон в район предполагаемой опасности, а весь прочий персонал „Ю. С. Роботс" замер в тревожном ожидании.

Чарльз Рэндоу, техник вычислительного центра, был доставлен в госпитальное отделение с переломом руки. Других повреждений он не имел. И больше никто не пострадал.

– Но моральный ущерб, – ревел Лэннинг, – не поддается оценке!

Сьюзен Кэлвин взглянула на него с убийственным спокойствием.

– Вы ничего не сделаете с Лэнни. Ничего. Вы поняли?

– А вы понимаете, Сьюзен? Это создание ударило человека! Оно нарушило Первый закон! Вы что, забыли значение Первого закона?

– Вы ничего не сделаете с Лэнни.

– Бог мой, Сьюзен, я должен напомнить вам Первый закон? РОБОТ НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕКУ

ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД. Положение нашей компании полностью зависит от того факта, что Первый закон строго выполняется всеми роботами всех типов. Если общественность услышит, – а она услышит обязательно, – что было нарушение Первого закона, хотя бы только один раз, нас заставят прикрыть наше дело. Единственный шанс выжить, который мы имеем, – объявить, что нарушивший Первый закон робот немедленно уничтожен; объяснить, при каких обстоятельствах произошло нападение; и, наконец, надеяться, что общественность поверит в то, что это никогда больше не повторится.

– Я хочу точно выяснить, что произошло, – холодно сказала Сьюзен Кэлвин. – Меня не было в лаборатории, и я желаю знать, что там делал без моего разрешения этот паренек, Рэндоу.

– Наиболее важный момент из всего случившегося – очевиден, – настаивал Лэннинг. – Ваш робот ударил Рэндоу, бедный дурень нажал кнопку этого проклятого сигнала – и карусель завертелась. Но робот действительно его ударил и сломал ему руку. Следовательно, ясно, что ваш Лэнни настолько расстроен, что не подчиняется Первому закону и он должен быть уничтожен.

– Он не может не подчиняться Первому закону. Я исследовала его мозг и знаю это.

– Тогда как же он ухитрился ударить человека? – отчаяние толкнуло его к сарказму. – Спросите Лэнни. Уверен, вы уже научили его говорить!

Щеки Сьюзен Кэлвин покраснели. Сдержавшись, она сказала:

– Я предпочитаю взять интервью у жертвы. И, пока я отсутствую, пусть моя лаборатория будет опечатана, разумеется, с Лэнни внутри. Я хочу, чтобы никто не приближался к нему. Если с ним что-нибудь сделают, пока меня нет, компании придется распроститься со мной.

– Вы согласитесь на его уничтожение, если выяснится, что он действительно нарушил Первый закон?

– Да, – твердо сказала Кэлвин, – потому что я знаю – он его не нарушал.

Чарльз Рэндоу с забинтованной рукой лежал в постели. Больше всего он пострадал от нервного потрясения в те несколько мгновений, когда думал, что робот собирается убить его. На Земле не было другого человека, который

когда-либо испытал страх по такому же поводу. Рэндоу обладал уникальным опытом.

Сьюзен Кэлвин и Альфред Лэннинг стояли около его кровати вместе с Питером Богертом, который встретил их по пути в госпиталь. Доктора и санитарки были удалены из палаты.

Сьюзен Кэлвин сказала:

– Ну, теперь расскажи, как это случилось?

Рэндоу был в явном смущении. Пробормотав проклятье, он сказал:

– Эта штука ударила меня по руке. Он направлялся ко мне . . .

Кэлвин прервала его.

– Давай вернемся к началу истории. Что ты делал в моей лаборатории?

Юноша судорожно сглотнул, было заметно, как дернулось „адамово яблоко" на его тонкой шее. Его щеки подозрительно побледнели и на лбу выступил пот. Наконец, он сказал:

– Всем известно о вашем роботе. Ходят слухи о том, что вы пытаетесь научить его разговаривать. Мы побились об заклад: умеет ли он уже говорить или нет. Некоторые парни . . . уфф . . . утверждают, что у вас даже воротный столб заговорит.

– Я полагаю, – сказала холодно Сьюзен Кэлвин, – что это комплимент. Так что же ты должен был сделать?

– Мне предстояло пойти и все выяснить . . . ну, умеет ли он говорить . . . Вы понимаете. Мы стащили ключ от вашей комнаты . . . и я подождал, пока вы не ушли . . . и зашел туда. Мы бросили жребий, кому идти . . . и выпало мне.

– Дальше.

– Я попытался заставить его говорить, и он меня стукнул.

– Что значит „попытался заставить его говорить"? Как ты это делал?

– Я . . . я задавал ему вопросы, но он ничего не отвечал . . . и я подумал, что надо его встряхнуть как следует . . . и . . .

– И?

Последовала долгая пауза. Под пристальным взглядом Сьюзен Кэлвин Рэндоу, наконец, выдавил:

– Я попробовал напугать его, чтобы он сказал что-нибудь или крикнул . . . Я только хотел устроить ему небольшую встряску . . .

– Каким же образом ты пытался его испугать?

– Я притворился, что ударю его кулаком.

– И он отбросил твою руку от себя?

– Он ударил по моей руке.

– Достаточно. У меня больше нет вопросов.–И повернувшись к Лэннингу и Богерту, она сказала: – Пойдемте, джентльмены.

В дверях она обернулась к Рэндоу:

Я готова разрешить ваше пари, если это еще тебя интересует. Лэнни может вполне сносно произносить несколько слов.

Они не разговаривали, пока не оказались в кабинете робопсихолога. Его стены покрывали полки с книгами, некоторые из них были написаны самой Кэлвин. Обстановка здесь не располагала к задушевной беседе. В комнате находился только один стул, и Сьюзен Кэлвин уселась на него. Лэннинг и Богерт остались стоять.

Она сказала:

– Лэнни только защищался. Это – Третий закон: РОБОТ ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ О СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

– В ТОЙ МЕРЕ, – быстро сказал Лэннинг, – В КОТОРОЙ ЭТО НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ЗАКОНАМ. Дадим полную формулировку! Лэнни не имел права защищаться таким способом, который мог нанести хотя бы малейший вред человеку.

– Он не делал этого, – парировала Сьюзен Кэлвин, – не делал сознательно. У Лэнни неполноценный мозг. Он не имеет представления о собственной силе и о слабости человека. Отбрасывая грозящую ему руку, он не мог знать, что кость сломается. Если перейти на привычный для нас язык, нельзя винить того, кто не может различать добро и зло.

Богерт мягко перебил ее:

– Поймите, Сьюзен, мы никого не виним. Мы понимаем, что, говоря человеческим языком, Лэнни просто ребенок, и, повторяю, не обвиняем его. Но в глазах общественного мнения он останется виновным. Если мы не примем мер, „Ю. С. Роботс" будет закрыта.

– Совсем наоборот! К сожалению, Питер, мозгов у вас меньше, чем у блохи, иначе бы вы поняли, что такой благоприятный случай „Ю. С. Роботс" не должна упускать. Он позволит решить все наши проблемы.

Лэннинг поднял свои седые брови и осторожно спросил:

– Какие проблемы вы имеете в виду, Сьюзен?

– Разве корпорация не заинтересована в том, чтобы ее научный персонал неизменно отвечал – помоги нам, господи! – самым высоким требованиям?

– Конечно.

– Ну и что же вы предлагаете будущим исследователям? Романтику новизны? Трепет прикосновения к неведомому? Радость открытий? Нет! Вы даете им приличный оклад и гарантии, что они не будут иметь никаких проблем.

Богерт раздраженно переспросил:

– Никаких проблем? Что вы имеете в виду?

– Только то, что при отсутствии проблемы невозможен научный прогресс. Посмотрите, каких роботов мы выпускаем? Высокоспециализированных роботов, полностью ориентированных на выполнение определенных задач. Промышленность говорит нам, что ей необходимо – и вот оно, полностью готовое к употреблению. Питер, недавно вы спрашивали меня, зачем я вожусь с Лэнни. Вы сказали, что робот, не способный выполнять свою работу, – самая бесполезная вещь в мире. Теперь же я спрошу вас, какая польза от робота, предназначенного только для одного вида работы? Роботы модели ЛНЕ спроектированы для добычи бора. Они бесполезны при разработках, скажем, бериллия. Если изменится технология очистки бора, они тоже станут бесполезными. Пока что мы производим не роботов, а пародию на них.

– Вы хотите создать универсального робота? – с изумлением спросил Лэннинг.

– А разве это невозможно? – ее щеки порозовели от возмущения. – В мои руки попал робот с дефектным мозгом. Я обучала его, и вы, Альфред, интересовались, какая от этого польза. В данном случае очень небольшая, так как Лэнни в своем развитии не сможет подняться выше уровня пятилетнего ребенка. А в общем? Огромная польза, если рассматривать мою работу как первую попытку решения абстрактной проблемы о б у ч е н и я р о б о т о в. Мне удалось нащупать условия, при которых начинается генерация новых нервных путей в позитронном мозге. Дальнейшие исследования позволят детально разработать соответствующую методику и тогда . . .

– Ну!?

– Предположим, мы имеем позитронный мозг, в котором установлены основные нервные связи – своего рода безусловные рефлексы, включающие, кстати, все Три закона.

На этой основе с помощью специальных методов мы можем приступить к моделированию вторичных нервных связей. Это позволит подготовить робота к определенной деятельности, а затем, если необходимо, изменить его специализацию. Роботы могут стать такими же многогранными существами, как люди.

Роботы могут учиться!

Мужчины уставились на нее.

Она нетерпеливо спросила:

– Вы все еще не понимаете?

– Мне кажется, я понял то, что вы сказали, – неуверенно пробормотал Лэннинг.

– Вы еще не поняли, что это открывает совершенно новую – и огромную! – область для исследований, для развития новой технологии? И что прогресс роботехники в этом направлении, связанный с романтикой поисков и открытий, неизбежно привлечет талантливую молодежь? Попытайтесь – и вы увидите, что получится.

– Я должен заметить, – произнес Богерт, – что ваше предложение довольно опасно. Появление роботов, не обладающих сразу всеми необходимыми знаниями и, следовательно, способных ошибаться, приведет к тому, что никто не сможет доверять Первому закону. Собственно, так и получилось в случае с вашим Лэнни.

– Правильно. Разрекламируйте опасность.

– Разрекламировать ее!

– Конечно. Сообщите по телевидению и радио о создании нового исследовательского института на Луне, чтобы не подвергать население Земли даже тени опасности; однако постарайтесь подчеркнуть, что опасность существует.

– Господи, зачем? – сказал Лэннинг.

– Потому что пряный вкус опасности послужит хорошей приманкой. Вы полагаете, что ядерная технология и космические исследования не допускают опасности? Возможно, миф об абсолютной безопасности нашей профессии сыграл с вами плохую шутку, Альфред? Не ему ли обязаны вы комплексом Франкенштейна – да, да, тем самым комплексом, который вы так презираете?

Из-за двери, ведущей в лабораторию Кэлвин, раздался звук, подобный мелодичному перезвону колокола. Робопсихолог моментально прервала разговор, прислушиваясь. Затем она сказала:

– Извините. Кажется, Лэнни зовет меня.

– Он может позвать вас? – спросил Лэннинг.

– Я уже говорила вам, что мне удалось научить его произносить несколько слов. – Она шагнула к двери, затем нерешительно повернулась к мужчинам. – Если вы подождете меня . . .

Они наблюдали, как она покинула свой неуютный кабинет; несколько мгновений они оба молчали, затем Лэннинг сказал:

– Как вы думаете, Питер, есть ли нечто полезное в том, что она говорила?

– Вполне возможно, Альфред, – ответил Богерт, – вполне возможно. Во всяком случае, эти идеи можно изложить на совете директоров и посмотреть, как они отреагируют. Но надо учитывать, что крыша над нами уже занялась. Робот нанес травму человеку, и общественности об этом уже известно. Конечно, как говорит Сьюзен, надо попробовать повернуть это дело к нашей пользе . . . Однако я не очень доверяю ее истинным побуждениям.

– Что вы имеете в виду?

– Если даже все, что она тут наговорила, является чистой правдой, то пока это лишь перспективная тема для исследований. Ее настоящий мотив – желание сохранить этого робота для себя. Если мы попытаемся давить на нее, она станет утверждать, что робот нужен ей для отработки методики обучения. Но я думаю, что она нашла другое применение для Лэнни, такое, которое доступно только единственной женщине в мире, – доктору Сьюзен Кэлвин.

– Я не уловил, куда вы клоните.

Богерт усмехнулся и сказал:

– Вы слышали, что говорил робот, когда звал ее?

– Боюсь, что я не . . . – начал Лэннинг, когда дверь внезапно отворилась – мужчины сразу же прекратили разговор.

Сьюзен Кэлвин шагнула в комнату, оглядываясь по сторонам.

– Может быть, кто-нибудь из вас видел . . . Я уверена, она где-то тут . . . О, вот она!

Она подбежала к одному из книжных шкафов и вытащила из него металлический предмет странной формы. Эта штука была полой внутри, с несколькими отверстиями, за которыми находились ярко раскрашенные кусочки металла, по-видимому, достаточно большие, чтобы они не могли вываливаться через отверстия. Когда Сьюзен подняла

предмет, металлические кусочки внутри него задвигались и мелодично зазвенели. Лэннинга вдруг осенило, что это устройство напоминает детскую погремушку в специальном исполнении для роботов.

Когда Сьюзен Кэлвин снова открыла дверь, голос Лэнни опять донесся из лаборатории. На этот раз Лэннинг ясно различил, каким словам обучила Сьюзен Кэлвин своего подопечного.

Голосом, подобным звону небесных колоколов, он звал:

– Мамочка, я хочу к тебе. Я хочу к тебе, мамочка.

Из-за двери донеслись торопливые шаги Сьюзен Кэлвин. Она торопилась к своему малышу – странному дитяти механической породы, единственному в мире ребенку, которого она могла когда-либо иметь и любить.

РИСК

Итак, великий миг наступил – миг, ради которого была создана Гипербаза. В центральном зале, сообразуясь с негласным, но строгим протоколом, собрались чиновники, ученые, техники и все остальные, определяемые, как правило, одним словом – персонал. Близился тот момент, который должен был увенчать их усилия, и этого все ждали по-разному, каждый в соответствии со своим темпераментом: нетерпеливо; не находя себе места; затаив дыхание; с восторгом; страхом . . .

Полая внутренность астероида, известного под названием Гипербаза, стала центром непроницаемой оболочки секретности – сферического железного занавеса радиусом десять тысяч миль. Ни один корабль не смог бы пересечь его безнаказанно, ни одно сообщение не уходило оттуда без предварительного просмотра.

На расстоянии примерно ста миль, описывая почти идеальный круг около Гипербазы, летел крохотный астероид, выведенный год назад на эту орбиту. Его номер был Н937, но все обитатели Гипербазы говорили про него просто „Там". („Ты Там сегодня был?" „Там сейчас генерал, наводит Там шороху . . . ".) Безликое указательное местоимение мысленно писалось с заглавной буквы.

Там праздный до наступления „Времени X" находился „Парсек" – единственный в своем роде корабль, когда-либо сделанный человеком. Он был покинут людьми и готов к старту в Непостижимое.

Джеральд Блэк, по праву талантливого молодого сотрудника стоявший в первом ряду, пощелкал пальцами, вытер вспотевшие ладони о белый заношенный пиджак и грубовато поинтересовался:

– Что же вы не подходите к генералу? Боитесь ее сиятельства?

Нигель Ронсон из „Интерпланетари Пресс" бросил короткий взгляд в противоположный угол зала, где рядом с блестящим генерал-майором Ричардом Кэлнером стояла скромная женщина, почти незаметная на фоне расшитого мундира, и ответил:

– Зачем? Я ведь охочусь за новостями.

Ронсон был невысок, полноват, стригся почти наголо, оставляя только колючую щетину на голове, носил рубашку с открытым воротом и брюки с короткими штанинами, из которых торчали щиколотки, старательно придерживаясь стандартного образа газетчика – героя телесериалов. При этом репортером он был неплохим.

Блэк, грузный, с темной челкой, почти закрывающей низкий лоб, не слишком походил на интеллектуала, но мыслил он настолько же четко, насколько неуклюже двигались его толстые пальцы.

– Новости все у них, – произнес он.

– Скажете тоже, – возразил Ронсон. – Кэлнер под золотой чешуей пуст. Раздень его – и увидишь конвейер для передачи приказов вниз и спихивания ответственности наверх.

Блэк чуть не ухмыльнулся; с трудом сохраняя на лице выражение, соответствующее серьезности момента, он спросил:

– А миссис профессор?

– Доктор Сьюзен Кэлвин, „Ю. С. Роботс энд Мекэникэл Мен Корпорейшен", – продекламировал нараспев Ронсон. – Женщина с гиперпустотой вместо сердца и жидким гелием вместо глаз. Пройдет сквозь Солнце и выйдет в сосульках замерзшего пламени.

Ухмылка почти проступила на лице Блэка.

– Ладно; доктор Шлосс?

– Слишком умный, – с готовностью откликнулся репортер. – Все время балансирует между стремлением уделить слушателю частицу своих знаний и боязнью ослепить вышеупомянутого слушателя блеском несравненного интеллекта, а в результате хранит молчание.

Верхняя губа Блэка приподнялась, обнажив зубы.

– Теперь представьте, что вы должны объяснить, почему решили встать возле меня.

– Элементарно, доктор. Я посмотрел на вас и решил, что человек с такой некрасивой физиономией наверняка умен и уж конечно не упустит случая для хорошей рекламы.

– Напомните мне, я вам когда-нибудь отплачу. Так что вы хотели узнать?

Ронсон показал вниз и спросил:

– Эта штуковина . . . сработает?

Блэк тоже посмотрел вниз и почувствовал, как между лопаток пробежал холодок, словно от дуновения ночного ветра на Марсе. Всю нижнюю часть зала занимал огромный телевизионный экран, разделенный надвое. На одной половине был панорамный вид спутника. На серой,

изрытой воронками поверхности лежал „Парсек", тускло мерцая в слабом солнечном свете. Вторая половина экрана показывала зал управления. В нем не было ни одной живой души. В кресле пилота сидела фигура, имевшая отдаленное сходство с человеком, что, однако, никому не могло внушить ложных иллюзий; возле пульта находился позитронный робот.

– Сработать-то, наверно, сработает. Робот отправится и вернется, клянусь Пространством! Мы над этим изрядно потрудились. Я видел все своими глазами. Я ведь попал сюда через две недели после защиты диплома по космической физике и так с тех пор и живу без выходных и отпусков. При мне через Гиперпространство к Юпитеру запустили кусок стальной проволоки и получили назад опилки. При мне отправили белых мышей и приняли назад фарш. Потом полгода потратили на стабилизацию гиперполя. Нам приходилось отлавливать десятитысячные доли секунды, чтобы синхронизировать этапы гиперпутешествия. После этого белые мыши начали возвращаться в целости. Я помню, как мы неделю праздновали, когда мышь вернулась и прожила десять минут. Теперь они живут столько, сколько мы захотим.

– Здорово, – сказал Ронсон.

Блэк искоса взглянул на него.

– Так что сработать-то, наверное, сработает. Но эти мыши были . . .

– Что?

– Безмозглые. Даже без того крохотного мозга, который положен мышам. Они не ели, их кормили искусственно. Они не спаривались, не бегали, они сидели. Сидели, сидели . . . И ничего больше. Послали, наконец, шимпанзе. Это было ужасно. Слишком похоже на человека, чтобы смотреть спокойно. Когда он вернулся – это был кусок мяса, умевший немножко ползать. Еще он переводил взгляд и почесывался. Сидел в своих экскрементах и хоть бы что. Потом его кто-то пристрелил и все облегченно вздохнули. Понятно, приятель? Никто не возвращался из гиперпространства в здравом уме.

– Это для публикации?

– После сегодняшнего эксперимента – может быть. Они тут бог весть каких чудес ждут. – Он скривил губы.

– А вы?

– С роботом? Нет.

Память невольно вернула Блэка на несколько лет назад, когда он оказался без вины виноватым в том, что

потерялся робот. Роботы типа „Нестор" заполнили Гипербазу, наполняя ее превосходством заложенного в них знания и отрицательными последствиями, логично вытекавшими из их совершенства. Что толку опять говорить о роботах? Он вовсе не был миссионером.

Но Ронсон, просто чтобы заполнить молчание, буркнул, засовывая в рот жвачку:

– Только не уверяйте меня, будто вы против роботов. Все говорят, что уж среди ученых-то таких нет.

Терпение Блэка лопнуло. Сжав локоть репортера, он резко сказал:

– Правильно, и в этом-то вся беда. Технологи носятся с роботами, словно с сокровищем. Все операции должны выполняться роботами, иначе главный инженер сна лишится. Вместо дверного стопора вы покупаете робота с очень толстой ногой. Дело зашло слишком далеко.

Блэк говорил тихо и внятно, прямо Ронсону в ухо.

Тот высвободил руку:

– Слушайте, я не робот, я человек – Хомо Сапиенс. Вы мне чуть плечо не вывихнули. Думаете, иначе до меня не дойдет?

Но остановить Блэка, если он разошелся было не так легко.

– Вы знаете, на что угрохано столько времени и сил? Вот послушайте. Берем робота с наиболее широкой специализацией и отдаем ему один-единственный приказ. Без затей. Я этот приказ слышал и выучил наизусть. Кратко и четко: „Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды". В назначенный момент робот возьмет рычаг управления и сильно потянет на себя. Рычаг перейдет в стартовую позицию, тепловое расширение замкнет контакт и начнется генерация гиперполя. Что бы ни произошло с его мозгом во время первого прохода, это уже будет неважно. От него требуется одно: удержать рычаг долю микросекунды, тогда корабль вернется, и гиперполе исчезнет. Сбой невозможен. Затем мы проверяем его реакции и выясняем, в чем дело, если что-то разладилось.

Ронсон покивал:

– Вроде логично.

См. рассказ А. Азимова „Как потерялся робот" в сб. „Три закона роботехники". – М.: Мир, 1979.

– Логично? – с горечью переспросил Блэк. – А что можно выяснить по состоянию мозга робота? У него мозг позитронный, у нас белковый; у него металлический, у нас протеиновый. Они разные. Их нельзя сравнивать. Но то, что они выяснят, или решат, что выяснили о роботе, станет обоснованием для запуска людей в гиперпространство. Чудовищно! Поймите, это не вопрос жизни и смерти – возвращение гарантировано, но возвращается нечто безмозглое. Если бы вы видели шимпанзе, вы поняли бы, о чем я. Со смертью ясно, конец есть конец. Но тут . . .

– Вы говорили об этом с кем-нибудь? – спросил репортер.

– Да, они считают, что я, мол, против роботов, а остальное все чепуха. Вон, посмотрите на Сьюзен Кэлвин. Будьте покойны, она-то не против роботов. Специально прилетела с Земли ради эксперимента. Если бы за пультом сидел человек, она пальцем бы не шевельнула. А толку-то что!. . .

– Ха, – сказал Ронсон, – вы точку не ставьте. Здесь есть еще кое-что другое.

– А именно?

– Кое-какие вопросы. С роботом мне понятно. Но почему такая секретность?

– В каком смысле?

– В прямом. Почему-то я не имею права посылать сообщения. Почему-то ни один корабль не может пролететь рядом. В чем дело? Как будто проводится еще один эксперимент. Люди о гиперпространстве знают, о том, чем вы занимаетесь, тоже знают. В чем же дело?

Блэк никак не мог успокоиться. Он злился на роботов и на Сьюзен Кэлвин, а вспоминая историю с потерявшимся роботом, он начинал злиться еще сильнее. Стоит ли, решил он наконец, тратить эмоции на занудного газетчика и его назойливые расспросы? Сейчас посмотрим, как он отреагирует.

– Вы в самом деле хотите знать?

– Еще бы!

– Ну, что ж. Мы помещали до сих пор в гиперполе предметы в миллион раз меньше, чем наш корабль, и отправляли их в миллион раз ближе. Значит, то поле, которое мы хотим сгенерировать, окажется в миллион миллионов раз мощнее тех, с которыми мы имели дело. И как оно себя поведет, мы не знаем.

– То есть?

– Теория утверждает, что корабль будет с абсолютной точностью доставлен к Сириусу и с гарантией вернется обратно. Но какой объем пространства захватит „Парсек",

сказать трудно. Мы мало знаем о гиперпространстве. Возможно, будет унесен весь астероид, с которого стартует корабль, и если наши расчеты неверны, он может не вернуться. Возможно, и не только астероид.

– Конкретнее, – попросил Ронсон.

– Не знаю. Остается элемент статической неопределенности. Вот почему другим кораблям запрещено приближаться.

Ронсон сглотнул с усилием.

– А если оно дотянется до Гипербазы?

– Не исключено, – спокойно ответил Блэк. – Шанс невелик, иначе, поверьте мне, доктор Шлосс не явился бы. Но некоторая вероятность есть.

Репортер поглядел на часы.

– Сколько осталось?

– Минут пять. Нервничаете?

– Нет, – сказал Ронсон, но тут же сел на стул и умолк.

Блэк перегнулся через ограждение. Истекали последние минуты.

Робот пошевелился.

Собравшиеся разом наклонились вперед, свет потускнел, чтобы стало виднее происходящее на экране. Робот протянул руку к рычагу.

Блэк ждал последней секунды, когда робот дернет рычаг к себе. Все варианты того, что может произойти, представились ему разом.

Короткий проблеск, который обозначает уход и выход из гиперпространства. Хотя временной зазор и ничтожен, но точка финиша немного сместится, и будет проблеск. Так происходило всегда.

Потом, после возвращения, может выясниться, что создать поле с равномерной напряженностью в огромном объеме космического корабля не удалось. От робота тогда останется груда лома. От корабля тоже.

А может быть, расчеты ошибочны, и корабль попросту не вернется. Еще приятнее, если Гипербаза уйдет с кораблем и тоже не вернется.

Нет, разумеется, все может кончится хорошо. Проблеск – корабль появляется в прежнем виде. Робот при полной ясности позитронного сознания встает и рапортует об успешном завершении первого путешествия созданного человеком объекта за пределы Солнечной системы.

Счет пошел на секунды.

Робот обхватил рычаг, с силой рванул к себе . . .

И – ничего.

Ни вспышки, ни . . . – ни-че-го!

„Парсек” не покинул обычного пространства.

Генерал-майор Кэлнер вытер лоб беретом, обнажив лысину, которая бы состарила его лет на десять, если бы раньше это не сделала проступившая на лице усталость. Прошел почти час, и ничего не было сделано.

– Что же случилось? Что случилось? Не понимаю.

Доктор Мейер Шлосс, сорокалетний физик, один из отцов-основателей молодой науки о гиперполевых матрицах, уныло проговорил:

– С основами теории все в порядке, клянусь чем угодно. Какая-то механика отказала. Наверняка что-то отказало, – повторял он, как заведенный.

– По-моему, все проверено.

Ответ звучал тоже не в первый раз.

– Да, безусловно, сэр. Но . . .

И так далее.

Они сидели друг против друга в кабинете Кэлнера, запершись изнутри, и старательно отводили глаза от Сьюзен Кэлвин.

Ее бледное лицо с тонким ртом было бесстрастно.

– Вы можете утешаться тем, что я вас предупреждала заранее. Успех всего предприятия с самого начала казался сомнительным, – холодно сказала она.

– Сейчас не время для старых споров, – простонал Шлосс.

– А я не спорю. „Ю. С. Роботс энд Мекэникэл Мен Корпорейшен" поставляет специализированных роботов любому заказчику для любых непротивозаконных целей. И мы свою часть работы выполнили. Мы предупредили вас, что не гарантируем достоверность прогнозов о влиянии гиперполя на разум человека на основании данных по позитронному мозгу. Здесь мы ответственности не несем. Спорить не о чем.

– Проклятие, – Кэлнер говорил почти умоляюще.

– Хватит об этом!

– Что же мы упустили? – пробормотал Шлосс, невольно возвращаясь к своим мыслям. – Пока мы точно не выясним, что делает с мозгом гиперпространство, мы не можем двигаться дальше. По крайней мере, робот способен к логическому мышлению. Это могло бы стать первым шагом, началом. И пока мы не попытаемся . . . – Он поднял ошеломленный взгляд: – Доктор Кэлвин, нас не интересует ваш робот. Плевать нам на него, и на его позитронный мозг. Вы поняли меня или нет?! – В голосе физика прорезались визгливые нотки.

Робопсихолог ответила почти с той же монотонностью, что обычно, но Шлосс сразу же замолчал.

– Нельзя ли обойтись без истерики? В моей жизни было мгного критических ситуаций и ни одна из них в истерике не решалась. Я хочу получить ответы на некоторые вопросы.

Полные губы Шлосса задрожали, глубоко посаженные глаза, казалось, провалились в глазницы, оставив вместо себя два темных пятна.

– Вы хорошо разбираетесь в космической технике? – язвительно спросил он.

– Это к делу не относится. Я главный робопсихолог компании „Ю. С. Роботс энд Мекэникэл Мен Корпорейшен". У пульта „Парсека" сидит позитронный робот. Как все позитронные роботы, он был не продан, а предоставлен в пользование. У меня есть право на получение информации о любом эксперименте с его участием.

– Отвечайте, Шлосс, – велел генерал Кэлнер. – Она свое дело знает.

Доктор Кэлвин поглядела на генерала. Кэлнер лично присутствовал при розыске потерявшегося робота и, стало быть, четко представляет себе ее уровень. Шлосс в то время болел, а даже сто раз услышать хуже, чем один раз увидеть.

– Благодарю вас, генерал, – сказала она.

Шлосс беспомощно посмотрел на нее, потом на генерала и пробурчал:

– Что вы хотите выяснить?

– Первый вопрос очевиден: если, как вы говорите, дело не в роботе, то тогда в чем проблема?

– Проблема тоже очевидна: корабль не сдвинулся. Вы это видели или вам зрение отказало?

– Зрение у меня в порядке. Я не могу понять вашу панику из-за какой-то неполадки. У вас что, всегда все идет гладко?

– Расходы, – выдавил из себя генерал. – Корабль чертовски дорог. Целевые ассигнования Всемирного Конгресса... – Он что-то еще ворчал, но уже еле слышно.

– Корабль на месте. Осмотр, небольшой ремонт – и инцидент исчерпан.

Шлосс успокоился. По выражению лица было видно, что он задал себе хорошую трепку, мобилизовал резервы, отрыл окопы полного профиля и подсушил порох. Голос его стал терпеливым.

– Доктор Кэлвин, когда я говорю о некой неполадке, я имею в виду пылинку в реле, случайное загрязнение контакта, транзистор, заблокированный непредусмотренным разогревом – да что угодно. Дефект непредсказуем и может самоликвидироваться в любой момент.

– И в этот же момент „Парсек" может уйти в гиперпространство, чтобы потом вернуться, – добавил генерал.

– Вот именно. Теперь вам понятно?

– Не совсем. Ведь вы же к этому и стремитесь?

Шлосс с трудом удержался от того, чтобы не вцепиться обеими руками себе в волосы.

– Вы не космический инженер!

– Это мешает вам отвечать?

– Мы настроили установку так, – в отчаянии заговорил Шлосс, – чтобы попасть из одной точки пространства в другую, отсчитывая расстояния от центра масс галактики. За истекший час „Парсек" сдвинулся, солнечная система сместилась. Исходные параметры для определения гиперполя больше не верны. Гиперпространство не подчиняется простым законам движения, а новый расчет параметров займет неделю.

– Таким образом, если корабль стартует, то он вернется неизвестно куда, за тысячи миль отсюда?

– Неизвестно куда? – Шлосс растерянно улыбнулся. – Да, вы правы. „Парсек" может прилететь в туманность Андромеды или на Солнце. Так или иначе, шансы увидеть его снова невелики.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Итак, корабль в любую минуту может исчезнуть и вместе с ним безвозвратно уйдут миллиарды долларов, взятых у налогоплательщиков, причем уйдут впустую и по вашей халатности.

Генерал-майор Кэлнер подскочил так, как будто его булавкой кольнули снизу.

– Поэтому, – продолжала робопсихолог, – механизм генерации гиперполя на корабле необходимо отключить как можно скорее. Нужно там что-нибудь разъединить или разорвать, или выключить.

Она говорила тихо, словно бы про себя.

– Не так все просто, – перебил Шлосс. – Я не сумею объяснить подробно, поскольку вы не специалист по космосу, но это примерно как . . . отключать обычную электрическую цепь, разрезая провод высокого напряжения садовыми ножницами. Это не только может, но и должно привести к катастрофе.

– Вы полагаете, что любая попытка блокировать опасность вытолкнет корабль в гиперпространство?

– Любая попытка, предпринятая наудачу, наверняка. Гипервоздействие не ограничено скоростью света. Скорей всего, у него вообще нет ограничений по скорости, что

чрезвычайно все усложняет. Единственное приемлемое решение – найти причину неудачи и только затем отключить генераторы.

– У вас есть конкретный план, доктор Шлосс?

– По-моему, не остается ничего, кроме как послать робота типа „Нестор" . . .

– Нет. Не валяйте дурака, – перебила Сьюзен Кэлвин.

Шлосс с горячностью продолжал:

– „Несторы" знакомы с особенностями космической техники. Они идеально подходят для . . .

– Не обсуждается. Вы не имеете права использовать позитронных роботов для выполнения подобных задач без моего разрешения. А моего разрешения у вас нет и не будет.

– Что предлагается взамен?

– Пошлите какого-нибудь инженера.

Шлосс яростно помотал головой:

– Невозможно! Риск слишком велик. Если и корабль, и человек погибнут . . .

– В любом случае, вы не пошлете ни „Нестора", ни другого робота.

– Я. . Мне надо связаться с Землей, – сказал генерал. – Вопрос необходимо решать на более высоком уровне.

– Я вам советую подождать, генерал, – жестоко произнесла Сьюзен Кэлвин. – Вы отдаете себя на милость правительства, не имея ни собственного плана, ни предложений. Боюсь, вам худо придется.

– Но что же делать? – генерал снова достал носовой платок.

– Послать человека. Нет другого выхода.

По лицу Шлосса разлилась серая, мертвенная бледность.

– Легко сказать, человека. Но кого?

– Я это уже обдумала. Вон тот молодой человек – Блэк, по-моему, ведь я его встречала на Гипербазе?

– Доктор Джеральд Блэк?

– Кажется, так. Тогда он был холост, а теперь?

– Вроде бы все по-прежнему.

– Тогда пускай его приведут к нам минут через пятнадцать, а я тем временем посмотрю его послужной список.

Она как бы исподволь овладела ситуацией, и ни Шлоссу, ни Кэлнеру не пришло в голову оспаривать ее власть.

Во время второго визита Сьюзен Кэлвин на Гипербазу Блэк видел ее только издали, и у него не возникло желания сокращать дистанцию. Когда же ему приказали явиться

к ней, он вдруг поймал себя на том, что смотрит на нее со страхом и неприязнью. На генерала Кэлнера и доктора Шлосса, стоявших поодаль, он не обратил ни малейшего внимания.

Он вспомнил, как стоял перед ней в тот раз и как она бесстрастно терзала его из-за пропавшего робота.

Холодный взгляд Сьюзен Кэлвин погрузился в глубь его горячих карих глаз.

– Доктор Блэк, – сказала она, – я думаю, ситуация вам ясна.

– Да, – сказал Блэк.

– Нужно что-то делать. Корабль нельзя потерять, он слишком дорог. Дурная слава будет означать конец проекта.

Блэк кивнул.

– Я понимаю.

– Надеюсь, вы понимаете и то, что кто-то должен отправиться на „Парсек", найти дефект и. . . ликвидировать его.

Наступила тишина.

– Какой дурак на это пойдет? – хрипло проговорил Блэк.

Кэлнер, хмурясь, повернулся к Шлоссу, тот закусил губу и устремил взор в пустоту. Сьюзен Кэлвин снова заговорила:

– Разумеется, не исключено случайное включение гиперполя и, как следствие, безвозвратное исчезновение корабля. С другой стороны, он может вернуться в пределы Солнечной системы. В таком случае будут пущены в ход все средства, лишь бы спасти человека и корабль.

– Идиота, – сказал Блэк, – и корабль. Маленькая поправочка.

Сьюзен Кэлвин не обратила ни малейшего внимания на его слова.

– Я получила от генерала Кэлнера разрешение поручить это вам. Идти должны вы.

Стараясь не повышать тон, Блэк без промедления ответил:

– Мадам, ищите других желающих.

– На Гипербазе, может быть, наберется человек десять с должным уровнем компетентности. Памятуя о нашей предыдущей встрече, я выбрала вас. Вы знаете, что к чему и . . .

– Послушайте, я же сказал, ищите других желающих!

– У вас нет выбора. Вы ведь не уклонитесь от своего долга?

– Моего? С какой стати он мой?

– Вы лучше других выполните работу.

– Вы знаете, чем это чревато?

– Думаю, да, – ответила Сьюзен Кэлвин.

– Уверен, что нет. Вы не видели шимпанзе. Послушайте, когда я сказал „идиота и корабль”, я не подбирал красочного эпитета, я назвал вещи своими именами. Если надо, я готов рискнуть жизнью. Не рвусь, но готов. Но рисковать тем, чтобы превратиться в идиота и провести остаток дней в животном состоянии, я не буду – и кончим об этом.

Сьюзен Кэлвин сосредоточенно изучала потное от ярости лицо молодого ученого.

– Пошлите вы своего робота, игрушку вроде НС-2, – выкрикнул Блэк.

В ее взгляде мелькнул холодный блеск. Она с расстановкой сказала:

– Да, доктор Шлосс уже предлагал это. Роботы НС-2 компанией не продаются, а предоставляются с сохранением права собственности. Видите ли, каждый из них стоит много миллионов. Я как представитель фирмы считаю, что они слишком дороги, чтобы рисковать ими в подобных ситуациях.

Блэк поднял руку к груди, словно пытаясь унять дрожь.

– Я . . . не понял . . . По-вашему, я должен идти вместо робота, потому что стою дешевле?!

– Ну если на то пошло, то – да.

– Доктор Кэлвин, – произнес Блэк, – идите ко всем чертям. Встретимся на сковородке.

– Ваше пожелание может исполниться почти буквально, молодой человек. Генерал Кэлнер подтвердит, что мои слова имеют силу приказа. Практически на Гипербазе введено военное положение и за невыполнение приказа вас ждет трибунал. Скорее всего, вас отправят в тюрьму на Меркурий, а там условия очень напоминают наши представления об адской сковородке. Если бы я решила вас навестить, что вряд ли, то ваши слова могли бы оказаться пророческими. С другой стороны, если вы согласитесь отправиться на „Парсек” и выполните работу, ваша карьера во многом будет обеспечена.

Блэк не отрывал от нее налитых кровью глаз.

– Дайте ему на размышление пять минут, генерал, и приготовьте ракету, – сказала Сьюзен Кэлвин.

Два агента секретной службы вывели Блэка из комнаты. Его знобило. Он перестал ощущать свое тело, словно наблюдал за собой откуда-то издалека: вот он садится в ракету, готовый отправиться туда, на „Парсек”.

Он сам себе не поверил, когда внезапно кивнул и сказал „да”.

Но почему? Героем он себя никогда не считал, тогда почему? Отчасти из страха перед Меркурием. Отчасти из

глупейшего нежелания оказаться трусом в глазах знакомых – своеобразная трусость, лежащая в основе половины всех подвигов. Но окончательно толкнуло его нечто иное. По дороге к ракете его остановил раскрасневшийся Ронсон из „Интерпланетари Пресс". Блэк оглянулся.

– Чего вам?

– Слушайте, когда вы вернетесь, я хочу быть первым – я все устрою, любой гонорар, на любых условиях . . .

Блэк с силой оттолкнул его и пошел дальше.

В ракете сидели двое. Оба молчали, их взгляды старательно огибали Блэка по касательным. Пилоты перетрусили до потери пульса, а их ракета приближалась к „Парсеку" на манер любопытного котенка, с опаской подбирающегося к большущему псу. Блэк понимал их. В общем-то они были ни при чем.

Перед его глазами стояло только одно лицо. Взволнованный генерал и напускная решимость Шлосса отошли на второй план. На них плевать. Он думал о невозмутимом облике Сьюзен Кэлвин, о том, с каким спокойствием она отправила его . . . куда?

Он всматривался в черную пустоту, в которой уже растаяла Гипербаза.

Сьюзен Кэлвин! Доктор, профессор, робопсихолог! Робот в обличье женщины!

Какие, интересно, у нее три закона? Первый закон: „Все силы, разум и душу обрати на защиту роботов". Второй: „Блюди интересы пресвятой ≪Ю. С. Роботс энд Мекэникэл Мен Корпорейшен≫, если это не противоречит Первому закону". Третий: „Не обращай внимания на людей, разве что этого потребуют Первый или Второй законы".

Она когда-то была молодой, думал он; интересно, испытывала ли она когда-нибудь нормальные человеческие чувства?

Проклятье! Чего бы он не дал, чтобы растопить эту корку льда на ее лице!

И он добьется этого!

Добьется, будьте покойны. Только бы ему выбраться из этой переделки в здравом уме, тогда он возьмет за глотку и ее, и компанию, и их отвратное порождение – племя роботов; вот что жгло его изнутри сильнее, чем страх тюрьмы или мечта о славе. Жажда мести почти перемогла страх. Почти.

Один из пилотов, отвернувшись, сказал ему:

– Можете выходить. Осталось всего полмили.

– Посадка не предусмотрена? – с горечью уточнил Блэк.

– Категорически запрещена. Сотрясение при посадке может. . .

– А сотрясение от моей посадки не может?

– У меня приказ, – ответил пилот.

Блэк промолчал, надел скафандр и подошел к внутреннему люку. У правого бедра к скафандру на металлической пластине был прикреплен контейнер для инструментов.

Переступив порог, он услыхал в наушниках шлема гудящее: „Удачи, доктор".

Он не сразу сообразил, что слышит слова пилотов, которые перебороли ради этого желание как можно быстрей убраться из жуткого места.

– Спасибо, – негромко и немного обиженно сказал Блэк.

Неуклюже оттолкнувшись от корпуса, он несколько раз медленно перекувырнулся и остался один.

Невдалеке, как будто поджидая его, лежал „Парсек". Сзади (вернее, между ног скафандра, во время медленного вращения) он увидел светящуюся полосу ракетного выхлопа.

Он остался один, совсем один!

За всю историю человечества никому не доводилось оказаться в таком абсолютно полном одиночестве. Узнает ли он, подкралась паническая мысль, успеет ли узнать, что случилось нечто? Или не заметит ничего? Почувствует ли, как гаснет сознание, меркнет и исчезает разум, или все произойдет внезапно, как удар кинжала? В любом случае. . .

Он вспомнил о шимпанзе – с пустыми глазами, в ознобе от непостижимых кошмаров.

До астероида оставалось двадцать футов. Неуловимо плавно плыл он к нему через пространство – туда, где ни одно зернышко песка не было потревожено с астрономически незапамятных времен.

И тут, в абсолютном ледяном покое, что-то произошло. Какая-то крохотная пылинка, попавшая в сложную конструкцию, а может быть, капля примеси в сверх чистом масле, которое омывает движущиеся части установки, приковала „Парсек" к поверхности этой каменной глыбы.

Едва ощутимая вибрация, неуловимый толчок от соприкосновения масс могли устранить препятствие, контакт замкнется, освободит гиперполе и оно распустится вширь, как перезрелая гигантская роза.

Поверхность приближалась. Блэк сгруппировался, стремясь приземлиться как можно мягче. Он весь покрылся гусиной кожей от подсознательного стремления подольше удержаться от столкновения.

Ближе, еще, еще . . .

. . . И ничего!

Лишь медленно нарастающее давление поверхности астероида от затухающей инерции двухсот пятидесяти фунтов (с учетом скафандра). Собственной гравитации здесь практически не было.

Блэк приоткрыл глаза и посмотрел на звезды. Под ним сверкал мраморный блеск, немного приглушенный поляроидной смотровой пластиной шлема. Звезды светили бледно, но образовывали знакомый узор. Солнце было на месте, созвездия тоже – он находился в Солнечной системе. Виднелась даже Гипербаза – туманное крохотное пятнышко в сумраке вечной ночи космоса.

Он вздрогнул от неожиданности: в наушниках раздался голос. Говорил Шлосс.

– Мы наблюдаем за вами, доктор Блэк. Вы не один.

Формулировка могла бы показаться Блэку смешной, но он сказал в ответ тихо и отчетливо:

– Можете отключиться, я не обижусь.

Пауза. Льстивый голос Шлосса:

– Если вы по ходу будете докладывать, как дела, вам, может быть, будет легче.

– Всю информацию получите, когда я вернусь. Не раньше.

Он с горечью усмехнулся и пальцами, закованными в броню, повернул регулятор приемника, вмонтированного в грудную панель. Пускай говорят в пустоту. Он обойдется без них. Только бы вернуться в здравом рассудке, тогда он знает, что делать.

Он осторожно встал и шагнул. Тело непроизвольно раскачивалось, управляемое случайными сокращениями мускулов, которые еще не адаптировались к почти полному отсутствию гравитации и с запаздыванием отрабатывали команды мозга. На Гипербазе гравитационное поле создавало привычные условия. Блэк сообразил, что раз он об этом думает, значит у него сохранилась способность к абстрактному мышлению.

Солнце ушло за край горизонта. Период обращения астероида составлял один час и перемещение звезд на небе было заметно невооруженным глазом.

„Парсек” виднелся невдалеке. Блэк медленно, осторожно, чуть ли не на цыпочках, пошел к нему. (Вибрация. Только бы избежать вибрации. Только бы избежать. . .)

Он преодолел расстояние раньше, чем ожидал. К внешнему люку вели ручные захваты.

Помедлил.

Корабль выглядел очень обыкновенно. По крайней мере, если не обращать внимания на два кольца стальных выступов, деливших его по высоте на три равные части; в любой момент они могли стать источником гиперполя. . .

Блэку вдруг захотелось, наперекор всему, протянуть руку, потрогать их – дурацкая мысль, такие иногда посещают в неподобающие моменты. Например, „а если прыгнуть?” – глядя из окна небоскреба.

Блэк глубоко вздохнул, раскрыл ладони, развел руки в стороны и легко-легко прикоснулся к обшивке.

И ничего!

Он взялся за скобу и осторожно подтянулся. Ему бы сейчас тот опыт работы в невесомости, которым обладают монтажники! Нужно прикладывать столько силы, чтобы преодолеть инерцию и сразу остановиться. Промедлив секунду с остановкой, нарушишь баланс и врежешься в борт.

Он медленно карабкался, держась кончиками пальцев, отклоняя нижнюю половину туловища влево, когда поднимал правую руку, и наоборот.

Еще несколько ступеней – и пальцы нащупали запорное устройство внешнего люка. Зеленоватое пятнышко маркерной пломбы.

Он снова помедлил. Настал момент, когда необходимо было использовать мощь механизмов корабля. Перед его мысленным взором проплыли схемы электронных соединений и силовой разводки. Нажав на кнопку, он подключится к атомному реактору двигателя и массивная плита внешнего люка отойдет в сторону.

Ну и что дальше? Затем?

Ведь он не имеет понятия ни о характере поломки, ни о последствиях подключения к внутреннему источнику энергии. Он вздохнул и нажал на кнопку.

Плавно, беззвучно в борту „Парсека” открылась впадина. Блэк оглянулся на старые, знакомые (неизменившиеся!) созвездия и вошел в мягко освещенную камеру. Внешний люк закрылся за ним.

Следующая кнопка. Внутренний люк. И вновь он остановился. Когда внутренний люк откроется, давление воздуха в корабле капельку упадет и только через секунду электролизеры восполнят потерю.

Так что же?

К давлению, например, чувствительны платы Боска, но не до такой степени! Он снова вздохнул и, ощутив, как напряглись от страха кончики пальцев, коснулся кнопки. Открылся внутренний люк. Блэк вошел в рубку „Парсека" и его сердце забилось громко, потому что первое, что он увидел, был экран приема внешней информации. Усыпанный звездами. Он через силу заставил себя взглянуть.

Светилась, как ни в чем не бывало, Кассиопея. Созвездия были знакомыми. Он находился на корабле. Интуитивно он чувствовал, что худшее уже позади. Зайдя так далеко, не вылетев за пределы Солнечной системы и сохранив при этом ясность сознания, он понемногу начал обретать уверенность в своих силах.

Внутри „Парсека" царила тишина. Блэк повидал немало кораблей и обязательно на них кто-нибудь подавал признаки жизни: скажем слышалось шарканье, шорох или кто-то из экипажа напевал себе под нос в коридоре. На „Парсеке" даже его сердце колотилось беззвучно.

В кресле пилота, спиной к нему, сидел робот. Он тоже никак не отреагировал на появление Блэка.

Блэк оскалился в подобии улыбки и резко скомандовал:

– Отпусти рычаг! Встань!

Голос отдался громом в тесной кабине. Блэк поздно сообразил, что создает вибрацию воздуха, но на экране положение звезд не изменилось.

Робот, конечно, не шевельнулся. Он не услышал. Сейчас он не откликнулся бы даже на требование Первого закона. То, что должно было свершиться в одно мгновение, длилось для него без конца.

Блэк вспомнил приказ, полученный роботом, приказ, не оставлявший места сомнительным толкованиям: „Крепко сожми рычаг. Сильно потяни на себя. Сильно! Держи и не выпускай, пока приборы не зафиксируют, что гиперпространство пройдено дважды".

Гиперпространство не было пройдено еще ни разу.

Он осторожно подошел к роботу. Тот, раздвинув колени, сидел и с силой тянул на себя рычаг. Механизм

включения дошел почти до расчетной позиции. Нагрев металлических ладоней должен был на манер термопары довершить переключение триггера и надежно замкнуть контакт. Блэк машинально взглянул на показания термоизмерительного блока на контрольной панели: все как положено, – 37°C.

Отлично, язвительно подумал он. Находишься наедине с роботом, не понимая, что делать.

Лично он предпочел бы взять молоток и превратить его в груду лома. Некоторое время Блэк с наслаждением обдумывал эту идею. Он представлял себе ужас на лице Сьюзен Кэлвин (единственное, что могло бы растопить ее ледяную броню – страх за робота). Как все позитронные роботы, этот тоже был произведен, испытан и навечно закреплен в качестве собственности „Ю. С. Роботс".

Всласть насладившись мыслью об отмщении, Блэк очнулся и огляделся вокруг.

Он не продвинулся к цели ни на один шажок.

Медленно он снял скафандр, аккуратно убрав его на место, боязливо прошел по кораблю, рассматривая корпус гиператомного двигателя и проверяя реле, но ни к чему не притрагиваясь.

Для отключения гиперполя были десятки способов, но каждый, пока он не выяснит, где сбой, мог оказаться губительным.

Вернувшись в рубку, он поглядел в отчаянии на мощную спину робота и крикнул:

– Но ты-то можешь мне ответить, в чем дело? Или не можешь?!. .

Ему опять захотелось наброситься на приборы и крушить все подряд, рвать наудачу сопротивления и ломать платы. Но он без колебаний подавил вспышку гнева. Он проведет тут неделю, если понадобится, но выяснит, в чем причина. Ради Сьюзен Кэлвин. Во имя того, что он решил с ней сделать.

Он повернулся на каблуках и задумался.

Каждый узел корабля, от двигателя до последнего двухпозиционного тумблера, был тщательно проверен и испытан на Гипербазе. Немыслимо, чтобы хоть один из них отказал. На корабле не осталось ничего . . .

Нет, почему же: робот! Роботы проверялись компанией, а там знали, что почем (черти бы их унесли со всем их знанием).

Никто не сомневался в истинности слов, гласивших: робот сделает лучше.

Все были уверены, что это не просто рекламный лозунг компании „Ю. С. Роботс". В любых условиях, с любым делом робот справится лучше, чем человек. Не „как человек", а „лучше, чем человек".

И тут, пока Джеральд Блэк стоял, глядя на робота, и вновь обдумывал эту глубокую мысль, брови под его узким лбом сдвинулись, а взгляд выразил одновременно изумление и безумную надежду.

Он подошел к роботу спереди и пристально всмотрелся в руки, которые удерживали рычаг в позиции переключения и не отпустят его до тех пор, пока корабль не сдвинется или не иссякнет источник энергии.

– Черт меня побери, – выдохнул Блэк. – Черт побери!

Он включил связь. Антенны автоматически следили за Гипербазой.

– Эй, Шлосс, – гаркнул он в микрофон.

Шлосс отозвался сразу:

– Блэк, наконец-то!..

– Спокойно, – оборвал Блэк, – не тратьте слова. Я хотел убедиться, что вы следите за мной.

– Конечно, следим! Все собрались здесь. Послушайте...

Но Блэк уже отключился. Он изобразил улыбку той половиной рта, что была обращена к телекамере, и выбрал часть гиперполевого механизма, которая располагалась на виду у них всех. Сколько там собралось народу, он не знал. Может быть, только Кэлнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Может, набились все. В любом случае им будет на что посмотреть.

Третий блок реле подойдет решил Блэк. Он был расположен в нише и защищен сварной панелью. Порывшись в инструментах, Блэк вытащил плоский, тупоконечный плазменный агрегат. Он отодвинул скафандр и подошел к блоку реле. Преодолев остатки страха, он выбрал три точки на сварном шве. Агрегат работал плавно и быстро, тепловое излучение поля слегка нагревало ручку. Панель открылась.

Быстро, чуть ли не с неохотой он поглядел на экран. Звезды были на обычных местах, он тоже чувствовал себя абсолютно нормально.

Получив этот последний заряд бодрости, он поднял ногу и с маху опустил тяжелый ботинок на деликатнейшие, тончайшие приборы.

Послышался звон стекла, хруст металла, веером покатились капли ртути...

Блэк перевел дыхание и включил связь.

– Шлосс, вы где?

– Я здесь, но . . .

– Докладываю: возникновение гиперполя на „Парсеке" исключено. Можете забирать меня.

Джеральд Блэк чувствовал себя героем не больше, чем когда отправлялся на „Парсек", но люди думали по-другому. За ним прилетели те же двое пилотов. На этот раз они посадили ракету на астероид и радостно хлопали Блэка по спине.

На Гипербазе все высыпали его встречать, устроили овацию. Он махал рукой, улыбался толпе и делал все, что положено герою, но настоящего триумфа не ощущал. Пока вместо торжества в нем зрело только его предчувствие. Триумф должен был наступить при встрече со Сьюзен Келвин.

Перед тем как сойти по трапу, он задержался, обвел глазами встречающих, но не нашел ее. Генерал Кэлнер был здесь, в привычном панцире солдафонской самоуверенности, с приклеенной улыбкой начальственного одобрения на лице. Шлосс нервно усмехался. Ронсон из „Интерпланетари Пресс" размахивал руками. Сьюзен Кэлвин не было.

От Кэлнера и Шлосса Блэк отмахнулся:

– Сперва приму душ и поем.

Он точно знал, что, по крайней мере сейчас, имеет право ставить свои условия.

Агенты секретной службы проложили ему дорогу. Он вымылся и, не торопясь, поел в одиночестве, которое ему было обеспечено по первому требованию, потом вызвал Ронсона и коротко переговорил с ним. Вскоре Ронсон вернулся и после второго разговора Блэк полностью расслабился. Все шло гораздо лучше, чем он планировал. Даже неудача с „Парсеком" случилась как по заказу.

Наконец, он позвонил генералу и приказал собрать совещание. Он имел право приказывать, и генерал-майор Кэлнер ответил:

– Есть, сэр!

Опять они собрались все вместе. Джеральд Блэк, Кэлнер, Шлосс и Сьюзен Кэлвин. Но теперь главным был Блэк. Робопсихолог, по-прежнему строгая, взволнованная триумфом не более, чем провалом, пожалуй, все же смягчилась.

Шлосс прикусил ноготь большого пальца и мягко произнес:

– Доктор Блэк, мы высоко ценим ваше бесстрашие и удачу.

Потом как бы для соблюдения баланса:

– Но каблуком по блоку реле . . . все-таки так нельзя. Это и рискованно, и непродуманно.

– Нет, отчего же, как раз продуманно, – заявил Блэк и бросил первую бомбу: – Видите ли, к тому моменту я уже знал, что случилось.

Шлосс вскочил:

– То есть как? Вы уверены?

– Слетайте, проверьте. Там вполне безопасно. Я вам скажу, на что обратить внимание.

Шлосс медленно сел на место.

– Но если это так, то тем лучше, – обрадованно заявил генерал Кэлнер.

– Да, это так, – сказал Блэк и перевел взгляд на молчавшую Сьюзен Кэлвин.

Он наслаждался властью. Пришел черед бомбы номер два:

– Подвел, конечно, робот. Вы слышите меня, доктор Кэлвин?

Сьюзен Кэлвин впервые нарушила свое молчание.

– Я слышу. Я, в общем, предполагала это. Робот – единственная часть оборудования корабля, которая не была проверена на Гипербазе.

Блэк на мгновение смутился:

– Вы ничего не говорили об этом.

– Как подчеркнул несколько раз доктор Шлосс, – ответила Сьюзен Кэлвин, – я не специалист по космосу. Все, что у меня было – это догадка, которая могла и не подтвердиться. Я чувствовала себя не вправе склонять вас к какому-либо варианту заранее.

– Ладно, – продолжал Блэк, – но, может быть, вы догадались и в чем там дело?

– Нет, сэр.

– Ну, как же! Ведь робот все делает лучше, чем человек! В этом-то вся и загвоздка. Не правда ли, странно: сама генеральная установка „Ю. С. Роботс” привела к беде? Ведь роботы на самом деле работают лучше людей.

Он отмерял слово за словом, но она все не брала наживку.

– Уважаемый доктор Блэк, – вздохнула она. – Я не несу ответственности за выдумки нашего отдела рекламы.

Блэк снова замялся. Она – хороший боец, эта Сьюзен Кэлвин, подумал он.

– Ваши люди сделали робота, чтобы заменить человека у пульта управления „Парсека". Он должен был потянуть на себя контрольный рычаг, установить его в нужное положение, и тепло рук окончательно замкнет контакты. Все очень просто, да, доктор Кэлвин?

– Да, все очень просто, доктор Блэк.

– И если бы робот не был лучше человека, все было бы превосходно. К несчастью, „Ю. С. Роботс" стремится непременно превзойти человека. Робот должен был потянуть рычаг на себя сильно. Сильно! Это слово было повторено, подчеркнуто, выделено. И робот выполнил приказание. Он потянул сильно. Но вот беда: он в десять, если не в двадцать раз сильнее, чем человек, в расчете на которого делали контрольный рычаг.

– Вы намекаете . . .

– Я сообщаю, что рычаг погнут. Он погнут как раз настолько, чтобы переключатель сместился, и когда тепло рук робота включило термопару, контакт не замкнулся. – Он усмехнулся. – Это не является неудачей с одним роботом, доктор Кэлвин. Это символизирует обреченность самой идеи роботизации.

– Послушайте, доктор Блэк, – брезгливо оборвала его Сьюзен Кэлвин, – вы путаете отчет с проповедью. У робота хватало как интеллекта, так и грубой силы. Если бы человек, который приказывал, употребил количественные характеристики, а не дурацкое наречие „сильно", этого бы не случилось. Прикажи они ему потянуть с силой двадцать пять фунтов, все было бы нормально.

– Другими словами, совершенство робота должно быть компенсировано изобретательностью и разумом человека. Можете мне поверить, что на Земле все это расценят именно так и вряд ли простят „Ю. С. Роботс" фиаско.

Генерал Кэлнер перебил с привычным металлом в голосе.

– Позвольте, позвольте, Блэк: все сведения об инциденте относятся к засекреченной информации.

– Между прочим, – неожиданно подхватил Шлосс, – ваша теория не проверена. Мы еще пошлем на корабль других людей и все уточним. Может быть, причина вовсе не в роботе.

– Да, вы постараетесь истолковать все иначе, верно? Не факт, правда, что вам, как заинтересованной стороне, поверят. А я хочу сказать вам еще одно.

Он приготовил последнюю, третью бомбу.

– Отныне, с этой минуты, я не участвую в проекте по пересылке человека через гиперпространство. Больше на меня не рассчитывайте.

– Почему? – спросила Сьюзен Кэлвин.

– Потому что, как вы недавно определили, доктор Кэлвин, я – проповедник, – улыбнулся Блэк, – и у меня есть миссия. Я должен передать людям Земли, что эра роботов подошла к рубежу, когда человек ценится меньше робота. Что нынче возможно на опасную работу посылать человека, потому что робот чересчур дорог, чтобы им рисковать. По-моему, люди должны знать об этом. Роботов недолюбливают многие. „Ю. С. Роботс" так и не получила разрешения использовать роботов на Земле. Я думаю, доктор Кэлвин, что мой рассказ станет последней каплей. В оплату за сегодняшнюю работу, доктор Кэлвин, вы, ваша фирма и ваши роботы будете стерты с лица Солнечной системы.

Блэк знал, что предупреждает ее, дает ей время на подготовку ответного удара, но он не мог отказаться от этой сцены. Он ждал своего часа с тех пор, как отправился на „Парсек" – и дождался.

Увидев, как на мгновение блеснули светлые глаза Сьюзен Кэлвин, а щеки потеряли мертвенно-бледный цвет, он не без злорадства подумал: ну, каково вам сейчас, ученая мисс доктор?

– Вы не получите ни увольнения, – сказал Кэлнер, – ни разрешения на . . .

– А чем вы можете меня остановить, генерал? Вы разве не слышали: я – герой! Старушка-Земля любит своих героев, так повелось от века. Все будут слушать меня и мне поверят. И людям не понравится, когда кто-нибудь захочет мне помешать, во всяком случае, пока я им не приелся – новенький, свежеиспеченный герой, шутка ли? Я уже говорил с Ронсоном из „Интерпланетари Пресс" и предупредил его, что у меня есть сенсация, которая всех чиновников и ученых бонз повыдирает из плюшевых кресел, так что „Интерпланетари Пресс" наготове и ловит каждое слово. Вам остается разве что пристрелить меня. Но думаю, что и это вам, мягко говоря, не пойдет на пользу.

Блэк торжествовал. Он высказал все, не утаив ни одной выстраданной фразы. Он поднялся, чтобы выйти.

– Минуточку, доктор Блэк, – властно окликнула его Сьюзен Кэлвин.

Блэк невольно обернулся, точь-в-точь, как школьник на голос учительницы, но скрыл замешательство подчеркнутой ироничностью:

– Вы хотите объяснить случившееся, не так ли?

– Отнюдь, – сухо отозвалась она. – Вы дали исчерпывающее объяснение. Я вас и выбрала потому, что вы могли скорее все понять. На основании предыдущего знакомства я знала, что вы не любите роботов и, значит, лишены пиетета по отношению к ним. Ознакомившись с вашим личным делом, я увидела, что вы открыто высказывались против эксперимента „робот в гиперпространстве". Все начальство считает, что это плохо, но я решила наоборот.

– Послушайте, доктор Кэлвин, я, с вашего позволения, не понимаю, о чем вы толкуете?

– О том, что вы сразу должны были понять, почему нельзя использовать для этого роботов. Как вы тут говорили? Насчет того, что несовершенство робота следует компенсировать изобретательностью и разумом человека? Вы правы на сто процентов, молодой человек. На сто процентов. Роботы не изобретательны. Разумность их ограничена, она высчитывается до последней запятой. В чем, собственно, и состоит моя работа.

Отдайте приказание роботу – точный приказ – и он его выполнит. Если приказ неточен, он не исправит ошибку без дополнительного приказа. Именно так вы объяснили случай с „Парсеком". Как же мы могли послать робота искать неполадку, не имея возможности отдать точный приказ, не зная, что там стряслось? „Пойди и найди, в чем дело" – это распоряжение для человека, а не для робота. Человеческий мозг, по крайней мере пока, расчетам не поддается.

Блэк сел и в отчаянии уставился на робопсихолога. Ее слова проникали в самую суть – сквозь его гнев, раздражение и растерянность. Ему было нечего возразить. Он понял, что проиграл.

– Но вы могли бы сказать это мне и раньше, -произнес он.

– Могла, – согласилась Сьюзен Кэлвин. – Но я заметила, что вы, естественно, очень боитесь за свой рассудок. Такое нетривиальное рассуждение могло ослабить вашу сосредоточенность и я решила, что лучше вам полагать, будто я настаиваю на вашей кандидатуре единственно из страха за робота. Я подумала, что вы рассердитесь, а гнев, дорогой доктор Блэк, бывает иногда очень полезен. По

меньшей мере, он заглушает страх. И, в общем, расчет оказался правильным.

Она опустила руки на колени и почти улыбнулась.

– Ну и ну, – выдавил из себя Блэк.

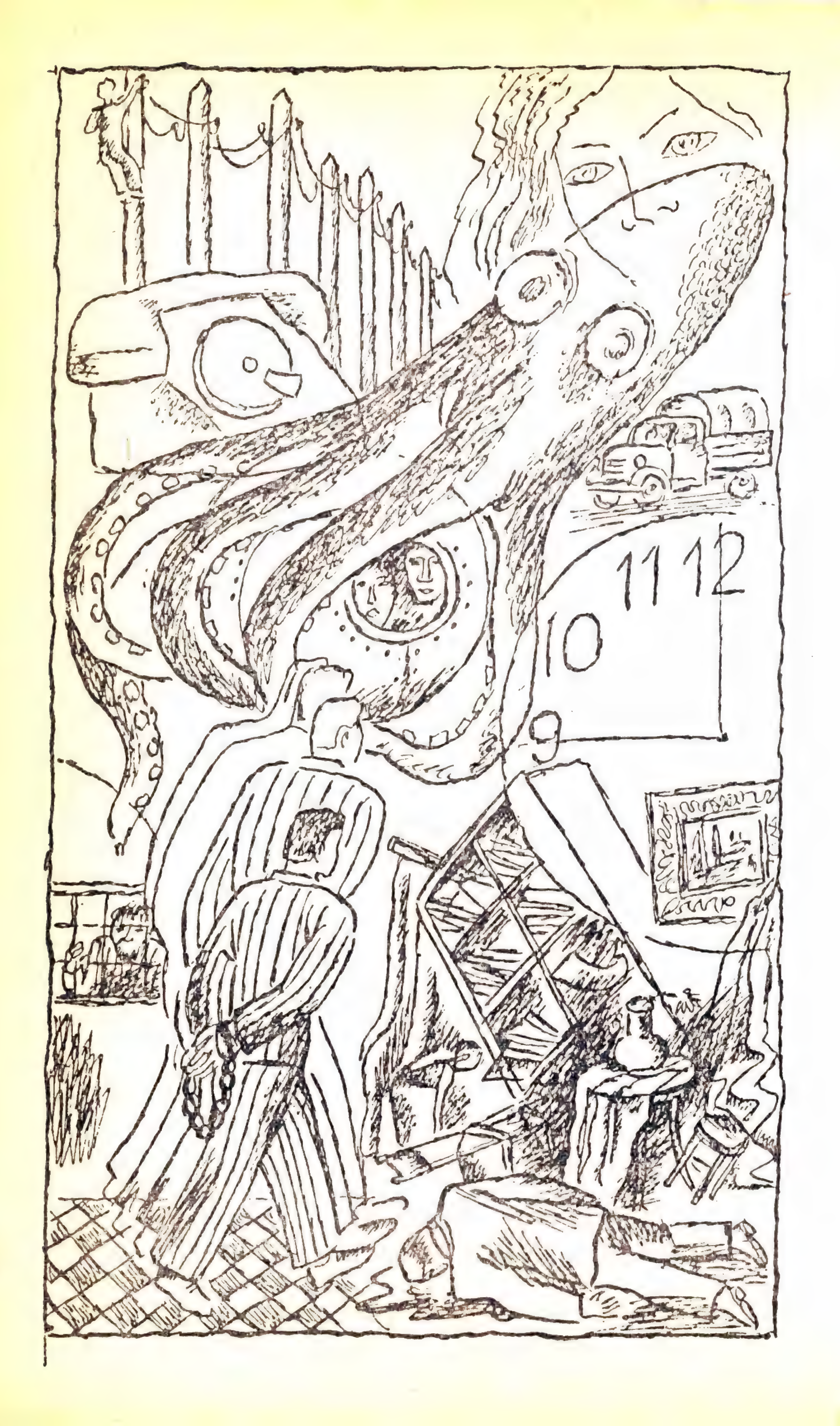
– Так что послушайте моего совета, – сказала Сьюзен Кэлвин. – Продолжайте работать, примите титул героя и распишите вашему приятелю репортеру в подробностях детали своего подвига. Не лишайте его обещанной сенсации.

Блэк медленно и неохотно наклонил голову. Шлосс облегченно вздохнул. Кэлнер ослепительно улыбнулся. Оба слушали Сьюзен Кэлвин молча и молча протянули Блэку руки. Блэк пожал их ладони с некоторым сомнением и сказал:

– Вы тоже должны дать интервью, доктор Кэлвин.

– Не говорите глупостей, молодой человек, – поморщилась Сьюзен Кэлвин. – Это моя работа.

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
Мюррей
ЛЕЙНСТЕР

11 12
10
9

СЭМ, ЭТО ТЫ

Вы можете не поверить в эту историю, а если попробуете расспросить о ней самого Сэма Йодера, то он, скорее всего, заявит, что все тут – сущее вранье. Ему не нравятся разговоры на эту тему. Он не хочет снова обсуждать кое-какие интимные вопросы, особенно в присутствии Рози. Есть тут и другие причины. Не подумайте, однако, что вам собираются преподнести историю с клубничкой; нет, все было в рамках приличий и выглядит вполне пристойно. Такое могло случиться с каждым или почти с каждым. Ну, например, с тем, кто работал техником Баттерсвилльской телефонной компании, кому посчастливилось покорить сердце Рози и кому влюбленная девушка слишком часто твердила, что человек с подобными талантами должен сделать нечто замечательное и непременно разбогатеть. И если вы отнесетесь к ее словам настолько серьезно, что станете собирать устройство, позволяющее незаконно подключаться к телефонной линии, то вероятность влипнуть в такую историю для вас значительно возрастет.

Это началось около шести часов второго июля, когда Сэм сидел на телефонном столбе у Бридж Ран и искал разрыв на линии. Он подключил свой рабочий телефон и, поскольку ответа от центральной станции не последовало, собирался слезть со столба и отправиться к следующему. Но в этот момент телефон зазвонил. Он зазвонил, хотя было совершенно ясно, что авария на линии исключала возможность связи с кем-либо. Сэм снял трубку и сказал:

– Алло! Кто это?

– Сэм, – прошелестело в трубке, – это ты.

– Что? – спросил пораженный Сэм. – Кто говорит?

– Это ты, – донеслось из трубки, – ты, Сэм Йодер. Ты что, собственный голос не узнаешь? Это ты, Сэм Йодер, который звонит из двенадцатого июля. Только не вешай трубку!

Но Сэм не собирался вешать трубку, хотя ситуация не слишком располагала к длительной беседе. Он торчал на телефонном столбе, цепляясь за него „кошками", откинувшись на страховочном поясе, который дьявольски резал под лопатками, и пытался, вдобавок, выполнить

кое-какую работу. Естественно, он решил, что кто-то хочет разыграть его, выбрав самое подходящее время для шуток. Он набрал в грудь воздуха и сердито рявкнул в трубку:

– Не повешу, не беспокойся, только как бы тебе это не вышло боком!

Голос казался ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где слышал его. Сэм чувствовал, что если они еще немного потолкуют, то он непременно узнает шутника. Этот голос он знал почти так же хорошо, как собственный, и его страшно раздражало, что он забыл имя своего собеседника.

В трубке пророкотало:

– Спокойно, Сэм! У тебя там сейчас второе июля, и ты висишь на столбе у Бридж Ран. Линия повреждена в двух местах, иначе я не смог бы говорить с тобой. Удачно, верно?

Сэм сказал с угрозой в голосе:

– Ну, парень, смотри! Если твой телефон когда-нибудь сломается, могу обещать тебе кое-какие неприятности. А сейчас отвяжись от меня. Я занят.

– Но ведь я – это ты! – упорно настаивал голос в трубке. – А ты – это я! Мы оба – один и тот же Сэм Йодер, только я – из двенадцатого июля, а ты – из второго. Ты, конечно, слышал о путешествиях во времени – только это все ерунда, их не бывает. Но мы с тобой беседуем сквозь время и такой разговор возможен! Ты говоришь со мной, то есть с собой, я говорю с тобой – опять же с самим собой, и похоже, парень, у нас есть отличный шанс разбогатеть.

Тут Сэм кое-что вспомнил – и застыл от изумления. Его мышцы напряглись, хотя он изо всех сил уговаривал себя: „Этого не может быть, потому что не может быть никогда!" В памяти у него всплыли чьи-то слова, что если встать лицом к стене и начать говорить, то услышишь свой голос таким же, каким его слышат другие. И как-то из любопытства Сэм попытался сделать такую штуку. Теперь он узнал голос. Свой голос. Свой собственный. Зудящий ему в ухо. Конечно, это было невозможно, но факт оставался фактом.

– Нет, – хрипло сказал Сэм, – я этому не верю!

– Тогда слушай внимательнее, – раздраженно произнес голос в трубке. И это был его собственный голос. Тут не приходилось сомневаться; все было ясно, словно он смотрел на свое отражение в зеркале. Через полминуты лицо у Сэма начало краснеть. Оно горело. Его уши пылали. Потому что голос, его голос, стал выкладывать ему кое-какие вещи, неизвестные никому в мире. Никому, кроме его самого и Рози.

– Перестань! – простонал Сэм. – Кто-то из нас ненормальный: либо ты, либо я! Ах ты, старый козел! Прекрати немедленно! Еще подслушает кто-нибудь! Говори, чего ты хочешь, и вешай трубку!

И голос, его собственный голос, сообщил ему, чего он хочет. Он сказал ясно и точно, что Сэму надо делать. А затем любезно проинформировал его, где находятся два разрыва на линии. И отключился.

Сэма прошиб пот, когда он взглянул на первый разрыв. Все правильно, разрыв был на том самом месте. Он устранил его, потом нашел неисправный контакт – именно там, где сообщил голос, – и починил его тоже. Это было невероятно, как и все остальное. Закончив ремонт, Сэм вызвал центральную, сообщил, что нездоров и отправляется домой. Так что если сегодня требуется чинить какие-нибудь телефоны, то их владельцам придется подождать до завтрашнего дня.

Он пошел домой, сполоснул лицо холодной водой, сделал кофе и выпил большую чашку, но это не помогло ему избавиться от воспоминаний о собственном голосе, бормочущем ему прямо в ухо.

Тогда он с вызывом сказал себе: „В моей семье никогда не было ненормальных, и, пожалуй, маловероятно, что я свихнулся. Но бог свидетель: ни одна живая душа не слышала, как я говорил Рози, что ее прелестный носик создан для поцелуев и поэтому я не могу поверить, чтобы ей когда-нибудь приходилось сморкаться. Может быть, я действительно разговаривал сам с собой?"

Конечно, разговоры с самим собой еще не являются признаком ненормальности; многие люди имеют такую привычку. Сэм, однако, еще не осознал всю необычность случившегося с ним. Он продолжал недоуменно рассуждать: „Предположим, кто-то ехал в Раппахэннок мимо Даннсвилла и потом позвонил из Раппахэннока, сообщив, что в Даннсвилле пожар; тогда я не удивлюсь, если и в самом деле увижу пожар в Даннсвилле, когда доберусь туда. Значит, если кто-нибудь позвонит из следующего вторника и скажет, что мистер Броддус в следующий вторник сломает ногу, я тоже не должен удивляться, когда попаду в следующий вторник и узнаю об этом. Отправиться в Раппахэннок мимо Даннсвилла или в следующий четверг через следующий вторник – невелика разница. Тут не больше отличий, чем между дорожной картой и календарем!"

Но тут его, наконец, проняло: он моргнул пару раз и сказал себе: „Да, сэр! Пожалуй, Вы и в самом деле неглупы, как считает малышка Рози! Конечно, такая идея не пришла бы Вам в голову, если бы я не намекнул Вам об этом по телефону. Но Вы – это я, а я – это Вы, и вместе мы можем заработать неплохие деньжата; так что лучше нам приниматься за дело!"

Он с энтузиазмом принялся за работу. У него имелись кое-какие соображения по поводу того, как должно выглядеть устройство, позволяющее подключаться к телефонной линии, и он уже успел собрать дома кучу всякого хлама, позаимствованного на складе телефонной компании. Тут были конденсаторы, микрофоны, реле, резисторы и тому подобное. Сэм намеревался со временем что-нибудь изготовить из этого добра и посмотреть, как будет работать его устройство. Но последние месяцы Рози поглощала все его внимание и дело не сдвинулось с места.

Но теперь он, наконец, взялся за работу. Его собственный голос по телефону сказал, что нужно сделать. Он предупредил, что штука, которую задумал Сэм, не сработает, как надо, и подсказал кое-что другое. И эта идея была гораздо проще. Сэм быстро все закончил, отключил свою линию от центральной станции и присоединил к ней только что собранное устройство. Затем он поднял трубку.

– Алло, – сказал Сэм, вспотев от волнения. Вспомните, он отключился от центральной, и, исходя из здравого смысла, ему не стоило ждать какого-нибудь ответа. Но хорошо знакомый голос произнес в трубке: „Алло!", и Сэм, судорожно сглотнув, продолжал:

– Привет, старина! Это ты из второго июля.

Голос на другом конце поздравил его с успехом. Он заявил, что Сэм выполнил все отлично и теперь они оба – Сэм нынешний и Сэм будущий – имеют шанс разбогатеть. Но, казалось, голос из двенадцатого июля не слишком жаждал продолжать беседу: он звучал как-то рассеянно. Осознав нереальность ситуации, Сэм снова вспотел; в то же время он ждал более бурных проявлений восторга по поводу замечательного устройства, которое ему удалось собрать. Еще бы, не каждый сумеет построить штуку, позволяющую поболтать с самим собой через десять дней! Итак, он сказал с некоторой иронией:

– Ну, что ж, если ты слишком занят, то . . .

– Подожди, сейчас я тебе кое-что объясню, – удовлетворенно произнес голос из двенадцатого июля. – Я действительно сейчас очень занят. Ты все поймешь, когда

окажешься там, где я теперь нахожусь. Не сердись, Сэм! Я тебе вот что посоветую: отправляйся-ка навестить Рози и расскажи ей эту историю. Желаю вам приятно провести время, ха-ха!

– И что же означает это твое „ха-ха"? – спросил Сэм с нарочитой небрежностью.

– Ты скоро узнаешь, – ответил голос. – А я уже знаю и поэтому могу посмеяться вдвойне. Ха-ха, ха-ха!

Раздался щелчок. Сэм уставился на безмолвный телефон. Потом он позвонил еще раз, но не получил ответа. Пожалуй, он был первым человеком в истории, у которого имелись серьезные основания ощутить искреннюю неприязнь к самому себе. Почесав затылок, он пробормотал: „Неплохо, да? Мы оба в игре, но делать все придется мне одному. Если, конечно, мы оба собираемся разбогатеть".

Он тщательно спрятал свое устройство, причесался, немного перекусил и поехал навестить Рози. Был поздний тихий вечер, и ситуация, как обычно бывает в таких случаях, складывалась довольно романтическая. В теплом воздухе парили светлячки, ярко светила луна, свежий ветер унес надоедливых москитов куда-то в иные страны и времена. Словом, в такую ночь Сэм грезил только о Рози, а Рози с оптимизмом прикидывала, сможет ли она вести хозяйство на заработки Сэма.

Они устроились в гамаке перед домом Рози, и Сэм нежно проворковал:

– Детка, я придумал, как нам разбогатеть. Ты будешь иметь все, что придет в твою прелестную головку. И ты можешь выложить это прямо сейчас, чтобы я знал, сколько мне нужно отхватить.

Рози вздрогнула и внимательно посмотрела на Сэма.

– С тобой все в порядке, милый? – озабоченно спросила она.

Сэм улыбнулся. Он никогда не был женат и не понимал, как нелепо прозвучали для Рози его слова. Сколько нужно денег, чтобы женщина была удовлетворена? Да на такой вопрос просто не существует ответа!

– Послушай, детка, – ласково сказал Сэм, – никто не подозревает, что сегодня ночью Джо Хант и вдова Бакус сбегут в Северную Каролину, чтобы там пожениться. Все остальные узнают об этом только завтра. А послезавтра, четвертого июля, Даннсвилл побьет Брэденсберг в бейсбол со счетом семь – пять; все решится на девятой подаче, когда Джордж Пиби поразит цель с первого раза. Кстати, на второй базе тогда будет Фред Холмс.

Рози ошеломленно уставилась на него. Сэм усмехнулся и стал спокойно объяснять. Ему поведал об этом Сэм Йодер из двенадцатого июля. И он расскажет ему о разных других событиях, так что они смогут разбогатеть.

– Сэм, кто-то подшутил над тобой! – с тревогой воскликнула Рози.

– Как бы не так, – снова усмехнулся Сэм. – А кто же еще знает, что ты сказала мне тогда в беседке? Помнишь, ты подумала, что я обиделся на тебя, и заплакала, и . . .

– Сэм!

– Кроме того, – продолжал Сэм, – откуда ему известно про тот случай, когда мы ездили за город и тебе под блузку забрался жук? А ты решила, что это пчела и попросила меня . . .

– Сэм Йодер! – воскликнула Рози с возмущением. – Я надеюсь, ты никому не говорил про тот случай?

– Нет, – честно ответил Сэм. – Но тот парень из двенадцатого июля все знал. И рассказал мне! Ведь это же был я сам, понимаешь?

Рози всхлипнула. Сэм принялся объяснять с самого начала. Со всеми подробностями. Когда он закончил, лицо Рози выражало полное отчаяние.

– С-Сэм, – сказала она, слегка заикаясь, – или ты к-кому-то ра-ассказал про все, что мы говорили и делали, или . . . за нами кто-то следит и знает каждое слово, что мы сказали друг другу. Это ужасно! Неужели ты действительно хочешь убедить меня . . .

– Да, именно так, детка! – с воодушевлением произнес Сэм. – Я из двенадцатого июля позвонил мне из второго июля и рассказал о том, что неизвестно никому, кроме нас с тобой. Здесь не может быть сомнений!

Рози вздрогнула и пробормотала:

– Он . . . этот . . . знает каждое наше слово . . . каждое слово, что мы сказали друг другу . . . И знает, о чем мы говорим сейчас! – она снова всхлипнула и решительно освободилась от объятий Сэма. – Вот что, Сэм Йодер! Отправляйся-ка ты домой!

Сэм взглянул на нее с изумлением. Она встала и отвернулась от него.

– Неужели ты думаешь, Сэм Йодер, – сказала она с отчаянием, – что я стану разговаривать с тобой, когда кто-то слышит каждое мое слово и знает обо всем, что я делаю? И неужели ты думаешь, что я выйду за тебя, Сэм Йодер?

Она разрыдалась и убежала в дом, громко хлопнув дверью. Спустя несколько минут ее отец вышел на крыльцо

и начал терпеливо объяснять Сэму, что ему лучше уйти домой; тогда Рози, может быть, перестанет плакать и даст своему отцу почитать газету в тишине и покое.

По дороге Сэм предавался мрачным размышлениям. Добравшись домой, он был в ярости. Тот тип из двенадцатого июля мог бы предупредить его! Он снова отключился от линии и начал звонить в двенадцатое июля с помощью своего аппарата. Но там никто не отвечал.

Наутро он попытался связаться еще раз, но ответа по-прежнему не было. Он сунул в свой грузовичок сумку с инструментами и отправился на работу. Самочувствие у него было – хуже не придумаешь. И оно не улучшилось, когда приятели рассказали ему, что Джо Хант и вдова Бакус сбежали в Северную Каролину. Никто не мешал этой парочке пожениться дома, но затея с побегом, наверное, казалась им очень романтичной.

Сэму, однако, было не до романтики. Он получил окончательное доказательство существования еще одного Сэма, знавшего все, что знает он сам и много еще чего вдобавок. Этот тип втравил его в такую передрягу и сейчас наверняка потешается над ним. А Рози? Услышав новость про побег Джо Ханта и вдовы Бакус, она, конечно, поверит окончательно его вчерашнему рассказу. Она поймет, что Сэм вовсе не повредился в уме и не стал жертвой розыгрыша . . . она поймет, что он сказал чистую правду.

Естественно, это был не первый случай, когда мужчина имел неприятности с женщиной из-за того, что сказал ей правду. Но Сэм впервые попал в такое положение. Он еще не успел привыкнуть.

В этот день Сэму пришлось отправиться в Брэденсберг, чтобы устранить аварию на линии. Около полудня он зашел в местный бар, собираясь перекусить. Там было несколько болельщиков, громко обсуждавших шансы своей бейсбольной команды, встречавшейся назавтра с ребятами из Даннсвилла.

Сэм с минуту прислушивался к разговору, а потом небрежно сказал:

– Даннсвилл победит с преимуществом в два очка, парни!

– У тебя завелись лишние деньги? – с насмешкой спросил один из болельщиков. – Тогда выкладывай ставку и дай кому-нибудь из нас возможность состричь пару долларов!

Тут Сэм ощутил желание замять дело. Но патриотические чувства брэденбергцев были сильно задеты, и,

когда он попытался отвертеться, в его адрес посыпались насмешки. В конце концов он обшарил все карманы и набрал одиннадцать долларов, которые презрительно выложил на стойку. Его ставку приняли под раскаты хриплого хохота и язвительные замечания поклонников местной команды. На обратном пути в Баттерсвилль он мрачно размышлял о том, что, безусловно, выиграет одиннадцать долларов, но, кажется, потеряет Рози.

Вечером он снова попытался дозвониться Сэму из следующей недели, но ответа не получил. Он убрал свой аппарат и, подсоединив к сети обычный телефон, набрал номер Рози. Она сама сняла трубку.

– Рози, – сказал Сэм с тоской в голосе, – ты по-прежнему сердишься на меня?

– Я никогда на тебя не сердилась, – всхлипнула Рози. – Я злюсь на того типа, который говорил с тобой по телефону и слишком много знает о наших личных делах. Конечно, я сержусь и на тебя, если ты сболтнул ему что-то лишнее.

– Но я ничего ему не говорил! – с отчаянием воскликнул Сэм. – Он – это я сам! И все, что ему нужно сделать, – только вспомнить кое-что! Я пытался дозвониться ему вчера вечером и сегодня тоже, – добавил он горько, – но никто не ответил. Может быть, его нет дома. А может быть, все это дело – сплошная игра воображения.

– Ты рассказал мне про побег, – послышался удрученный голос Рози. – Так и случилось. Джо Хант и вдова Бакус. Точно, как ты говорил!

– Это могло быть совпадением, – произнес Сэм без особой надежды.

– Я ж-жду, – сказала Рози дрожащим голосом, – когда Даннсвилл побьет Брэденсберг со счетом семь – пять . . . и все решится на девятой подаче . . . когда Джордж Пиби попадет в цель, . . . а Фред Холмс будет на второй базе . . . , и, если это случится, я . . . я, наверно, у-у-умру!

– Почему? – спросил Сэм; надо заметить, это прозвучало не слишком умно.

– Потому, – запричитала Рози, – что тогда я не смогу вы-выйти за тебя заму-у-уж! Потому, что кто-то все время будет подглядывать из-за твоего плеча . . . и мы никогда не сможем остаться наедине . . . ни днем, ни но-о-очью!

Она зарыдала и бросила трубку, а Сэм выругался – медленно и с чувством. Потом он снова подключил к линии свой аппарат и принялся звонить. Он звонил, звонил и звонил, но ответа не было.

Назавтра, в день Четвертого Июля*, Даннсвилл выиграл у Брэденсберга со счетом семь – пять. Все решилось на девятой подаче, когда Джордж Пиби забил мяч, а Фред Холмс стоял на второй базе. Сэм получил одиннадцать долларов и едва не расплакался.

Вечером Сэм остался дома, погруженный в мрачные размышления. Время от времени он пытался позвонить себе с помощью проклятого аппарата, который он изобрел и сам же усовершенствовал. На самом деле, это было превосходное устройство, но сейчас оно не доставляло Сэму никакого удовольствия. Вечер тоже стоял превосходный, на небе светила полная луна, похожая на новенький серебряный доллар. Но Сэм не мог любоваться лунным светом, если тот тип – уже из четырнадцатого июля – отказывался разговаривать с ним и, как видно, не собирался помочь ему выбраться из всей этой передряги.

На следующее утро его разбудил телефонный звонок. Он вскочил, чертыхнувшись, с постели и тут вдруг сообразил, что его устройство еще с вечера осталось подключенным к линии. Тут Сэм в один прыжок оказался у аппарата.

– Алло!

– Не переживай, парень, – покровительственно произнес голос в трубке. – Скоро Рози помирится с тобой.

– Откуда, дьявол тебя побери, ты знаешь, что она собирается сделать? – заорал Сэм в ярости. – Она не выйдет за меня, пока ты тут болтаешься! Мне бы только придумать, как избавиться от тебя и . . .

– Заткнись! – нетерпеливо сказал голос. – Я сейчас занят. Я отправляюсь за деньгами, которые ты для нас заработал.

– Ты отправляешься за деньгами? – взревел Сэм. – Я попал в беду, а ты, значит, идешь получать денежки?

– Ну, должен же я получить то, что ты заработал, – произнес голос со скрытым нетерпением, словно обращаясь к маленькому глупому ребенку. – Послушай! День, в котором ты сейчас находишься, – вторник. Сегодня ты поедешь в Даннсвилль, чтобы починить там несколько телефонов. В половине одиннадцатого ты окажешься в конторе мистера Броддуса. Выгляни в окно и посмотри на парня, который будет сидеть в машине у входа в банк. Запомни его хорошенько!

---

*День провозглашения независимости США.

– Не собираюсь этого делать, – строптиво заявил Сэм. – Я не буду выполнять твои указания! Может быть, ты – это и есть я, но я делаю деньги, а ты их получаешь. Сильно подозреваю, что они все будут потрачены прежде, чем я до них доберусь. Так что нам с тобой лучше прекратить всякие отношения. Эта история уже стоила мне единственной и настоящей любви, счастья всей моей жизни – и провались ты к дьяволу!

В ответ его собственный голос заметил с иронией:

– Значит, ты этого не сделаешь? Ну, поживем – увидим!

Когда Сэм пришел утром на работу, управляющий телефонной компанией действительно послал его в Даннсвилль для проверки нескольких линий. Сэм заартачился. Он заявил, что должен произвести срочный ремонт в другом месте. Управляющий мягко объяснил Сэму, что мистер Броддус несколько перебрал, отмечая праздник Четвертого Июля, вывалился из окна и сломал ногу. Так что христианский долг Сэма требует, чтобы телефон в конторе мистера Броддуса был в полном порядке, и ему следует отправиться туда немедленно, иначе . . .

По дороге в Даннсвилль Сэм вспомнил, что происшествие с ногой мистера Броддуса не являлось для него новостью: он сам рассказал об этом себе по телефону. Сэм скрипнул зубами. В половине одиннадцатого, когда он занимался телефоном мистера Броддуса, Сэм вспомнил о человеке в машине, на которого ему следовало хорошенько посмотреть. Он решил ни при каких обстоятельствах не выглядывать из окна. Злорадно ухмыляясь, Сэм размышлял о том, как сорвет все планы этого проходимца из будущего времени.

И, естественно, он подошел к окну, чтобы узнать, от чего же он собирается отказаться.

Перед входом в банк стояла машина, в которой сидел рыжий парень. Дымка, дрожащая около выхлопной трубы, показывала, что двигатель работает. Все это не произвело на Сэма никакого впечатления. Пока он лениво глазел в окно, дверь банка открылась, пропустив двух джентльменов, торопливо бросившихся к автомобилю. Один из них тащил сумку; в руках они держали револьверы, которыми энергично размахивали, забираясь в машину. Рыжеволосый парень нажал на газ, и машина стремительно рванулась прочь из города.

Через три секунды из двери с воплем выскочил старый мистер Блафорд, президент банка, за которым последовал кассир. Они кричали, что банк ограблен и что гангстеры

прихватили с собой тридцать пять тысяч долларов. Всё произошло очень быстро, и Сэм даже не успел понять, в чем дело. Он спустился вниз, чтобы разузнать подробности, и его немедленно усадили за работу: грабители прострелили из пистолета телефонный кабель, лишив служащих банка возможности немедленно связаться с полицией. Так что Сэм оказался очень кстати, чтобы восстановить сообщение с внешним миром.

Пока он возился с кабелем, детали ограбления начали всплывать в его памяти. Он сидел на телефонном столбе, когда шериф и полные энтузиазма граждане Даннсвилла промчались мимо на автомобилях. Сэм понял, что может не торопиться. И тут, наконец, он понял, что случилось.

– Господи! – воскликнул Сэм в крайнем смущении. – Ведь это я сам из середины будущей недели велел себе явиться сюда и наблюдать за ограблением банка! Но этот негодяй не сказал мне, что тут произойдет, так что я даже не пытался остановить преступников! – Он почувствовал, как недоумение и негодование начали переполнять его. – А ведь я мог бы стать героем! – продолжал он с горечью. – Рози восхищалась бы мной! Этот я из будущего – прирожденный мошенник!

И тут перед ним открылась весьма печальная картина. Этот тип был он сам, и их разделяло всего десять дней! Значит, в недалеком будущем он так погрязнет в пороке, что позволит себе с сардоническим удовлетворением глазеть на гангстеров, грабящих банк. И он даже не мог сообщить властям об этом мерзком типе! Ему никто не поверит, если только он не заставит голос из телефонной трубки изложить всю историю и признать свою порочность! Но даже в таком случае, что можно сделать с мерзавцем, который находится на следующей неделе?

Сэм почувствовал, что он – конченый человек. Он смотрел в будущее и ничего привлекательного там не видел. Закончив ремонт простреленного кабеля, он спустился вниз, сел в свой грузовичок и поехал к дому Рози. Ему оставалось только одно.

Девушка подошла к двери и подозрительно посмотрела на него.

– Я пришел попрощаться с тобой, Рози, – с горечью сказал Сэм. – Я только что узнал, что являюсь преступником – и я решил уехать отсюда. Пусть о моих преступлениях узнают подальше от родного дома и друзей; кто из них мог бы подумать, что я кончу таким образом! Прощай, Рози!

– Сэм! – воскликнула Рози. – Что еще случилось?

Сэм рассказал все. Про ограбление банка и о том, что он сам из будущей недели, зная, что должно произойти, велел себе из этой недели пойти и полюбоваться на гангстеров, уносящих тридцать пять тысяч долларов. И этот будущий Сэм ничего не рассказал ему про ограбление, так что он, Сэм нынешний, не смог предотвратить преступление.

– Он все знал, – произнес Сэм, повесив голову, – и должен был сказать мне об этом! Но он даже слова не вымолвил. И, значит, он – соучастник преступления! А ведь он – это я, Рози! Я тоже попал в эту дурную компанию! Поэтому я пришел сюда и говорю: прощай, Рози, моя единственная любовь! Ты больше никогда меня не увидишь!

– Ну-ка, присядь сюда! – твердо скомандовала Рози. – Пока что ты ничего дурного не сделал. Преступником станет тот, другой . . . другой ты. А у тебя нет никакой причины убегать.

– Но будет, обязательно будет! – с отчаянием сказал Сэм. – Моя судьба – стать преступником. Тот, другой – это же я сам, только из будущего! И ничего нельзя поделать!

– Почему же? – с решимостью заявила Рози. – Лично я не собираюсь сидеть сложа руки.

– Ка-ак? – Сэм раскрыл от удивления рот.

– Я тебя перевоспитаю, – сказала Рози мрачно. – Сэм Йодер, я не дам тебе погрязнуть в пороке!

Она была решительная девушка, эта Рози. Повернувшись к Сэму спиной, она направилась в дом и через пять минут появилась на крыльце, переодетая в голубые джинсы. Потом пошла в сарай, где ее отец хранил инструменты, выбрала гаечный ключ потяжелее и сунула его в задний карман. Когда она вернулась к грузовику, Сэм спросил:

– И что же все это значит, Рози?

– Я буду ездить с тобой, – ответила Рози. – И при мне, Сэм Йодер, ты ничего преступного не сделаешь. А если этот тип снова станет звонить тебе, я залезу на телефонный столб и скажу ему, чтобы проваливал, пока цел! – И она положила руку на внушительный гаечный ключ.

– Если кто и сможет удержать меня от преступления, так это ты, Рози, – согласился Сэм. – А зачем тебе ключ?

– Ты это узнаешь, Сэм Йодер, когда у тебя появятся преступные мысли, – пообещала Рози, усаживаясь рядом с ним на сиденье. – А теперь отправляйся по своим делам, а я и гаечный ключ будем следить за твоей нравственностью!

Так дело и пошло. Эта их нежная беседа состоялась через час после ограбления, и вокруг было много сплетен и разговоров о таком выдающемся событии. Но Сэм продолжал заниматься своим делом по ремонту телефонных линий, а Рози с гаечным ключом в кармане всюду сопровождала его – не то в качестве телохранителя, не то как агент полиции нравов.

Очень удачно, что Сэм оказался в Даннсвилле во время ограбления: он быстро починил простреленный кабель, и это сорвало все планы гангстеров. Они не успели отъехать и десяти миль от города, как весть о преступлении разнеслась по всей округе. Когда их машина промчалась мимо магазина Лемана, кто-то выстрелил в нее зарядом дроби и изрешетил радиатор. Так что через две мили они застряли и бросили автомобиль, затолкав его в кусты. Шериф лихо прокатил мимо, ничего не заметив, а грабители двинулись дальше пешком. Пошел дождь, они промокли и впали в отчаяние. Они знали, что полиция уже перекрыла все дороги и весь округ охотится на них. Главная улика – сумка, наполненная банкнотами и серебряными монетами, – все еще оставалась у них.

Преступники решили сманеврировать. Рассовав по карманам мелкие банкноты, но не набивая их слишком сильно, чтобы не привлекать внимания, они спрятали основную часть награбленного в дупле дерева. Потом шайка разделилась. Один сел в автобус, идущий из Баттерсвилля в Раппахэннок, и затерялся среди пассажиров. Двое других украли лодку и перебрались через Северн. Грабители жили в близлежащих городках, и, пока ливень смывал их следы, они спокойно отправились спать в собственные постели. Только простуда донимала их – следствие прогулки под дождем. Чувствовали они себя прескверно, но были в полной безопасности; после дождя собаки не могли взять их след.

Пока что все это Сэма совершенно не касалось. Рози взяла на себя ответственность за него и твердо намеревалась нести ее до конца. Она ездила с ним в грузовике целый день. Когда пришло время заканчивать работу, Сэм доставил ее домой и собрался отправиться восвояси.

Но Рози сурово сказала:

– Нет, ты никуда не пойдешь! Ты останешься здесь и будешь спать в комнате моего брата. А отец закроет тебя на замок, чтобы ты не отправился звонить этому типу и не влип в очередную неприятнось.

– Но я могу все перепутать, если не поговорю с ним, – попытался неуверенно возразить Сэм.

– Он и так уже устроил путаницу, связавшись с тобой, – сказала Рози. – Как он смел обсуждать наши личные дела! Ему не следовало знать о них! И я не уверена, – добавила Рози угрожающе, – что не от тебя ли получил он все подробности . . . Если это так, Сэм Йодер . . .

Сэм не стал спорить с ней. Ему было нечего сказать. Он сохранял полную покорность, пока не узнал после ужина о дальнейших планах на вечер. Планы были таковы: увлекательная игра в криббедж в присутствии родителей Рози. Он грустно подумал, что они с Рози ведут себя как супружеская чета, прожившая вместе не один год, не получая никаких положенных супругам удовольствий. Но стоило Сэму только заикнуться об этом, как Рози бросила на него свирепый взгляд. И когда пришло время ложиться спать, она отправила его в комнату брата, а отец запер Сэма на ключ. Спал он плохо. На следующее утро Рози в голубых джинсах и с гаечным ключом в кармане опять была готова сопровождать его. И она поехала с Сэмом. И так же на следующий день. И на следующий. Ничего не происходило. Государственная ассоциация банков назначила награду в пять тысяч долларов за поимку грабителей, а страховая компания добавила еще, но никто не мог обнаружить их следов.

У Сэма тоже не обнаруживалось никаких криминальных способностей. Рози ездила с ним постоянно, но их прежние отношения казались забытыми. Они не держались за руки, не обменивались обожающими взглядами и даже не пытались прижаться друг к другу, когда перекусывали в тесной кабине грузовичка около заправочной станции. Их отношения были образцовыми, что сильно раздражало Сэма. Возможно, Рози это тоже раздражало.

Однажды, пережевывая бутерброд с ветчиной, Сэм жалобно сказал:

– Я схожу с ума по тебе, Рози. Но у меня такое чувство, что я развелся, не успев жениться.

Рози резко ответила:

– Если я скажу тебе, как себя чувствую, то этот тип из будущего обхохочется над нами. Так что помолчи, пожалуйста!

Дела были плохи, и лучше они не становились. Уже около недели Рози ездила с Сэмом в его грузовичке. Они вели себя в полном соответствии с правилами самой строгой морали и, безусловно, могли бы заслужить одобрение родителей Рози. Они не совершали действий, которые нельзя было бы выставить напоказ всему миру, а их редкие разговоры показались бы скучными даже старой деве.

Это случилось, очевидно, 11 июля. Они разругались друг с другом, и Рози сказала сквозь слезы:

– Я хочу повести машину. Мне надо заняться чем-нибудь, чтобы отвлечься.

– Давай, – мрачно согласился Сэм. Он остановил грузовик и вылез наружу. – Что бы ни случилось, мне уже все равно. Я больше не жду счастья в этой жизни.

Он обошел грузовик спереди, а Рози подвинулась на водительское место. Потом она сказала:

– Завтра – двенадцатое. Ты помнишь об этом?

– Да, завтра – двенадцатое, – подтвердил Сэм. – Ну и что?

– Тот самый день, из которого ты первый раз позвонил себе, – сказала Рози.

– Верно, – угрюмо кивнул Сэм, – так оно и было.

– До сих пор, – заявила Рози, яростно нажимая на газ, – я изо всех сил старалась, чтобы ты остался честным человеком. Если ты превратишься в негодяя между сегодняшним и завтрашним днем, я . . .

Она переключила на вторую скорость. Грузовичок дернулся и подпрыгнул.

– Эй, – сказал Сэм, – что ты делаешь!

– Не учи меня ездить, Сэм Йодер, – огрызнулась Рози.

– Но если я не доживу до завтра . . .

Рози снова переключила передачу – опять слишком резко. Грузовичок взбрыкнул, как упрямый мул, и когда она нажала на газ, чуть не соскочил с дороги.

– Если ты не доживешь до завтра . . . – сквозь зубы произнесла Рози, разъяренная житейскими тяготами и нахальным поведением грузовичка, – если ты не доживешь до завтра, Сэм Йодер, то получишь только то, что заслужил! Я все думаю, думаю, думаю . . . Даже если ты не станешь мошенником, между нами всегда будет стоять этот тип, который знает обо всем, что мы говорим и делаем . . . – Грузовик делал уже сорок миль в час, а Рози продолжала набирать скорость. – Мы ничего не можем поделать, нет никакой надежды . . .

Внезапно она разрыдалась от ярости и отчаяния. Но именно в этом месте шоссе делало крутой зигзаг, и Рози попыталась резко свернуть, заметив стоящую у обочины машину. Сэм схватился за руль, но было уже слишком поздно. Грузовичок, продолжая набирать скорость, врезался в автомобиль с грохотом десятка пустых железных бочек. Его занесло в сторону, швырнуло назад, потом снова вперед, и в результате он второй раз ударился

о припаркованную машину. И только тогда двигатель заглох, и грузовичок остановился.

Кто-то закричал. Сэм выскочил из кабины, осмотрел повреждения и попытался понять, почему они с Рози еще живы. Потом он стал размышлять по поводу того, как объяснить телефонной компании, зачем он пустил Рози за руль.

Снова раздался громкий крик. От лесной опушки к машине бежал рыжеволосый тип, оглашая окрестности словами, совершенно неподходящими для изящных ушек Рози. Футах в шести от Сэма он остановился, сунул руку в карман и начал вытаскивать какой-то блестящий металлический предмет.

Сэм прыгнул вперед еще до того, как пистолет появился из кармана, и он успел ударить до того, как пистолет выстрелил. Раздался чмокающий звук, рыжий парень повалился на бок и остался недвижим.

– Боже мой! – воскликнул Сэм с удивлением. – Это же тот самый тип, который сидел в машине перед входом в банк! Он – один из грабителей!

Сэм осмотрелся. Из леса донесся громкий треск. Они находились почти на самой опушке, и Сэму не пришлось напрягать умственные способности, чтобы понять: приятели рыжеволосого грабителя на подходе. Через секунду он их увидел.

В этот момент из грузовичка вылезла Рози. Лицо ее побледнело, но у Сэма не было времени крикнуть, чтобы она заводила машину и поскорее убиралась отсюда. Грабители бежали к нему, и один из них держал в руках сумку с надписью „Банк Даннсвилла". Приблизившись, они громогласно высказали свое мнение о ситуации, персонально о Сэме, о Вселенной и ее создателе, пожалуй, обо всем, кроме погоды. При этом они использовали еще более специфическую терминологию, чем их рыжеволосый приятель.

Тут они, наконец, его заметили. Один грабитель бросился к Сэму, вытаскивая пистолет. Он поднял оружие и уже собирался прострелить Сэма наподобие даннсвиллского телефонного кабеля, когда сзади раздался странный глухой звук и шум падения. Конечно, даже в такой ответственный момент требовалось выяснить, в чем дело, – и грабитель оглянулся.

Странный звук произвел гаечный ключ Рози, соприкоснувшийся с макушкой второго грабителя. Она с нежностью хранила этот ключ для Сэма, а пригодился он совершенно для незнакомого человека. Теперь незнакомец мирно

лежал на дороге рядом со своим рыжеволосым коллегой. Сэм размахнулся во второй раз и сшиб с ног последнего грабителя – наступила тишина, из леса доносились только птичьи трели, да кузнечики стрекотали в траве. Потом раздались другие звуки, источником которых была Рози: она рыдала взахлеб, повиснув на шее у Сэма.

Он расцепил ее руки, неторопливо подошел к грузовичку и вернулся с мотком телефонного кабеля и плоскозубцами. Надежно связав за спиной руки грабителей, Сэм забросил их в кузов грузовичка, вместе с деньгами, которые они украли. Вскоре незадачливые налетчики пришли в себя, и тогда Рози с Сэмом строго объяснили им, какие выражения не следует употреблять в присутствии леди. Но эту троицу настолько ошеломили выпавшие на их долю испытания, что Сэм и Рози больше не имели с ними никаких проблем.

Даже родители Рози остались бы довольны примерным поведением грабителей, пока молодые люди везли их в город и сдавали шерифу. Ну и, конечно, родители Рози были поражены случившимся.

Вечером Рози сидела на веранде с Сэмом, и они обсуждали бурные события этого дня. Однако Рози по-прежнему беспокоилась относительно будущего Сэма. Тут Сэм, наконец, решил утвердить свое мужское достоинство. Около половины десятого он твердо сказал:

– Ну, ладно, Рози, отправляюсь-ка я домой. Нужно еще раз позвонить в следующую неделю и предупредить себя, чтобы не совал нос в чужие дела.

– Это что за разговоры? – мрачно произнесла Рози. – Вот уж нет! Ты останешься здесь на всю ночь, а завтра я и гаечный ключ снова поедем с тобой. Если мне удалось до сих пор сохранить твою честность, то я уж как-нибудь продержусь до завтрашнего захода солнца. Может быть, тогда все будет в порядке!

Сэм запротестовал, но Рози осталась непреклонной. Она отправила его в комнату своего брата, а ее отец опять запер дверь на ключ. Сэм плохо спал в эту ночь, так как ни один поцелуй Рози не вознаградил его добродетель и стойкость, поэтому будущее рисовалось ему в мрачном свете. Под утро он проснулся и, глубоко задумавшись, сел в кровати. Тут его осенила поразительная мысль.

Он уставился в стену и пробормотал:

– Бог мой, конечно же!

Он усмехнулся с таким видом, словно с плеч его свалилась неимоверная тяжесть. Во время завтрака он

что-то напевал и умял столько блинов с сиропом, что угнетенное настроение Рози сменилось тихим отчаянием.

Сэм нежно улыбнулся ей в спину, когда она шла к грузовичку в своих голубых джинсах с гаечным ключом в кармане. Как обычно, они выехали на дорогу, и Сэм сказал:

– Рози, шериф сообщил, что мы получим награду в пять тысяч долларов от Ассоциации банков и еще кое-какие деньги от страховой кампании. Мы станем богатыми людьми.

Рози с подозрением посмотрела на него. Другой Сэм – Сэм из будущего – по-прежнему внушал ей серьезные опасения. Но тут Сэм, который сидел рядом с ней, внимательно разглядывая тянувшуюся вдоль дороги телефонную линию, съехал на обочину и достал свои „кошки".

– Это еще зачем? – спросила Рози. – Что ты собираешься делать?

– Сейчас узнаешь, – улыбнулся Сэм.

Он ловко забрался на вершину столба и подключил к проводам свой маленький прибор – тот самый, который давал возможность позвонить самому себе из будущего, удаленного на десять дней.

Позвонить из будущего – или из прошлого.

– Алло! – сказал Сэм, восседая на верхушке телефонного столба.

Голос, хорошо знакомый ему, зазвучал в трубке:

– Алло! Кто это?

– Сэм, это ты.

– Что? Кто говорит?

– Это ты, – сказал Сэм, – ты, Сэм Йодер. Ты что, собственный голос не узнаешь? Это ты, Сэм Йодер, который звонит из двенадцатого июля. Только не вешай трубку!

Он услышал изумленный вздох Рози, сидевшей там, внизу, в побитом грузовичке. Он, наконец, понял очевидное – то, что сегодня, двенадцатого июля, он говорил с собой по телефону. Только сейчас он позвонил не Сэму из будущего, а Сэму из прошлого. Он говорил с тем Сэмом, который десять дней назад сидел на этом же самом телефонном столбе у Бридж Ран и искал разрыв на линии. И их разговор повторился слово в слово.

Когда он с важным видом слез со столба, Рози, плача, прижалась к нему.

– О, Сэм! – рыдала она. – Это же был ты – все время ты! Только ты!

– Ага, – сказал Сэм с удовлетворением. – Я сообразил это прошлой ночью. Тот тип из второго июля сейчас злится

на меня. Он расскажет тебе обо всем, и ты начнешь волноваться. Но я заставлю этого болвана сделать все, что нужно сделать. Нам с тобой, Рози, предстоит получить кучу денег. И я постараюсь сделать так, чтобы он заработал их для нас. Но должен предупредить тебя, Рози, что он будет ждать меня дома и мне нужно с ним сегодня поговорить и отправить его к тебе.

– Х-хорошо, – произнесла Рози, широко раскрыв глаза.

– Но я отлично помню, – продолжал Сэм, – что вечером, когда я позвонил ему во второй раз, я очень торопился. У меня совершенно не было времени, чтобы беседовать с этим типом из прошлого. Чем же я могу быть занят сегодня вечером, Рози? У тебя есть на этот счет какие-нибудь идеи?

– Сэм Йодер! – воскликнула Рози, покраснев. – Я не буду! Я не хочу! Это просто неслыханно!

Сэм посмотрел на нее и огорченно покачал головой.

– Очень жаль. Если ты не можешь ничего предложить, придется мне позвонить самому себе из будущего и навести соответствующие справки.

– Ты . . . ты не посмеешь! – взвизгнула Рози. – Я с тобой рассчитаюсь, Сэм Йодер! Я не дам тебе сплетничать с этим . . . этим . . . – тут она запричитала сквозь слезы: – Иди к черту, Сэм! Ты думаешь, я выйду за тебя, чтобы сегодня вечером тебе нашлось какое-нибудь занятие? Ты ошибаешься! Ты не можешь . . . ты не . . .

Сэм усмехнулся и поцеловал ее. Потом они сели в грузовичок и отправились в мэрию Баттерсвилля.

Вы вовсе не должны верить всему, что здесь написано. Если вы начнете расспрашивать Сэма Йодера насчет этой истории, он скорее всего скажет, что тут нет ни слова правды. Он не хочет, чтобы его личная жизнь стала объектом пристального внимания. Но есть тут и другие причины. Например, Сэм скоро будет весьма известным и состоятельным человеком. Он делает большие деньги – тем или иным способом. Во всяком случае, никто в окрестностях не согласится биться с ним об заклад насчет того, кто победит в очередном бейсбольном матче.

ДРУГАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Если бы Джимми Паттерсон рассказал о случившемся кому-нибудь, кроме Хейнса, невозмутимые люди в белых халатах забрали бы его для психиатрического лечения, которое, безусловно, дало бы положительный эффект. Ему вернули бы рассудок, в результате чего он мог бы умереть. Поэтому, с точки зрения тех, кто хорошо относился к Джимми и Джейн, очень удачно, что все получилось так, как оно получилось. Что касается фактов, то они кажутся совершенно невероятными, хотя и весьма убедительными.

Хейнсу, однако, очень хотелось бы знать, почему все это произошло с Джимми и Джейн, а не с кем-нибудь еще. В подобных случаях должна существовать какая-то особенная причина, но тут даже малейшего намека на что-либо подобное не было.

Все началось примерно через три месяца после гибели Джейн в той нелепой автокатастрофе. Джимми тяжело переживал ее смерть. Казалось, что тот вечер ничем не отличался от всех остальных. Он, как обычно, направился домой и, когда подошел к двери, почувствовал, как перехватило у него горло. Знать, что Джейн не ждет его дома, что она ушла навсегда, было невыносимо. Джимми задыхался; подобное ощущение уже стало для него привычным, хотя он упорно не терял надежды, что когда-нибудь с ним справится. Сегодня оно было особенно сильным, и Джимми с отчаянием подумал, сможет ли заснуть ночью, а если сможет, то какие будут ему сниться сны. Иногда он видел во сне Джейн и был счастлив, пока не просыпался, и тогда ему хотелось перерезать себе глотку. Но сегодня он еще не дошел до такого состояния. Еще не дошел.

Как Джимми позднее объяснил Хейнсу, он просто вставил ключ в замок, открыл дверь и шагнул внутрь, но вместо просторной прихожей опять наткнулся на дверь. Тогда он снова рассеянно вставил ключ в замок, повернул его и сделал шаг.

Да-да, именно так все и было. Он пристально посмотрел на дверь, но она выглядела, как обычно. Джимми закрыл ее, но чувствовал он себя как-то странно. Оглядевшись вокруг, он попытался понять, что же, собственно говоря, произошло.

Внезапно он ощутил легкое движение воздуха. Джимми оглянулся. Дверь опять была широко распахнута, и ему снова пришлось закрывать ее.

Лишь эти события отличали тот вечер от всех предыдущих, и у Джимми нет объяснений, почему все произошло, вернее, началось именно тогда, а не в любой другой день. Он лег спать с каким-то гнетущим чувством неуверенности. Он был убежден, что открыл одну и ту же дверь дважды; кроме того, ему пришлось дважды ее закрыть. Он что-то слышал о подобных ощущениях – странных, но, вне всякого сомнения, довольно банальных. Ночью, слава богу, ему ничего не снилось. На следующее утро он проснулся с привычным ощущением скованности во всем теле. Как всегда, перед тем как открыть глаза утром, он напомнил себе, что Джейн уже нет рядом. Он непременно должен был это сделать. Стоило ему забыться – и он с нежностью поворачивался к ней, натыкаясь на пустоту; тогда его пронизывала невыносимая боль при мысли, что Джейн погибла и он никогда ее не увидит.

В это утро Джимми лежал с закрытыми глазами, снова напоминая себе, что Джейн больше нет, но внезапно он понял, что думает про дверь. Он вспомнил, что пнул дверь ногой перед тем, как открыть ее во второй раз; значит, ему вовсе не померещилось, что она была закрыта. Потом . . . потом он вошел . . . закрыл дверь . . . и обнаружил, что она, тем не менее, по-прежнему открыта. Он ясно припомнил свои действия и был твердо уверен, что нервное расстройство тут ни при чем. И хотя вчерашние события сильно смахивали на обычную игру воображения, рассудок убеждал его, что все произошло именно так и неважно, какое отношение к реальности имеет случившееся.

Он вышел из дома в мрачном настроении, позавтракал в ресторане и поехал на службу. Работа была для него благословением, потому что позволяла на время забыть о своем горе. Правда, иногда там происходило что-нибудь интересное – нечто, способное позабавить Джейн, если бы она об этом услышала. Тогда ему снова приходилось напоминать себе, что он ничего не сможет рассказать Джейн: ее нет, она умерла.

Сегодня он часто вспоминал о двери, а когда шел домой, с тоской подумал, что ему предстоит тяжелая ночь. Он не сможет заснуть, и прошлое будет казаться бесконечно соблазнительным, и боль снова начнет терзать его – боль, которую он испытывал при мысли, что Джейн навсегда покинула его. Дома эта боль мучала его особенно

сильно, и Джимми не знал, сможет ли он когда-нибудь избавиться от нее. Да, похоже, сегодняшняя ночь будет просто невыносимой.

Джимми открыл дверь, шагнул через порог и вдруг с грохотом налетел на что-то твердое. Это была дверь! Он постоял неподвижно некоторое время, затем стал ощупью искать замок. Но дверь-то была открыта! Ведь он же открыл ее! Тогда на что же он налетел? Лоб-то у него болел в том самом месте, которым он ударился о дверную створку, хотя дверь вовсе не была закрыта!

Похоже, однако, что он ничего не мог поделать с этой ситуацией. Джимми вошел, повесил пальто и устало опустился в кресло. Набив трубку, он мрачно подумал, что впереди его ждет самая худшая ночь из всех. Он зажег спичку, раскурил трубку и положил спичку в пепельницу: в ней были окурки сигарет, которые обычно покупала Джейн. И к тому же казалось, что они попали сюда совсем недавно. Джимми потрогал окурки пальцем – самые настоящие сигареты. Внезапно его охватила ярость. Вероятно, женщина, приходившая убирать квартиру, имела наглость курить сигареты Джейн. Он вскочил и промчался по дому, пытаясь отыскать еще какие-нибудь следы ее присутствия. И ничего не нашел. Задыхаясь, он вернулся к своему креслу и увидел, что пепельница пуста! Но в доме не было никого, кто мог бы выбросить окурки!

Находится ли он в здравом рассудке? Может быть, он сошел с ума? Странно, но подобная мысль доставила ему какое-то странное удовлетворение. Все эти повторяющиеся нелепые случайности помогали ему бороться с черной депрессией, которая постепенно охватывала его. Он попытался трезво обдумать происходящее, но мысли его так или иначе сходились к предположению, что все это – его фантазии. Тем не менее, Джимми упрямо стремился разгадать эту головоломку. Дневные часы, занятые работой, были подарком судьбы. Иногда ему удавалось на целых двадцать минут забыть, что Джейн умерла. А сейчас, вечером, у него тоже нашлось дело. Джимми пытался решить, спятил он окончательно или же с рассудком у него все в порядке. Он подошел к столу, где Джейн обычно хранила счета и тетрадь с заметками о домашних расходах. Он решил, что запишет все на бумагу и методично проверит, сопоставляя факты и анализируя последовательность событий.

Дневник Джейн лежал на столе; между его страничками был заложен карандаш. Он взял тетрадь в руки

с необъяснимым чувством ужаса. Когда-нибудь он, возможно, познакомится с этими записями – хроникой из прошлой жизни, которую Джейн никогда не предлагала ему прочесть, но только не сейчас!

Вдруг до него дошло, что дневник не должен тут лежать. Руки у Джимми задрожали, и тетрадь, раскрывшись, упала на стол. Он увидел неровные строчки, написанные угловатым почерком Джейн, и сердце его сжалось. Джимми поспешно отвел глаза и захлопнул дневник. Однако дата, крупно выписанная наверху страницы, отпечаталась у него в памяти.

Минут пять он сидел неподвижно, с окаменевшим лицом и застывшим взглядом.

Прошло немало времени, прежде чем Джимми снова рискнул открыть дневник; теперь у него было готово вполне разумное объяснение. Должно быть, Джейн разметила страницы датами на несколько дней вперед и, если ей не хватало места под текущей датой, она писала на следующей странице. И оказывалось, что эта запись как бы датирована будущим числом.

– Ну, конечно же!

С трепетом Джимми пролистал дневник до последнего исписанного листа, где был заложен карандаш. Число, которое он успел заметить, соответствовало сегодняшней дате. Казалось, запись сделана совсем недавно: несомненно, это был почерк Джейн.

– Ходила на кладбище, – сообщали разбегающиеся в разные стороны строчки. – Это было ужасно. Прошло три месяца после аварии, а легче не становится. Теперь я ненавижу случайности; они уже не представляются мне чем-то абстрактным. Именно случайность убила Джимми. Вместо него в аварию могла попасть я, или, возможно, мы оба остались бы живы. Как жаль! Как безумно жаль!

На некоторое время Джимми совершенно обезумел. Придя в себя, он обнаружил, что уставился на пустую поверхность стола. Никакого дневника перед ним не было. Да и карандаш куда-то пропал. Он вспомнил, как взял карандаш и с отчаянием нацарапал несколько строк под записями Джейн.

„Джейн!" – написал он. Сейчас он даже помнил, как выглядели эти буквы. – „Где ты? Я не умер! Я думал, что ты умерла! Ради бога, где ты?"

Но, конечно же, ничего подобного произойти не могло. Он все придумал. Эта ночь оказалась тяжелой, но все же, к его удивлению, не такой ужасной, как некоторые преды-

дущие. Джимми, подобно любому нормальному человеку, панически боялся безумия, однако в его случае все было совсем не так просто. Сумасшедший всегда может объяснить свои фантазии, Джимми не мог. Когда он это понял, ему стало легче.

На следующее утро он купил маленький фотоаппарат со вспышкой и как следует изучил инструкцию. Может быть, с его помощью он сможет разобраться в событиях, происходящих вокруг него. Вечером, возвращаясь домой в темноте, Джимми держал фотоаппарат наготове. Он повернул ключ в замке, затем осторожно выставил руку вперед – дверь была все еще закрыта. Он отошел назад и быстро сделал снимок. Ярко сверкнула, ослепив его, вспышка. Но когда Джимми снова выставил вперед руку, дверь уже была распахнута. Он вошел в квартиру.

Бросив взгляд на письменный стол, Джимми перевел кадр и подготовил вспышку. Как и утром, когда он уходил на работу, стол был пуст. Он повесил пальто, уселся в кресло и раскурил трубку. Он сильно нервничал. Минут через десять он выбил пепел из трубки и заметил, что в пепельнице снова лежат окурки. Его охватила дрожь. Он снова закурил, стараясь не смотреть на письменный стол. И лишь когда Джимми во второй раз выбил пепел, он позволил себе посмотреть туда, где раньше лежал дневник Джейн.

Тетрадь снова была на обычном месте, к тому же – раскрытая. Поперек нее лежала линейка, очевидно для того, чтобы дневник не закрывался.

Джимми не был напуган и не питал никаких надежд на чудо. Он просто чувствовал, как отчаяние затопило его сердце, пока он пересекал комнату. И тут он увидел вчерашнюю запись и свое истерическое послание под ней. А дальше было что-то написано. Рукой Джейн.

„Милый, может быть, я схожу с ума. Но мне кажется, что ты жив. Возможно, отвечать тебе – безумие. Но, пожалуйста, дорогой, если ты жив и можешь каким-то образом . . . "

Здесь буквы расплылись от упавшей слезинки. Остальная часть послания была пронизана страхом, нежностью и отчаянием, таким же, какое испытывал сам Джимми. Он дрожащей рукой написал ответ, потом навел фотоаппарат и нажал на спуск во второй раз. Когда он снова посмотрел на стол, там уже ничего не было.

Ночью Джимми совсем не спал и был не в состоянии работать на следующий день. Он отнес пленку фотографу

и заплатил ему бешеные деньги, чтобы тот немедленно проявил и увеличил снимки. Он получил две совершенно четких фотографии. Даже очень четких, если принять во внимание условия, при которых они были сделаны. Первая была похожа на фотомонтаж, изображавший открытую и закрытую дверь одновременно. На другой он увидел страницу тетради и смог прочесть каждое написанное там слово. Было непонятно, как вообще получился такой четкий снимок.

Довольно долго Джимми бесцельно бродил по городу, иногда разглядывая фотографию. Хотя снимок являлся реальным фактом, все равно получалась какая-то чепуха. Он не смог смириться с нелепостью происходящего. Внезапно ему показалось, что он просто вообразил эти странные снимки. Но ведь проверить это не составляло труда.

И тогда Джимми отправился к Хейнсу. Хейнс был его другом и без особого энтузиазма выполнял обязанности его адвоката. В данном случае личность клиента не влияла на отсутствие энтузиазма, просто адвокатская деятельность мешала Хейнсу отдавать время огромному количеству совершенно невероятных занятий.

– Хейнс, – сказал Джимми спокойно. – Я хочу, чтобы ты посмотрел на пару снимков и сообщил мне, что на них изображено. Видишь ли, вполне возможно, что я сошел с ума.

Он протянул приятелю первую фотографию. Джимми казалось, что тут снята одна и та же дверь, почти под прямым углом, в одном и том же дверном проеме. Хейнс посмотрел на нее и спокойно произнес:

– Я не знал, что ты занимаешься комбинированной фотографией.

Он взял лупу и внимательно рассмотрел снимок.

– Бессмысленное занятие, но работа выполнена очень квалифицированно. Ты закрыл половину пленки и сфотографировал закрытую дверь, затем на другую половину снял открытую. Все совпало очень четко. Видимо, камера была надежно закреплена.

– Я держал фотоаппарат в руках, – сказал Джимми сдержанно.

– В таком случае ты не смог бы сделать этот снимок, – возразил Хейнс. – Не пытайся задурить мне голову.

– Я стараюсь не задурить голову себе, – сказал Джимми; лицо его побледнело. Он протянул Хейнсу другой снимок: – А что ты думаешь об этом?

Хейнс посмотрел и вдруг подпрыгнул. Он прочитал строки, которые были так четко зафиксированы фотоаппаратом. Затем в явном замешательстве он посмотрел на Джимми.

– У тебя есть какое-нибудь объяснение? – спросил Джимми. Он сглотнул. – У меня нет.

С храбростью отчаяния он стал излагать все, что произошло с ним, не пытаясь сделать свой рассказ вразумительным. Хейнс глядел на него, раскрыв рот. Но довольно быстро в глазах адвоката появилось понимание и сочувствие. Как уже отмечалось раньше, у него был целый ряд самых необычных хобби. В частности, он интересовался гипотезами о существовании четвертого измерения и прочими эзотерическими идеями; его забавляла возможность порассуждать о подобных явлениях с видом знатока. Но, кроме того, Хейнс, несомненно, обладал здравым смыслом, как всякий адвокат, имеющий большую и разнообразную практику.

Наконец, Хейнс мягко сказал:

– Если хочешь начистоту, Джимми . . . как-то у меня была странная клиентка. Она обвиняла одного парня в том, что он избил ее. Очень грустная история, знаешь ли. Эта женщина говорила совершенно искренне; она действительно верила, что все было так, как она рассказывает. Но ее семья признала, что она сама себя отделала, а врачи сошлись на том, что этот факт она подсознательно вычеркнула из памяти.

– Ты утверждаешь, – спокойно сказал Джимми, – что я сам написал все это для собственного утешения и вскоре забыл про подделку. Я не думаю, что дело обстоит именно так, Хейнс. Ну, а какие еще есть возможности?

Хейнс долго колебался. Он снова посмотрел на снимки, с особым вниманием разглядывая тот, который напоминал фотомонтаж.

– Удивительно четко совпадает, – сказал он нахмурившись. – Я не могу найти место сочленения снимков. Возможно, все-таки . . . Нет, этого просто не может быть!

Джимми ждал.

Хейнс, которому было ужасно не по себе, продолжал:

– Авария, в которой погибла Джейн, произошла, когда вы ехали вместе в своей машине. Вы следовали за грузовиком, перевозившим стальные конструкции. Длинная тонкая перекладина с красной тряпкой на конце торчала из кузова. Водитель миновал полосу мокрого асфальта и резко затормозил. Твоя машина скользила по шоссе,

хотя ты пытался ее остановить . . . Но это же чушь, Джимми!

– Я бы предпочел выслушать до конца, – сказал бледный Джимми.

– Ты врезался в грузовик, вашу машину немного занесло, и перекладина пробила ветровое стекло. Она могла бы угодить в тебя. Могла никого не задеть . . . По чистой случайности получилось так, что перекладина попала в Джейн . . .

– И убила ее, – очень спокойно сказал Джимми. – Да. Но это могло произойти со мной. Запись в дневнике говорит, что так оно и случилось. Ты заметил это?

Очень долго в конторе Хейнса царила тишина. За окнами текла обычная жизнь, прозаичная и ничем не примечательная. Наконец, адвокат пошевелился в своем кресле.

– Я думаю, – грустно произнес он, – ты сделал то же, что моя клиентка: написал все сам, а потом забыл. Ты был у врача?

– Непременно схожу, – сказал Джимми. – Только сначала объясни, в чем заключается мое безумие, Хейнс. Если ты, конечно, способен дать такое объяснение.

– Наукой подобные факты не признаются, – сказал Хейнс. – По правде говоря, все это считается вздором . . . Но у меня есть кое-какие идеи . . . – лицо его перекосила гримаса. – Во-первых, Джейн погибла по чистой случайности. Вместо нее та железка могла проткнуть тебя . . . или никого не задеть. Если бы ты погиб . . .

– . . . То Джейн, – сказал Джимми, – жила бы в нашем доме одна и она вполне могла бы сделать ту запись в дневнике.

– Да, – согласился Хейнс, которому было явно не по себе. – Мне не стоит высказывать подобную гипотезу, но существует много возможных вариантов будущего. Мы не знаем, какой из них уготован нам. Пожалуй, никто, кроме фаталиста, не станет спорить с этим утверждением. Когда сегодняшний день был еще в будущем, существовала масса возможных сегодня. Настоящий момент – лишь один из вариантов возможного настоящего. Поэтому предполагается – имей только в виду, что это никакая не наука, а чистейшей воды шарлатанство – предполагается, что может существовать больше, чем одна реальность. До того как перекладина нанесла удар, существо-

вали три реальности в возможном будущем. Одна – когда ни один из вас не пострадал, другая – в которой погиб ты, и, наконец, . . . – он замолчал, уставившись в пол. – Поэтому кое-кто может спросить: почему мы думаем, что реальность, в которой погибла Джейн, является единственной? Ведь другие варианты будущего вполне могли бы существовать и очень даже возможно, что они существуют.

Джимми кивнул.

– Если считать это правдой, – сказал он без выражения, – то Джейн находится в реальности, где был убит я. Так же, как я нахожусь в той реальности, где погибла она. Так, что ли?

Хейнс пожал плечами.

Джимми подумал и серьезно сказал:

– Спасибо. Странно все это, верно, Хейнс?

Он взял свои фотографии и вышел. Хейнс был единственным, кто знал о том, что происходило с Джимми, и это его немного беспокоило. Но ведь не так-то легко объявить человека сумасшедшим, особенно если он не опасен для окружающих. Тем не менее, Хейнс не поленился навести справки и узнал, что Джимми вел себя нормально, прилежно трудился и рассуждал вполне здраво – днем. Но Хейнс подозревал, что вечерами, когда Джимми возвращался домой, с ним происходит нечто удивительное. Иногда Хейнсу приходило в голову, что невероятное может оказаться вполне реальным, – слишком уж хорошо был сделан тот фотомонтаж, . . . но ведь, с другой стороны, история Джимми звучала совершенно нелепо. А кроме того, Хейнса удивляло, почему именно Джимми являлся участником таких необыкновенных событий.

Целую неделю после встречи с Хейнсом и его псевдонаучных объяснений у Джимми почти не щемило сердце. Ему больше не приходилось напоминать себе, что Джейн умерла. Он получил доказательства, что это не так. Она писала ему записки в своем дневнике, который он находил вечером на столе; он читал их и писал ей ответ. Целую неделю его переполняла радость только от того, что они могут общаться. Следующая неделя уже не была такой счастливой. Конечно, было хорошо сознавать, что Джейн жива, но они оставались безнадежно оторванными друг от друга. Это оказалось ужасным. Много ли смысла во Вселенной, в которой можно только писать любовные письма своей жене или мужу? Но некоторое время Джимми и Джейн пытались скрыть друг от друга эту безнадежную истину.

Хейнс встретил Джимми на улице спустя две недели. Джимми выглядел лучше, но казался очень напряженным. Хотя Джимми поздоровался с ним совершенно непринужденно, Хейнс почувствовал себя неловко. Через некоторое время он сказал:

– Э-э, Джимми . . . Помнишь, что мы с тобой обсуждали на днях . . . те фотографии?

– Да, ты был прав, – ответил Джимми небрежно. – Джейн тоже так думает. Действительно, существует свыше одной реальности. Там, где живу я, убили ее. Там, где она, погиб я.

Хейнс занервничал:

– А ты не дашь мне еще раз посмотреть ту фотографию с дверью? – попросил он. – Снимок подобного рода просто не может не иметь изъянов. Я бы хотел еще немного его увеличить. Можно?

– Можешь взять пленку, – сказал Джимми. – Она мне больше не нужна.

Хейнс колебался. Джимми совершенно спокойно рассказал ему о событиях последних дней. Но он не имел ни малейшего представления, с чего все началось.

– Но это же невероятно! – воскликнул адвокат с отчаянием. – Я не могу считать тебя нормальным, Джимми!

Впрочем, он никогда не стал бы разговаривать так с человеком, в чьей вменяемости действительно сомневался.

Джимми кивнул:

– Кстати, Джейн мне кое-что сообщила. Правда ли, что ты чуть не попал в аварию позавчера вечером? Кто-то едва не врезался в твою машину на дороге Соу Милл?

Хейнс вздрогнул и побледнел.

– Я как раз поворачивал, когда эта машина вылетела непонятно откуда. Она неслась навстречу, по той же полосе, потом мы оба резко свернули. Этот мерзавец разбил мне крыло и сам чуть не свалился в кювет. Будь я на пять футов ближе к повороту, когда он появился, то . . .

– Там, где находится Джейн, – произнес Джимми, – ты как раз оказался в нужном месте. Именно на пять футов ближе. Столкновение оказалось очень серьезным. Тони Шилдс – парень, который был за рулем другой машины, – погиб. Конечно, в той реальности, где сейчас живет Джейн.

Хейнс облизал пересохшие губы. И хотя его слова могли показаться довольно нелепыми, он все-таки спросил:

– А что случилось со мной?

– В мире Джейн, – ответил Джимми, – ты лежишь в больнице.

Хейнс выругался с совершенно необъяснимым раздражением. Джимми никак не мог узнать про этот случай. Он никому ничего не рассказывал, так как не знал, кто находился в другой машине.

– Я не верю! – воскликнул Хейнс, но потом вдруг жалобно добавил:

– Джимми, это же неправда, верно? Ты шутишь? Иначе как же ты, черт побери, можешь объяснить все происходящее?

Джимми пожал плечами.

– Джейн и я – мы довольно хорошо относимся друг к другу. – Смысл сказанного был настолько очевиден, что он едва заметно улыбнулся. – Нас разлучил случай. Чувство, которое мы испытываем, притягивает нас. Говорят, что два любящих человека как бы становятся одной плотью. Если такое возможно, так это про нас с Джейн. В конце концов, может быть, лишь крохотный камушек или ничтожная капля воды заставили мою машину развернуться таким образом, что погибла она, – конечно, в нашем мире. Словом, причиной ее гибели послужило что-то очень маленькое. И так как нас разделяет подобный пустяк, а притягивает друг к другу очень сильное чувство, иногда барьеры становятся совсем тонкими. Она оставляет закрытой дверь дома, в котором живет там. А я здесь открываю эту дверь. Иногда ей тоже приходится открывать дверь, которую я закрыл утром. Вот и все.

Хейнс не сказал ни слова, только пристально посмотрел Джимми в глаза. Его вопрос был настолько очевидным, что Джимми тут же ответил на него.

– Мы не теряем надежды, – сказал он. – Очень плохо жить в разлуке, но события не стоят на месте. И поэтому мы надеемся. Дневник Джейн иногда находится в ее мире, иногда в моем. И то же самое происходит с окурками в пепельнице . . . Может быть . . . – тут, наконец, стало заметно, как он волнуется. Он говорил так, словно у него пересохло во рту. – Если я когда-нибудь окажусь в ее мире или она в моем, все дьяволы ада не смогут разлучить нас! Мы надеемся . . .

Но их надежды были сущим безумием. И это безумие продолжалось уже третью неделю. Джимми спокойно

рассказывал Хейнсу, что дневник Джейн каждый вечер появляется на ее столе с письмом для него, а он пишет ей ответ. Он совершенно невозмутимо сообщил, что с каждым днем барьер между ними становится все тоньше. Что, по крайней мере, один раз, когда он отправился спать, в пепельнице появился еще один окурок, вдобавок к тем, что лежали там раньше. Они уже находились очень близко друг к другу. Их разделяла только граница между тем, что случилось и могло бы случиться. В некотором смысле этот барьер был камешком или каплей воды. С другой стороны, он являлся гранью между жизнью и смертью. Но они надеялись. Они убеждали себя в том, что барьер становится все тоньше. Однажды Джимми показалось, что их руки соприкоснулись. Но он не был уверен. Он еще не настолько лишился рассудка, чтобы быть полностью уверенным. Он рассказывал об этом Хейнсу ровным голосом, а потом принялся рассуждать о причинах, которые привели к подобному невероятному развитию событий.

И вот однажды вечером Хейнс позвонил Джимми по телефону. Джимми снял трубку. Голос его звучал нетерпеливо.

– Джимми! – сказал Хейнс. Он был почти что в истерике. – Мне кажется, я свихнулся! Помнишь, ты говорил, что машину, которая налетела на меня, вел некий Тони Шилдс?

– Да, – ответил Джимми. – А в чем дело?

– Это не давало мне покоя, – лихорадочно пробормотал Хейнс. – Ты сказал, что там он погиб. И вот я... я не выдержал и позвонил ему. Это действительно был Тони Шилдс! Он напугался до смерти и готов оплатить ремонт моей машины. Я не сказал ему, что он погиб. Там погиб.

Джимми не ответил. Казалось, что сообщение Хейнса не имеет для него никакого значения.

– Я сейчас к тебе приеду, – взволнованно сказал Хейнс. – Надо поговорить!

– Нет, – ответил Джимми. – Джейн и я, мы теперь очень близки друг к другу. Мы снова соприкоснулись. Мы продолжаем надеяться. Барьер становится все тоньше. Мы верим, что он разрушится.

– Но этого не может быть! – запротестовал Хейнс, – Джимми, этого просто не может быть! Представь, что случится, если ты появишься там, где она сейчас, или... или она – здесь?

– Я не знаю, – сказал Джимми, – но зато мы будем вместе.

– Ты сошел с ума! Ты не должен . . .

– До свидания, – спокойно произнес Джимми. – Я надеюсь, Хейнс, что-нибудь да произойдет. Иначе просто быть не может.

Он замолчал. В комнате у него за спиной раздался шорох. Хейнс расслышал только два слова, произнесенных очень тихо, но он готов был поклясться, что телефон донес к нему голос Джейн, дрожащий от счастья.

– Джимми, милый! – сказала она, и пораженный Хейнс едва не выронил трубку. Потом телефон с грохотом свалился на пол, и больше адвокат ничего не сумел разобрать.

Хейнс просидел всю ночь в своем кабинете. Утром он попытался снова позвонить Джимми, потом попробовал набрать номер его конторы и, наконец, пошел в полицию. Он объяснил там, что Джимми находился в состоянии нервного стресса со времени смерти жены. В конце концов, полицейские взломали наружную дверь. Им пришлось это сделать, так как все двери и окна в доме были аккуратно закрыты изнутри, словно Джимми постарался исключить все, что могло помешать ему. Однако в доме не было ни самого Джимми, ни каких-либо следов его присутствия. Он испарился. Полицейские обшарили все пруды и прочие подобные места в поисках тела, но им ничего не удалось обнаружить. Больше никто никогда не видел Джимми Паттерсона. По-видимому, он просто покинул город, в котором погибла его жена, и такое очевидное объяснение всех устроило.

Что касается Хейнса, то его больше всего удивило, откуда Джимми узнал имя того парня, Тони Шилдса. В это трудно было поверить, но факт оставался фактом. Еще оставалась и фотография входной двери в доме Джимми, которую адвокат считал самым искусным фотомонтажем из всех, какие ему доводилось видеть.

Но, с другой стороны, если подобное невероятное событие все же произошло, то почему все это случилось только с Джимми и Джейн? Что послужило причиной? Что подтолкнуло развитие событий? И как объяснить, наконец, что в них оказались вовлеченными именно эти люди и именно в это время?

Теперь, после исчезновения Джимми, Хейнс жалел, что больше не может поговорить с ним, поговорить разумно

и спокойно, без страха и истерики. Ибо он, Хейнс, нарисовал Джимми картину Вселенной, в которой существует множество реальностей, и Джимми поверил в эту идею. В одной реальности Джейн погибла, в другой – был мертв Джимми. Они сумели разрушить барьер между этими реальностями . . . Как? Каким образом? Ах, если бы он только мог поговорить с Джимми!

Но ведь существовал еще и тот мир, в котором они вместе погибли, и мир, где они остались живы. И если Джимми и Джейн с таким отчаянием стремились соединиться, то в какую же из этих реальностей они попали?

Хейнсу хотелось бы узнать кое-что еще, но он благоразумно помалкивал. Он понимал, что невозмутимые люди в белых халатах придут и заберут его. Так же, как они забрали бы Джимми. Единственное, в чем Хейнс был твердо уверен, так это в том, что подобное событие совершенно невероятно. Но для каждого, кто хорошо относился к Джейн и Джимми, а также, вне всякого сомнения, для самих Джейн и Джимми это была довольно-таки счастливая невероятность.

Машину Хейнсу починили. Он вполне мог бы съездить на кладбище и убедиться, что в его реальности могила Джейн существует на самом деле. Но почему-то такая мысль даже не пришла ему в голову.

ВРЕМЯ УМИРАТЬ

Родней сидел на койке в камере смертников и следил за солнечным зайчиком, мелькающим на каменном полу коридора между камерами. Оглушительная новость, которую ему передали через адвоката, постепенно проникала в самые глубины сознания . . . Пересмотра его дела не будет. Ему отказано в просьбе о смягчении приговора. Его казнят, как самого обычного преступника. А ведь он один из лучших физиков страны. Его адвокаты оказались бессильными, через три дня за ним придут тюремщики, обреют наголо, подрежут штанины брюк. Затем они поведут его к узкой зеленой двери в конце коридора и втолкнут в комнату, посреди которой стоит приземистый страшный стул. Его привяжут к стулу, приложат к телу влажные электроды, и побледневший палач включит рубильник. Тело Роднея, уже мертвое, продолжит конвульсивное сражение с безысходностью.

И неожиданно он вздрогнул. По спине побежали мурашки, как будто все его существо протестовало против приближающейся казни. В горле пересохло. Руки судорожно двигались, и он услышал, как начал издавать странные звуки – что-то среднее между всхлипываниями и сдавленными стонами ужаса. Роднея охватило презрение к себе. Однако ему никак не удавалось справиться с отчаянием. Крупные слезы полились ручьями из широко раскрытых глаз, в которых застыл животный ужас. Стоны становились все громче, и, если врач не придет вовремя, никакие наркотики не помогут – он сойдет с ума и тогда они не смогут казнить его. Он останется жить . . .

Внезапно раздался скрип пружин койки в соседней камере смертников. Там сидел Хромой Госсет – тоже убийца. Он оказался в комнате в конце коридора сразу вслед за Роднеем. В предшествующие несколько недель они часто разговаривали, и Родней проникся презрением к Госсету. Он не хотел, чтобы Хромой понял, что с ним происходит. Мешала гордость.

– Похоже, до тебя дошло, что здесь не шутят, – зычный голос Хромого гулко отражался от каменных стен, железных решеток и крыши дома смерти.

Родней с радостью согласился бы на безумие, ведь оно сохранило бы ему жизнь. Но Хромой – самый заурядный грабитель, оба совершенных им убийства – чистая случайность. Родней плотно сжал губы и постарался взять себя в руки. Через несколько секунд, сделав вид, что только что проснулся, он сказал:

– Что такое? Хромой, ты что-то сказал?

– Ага, – ответил гулкий голос, – его обладатель оставался невидимым. Родней ни разу не встретился с Госсетом лицом к лицу. Но его бас, усиленный эхом от стен камеры, производил странное, пугающее воздействие на Роднея.

– Я спросил, как твои дела. Я слышал всхлипывания из твоей камеры.

Родней повернулся на койке. Он сделал вид, что зевает.

– Мне приснился кошмар, – сказал он. – Циклотрон отрастил конечности и помчался за мной по лаборатории . . .

Эхо подхватило голос Роднея. Но после раскатистого баса Хромого его слова прозвучали как-то слабо. Стиснув руки, Родней ждал ответа.

– Дело дрянь, – прогрохотал в темноте голос Хромого. – У тебя осталось только три дня, приятель. Три дня – и они отправят тебя за зеленую дверь. У меня есть, что рассказать тебе. Вопрос только в том, готов ли ты меня слушать?

– Конечно, готов! Что мне еще остается?

– Потому что, – продолжал гулкий голос, – тогда у тебя появится шанс. Может быть, и у меня еще есть надежда. Я знаю, что одному парню удалось спастись из камеры смертников.

Родней, облизав губы, скептически спросил:

– Побег?

– Ага, – отвечал Хромой, – из дома смерти. Я видел, как человек по имени Фелленден сбежал в ночь перед казнью. Когда-нибудь слышал о нем?

– Вряд ли, – сказал Родней. Он презирал людей такого сорта, как Хромой Госсет. Ведь сам Родней был ученым! Но тут у него промелькнуло воспоминание.

– Фелленден? Ты говоришь о человеке, решившем задачу неопределенности поля для электронного телескопа?

Казалось, что в темноте Хромой пожимает плечами. Затем его бас, отразившись от стен, прогрохотал:

– Я не знаю. Он пристукнул свою жену, и его должны были поджарить на стуле. Мы вместе с ним сидели в доме смерти в Джулиете. Он смылся. Исчез. Испарился.

Они так и не узнали, как это ему удалось. А я не смог. Но меня помиловали, и позднее я вышел на свободу. Помнишь его?

Родней неожиданно ответил.

– Верно. Фелленден действительно убил свою жену. Он оставил много незаконченных работ, и часть из них никто не сумел продолжить.

– О'кей, – сказал Хромой, – похоже, это тот самый парень. Мы не раз с ним разговаривали, так же, как сейчас с тобой. Он все старался придумать, как бы смыться. Он сказал мне: „Полезно обсуждать проблемы вслух." Когда ты окончательно отчаешься, я расскажу тебе, как Фелленден совершил свой удивительный побег. Как знать, может быть, ты сумеешь понять, как он действовал и объяснишь мне. Давай, приятель!

Солнечный зайчик сверкал на каменных плитах. Каждый день на целый час появлялся он в доме смерти. Его отражение порождало мягкое сияние, красота которого казалась неуместной в коридоре, зажатом между двумя рядами камер смертников.

Родней сглотнул. Его горло по-прежнему сводило судорогой.

– Чего ждать? – с нарочитой развязностью спросил он. – Если необходимо отчаяние, то я уже сейчас им переполнен. Что мне терять, кроме пары дней ожидания?

Голос его звучал нормально, но самого Роднея трясло. Он смотрел сквозь стальные прутья решетки в коридор с солнечным зайчиком и в глубину другой камеры, такой же, как у него, но сейчас пустой.

– Фелленден говорил, что парень, продолжающий цепляться за надежду, ничего не сможет сделать. Нужно использовать весь свой мозг. Если ты будешь вести себя вызывающе, искать оправдания тому, что сделал, значит, часть твоего мозга не сможет освободиться. Ты должен быть на пороге полного отчаяния или так страшно сожалеть о содеянном, чтобы не беспокоиться о том, какие участки мозга не выключились.

Родней медленно и с сомнением сказал:

– Никакого подавления и блокирования памяти . . . Что ж, я готов. Но в чем суть дела, Хромой? Самогипноз?

Голос Хромого прокатился по камере, он произнес нехотя, с какой-то небрежностью:

– Фелленден называл это путешествием во времени.

Родней напрягся. Ерунда! Фелленден не мог путешествовать во времени! Он открыл поле с удивительно простой струк-

турой, и его изобретение позволило преодолеть ряд обстоятельств, которые делали невозможным создание электронного телескопа. Этот прибор появился только благодаря Феллендену. Правда, до сих пор еще оставались кое-какие неразъясненные противоречия, возникавшие при использовании таинственного поля. Никто не знал, в чем заключалась теория Феллендена, однако сконструированный им телескоп работал. Но причем тут путешествия во времени?

– Безумная затея, – усмехнулся Родней. – Как мог он это утверждать? Путешествия во времени невозможны.

Опять возникла пауза, словно Хромой о чем-то раздумывал или колебался. Наконец, он произнес:

– Фелленден говорил, что мы делаем это все время. Сначала мы были во вчерашнем дне. Через некоторое время мы попадем в завтра. Как будто едем в поезде, который сначала побывал в провинциальном городке под названием Вторник, а потом прибывает в город под названием Среда. Это и есть путешествие во времени.

Родней коротко засмеялся, но тут у него перехватило горло.

– Расскажи мне подробно, как все случилось, – резко приказал он.

Голос Хромого прокатился по всем закоулкам дома смерти.

– В ночь, когда Фелленден пропал, он смеялся над охранником, пришедшим для последней проверки. „Я исчезну этой ночью, Клэнси," – сказал он. Охранник ответил: „Да что ты говоришь!" А Фелленден ему снова: „Да, так и будет." „Лучше скажи начальнику, а то тебя ждут большие неприятности." И Клэнси рассказал. Ведь Фелленден был умен! И они знали об этом. Они пришли и перевернули его камеру вверх дном. Они обыскали и его, и камеру так, словно от этого зависела их жизнь. И они ничего не нашли, естественно. Тогда Фелленден и говорит: „Ну, что ж, Вы постарались на совесть, начальник. Так что завтра Вам будет гораздо легче." Начальник выпучил глаза и рявкнул: „Вот завтра утром мы с тобой и побеседуем!" А Фелленден спокойно так отвечает: „Э, нет. Меня здесь уже не будет. Я готов все объяснить, но Вы мне ни за что не поверите. Так или иначе, я Вас предупредил и Вы сделали все, что могли. Теперь Вас не обвинят в пренебрежении служебным долгом. Меня это устраивает." Я удивился, как спокойно и уверенно он говорил.

Родней напряженно вслушивался в гулкий бас Хромого. Все его тело продолжало болеть, он чувствовал слабость после приступа физического ужаса перед уничтожением.

– Продолжай! – сказал он, вытирая со лба холодный пот.

– Начальник усмехнулся и спросил: „Хромого ты тоже прихватишь с собой?" Фелленден кивнул головой: „Конечно, если бы это было в моих силах. Я помог бы спастись каждому и думаю, что Вы поступили бы точно так же на моем месте. Но способ, при помощи которого я собираюсь выбраться отсюда, требует, чтобы человек все сделал сам." Начальник фыркнул, но выглядел он неуверенно. Фелленден вовсе не казался сумасшедшим, хотя говорил странные вещи.

Родней облизал губы. На лбу его снова выступила испарина.

– В середине ночи, – продолжал Хромой, – охранник заглянул в камеру Феллендена. Я не спал: на то у меня были свои причины. Я слышал, как Фелленден сказал: „Прощай, Клэнси, меня здесь не будет, когда ты вернешься." Клэнси буркнул в ответ: „Думаю, никуда ты не денешься, парень!" Потом они с Фелленденом рассмеялись. А у меня зубы начали стучать. Я знал, что Фелленден собирается делать. После ухода Клэнси он крикнул мне: „Я начинаю, Хромой! Ты тоже пытайся. Теперь не разговаривай со мной." Затем он замолчал. Стало так тихо, что я слышал его дыхание, ровное и спокойное. Прошла минута, и этот звук прекратился. Больше я не смог различить ничего. Я весь взмок. В следующий раз, когда охранник делал обход, он заглянул в камеру Феллендена и подпрыгнул на целый фут. Он посветил в камеру фонарем и как закричит – Феллендена в камере не было! Он исчез. Они и волоска его не сумели найти. Они так и не смогли узнать, как он совершил побег. Он просто исчез – и все тут!

Маленькие пылинки танцевали в луче света, падавшего сверху. Луч заметно переместился.

Родней сказал:

– Как же он выбрался из камеры?

– Фелленден из нее не выбирался, – сказал Хромой. Его голос звучал разочарованно. – Мне не следовало говорить тебе ничего до тех пор, пока ты окончательно не отчаешься, пока не будешь готов поверить. Фелленден вернулся во времени назад к тому моменту, когда убил свою жену. И он не стал убивать ее. Кроме того, он понял,

что был не прав. Итак, он не убил ее и поэтому не попал в камеру смертников.

Родней сглотнул. Его взгляд упал на записку, которую прислали ему адвокаты. Они сделали все, что закон и их изобретательность позволяли сделать, и теперь на их помощь не приходилось рассчитывать. Они ничем больше не могли помочь. От безысходности кровь опять ударила ему в голову. Паника снова начала охватывать его. Родней стиснул руки.

– Почему бы тебе самому не повторить этот фокус? – насмешливо спросил он.

– Я пытался, – сказал Хромой. Его голос был ровным. – Я пытался изо всех сил. Я и сейчас продолжаю пытаться. Иногда мне кажется, что у меня вот-вот получится, а иногда – что все это чистое сумасшествие. Но у Феллендена ведь получилось! И если получится у тебя, то, может быть . . .

Родней стоял у прутьев своей камеры. Луч света переместился так, что он уже почти доставал рукой до светлого пятна. Скоро он сможет погрузить в него ладони и ощутить тепло солнечных лучей на коже. Пальцы его дрожали.

– Разветвление временных путей, – сказал он задумчиво. – В этом и состоит идея! Может быть ряд вариантов прошлого, настоящего и будущего. Старая гипотеза. Ты делаешь нечто и попадаешь на ту или иную ветвь времени. Если не сможешь пройти по этой ветви в обратном направлении, то сможешь совершить какой-то поступок и перейти на другую ветвь. Вот о чем говорил Фелленден.

– Точно, – устало сказал Хромой. Его бас звучал подобно голосу проповедника, которого Родней слышал в детстве. Но голос Хромого выдавал усталость и страшное напряжение.

– Конечно! Он говорил мне об этом. Ты садишься на поезд, говорил он. Путешествуешь сквозь время. Мимо городов под названием Понедельник, Вторник, Среда и так далее. А иногда ты пересаживаешься в другой состав. Бывает, попадаешь не на тот поезд, и тогда тебя преследуют неудачи. Именно так и случилось с Фелленденом, когда он убил свою жену. Он должен был вернуться и сесть на нужный поезд. Так он и сделал. А вот у меня ничего не вышло. Я надеялся, может быть . . .

Родней кивнул головой: – Почему бы и нет. Ведь теория-то существует. В многомерной Вселенной все, что только доступно нашему воображению, не только может, но и должно случиться! Итак, Фелленден научился это

делать. Когда-то он сел не на тот поезд. Его проблема заключалась в том, чтобы сойти с него. Как же ему это удалось? Я ведь тоже еду на поезде, с которого хотел бы спрыгнуть!

Он вдруг снова стал задыхаться, ожидая с напряженным отчаянием, что же скажет ему Хромой. Солнечный луч подобрался совсем близко к нему, но Родней не обращал на него внимания.

– Я думаю, что с теорией все в порядке, Хромой! Как же Фелленден сумел выбраться отсюда?

Хромой тяжело вздохнул:

– Вот это-то мне и непонятно до конца. Ты едешь на поезде, – говорил он, – который движется во времени. Прежде чем повернуть назад, ты должен притормозить. Но поезд не будет замедлять ход. Ты видишь, что станция Среда проплывет мимо, и ты хочешь вернуться, потому что сел не на тот поезд во Вторник. В отчаянии ты бежишь в конец состава. Сначала тебе кажется, что ничего не меняется, но ты продолжаешь бежать. Теперь станция уже не проносится мимо с прежней скоростью. Ты стараешься бежать еще быстрее. Тебе удается уравнять скорости, ты бежишь, выбиваясь из сил, и вдруг оказываешься в конце поезда. Дверь открыта. Ты прыгаешь на рельсы, но не разбиваешься, потому что бежал назад с той же скоростью, с какой состав мчался вперед. И вот ты идешь назад по полотну железной дороги до места, где сел не на тот поезд, а нужный тебе состав уже поджидает там . . .

– И будет ждать тебя целую вечность? – усмехнулся Родней.

– Да, – ровным голосом произнес Хромой. – Не знаю, почему, но так говорил Фелленден; значит, так оно и есть.

Уверенность Хромого потрясла Роднея; конечно, он не мог сочинить все это. По-видимому, Фелленден сумел изложить свою теорию так, что она стала понятной его собрату по несчастью, не слишком обремененному знаниями. Чисто логические построения, основанные на очевидных понятиях. Ты совершил нечто, повлекшее отрицательные последствия. Вернись назад во времени к тому моменту, когда произошло событие, что привело к таким последствиям. Сумей избежать этого события, попасть на другую ветвь временного пути, выбрать иной вариант будущего из бесчисленного сонма возможностей. Ты перестанешь существовать в первой ветви времени и окажешься на новой дороге – там, где тебе не грозит опасность.

Пожалуй, Родней мог бы поверить в эту теорию, хотя сам вряд ли сумел придумать что-нибудь подобное. Такое могло прийти в голову только ученому уровня Феллендена. Недаром он решил проблему неопределенности поля . . .

Губы Роднея пересохли. Да, именно здесь и была разгадка, вот только сумеет ли он добраться до нее . . . хотя считает себя одним из четырех умнейших людей страны. Роднея страшно раздражало, что ему приходится получать инструкции Хромого, который был самым заурядным грабителем.

– Я все понял, – отрывисто сказал он, – идея мне ясна.

Послышалось лязганье наружных дверей в конце коридора, и вошел охранник. Он принес еду заключенным. Родней в молчании смотрел на него глазами, полными ненависти. Охранник повернулся, прошагал по коридору и захлопнул дверь.

Родней слышал, как Хромой, чавкая, поглощает пищу. Сам он есть не мог. Ему осталось жить три дня, если он не сможет практически решить проблему путешествия во времени, следуя теории Феллендена. Он сойдет с ума, если позволит себе сомневаться. И он имеет доказательство того, что задача уже была один раз решена.

Родней мерил шагами свой тесный каземат. Путешествие во времени. Фелленден исчез из камеры смерти в Джулиете, отправившись назад во время, предшествовавшее убийству. В этой точке для него существовало по меньшей мере два возможных варианта будущего: в одном он убивал свою жену, в другом – нет. Родней находился в этой ветви времени, где убийство совершилось.

В другой ветви, которая для Феллендена стала уже реальностью, он не совершал убийства и являлся, без сомнения, уважаемым гражданином и знаменитым физиком, не имевшим никакого отношения к сбежавшему преступнику. Ветвь, на которой находился Фелленден, была очень похожа, но немного не совпадала с той, на которой оставался Родней. Теперь Родней знал, что в его силах попасть в тот вариант будущего, где пребывал Фелленден. Галилей, узнав об изобретении телескопа, занялся изучением оптики и создал телескоп, в некоторых отношениях превосходящий оригинал. Он, Родней, знает теперь, что путешествие во времени возможно, и он к тому же располагает одним из лучших интеллектов в стране . . .

Прошло некоторое время. Пот выступил у него на лбу. Перейти на параллельный временной путь! Он не только

избежит казни, он станет вновь свободным человеком, ведь там, в мире Фелленденa, исчезнет не только наказание, но и само событие, которое его за собой повлекло. Осталось выяснить одно – с чего начать.

Родней забыл окунуть руки в пучок солнечного света, он даже не заметил, как луч угас. Он шагал по камере. Три шага вперед, три шага обратно. С чего начать? С чего начать . . .

Становилось темно. Возбуждение охватило Роднея, отчаяние его росло. Проблема имела решение. Теория параллельных временных ветвей становилась все более ясной. Истинность ее доказана Фелленденом. Но как сделать первый шаг? Ознакомившись с принципом постановки эксперимента, он сумел бы предвидеть каждую проблему, возникающую по ходу дела. Но он никак не мог придумать, с чего начать! Он был похож на человека, гибнущего от холода около охапки сухих дров и не имеющего спичек, чтобы разжечь костер; вдобавок он не умел добывать огонь трением. Создавшееся положение сводило его с ума!

Уже давно наступила ночь, когда Родней бросил в темноту:

– Хромой!

Он услышал, как Хромой зашевелился.

– Да?

– Мне все ясно, – резко сказал Родней. – Но я хотел бы знать, с чего начинал Фелленден. Интересно, чей способ лучше?

Голос Хромого звучно раскатился среди невидимых стен.

– Врешь, приятель. Парень, который способен сделать этот трюк, должен быть таким . . . таким . . . Словом, он будет готов рассказать о нем любому, кто согласится слушать.

Подобная мысль Роднею в голову не приходила. Он огрызнулся:

– Альтруизм, да? Я должен быть добрым, чтобы у меня все получилось?

– Нет, – Родней услышал, как Хромой сплюнул. – Просто с собой нельзя брать багаж. Так говорил Фелленден. Он сказал: „Множество связей удерживает нас на данном временном пути, мы крепко привязаны к своему поезду. И сначала мы должны сбросить все путы. Нам надо забыть обо всем. Мир должен потерять для нас реальность. Нам следует беспокоиться о нем не больше, чем о мираже

в пустыне. Например, – в голосе Хромого не было обиды, – например, тебе не стоит гордиться тем, что мозгов у тебя побольше, чем у меня. Эта мысль привязывает тебя ко мне. А я-то нахожусь здесь, в том самом месте, из которого ты так хочешь побыстрее убраться. Ты должен забыть меня. Я не на том поезде, который тебе нужен!”

Все сказанное Хромым укладывалось в логическую цепочку, но, несмотря на это, Родней продолжал злиться.

На стене, над противоположным рядом камер, виднелось пятнышко лунного света. Остальное тонуло в темноте. В раскатах голоса Хромого послышалась тоска:

– Похоже, что мы в тупике, приятель. Я рассказал тебе почти все, что слышал от Феллендена. Если у тебя ничего не получается . . . – поколебавшись, Хромой добавил, – есть еще одна деталь, про которую он как-то упомянул. Он говорил: „Откуда мы вообще знаем, что находимся именно на том временном пути, а не на другом? Чем они отличаются друг от друга? Почему мы уверены, что время движется? Как мы узнаем, что путешествуем во времени?”

Роднею было больно глотать.

– Берклианская философия, – сказал он хрипло. – Я вижу, слышу и ощущаю ту действительность, в которой нахожусь. Поэтому она реальна для меня. Что я ощущаю, то и реально. Чего я не ощущаю . . .

И тут он закричал, вцепившись в прутья решетки. От восторга его язык стал заплетаться:

– Вот оно! Вот как затормозить себя во времени! Когда ты прислушиваешься к тиканью часов, секунды кажутся длиннее! Если ты еще больше обостришь свое восприятие, замечая все более тривиальные вещи, ты еще сильнее замедлишь свою скорость движения во времени. Вот он – первый шаг!

В наступившей тишине маленькое пятнышко лунного света было ярким и четким. Оно находилось в нескольких дюймах над дверью противоположной камеры. Родней возбужденно продолжал:

– Затем ты полностью отключаешься от настоящего времени. Настоящее реально потому, что оно значимо для нас. Ты отрешишься от всего, что связывает тебя с настоящим. Вещь, которая ничего для тебя не значит, не имеет права на существование. Когда ты обрежешь все связи с настоящим, ты оставишь весь багаж позади. Когда это сделано, ты будешь готов к прыжку, к тому, чтобы покинуть эту реальность . . . И тогда ты сможешь заменить

воспоминание о событии, которое произошло полсекунды назад, на ощущение этого события. И если тебе это удастся, ты победил! Ты начал путешествие назад во времени!

Он тряс в темноте прутья решетки, слезы торжества выступили у него на глазах. Он разработал безошибочный экспериментальный метод, в котором так нуждался! Его лицо сияло.

Негромко прозвучал голос Хромого:

– И что же дальше, приятель?

– Дальше, – вскричал Родней возбужденно, – когда ты больше не связан с настоящим, нужно возвратиться к событию, которое определило данную ветвь времени. Ты должен выбрать его еще до того, как начнешь обратный путь. У тебя не будет такой возможности по дороге назад. Ты должен представить себе тот момент, когда неверно выбрал поезд, и сделать там остановку. Тогда ты сможешь пересесть на нужный поезд, отправиться на нем в путь и возвратиться в настоящее в параллельной ветви времени – в тот же день и час, но в другой реальности. В другом мире, Хромой! И туда-то я и собираюсь отправиться!

Долгая тишина. Наконец, в темноте снова раздался голос Хромого:

– Ага . . . понимаю . . . отключиться от настоящего. От всего, что случилось с тех пор, как ты совершил неправедный поступок . . . Ага . . . Вот оно . . . Я не понимал раньше. У меня припрятано кое-что . . . деньги, понимаешь . . . Все время, пока я пытался вернуться назад во времени, я помнил об этой заначке . . . рассчитывал на нее. Но если я действительно вернусь назад, этих денег не будет на том временном пути, по которому пойдет мой поезд. Теперь я все понял . . .

Руки Роднея крепко сжали прутья решетки. Он смотрел на медленно ползущее пятнышко лунного света, ощущая, как мерно, спокойно вздымается его грудь, как нервное напряжение покидает его измученное тело. В чудовищной неподвижности дома смерти он слушал биение собственного сердца.

Снова донесся голос Хромого, мрачный и негромкий.

– Похоже, мне придется проделать длинный путь назад, парень. К тому времени, когда я был еще ребенком, думаю . . . Да . . . Долгий путь. Весь путь!

Тишина. Родней сконцентрировался. Он знал, что существует немного людей, обладающих столь же мощным и дисциплинированным мыслительным аппаратом. Он чувствовал – и это ощущение дарило ему радость –

что скоро все печальные события, последовавшие за тем поступком, за той фатальной ошибкой, которую он совершил, окажутся вычеркнутыми из реальности. Они будут иметь место на ином временном пути. Они перейдут в разряд событий, которые могли бы произойти, если бы . . . Которые фактически уже не имеют к нему никакого отношения. Зная о приближающемся переходе в другую реальность, он смог отречься от них. Они уже не играли никакой роли. Они были просто его фантазиями, они не могли осуществиться и поэтому стали бессмысленными. Он рассматривал их теперь со все большей отстраненностью, прислушиваясь к своему дыханию и мерному биению сердца, фиксируя взгляд на размытом пятнышке лунного света, ползущем по стене.

Время замедлялось. Появились паузы при дыхании, увеличились интервалы между ударами сердца. Внезапно он начал различать фазы работы сердечной мышцы. Пятнышко света на стене перестало перемещаться.

Оно не двигалось. Теперь промежутки между ударами сердца стали чудовищно огромными. Ощущение триумфа переполняло Роднея. Последнее мгновение, которое было решающим в его плане, оказалось необычайно ярким. Все остальное не имело ни малейшего значения. Он воскресил в памяти тот эпизод с яростной силой, запечатлевая каждую его деталь. Пятнышко света слегка сместилось. Оно двинулось назад! Его скорость плавно нарастала!

Внезапно возник беспорядок и хаос, обладающие, однако, какой-то странной логикой. Была ночь, и был день, и снова ночь. Он метался с головокружительной скоростью то туда, то сюда, безвольно и без всякого усилия, как невесомый клочок пуха, увлекаемый безумными порывами урагана. Он двигался, подобно световой точке на дисплее, которая перемещалась с невероятной быстротой и без всякого сопротивления. Так проходили дни и ночи. Он пережил удивительные метаморфозы: он чувствовал, как непрерывно нарастает скорость преобразования. Теперь он воспринимал происходящее только вспышками. Мгновение – и он едет в машине. Вдруг автомобиль помчался назад, пейзаж по обочинам дороги слился в серые размытые полосы . . . Следующая вспышка – суд. Быстрые, нелепые движения людей . . . Мрак . . . И новое стремительно наплывающее воспоминание, вырванное из текущего вспять времени.

Неожиданно все прекратилось. Он находился в комнате, где лежал труп профессора Эднера Хейла. Он, Родней, совершил убийство. Он прикончил Хейла таким образом,

что никто не мог связать с ним это преступление. Он проявил безумную жестокость. Казалось, какой-то дьявольский дух, почти лишенный разума, вселился в него. Было трудно поверить, что он, один из лучших ученых страны, нанес эти бессмысленные удары и продолжал их наносить даже после того, как профессор Эднер Хейл умер. Он создал себе превосходное алиби . . . Но именно тут и была совершена главная ошибка. Он осмотрел залитую кровью, разгромленную комнату. Он увидел стул, который остался неперевернутым в имитированном им хаосе.

Он отшвырнул стул в сторону, не заметив, что под ним лежит кочерга, которой был забит до смерти профессор Хейл. Вот тут-то и заключалась его ошибка. Он дал в руки полицейских важную улику: они поняли, что стул не был опрокинут во время борьбы, предшествовавшей смерти Хейла. Отсюда следовало, что убийца вовсе не маньяк, а человек, руководимый точным расчетом. Расследование пошло в нужном направлении, и вскоре выяснилось, что преступник, обладающий высокоразвитым интеллектом, почти во всех мельчайших деталях воспроизвел действия убийцы-садиста. Почти во всех деталях . . . но одна маленькая ошибка привела полицию к решению загадки, а его самого – к смертному приговору. Однако теперь . . .

Теперь он осторожно положил стул на бок. Кочерга лежала рядом, а не под стулом. Родней осторожно потянул стул за ножку, чтобы кочерга оказалась на виду. Теперь ни у кого не возникнет сомнений, что здесь поработал маньяк.

Он тихонько рассмеялся. Один из четырех лучших умов страны. Он был слишком самонадеян – вот и все. Теперь его маленькая ошибка исправлена. Он перейдет на другую временную ветвь. Открытие, которое он сделал вместе с профессором Эднером Хейлом, теперь будет принадлежать только ему. И с ним, с этим открытием, Родней переместится на новый временной путь.

Он почувствовал, что его возвращение в настоящее уже началось. Время двигалось быстро. Наступили сумерки, он переместился куда-то, затем настала ночь, и снова он оказался в другом месте. Сумерки, полдень, и опять ночь. Его тело кружило здесь и там, нигде и повсюду, не встречая сопротивления. Он с бешеной скоростью пролистывал события, произошедшие между настоящим моментом и точкой, в которой произошел поворот назад во времени;

теперь, однако, он двигался по другой временной дороге. Его сознание наполняло спокойное торжество. Он был в центре толпы и в полном одиночестве. Он был в комнате, которая вращалась, как в калейдоскопе, – в зале суда. Затем он на мгновение оказался в машине, ехавшей куда-то. Он пронесся сквозь месяцы импульсами бесконечно малой длительности. И вот . . .

Ток времени замедлился. Все пришло в норму. Он снова попал в камеру смертников. Камера оказалась другой, но дом смерти был тот же! Наступало утро, и бледный серый свет проникал сквозь тюремное окошко высоко над головой. На нем топорщилась тюремная роба, но не та, в которую он был одет раньше. Он, несомненно, находился на другой временной ветви, но опять в камере смертников!

Послышалось бряцание. Шаги. Трое охранников и парикмахер появились перед камерой. Парикмахер окинул узника безразличным взглядом; в руках он держал тазик с водой, безопасную бритву и ножницы. Сейчас он побреет виски Роднею и разрежет штанины брюк . . . Затем его проведут сквозь узкую зеленую дверь и привяжут к страшному приземистому стулу, на котором, спустя краткий миг, его тело, уже мертвое, продолжит конвульсивное сражение с безысходностью . . .

Он был парализован. Он не мог даже пошевелиться. Он едва дышал. Дверь в его камеру открылась. Они вошли. Он был почти без сознания от переполнявшего его немыслимого ужаса.

Один из тюремщиков подал ему записку.

– От профессора Феллендена, – сказал он отрывисто. – Профессор так боролся за вашу жизнь . . . Он получил разрешение передать вам письмо.

Родней хрипло дышал. Он не мог поднять руку. Казалось, он не замечает протянутого письма. Затем один из охранников пошевелился, и Родней схватил записку. Они подождут, пока он будет читать ее – уж столько-то времени они подождут. Но не больше . . .

Ему было трудно сфокусировать глаза. Он даже и не пытался читать, он только хотел протянуть время, выиграть еще несколько бесценных секунд жизни. Но тут он увидел уравнение и отреагировал на него с молниеносной быстротой. Фелленден передал ему в результирующих уравнениях и сжатых комментариях к ним теорию путешествия во времени с такой абсолютной ясностью, что тренированный мозг Роднея смог овладеть ею уже при первом чтении. Перед самой казнью ему следовало

опять прибегнуть к методу Феллендена, вернуться назад во времени, но на этот раз не совершать убийства. Другие варианты не существовали. Он не должен убивать!

Родней поднял глаза и невидящим взором уставился в противоположную стену. Так вот в чем причина! Вот в чем ошибка! Не в мелких деталях, а в самом факте убийства! Казнь являлась следствием убийства, а не его небрежности при фабрикации ложных улик. И Фелленден, который сам был убийцей, сообщил ему об этом с неоспоримой логичностью! Роднея охватила холодная ярость. Очень хорошо, он вернется назад еще раз. Не к моменту, наступившему сразу после убийства Хейла, а на гораздо более ранний отрезок времени. В тот период, когда Хейл нашел то, за что его нужно было убить.

Охранники подняли его на ноги и связали руки за спиной. Теперь он был совершенно спокоен. Яростно спокоен. Теперь, когда Фелленден передал ему концепцию теории в такой ясной форме, спастись будет необычайно просто. Даже уже находясь на электрическом стуле. С его интеллектом . . .

Он сказал презрительно:

– Из чистого любопытства я хотел бы узнать, что навело полицию на мой след. Какая-то ерунда, я забыл . . .

Охранник с удивлением ответил:

– Вы положили стул на пол, пытаясь создать впечатление, что он был перевернут во время борьбы. Вы протащили его за ножку на нужное вам место. Но полицейские поняли, что стул не швырнули на пол, так как его сиденье, которое плохо держалось, не выпало. Кроме того, на ножке остались отпечатки ваших пальцев.

Родней пожал плечами. Весомые улики! Придется вернуться назад и не совершать убийства. Очень жаль! Профессор Эднер Хейл был праведным старым дураком, и его убийство определенно доставило Роднею удовольствие. Теперь старика придется оставить в живых на третьей временной ветви . . .

Охранники вывели его из камеры. Он хрипло произнес:

– Я хотел бы сказать два слова Хромому. – Когда тюремщики с удивлением посмотрели на него, он добавил нетерпеливо: – Хромой Госсет! Он здесь, в камере рядом с моей!

Один из охранников покачал головой:

– Здесь нет никакого Хромого Госсета и никогда не было. Я ничего о нем не слышал.

Зеленая дверь отворилась. Родней вздрогнул, но постарался взять себя в руки. Все, что ему нужно сделать, – вернуться назад во времени. Внезапно ненависть к Фелленденy затопила его, и он потерял зря несколько драгоценных секунд. Фелленден, этот глупец, смешал в своей записке науку с пустыми психологическими советами. „Важно, – писал он, – избавиться от всех связей с той временной ветвью, которую вы хотите покинуть. Любые обстоятельства, связанные с ней, не должны иметь для вас никакого значения . . . " Родней презирал его.

Приземистый страшный стул надвигался все ближе. Родней начал прислушиваться к собственному дыханию, к биению сердца. Каждый удар крови в висках, каждый вздох вел его к стулу. Замедлись, время! Замедлись! Надо отвлечься от окружающей реальности. Отсечь все, что привязывает его к этой временной ветви. С помощью уравнений Феллендена это совсем просто сделать . . . Фелленден . . . будь ты проклят, глупец!

Время не замедлялось. Он в приступе паники осознал это, когда его стали привязывать к стулу. И тогда он понял, что Фелленден мертвой хваткой держал его, Роднея, на этой временной ветви. Фелленден сбежал сюда, на данный временной путь – и это было свершившимся фактом! Инструкции в письме, которые он прислал, не помогали отбросить этот факт, как не имеющий отношения к нему, к Роднею! Он ненавидел Феллендена страшной, безнадежной ненавистью. Но он должен забыть о нем . . . забыть и направить все силы, чтобы замедлить время . . . замедлить время . . . замедлить . . .

Он боролся за это со всей мощью своего разума – одного из лучших в стране . . . Он боролся, а его палачи отошли в сторону и ждали, побледнев, когда будет включен рубильник.

И тут он всхлипнул. Но еще продолжал бороться, когда . . .

ИЗ ГЛУБИНЫ

Я, Сард, делаю это сообщение для всех шади во время Мирных Течений. По предложению Морпта, ученого, я совершил пробное путешествие после того, как мы обсудили с ним природу Объекта, упавшего в Хонду с Поверхности. Боюсь, что мое сообщение не будет признано соответствующим действительности. Поэтому я ожидаю заключения о состоянии моего рассудка, предоставляя шади решить, является ли оно результатом научных исследований или бредом сумасшедшего . . .

Я присутствовал при падении Объекта. В тот момент я находился в связи с ученым Морптом, который размышлял об устройстве Вселенной. Он пребывал в полусонном состоянии, и ум его работал скорее добросовестно, чем вдохновенно, когда он обдумывал, как изложить нам, его ученикам, доказательства справедливости колуфиановой теории Вселенной, утверждающей, что мир – это раковина из прочной материи, наполненная водой, которая, естественным образом отталкиваясь от центра, создает давление, причем мы, шади, живем в области наибольшего давления. Он почти заснул, размышляя с целью расширения нашего кругозора о том, что данная теория объясняет все известные физические явления, кроме наличия газообразной субстанции, которая не является ни жидкой, ни твердой и находится единственно в плавательных пузырях наших тел. Мы знаем, что пузырь – бессмертная часть организма, которая поднимается к центру Вселенной, где тело поглощается и существует вечно.

Пока Морпт размышлял, я вспомнил его опыты, в которых часть газа выводилась из тела шади и помещалась в специальное хранилище. Так как одновременно с этим процессом в организме вырабатывается новый запас газа, подобные опыты не представляют опасности. Морпт отрицал божественность газовой субстанции, несмотря на ее исключительность и чрезвычайно важное значение для организма шади. Эти его эксперименты вызывали серьезное волнение в научных кругах.

Но в тот момент он оставался просто полусонным учителем, обдумывающим лекцию, уже сотни раз прове-

денную им раньше. Его немного беспокоил острый камень, который впился в седьмое щупальце; впрочем, камень не был столь серьезным неудобством, чтобы заставить его пошевелиться.

Я лежал в своей пещере, с интересом вникая в ход его мыслей. Неожиданно я почувствовал, как нечто спускается к нам сверху. Присущий шади инстинкт блокировать передачу мыслей и хватать пищу прежде, чем кто-либо успеет о ней узнать, сработал мгновенно. Я выплыл из пещеры и моментально оказался под Объектом. Я поднял щупальца, чтоб схватить его. Все произошло автоматически: я экранировал свои мысли; мое чувство пространства напряглось до предела; кроме того, я приготовился воспринимать мысленные образы падающего Объекта в полном их объеме, чтобы уловить и предотвратить попытки скрыться.

Помимо естественно инстинктивной реакции существовали еще две причины, объясняющие мое поведение. Одна из них заключалась в том, что сравнительно недавно я уже получил пищу; другая – в пришедших от Объекта мысленных образах, которые оказались самым неожиданным образом созвучны теме лекции Морпта и моим собственным мыслям. Когда мое первое щупальце схватило спускающийся предмет, вместо мысленных образов страха или борьбы я перехватил мысли о вечности, передаваемые с невыразимым отчаянием:

– О, дорогой мой! Мы больше никогда не увидим Поверхность!

И тут мне мысленно представились ослепительные образы Поверхности. Поскольку я собираюсь описать их позже, я временно опускаю рассказ о мысленной картине, которую я видел и благодаря которой у меня появилась возможность серьезно задуматься. Если бы я, следуя велению инстинкта, проглотил Объект, то оказалось бы весьма сложно переварить его. Объект, как я вскоре обнаружил, был сделан из того редкого прочного вещества, которое попадает к нам только в виде артефактов. Похожий экземпляр был подробно и многократно описан Глором. Длина его равнялась половине длины тела, он оказался пустым внутри, заостренным с одного конца, другая сторона его была удивительно плоской с отверстиями и наростами странной формы; из него торчали две рукоятки и пустая труба.

Как я уже сказал, Объект был сделан из редкого твердого материала. Полый внутри, он содержал газ!

Вскоре я стал получать противоречивые мысленные образы и понял, что внутри Объекта находятся два живых существа, живущих не в воде, а в газообразной среде! Я был потрясен. Некоторое время я ничего не воспринимал, кроме мыслей этих существ. Я крепко держал Объект щупальцами, ошеломленный невероятным фактом, с которым столкнулся. Я был в высшей степени неосторожен, так как в этот момент меня могли убить или поглотить. Но я быстро пришел в себя и вернулся в пещеру, забрав Объект с собой. По дороге в пещеру я уловил странные мысли, доносившиеся из Объекта: „Мы упали на дно? Нет! Что-то схватило нас . . . Оно, должно быть, чудовищных размеров. Конец близок . . . ”

Не отвечая на эти мысли, другое существо думало только об эмоциональных вещах, описать которые я не в состоянии, так как совершенно их не понимаю. Они представляют психологию, настолько чуждую нашей, что у меня нет возможности выразить их. Я могу сказать только, что второе существо было в полнейшем отчаянии и поэтому очень сильно хотело, чтобы первое существо крепко держало его своими щупальцами. Оно стало бы беспомощным, но именно к этому и сремилось второе существо. Объяснить это я не могу.

Втягивая Объект в пещеру, я случайно прижал его к скале, нависающей над входным отверстием. Удар был сильным. И снова в их мыслях скользнуло отчаяние.

„Ну, вот и все!” – подумало первое существо и стало с ужасом искать отверстие, через которое струится внутрь вода.

Поскольку психология этих существ совершенно необъяснима, я только пытаюсь суммировать некоторые мысленные образы, полученные мной в течение последующего короткого периода, которые помогли мне понять историю Объекта.

Это был научный эксперимент. Объект создали для существ, которые дышали газом, и его предполагалось опускать в районы высокого давления. Существа относились к одному виду, и, чем они различались, мы, шади, не смогли бы определить. Один думал о себе как о „мужчине”, другой – как о „женщине”. Они не боялись друг друга и сопровождали Объект, чтобы записать свои наблюдения. Объект был подвешен на длинном щупальце с артефакта, как и описывал Глор.

После окончания наблюдений их собирались вернуть на артефакт, где они присоединились бы к своим товарищам.

То, что два существа могли находиться рядом, не представляя друг для друга никакой опасности, казалось довольно странным. Но, прочитав их мысли, я понял, что сорок или пятьдесят особей того же вида ждали их возвращения и все они были лишены инстинкта добывать пищу, поедая себе подобных.

Конечно, такое поведение кажется невероятным, но я лишь сообщаю вам о тех мысленных образах, которые получил. Я также узнал, что, когда они опускались вниз, щупальце сломалось и Объект упал в район высокого давления. Когда Объект приблизился ко мне, я инстинктивно схватил его, едва не проглотив. Я мог бы сделать это с легкостью.

Находясь в своей пещере, я попробовал вступить в контакт с существами, скрытыми в Объекте. Однако мои попытки парализовать их страхом или передать им связное сообщение успеха не имели. У меня сложилось впечатление, что они лишены способности воспринимать чужие мысли. Они – разумные существа, но даже без ментальной блокировки не имеют ни малейшего представления о том, что думают другие. Мысли этих созданий – тайна для всех других представителей их расы.

Я попытался понять природу этих существ – и потерпел неудачу. Чувство бессилия охватило меня, и я послал мысленное сообщение Морпту, он все еще пребывал в полудреме, с подробностями излагая следствие теории, что газ, высвободившийся из плавательных пузырей мертвых шади, собирается в центре Вселенной в огромный воздушный пузырь и что границей между этим пузырем и водой как раз и является легендарная Поверхность.

Легенды о Поверхности широко известны. Морпт рассуждал с ленивой иронией, что если считать газ бессмертной частью шади, то пузырь в центре Вселенной является, по-видимому, местом грандиозной битвы, ведь стоит двум любым шади встретиться, как они тут же вступают в борьбу не на жизнь, а на смерть. В этот момент я прервал его, чтобы сообщить о появлении Объекта. Я передал всю информацию, которую мне удалось воспринять.

Я моментально почувствовал, как чужие ментальные излучения плотно окутали меня. Все ученики Морпта мгновенно оказались начеку. Я заблокировал свои мысли с особенной тщательностью, чтобы не выдать местонахождения своей пещеры и в то же время сообщить максимум информации. Я подробно рассказал все, что успел узнать.

В другой ситуации я бы гордился тем необычайным интересом, который вызвало мое сообщение. Казалось, что в обсуждении участвует каждый шади из Хонды. Многие, конечно же, заявили, что я лгу. Но я был сыт и полон любопытства. Я не собирался открывать своего местонахождения тем, кто таким образом бросил мне вызов. Я ждал. Даже Морпт попытался насмешками заставить меня забыть об осторожности и буквально рассвирипел (очень характерная реакция для шади), когда у него ничего не вышло. Но Морпт опытен и огромен. Мои шансы были бы близки к нулю при встрече с ним вне зоны Мирных Течений.

Как только стало ясно, что выманить меня не удастся, Морпт стал хладнокровно обсуждать проблему Объекта. В конце концов, он предложил совершить путешествие, из которого я только что вернулся. Если, несмотря на всю мою осторожность в отношениях с другими шади, – все ученики Морпта могли оценить этот иронический вызов, который он мне бросил, – так вот, если, несмотря на всю мою осторожность, я не побоюсь послужить науке, он, Морпт, советует мне доставить Объект обратно в область Высот, близкую к Поверхности. Существа внутри Объекта укажут мне дорогу. А моя сила и ярость послужат мне защитой от них в случае необходимости. Единственной же защитой от условий, царящих в этой таинственной зоне, будет комплекс упражнений, разработанных Морптом.

Морпт сказал, что, как мне известно, газ в наших плавательных пузырях расширяется по мере понижения давления. Обычно мы можем плыть, преследуя добычу, или погружаться на дно при помощи специальных мышц. Но он сообщил мне, что, когда я достигну Высот, наружное давление станет таким низким, что даже эти мышцы не смогут удержать газ. В этом случае, согласно рекомендациям Морпта, я должен выпустить часть газа. Тогда я смогу снова регулировать подъем. В противном случае увеличивающийся в объеме газ может стремительно вытолкнуть меня наверх, он даже способен разорвать мой плавательный пузырь и проникнуть в полость тела. Расширение газа может быть столь значительным, что он вынесет меня на Поверхность – прямо в центральный пузырь, согласно следствиям из теории Калуфа.

В таком случае, как не без юмора заметил Морпт, я стану единственным шади, который на собственном опыте убедится в справедливости утверждений Калуфа. Однако вряд ли я смогу вернуться, чтобы рассказать об этом. Тем не менее, если я буду иногда останавливаться,

чтобы проделать надлежащие упражнения (в тот момент, когда почувствую себя необычайно легким), я непременно смогу доставить Объект близко к Поверхности без всякого вреда для себя и сумею вернуться назад с убедительными доказательствами того, следует ли считать верной космологию Калуфа; таким образом, я окажу огромную услугу науке. Мысли, поступающие из Объекта, должны помочь мне в этом предприятии.

Я немедленно решил совершить это путешествие. Я не был уверен в том, что смогу долго держать в секрете свое местоположение, если меня будут постоянно разыскивать шади, обладающие более зрелым и развитым разумом. Только существа с невероятно сильным интеллектом, вроде Морпта и других учителей, могут подвергать себя риску быть обнаруженными своими вечно голодными соплеменниками. Конечно же, они имеют определенную выгоду от собственной преподавательской деятельности, когда некоторые из их учеников забывают об осторожности . . .

Теперь, когда я привлек к себе всеобщее внимание, мне следовало как можно быстрее покинуть свою пещеру; в данных обстоятельствах такое решение было бы весьма предусмотрительным. Поэтому, надежно заблокировав поток ментального излучения и крепко обхватив одним щупальцем Объект, я двинулся вверх по склону, окружающему Хонду. Я торопился отплыть как можно дальше прежде, чем другие шади попытаются устроить ловушку для меня или друг для друга.

Непрерывно двигаясь до первой остановки, я сумел подняться гораздо выше, чем делал это обычно. Я находился уже так высоко, что газ, скопившийся в моем плавательном пузыре, начал доставлять мне заметное неудобство. Я проделал упражнения Морпта, чтобы освободиться от излишков газа. Как ни странно, я проделал все это совершенно спокойно. Очевидно, охватившее меня любопытство пересиливало остальные ощущения, ведь мы, шади, – неутомимые исследователи. Поэтому я сумел проделать все необходимое и освободился от части содержимого своего плавательного пузыря – одна мысль об этом наполнила бы прошлые поколения шади ужасом.

Морпт оказался прав. Я смог продолжать подъем без каких бы то ни было неудобств. Кроме того, по мере приближения к Высотам у меня начала появляться новая информация, которую требовалось обдумать. Два существа – мужчина и женщина, находящиеся в Объекте – были озадачены тем, что происходит с ними.

– Мы поднялись уже на две тысячи футов, – сказал мужчина женщине.

– Дорогой, не надо лгать мне, я не боюсь, – ответила женщина. – Мне все равно. Я не смогла удержать тебя от этого спуска и решила, что лучше умереть вместе, чем без тебя.

Подобные мысли нельзя назвать слишком умными. Народ с такой психологией непременно вымрет. Но я даже не пытаюсь утверждать, что понимаю их.

Я продолжал подниматься, пока не пришла пора снова проделать рекомендованный Морптом комплекс. Движения, которые я совершал при этом, сильно сотрясали Объект. Существа внутри с отчаянием пытались понять, что происходит. Эти существа не только лишены способности мысленно принимать информацию, но, очевидно, у них также полностью отсутствуют чувства пространства и давления, а также целый ряд инстинктов, столь необходимых нам, шади.

За время моего контакта с их сознанием я не нашел ничего похожего на мысли о Мирных Течениях, когда мы, шади, вообще прекращаем принимать пищу, и поэтому инстинкт самосохранения больше не мешает нам свободно общаться ради продолжения рода. Интересно, как может существовать их народ без периодов Мирных Течений, если только вся их жизнь не проходит в подобном состоянии. Но в этом случае, так как никто не принимает пищу в брачный сезон, почему же они еще не вымерли от голода? Их поведение необъяснимо.

Они наблюдали за своими приборами по мере того, как мы поднимались. Приборы – неживые устройства, которые они используют взамен своих несовершенных органов чувств.

– Мы уже на расстоянии четырех тысяч футов от дна, – сказал мужчина. – Одному богу известно, что происходит!

– Как ты думаешь, у нас есть шанс? – с тоской спросила женщина.

– Боюсь, что нет, – горько произнес мужчина. – Мы опустились на восемнадцать тысяч футов. Над нашими головами еще три мили водной толщи, да и кислород должен скоро кончиться . . . Я жалею, что взял тебя с собой. Если бы только ты была в безопасности!

На расстоянии четырех тысяч футов – не знаю, что это значит, – над Хондой характер фауны изменился. Все живые существа были меньше, и их чувство пространства показалось мне несовершенным. Они узнавали о моем

приближении только тогда, когда я нападал на них. Продвигаясь наверх, я хватал их двумя свободными щупальцами. Тела этих существ светились не так ярко, как у небольших созданий, обитающих в Хонде.

Я продолжал свой медленный подъем на Поверхность. Время от времени я останавливался, чтобы проделать упражнения Морпта. Количество газа, которое высвобождалось из моего плавательного пузыря, было большим. Помню, я подумал (несколько иронично, совсем в стиле Морпта), что если шади действительно обладают огромной бессмертной частью своего тела, то центральный пузырь должен быть больше, чем сама Хонда! Существа в Объекте с изумлением наблюдали за своими приборами.

– Мы поднялись на девять тысяч футов, – сказал мужчина ошеломленно. – Мы всплываем из этого провала – самого глубокого в данном районе океана!

Термин „океан" являлся примерным эквивалентом нашего понятия „Вселенная", но тут были некоторые поразительные различия.

– Мы продолжаем непрерывно подниматься, – добавил мужчина.

– Как ты думаешь, может быть, оторвался балласт и нам удастся достичь Поверхности? – спросила женщина с надеждой.

Мысль о „балласте" обозначала нечто, прикрепленное к Объекту и позволяющее ему опускаться вниз. Я понял, что если отсоединить балласт, Объект ринется к Поверхности. Подобные соображения могут показаться нереальными, ведь хорошо известно, что погружается абсолютно все, кроме газа. Но я всего лишь передаю воспринятые мной мысли этих странных созданий.

– Нет, балласт не при чем, – сказал мужчина. – Если бы удалось его сбросить, мы поднимались бы равномерно. На самом же деле через каждую тысячу футов мы останавливаемся, и нас трясет чуть ли не до смерти. Нет, мы не всплываем. Нас тащат, бог знает, кто и зачем.

Вот это, должен заметить, вполне разумно. Они поняли, что их подъем нельзя объяснить естественными причинами. Мое любопытство возросло, и я попытался выяснить, как эти существа определяют свое местоположение. У них нет ни чувства пространства, ни чувства давления; они ориентируются с помощью приборов – неких артефактов, сообщающих им о подъеме. Поразительно, но они изучали приборы, используя свет, который сами не испускали. Свет тоже исходил от какого-то другого артефакта. И этот

искусственный свет был настолько сильным, что позволял отчетливо видеть показания приборов.

Боюсь, что Канф, установивший способность света к отражению (в результате чего он заслужил высокую научную репутацию), будет отрицать возможность создания сильного светового источника, позволяющего видеть другие объекты. Однако продолжу. Ввиду того что я научился понимать не только четко сформулированные мысли дышащих газом существ, но и улавливать их чувства, я узнал, что они способны различать оттенки света, имеющие различные характеристики.

Свет, известный нам, они называют „голубоватым". Для обозначения других оттенков света они используют термин „красный", „белый", „желтый" и так далее. Так же, как мы способны отличить твердую скалу от тины по их плотности, они различают предметы в соответствии с видом света, который те отражают. Следовательно, они обладают чувством, которого мы, шади, лишены. Конечно, я знаю, что шади являются высшей формой развития живых существ, но это наблюдение, если оно справедливо, наводит на важные размышления.

Я продолжал медленно двигаться вверх, останавливаясь лишь затем, чтобы выполнить необходимые упражнения и освободиться от газа в плавательном пузыре, когда его расширение грозило стать неуправляемым. Пока я поднимался все выше и выше, мужчина и женщина в Объекте испытывали чувства совершенно необычной природы. Эти чувства были невероятно остры, и я сомневаюсь, что любой из шади когда-либо испытывал нечто подобное. Естественно, чувство, которое они называют „любовь", совершенно непонятно для шади и его можно ощутить только через восприятие таких вот существ. Их поведение было весьма причудливым. Например, женщина обхватила мужчину своими парными щупальцами и прижалась к нему, даже не пытаясь разорвать его на части.

Мысль о том, что два существа одного и того же вида могут получать удовольствие, находясь вместе, и при этом не делают попыток поглотить друг друга, кроме времени Мирных Течений, совершенно невероятна для шади. Тем не менее, я полагаю, что такое поведение является для них нормой.

Однако мое сообщение становится слишком длинным. Я плыл выше и выше. Существа внутри Объекта переживали ощущения, которые становились все сильнее и пора-

зительнее. Через некоторое время мужчина сообщил женщине, что они находятся на глубине четырех тысяч футов от Поверхности, затем двух тысяч и, наконец, одной. Меня буквально захлестнуло любопытство. Проделав в последний раз упражнения Морпта, я продолжал подъем и столкнулся с новым, совершенно необъяснимым явлением. Мое чувство пространства подсказывало, что впереди находится какое-то препятствие.

Мне трудно передать свои ощущения, когда я наткнулся на этот барьер. Я хорошо представлял себе среду, окружающую меня со всех сторон, но только не сверху; там не было н и ч е г о! Ничего! Сначала я почувствовал тревогу. Я продвинулся вверх на половину длины своего тела, и барьер приблизился. Осторожно, и даже с некоторой робостью, я начал приближаться к нему.

– Пятьсот футов, – сказал мужчина внутри Объекта. – Боже мой, только пятьсот футов! Скоро мы увидим блики света в толще воды. Хотя нет, ведь сейчас ночь.

Я остановился, размышляя. Теперь я настолько приблизился к барьеру, что мог вытянуть свое первое щупальце и дотронуться до него. Мои колебания были довольно-таки долгими. Затем я решился его коснуться. И ничего не произошло. Я храбро выставил щупальце наружу. Оно попало в Пустоту: там, где оно находилось, не было воды. С огромным волнением я понял, что нахожусь под центральным пузырем, что я, единственный из всех живущих шади, добрался сюда и посмел его коснуться. Мое щупальце, находящееся в пузыре над Поверхностью, испытывало ощущение огромной тяжести, словно газ всех покинувших нас шади отталкивал меня назад. Но они не нападали, они явно не собирались причинить мне какой-нибудь вред.

Я испытывал в тот момент восхитительное ощущение гордости. Я чувствовал себя так, как будто победил и поглотил шади, который больше меня размером. И, находясь в состоянии небывалого восторга, я вдруг понял чувства существ внутри Объекта.

– Триста футов! – произнес мужчина с волнением. – Не станет же он останавливаться здесь! Боже мой, судьба не может быть такой жестокой!

Я почувствовал удовольствие, разделяя эмоции этих двух существ. Сейчас они переживали новое чувство, которое являлось таким же странным для меня, как и все остальные. Это было ощущение, которое казалось мне предвестником других чувств. Женщина назвала его.

– Это безумие, – сказала она мужчине, – но почему-то у меня снова проснулась надежда.

Так как я находился в состоянии удовлетворения и интеллектуального любопытства, мне, осмелившемуся совершить так много, показалось таким естественным желание продолжить эксперимент. Я поплыл дальше вдоль склона. Поверхность, ощущаемая мной как некая преграда, становилась все ближе и ближе.

– Сто футов, – сказал мужчина, испытывавший чувство мучительного нетерпения, которое, однако, доставило мне интеллектуальное удовольствие благодаря своей новизне.

Я перехватил Объект передними щупальцами и подтолкнул его вперед. Мужчина пережил взрыв сильного чувства под названием „надежда".

– Двадцать пять футов! – воскликнул он. – Дорогая, если мы снова начнем опускаться, я открою люк и мы выплывем наружу, пока батисфера будет наполняться водой. Я не знаю, близко ли берег, но нам стоит рискнуть.

Женщина прижалась к нему. Мучительная надежда, наполнявшая ее, смешалась с чувством восторга, которое я испытал от сознания своей дерзости и удачи. Я толкнул Объект еще дальше. Поверхность была уже так близка, что часть моего щупальца поднялась над ней. Волнение внутри Объекта достигло апогея. Я с усилием продвигал Объект вверх, преодолевая сопротивление среды внутри пузыря, пока он не пробил Поверхность. Теперь Объект оказался уже не в воде, а в газе: он застыл на чем-то твердом, что само по себе соприкасалось только со средой пузыря.

Мужчина и женщина что-то лихорадочно делали внутри Объекта. От него отделилась часть, и они выбрались наружу. Существа открыли пасти и стали издавать крики. Затем они обхватили друг друга щупальцами и соединили пасти, но не затем, чтобы поглотить друг друга, а чтобы таким образом выразить свои чувства. Они оглядывались с невыразимым облегчением, и я смотрел на мир их глазами. Поверхность простиралась вокруг настолько, насколько могли видеть их глаза; при этом она была неровной и неспокойной, но на удивление плоской. Существа стояли на твердой поверхности, из которой торчали различные предметы непонятного назначения. Вверху над ними зияла бесконечная тьма, испещренная неизмеримым количеством маленьких ярких источников света.

– Слава богу! – сказал мужчина. – Мы снова видим деревья и звезды.

Они чувствовали себя в полной безопасности и были спокойны, словно попали в период Мирных Течений, усиленный в тысячу раз. И тут я, то ли опьяненный собственной смелостью, то ли под влиянием эмоций, переданных существами, вытолкнул свои щупальца через Поверхность. Вес их был огромен, но ведь и сила моя велика.

Осмелев, я начал всплывать. Мое тело пробило поверхность, и его верхняя часть оказалась в центральном пузыре. Я находился в нем и при этом все еще был жив! Вес мой увеличился сверх всякой меры, но долгое восхитительное мгновение я нависал над Поверхностью и видел своими собственными глазами, всеми восемью десятками, Поверхность под собой и кусок твердого основания, на котором стояли мужчина и женщина. Я, Сард, сделал это!

Когда я опять погрузился в воду, до меня долетели мысли потрясенных существ.

– Морской змей, – произнес мужчина, явно сомневаясь в состоянии своего рассудка, так же, как вы можете усомниться в моем. – Вот кто все это проделал!

– А почему бы и нет, милый? – спокойно сказала женщина. – Это чудо, но ведь людям, которые любят друг друга так, как мы, просто нельзя дать умереть.

Мужчина продолжал напряженно вглядываться в то место Поверхности, где я показался из воды. Я уловил его беспокойство.

– В это никто не поверит. Они скажут, что мы просто свихнулись . . . Но, черт побери, вот батисфера, и трос действительно порвался, когда мы находились над Бездной. Когда нас обнаружат, мы скажем, что не имеем понятия, как это произошло. Пусть разбираются сами.

Я отдыхал, зависнув недалеко от Поверхности, и думал о многих вещах сразу. Прошло довольно много времени, и появился свет. Он был невыносимо ярким и проникал в глубь водной среды.

Все это произошло много течений назад, так как я не мог возвратиться в Хонду раньше, чем накопится нужный запас газа в моем плавательном пузыре. Я оставался вблизи Поверхности, пока мой организм не пришел в равновесие с окружающей средой. Потом я начал медленно опускаться, часто останавливаясь, дожидаясь, пока моя „бессмертная часть" восстановится. Очень сложно питаться теми маленькими существами, которые населяют Высоты; путь к Поверхности слишком долог. Я тратил все периоды бодрствования на добычу пищи, и у меня почти не было времени для размышлений. Мне

ни разу не удалось наесться досыта, но когда я вернулся в свою пещеру, то обнаружил, что ее занял другой шади. Я прекрасно поел.

Затем наступило время Мирных Течений. И теперь, закончив процесс воспроизведения, я представляю доклад о своем путешествии к Поверхности на суд всех шади. Даже если меня объявят безумцем, мне больше нечего к нему добавить. Вот мой доклад. А теперь решайте, о, шади! Безумен ли я?

Я, Морпт, во время Мирных Течений выслушал доклад Сарда и, посовещавшись с другими шади, объявляю, что он явно перепутал желаемое с реальностью.

Его описание путешествия к Поверхности, там, где оно не связано с вымышленными существами из Объекта, не противоречит науке. Но совершенно очевидно, что существа не могут жить постоянно рядом друг с другом и при этом не подчиняться инстинкту добывания пищи. Абсолютно точно известно, что никакие создания не способны жить в газовой среде. Существование различных оттенков света – явная чепуха. Психология существ, подобных описанным Сардом, возможна только в снах.

Поэтому мы пришли к решению, что доклад Сарда не соответствует научным знаниям о Вселенной. При этом вполне вероятно, что сейчас он находится в здравом уме. Возможно, путешествие к великим Высотам вызвало физиологические отклонения в деятельности его организма, следствием которых явилось возникновение иллюзий. Из его сообщения можно сделать вывод, что путешествие к Высотам хотя и возможно благодаря изобретенной мной системе упражнений, но совершенно бессмысленно и не должно впредь совершаться никем из шади. Сообщение сделано во время Мирных Течений . . .

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Нахмансон Михаил Сергеевич (составитель)

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

Редактор *Р. Н. Михеева*
Художественный редактор *А. Н. Волкогонова*
Технический редактор *Е. Б. Спрукт*
Корректоры *Т. Н. Гринчук, Н. Б. Старостина*

ИБ № 23

Сдано в набор 14.05.91. Подписано в печать 28.05.91. Формат издания 84×108 1/32. Гарнитура Пресс-роман. Печать высокая. Бумага тип. №2. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. л. 21,84. Уч.-изд. л. 23,95. Тираж 100000 экз. Зак. 340. Цена договорная.

**Издательство „Политехника",
191065, Ленинград, ул. Дзержинского, 10.**

Отпечатано в типографии №6 ордена Трудового Красного Знамени издательства „Машиностроение" при Государственном комитете СССР по печати, 193144, г. Ленинград, ул. Моисеенко, 10, с оригинала-макета, изготовленного в издательстве „Политехника".

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА